

УСТ

И. 902
№4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КОМИ ФИЛИАЛ

ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1958

Грмб-ка Н. В. Устинова

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КОМИ ФИЛИАЛ

ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

выпуск 4

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Сыктывкар 1958

*Глубокоуважаемому
Владимиру
от автора статьи
26/11-58 г. Л. И. Сурина*

Л. И. СУРИНА,
кандидат исторических наук

МЕХАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КОМИ АССР В ГОДЫ ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТОК (1933—1940 гг.)

Коммунистическая партия, руководствуясь ленинским кооперативным планом, подготовила и осуществила в 30-х годах социалистическую реконструкцию сельского хозяйства. Решающим фактором постепенного социалистического преобразования земледелия ленинский кооперативный план выдвигал социалистическую индустрию, которая должна была дать сельскому хозяйству энергетическую и машинную базу, создать материальную основу социализма как в городе, так и в деревне. Ликвидация технической отсталости и подведение под сельское хозяйство индустриальной базы являлись одной из важнейших задач социалистического строительства в деревне. Только на базе передовой машинной техники, производимой тяжелой индустрией, можно обеспечить непрерывный рост колхозного производства, добиться увеличения сельскохозяйственных продуктов и на этой основе подъема материального уровня жизни колхозного крестьянства.

XIV съезд партии провозгласил курс на индустриализацию страны. Успехи индустриализации страны в годы первой пятилетки дали возможность приступить к технической реконструкции сельского хозяйства. В первую пятилетку было создано отечественное тракторостроение и комбайностроение, построены новые крупные предприятия сельскохозяйственного машиностроения, которые стали давать во все возрастающем количестве тракторы и сельскохозяйственные машины в деревню. Если на 1 октября 1928 г. сельское хозяйство страны имело 26,7 тыс. тракторов общей мощностью 278,1 тыс. лошадиных сил, то к концу первой пятилетки тракторный парк сельского хозяйства СССР достиг 148,5 тыс. машин мощностью 2225 тыс. лошадиных сил¹.

¹ Т. Л. Басюк. Организация колхозного производства, Сельхозгиз, 1946, стр. 11.

Сверено
1991 г.

ГПНТБ СО АН СССР
Гос. публ. научно-
техническая библио-тека

У803 3/64

уст.
9
И.902
ш4

Сверено
с фондом

Обобщив опыт использования передовой машинной техники в сельском хозяйстве, Коммунистическая партия пришла к выводу о необходимости создания государственных машинно-тракторных станций. В постановлении «О производственной программе Тракторцентра на 1931 год» от 29 декабря 1930 г. Центральный комитет партии определил сущность и историческую роль МТС как «формы организации советским государством крупного коллективного сельского хозяйства на высокой технической базе, в котором наиболее полно сочетается самодеятельность колхозных масс в строительстве своих коллективных хозяйств с организационной и технической помощью и руководством пролетарского государства»¹.

Организация государственных МТС, сосредоточение в них современной машинной техники дали крупные экономические преимущества народному хозяйству в целом и особенно колхозному сектору. Строительство МТС позволило применить технику в сельском хозяйстве более концентрированно, а потому и более эффективно. МТС явились одной из важнейших форм экономической, производственной связи между рабочим классом и колхозным крестьянством, между промышленностью и социалистическим сельским хозяйством.

Массовое строительство МТС, как известно, началось в 1929 г. Новую машинную технику нужно было в первую очередь направить в основные зерновые районы страны. Поэтому машинно-тракторные станции в первой пятилетке строились преимущественно в этих районах.

Возникновение и развитие МТС было теснейшим образом связано с процессом производственного кооперирования, коллективизацией крестьянских хозяйств. Практика показала решающую роль МТС в деле коллективизации крестьянства. В наиболее важных зерновых районах, где МТС развертывали свою деятельность, сплошная коллективизация к 1931—1932 гг. была в основном завершена.

Однако следует заметить, что роль новых производительных сил в колхозном строительстве страны в годы первой пятилетки была еще незначительна. Растущее колхозное движение намного опередило реальные возможности обеспечения его новой техникой. Тяжелая промышленность не могла еще полностью решить задачу технической реконструкции сельского хозяйства в первой пятилетке. Эта задача в нашей стране была осуществлена во второй пятилетке. В резолюции «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.)» XVII съезд ВКП(б), определив прирост продукции всего сельского хозяйства за годы пятилетки в два раза, указал, что эта задача может быть выполнена «лишь на основе полного завершения коллекти-

¹ «Правда», 30 декабря 1930 г.

визации и осуществления технической реконструкции всего сельского хозяйства...»¹.

Во второй пятилетке строительство МТС развернулось по всей стране. Количество их за эти годы увеличилось в 2,4 раза и к концу 1937 г. определялось в 5818, которые обслуживали 91,2% посевной площади колхозов². В новых условиях, когда деревня становилась колхозной, машинно-тракторные станции превратились в решающую силу колхозного производства и явились важнейшими опорными пунктами советского государства в руководстве колхозами. Роль и значение машинной техники в социалистическом преобразовании деревни еще более усиливались в бывших отсталых национальных районах страны, каким была Коми область. Техническая реконструкция сельского хозяйства в этих районах являлась одним из решающих условий ликвидации вековой экономической отсталости и строительства социализма в деревне. Коллективизация сельского хозяйства и создание новых социалистических производственных отношений открывали широкую возможность для развития производительных сил в деревне во всех районах страны. В Коми области создание первой МТС (Визингской) относится к 1931 г. Она располагала тогда 19 тракторами мощностью 285 лошадиных сил. Были сделаны первые шаги в механизации сельскохозяйственных работ в колхозах на базе использования машинно-тракторного парка МТС, положившие начало прочной смычке социалистической промышленности и сельского хозяйства.

К концу первой пятилетки в Коми области было создано 539 колхозов, которые объединяли 45,8% крестьянских хозяйств и 50,7% посевной площади³. Машинно-тракторная же станция обслуживала 32 колхоза, посевные площади которых составляли 5,7% к посевной площади всех колхозов⁴. Хозяйство остальных колхозов основывалось в этот период на конно-ручных машинах и орудиях на живой тяге.

Как видно из таблицы, помещенной на стр. 6, во всем сельском хозяйстве области было всего 54 трактора. Кроме нескольких десятков тракторных плугов не было никакого иного тракторного прицепного инвентаря.

В последующие годы второй пятилетки, благодаря все возрастающей помощи колхозному крестьянству со стороны государства, Коммунистической партии и всего рабочего класса, техническая оснащенность сельского хозяйства Коми области стала быстро расти. Об этой помощи можно судить по размерам

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, Госполитиздат, 1953, стр. 752.

² «МТС во второй пятилетке», М.-Л., 1939, стр. 4, 11—16.

³ От XII к XIII Коми областной конференции ВКП(б). Коми партиздат, 1934, стр. 25, 26.

⁴ Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2457, л. 47.

	В колхозах ¹	В совхозах ¹	В подсобных хозяйствах предприятий	В индивидуальных хозяйствах
Тракторов в шт.	24	27	3	—
Жнеек конн. в шт.	272	8	1	—
Сеялок " "	477	18	43	—
Молотилок простых в шт.	492	5	—	—
Зерноочистительных машин в шт.	687	12	17	—
Плугов тракторных в шт.	28	18	5	—
Плугов конных в шт.	20 086	108	609	14 551
Сенокосилок конных в шт.	861	16	41	—
Граблей конных в шт.	827	46	37	—
Льногребилки в шт.	19	17	—	—

государственных вложений в эту отрасль хозяйства. В первую пятилетку капиталовложения в сельское хозяйство области составляли 6490 тыс. руб., во вторую пятилетку — 11 883 тыс. руб., из них было вложено в строительство МТС в первую пятилетку — 122 тыс. руб. и во вторую пятилетку — 4333 тыс. руб.² В 1933 г. были организованы еще 2 МТС (Порубская, Мохчинская), которые начали свою деятельность в 1934 г., а к концу второй пятилетки число их было доведено до 14³. Машинно-тракторный парк МТС ежегодно пополнялся тракторами и новыми машинами. Число тракторов в сельском хозяйстве области возросло с 40 единиц в 1932 г. до 392 в 1937 г., из них 360, т. е. подавляющее большинство, было сосредоточено в МТС, 12 принадлежало колхозам и 18 — Мутницкому льносовхозу. Мощность тракторного парка МТС за пятилетие возросла более чем в 17 раз (с 360 лош. сил до 6224 лош. сил)⁴. Если в 1933 г. в сельском хозяйстве области работало 2 автомашины, то в 1937 г. парк грузовых автомобилей состоял из 128 машин, из них 54 принадлежало МТС и 67 — колхозам⁵.

По мере внедрения в земледелие трактора развивалась система машин на механической тяге, в первую очередь в зерновом хозяйстве. В 1937 г. МТС, колхозы и льносовхоз имели 467 тракторных плугов, из них 353 принадлежало МТС, 57 тракторных зерновых сеялок, из них 49 было сосредоточено в МТС. К этому времени в машинно-тракторных станциях появились также трак-

¹ Партархив, ф. 1, оп. 1, д. 93, л. 26.

² ЦГА Коми АССР, ф. 871, д. 241, л. 81.

³ «МТС во второй пятилетке», стр. 12.

⁴ «МТС во второй пятилетке», стр. 41; Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2878, л. 18.

⁵ ЦГА Коми АССР, ф. 870, д. 208, л. 9.

торные бороны (53 шт.), луцильники (5 шт.) и культиваторы (12 шт.).

В 1936 г. в Коми области впервые появились комбайны. В этом году Визинская МТС и Мутницкий льносовхоз получили 3 комбайна, а в следующем году в сельском хозяйстве области работало 18 северных комбайнов. В уборочный период этого года в области использовалось 216 сложных и полусложных молотилок (из них 53 принадлежало МТС).

Техника машинно-тракторных станций начала пополняться также машинами для освоения земель из-под леса и болот: кустарниковыми плугами, кусторезами, корчевальными машинами, канавокопателями.

Во вторую же пятилетку было положено начало механизации посадки и уборки технических культур — льна и картофеля. МТС, колхозы и льносовхоз, хотя и в небольшом количестве, но получили льнотеребилки, картофелесажалки и картофелекопатели (к концу II пятилетки они имели 30 льнотеребилки, 57 картофелесажалки и 81 картофелекопатель)¹.

Все это свидетельствует о том, что в производственно-технической базе сельского хозяйства области за годы второй пятилетки произошли существенные качественные изменения. И в этом главная роль принадлежала машинно-тракторным станциям, в которых были сосредоточены основные орудия производства — тракторы и другие сельскохозяйственные машины. Ярким выражением роста машинно-тракторного парка МТС является рост основных фондов станций. Последние возросли с 328 тыс. руб. в 1933 г. до 4568 тыс. руб. в 1937 г.²

Однако развитие материально-технической базы сельского хозяйства Коми области еще значительно отставало от степени технической реконструкции сельского хозяйства страны. Об этом свидетельствует тот факт, что удельный вес механических двигателей в структуре энергетических ресурсов сельского хозяйства Коми области был в два раза ниже, чем в сельском хозяйстве страны в целом. В 1937 г. механические двигатели давали 31,5% энергетических ресурсов МТС и колхозов области, в том числе 19,8% давали тракторы, 9,0% — автомашины и 2,7% — прочие двигатели³.

При недостаточности тракторов и других сложных машин большую роль продолжали играть простейшие сельскохозяйственные машины и орудия, поступление которых за вторую пятилетку заметно увеличилось. Советское государство оказывало колхозам

¹ Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2878, лл. 17, 18; ЦГА Коми АССР, ф. 870, д. 208, л. 13; «МТС во второй пятилетке», стр. 45, 47, 49; Материалы к отчетному докладу Коми областного комитета ВКП(б) XIV партийной конференции, Сыктывкар, 1937, стр. 4.

² «МТС во второй пятилетке», стр. 31; Архив Госплана Коми АССР, д. 120, стр. 2.

³ «Колхозы во второй Сталинской пятилетке», М.-Л., 1939, стр. VI, 30.

материальную помощь для приобретения машин, предоставляя для этого кредиты. За годы первой пятилетки колхозы области приобрели сельскохозяйственных машин и инвентаря на 1611 тыс. руб., а во вторую пятилетку — на 4087 тыс. руб.¹ В 1937 г. в 683 колхозах и в льносовхозе имелось 549 конных сеялок, 465 жнеек, 374 молотилки, 1130 зерноочистительных машин, около 2 тыс. сенокосилок². Приведенные цифры убеждают, что и этой техники также было пока недостаточно. На Пленуме Областного Комитета ВКП(б) (август 1937 г.) отмечалось, что колхозное производство в отдельных сельскохозяйственных артелях, например, Удорского района, основывается на крестьянских орудиях производства, обобществленных при организации артели. Во многих колхозах не было еще жнеек и уборка производилась серпами³. Первый трактор и машины механической тяги на Удоре появились в колхозе «XII октябрь» в 1937 г. В том же году на районной сельскохозяйственной выставке удорские колхозники впервые увидели трактор, демонстрируемый на молотье хлебов⁴.

С укреплением МТС расширились масштабы ее деятельности, усилилась роль в организационно-хозяйственном укреплении колхозов. К концу второй пятилетки⁵ МТС обслуживали 59,7% колхозов, посевные площади которых составляли 71,9% посевной площади колхозного сектора. В колхозах, обслуживаемых МТС, посевные площади возросли с 3,13 тыс. га в 1933 г. до 46,354 тыс. га в 1937 г., т. е. в 14,8 раза⁶, в то время как в целом по колхозам за это же время они возросли в 2,3 раза⁷. Появление трактора и новых машин на механической тяге позволило в значительных размерах, особенно в полеводстве, заменить тяжелый ручной труд более производительной работой машин. Объем тракторных работ, выполненных МТС, увеличился с 4,9 тыс. га в 1933 г. до 93,8 тыс. га мягкой пахоты в 1937 г. Если на каждые 100 га колхозного посева приходилось тракторных работ, выполненных МТС, в 1933 г. всего 16 га мягкой пахоты, то в 1936 г. эти работы составили 54,3 га, а в 1937 г. — 140,8 га⁸. В том же 1937 г. весновспашка в колхозах республики была механизирована на 21,2%, подъем зяби — на 78%, обработка пара — на 41%, подъем целины — на 66%, молотье — на 33%. На низком уровне оставалась механизация сева и уборки зерновых. В 1937 г.

¹ Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2457, л. 47.

² ЦГА Коми АССР, ф. 870, д. 208, л. 13.

³ Партархив, ф. 1, оп. 1, д. 106, лл. 51, 52.

⁴ «За новый Север», № 156, 17 октября 1937 г.

⁵ В 1937 г. коллективизацией было охвачено 90% крестьянских хозяйств. Колхозы объединяли 98,4% посевной площади. (ЦГА Коми АССР, ф. 408, оп. 2, д. 114, л. 7.)

⁶ «МТС во второй пятилетке», М.-Л., 1939, стр. 12; Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2457, л. 47.

⁷ От XII к XIII Коми областной конференции ВКП(б), стр. 25; Народно-хозяйственный план Коми АССР на 1938 г., Сыктывкар, 1938, стр. 45.

⁸ «МТС во второй пятилетке», стр. 60, 75.

механизированный сев составил только 8,6%, уборка зерновых — 2,5%¹.

Таким образом, к концу второй пятилетки в колхозах Коми области основные процессы зернового производства были охвачены механизацией. Однако уровень механизации большинства сельскохозяйственных работ и в этой отрасли оставался низким. Не была механизирована наиболее трудная и отстающая отрасль сельского хозяйства — животноводство. Почти не механизированы были и трудоемкие процессы возделывания технических культур (льна), картофеля и овощей, хотя развитие этих отраслей являлось одной из важнейших задач второй пятилетки в области сельского хозяйства Коми АССР. В ограниченных масштабах МТС проводили работы по освоению и осушению новых земель для колхозов. Но, несмотря на недостаточность механизации, она уже и в этот период играла большую роль в развитии сельского хозяйства. Наряду с облегчением труда колхозников и повышением производительности труда, она способствовала внедрению передовой агротехники в земледелие. Еще в первые годы деятельности машинно-тракторные станции оказали серьезное агрокультурное влияние на колхозы тем, что обеспечивали более своевременную и глубокую вспашку, внедряли малоизвестные тогда приемы правильной системы обработки полей. С организационно-хозяйственным укреплением МТС стала все более возрастать роль механизации в улучшении колхозной агротехники. Значительное применение получила зяблевая вспашка, являющаяся одним из наиболее эффективных приемов в правильной системе обработки почвы. В 1937 г. площадь зяби в колхозах равнялась 22 354 га против 4830 га в 1929 г.² В некоторых колхозах зяблевая обработка почвы проводилась в сочетании лущения жнивья (стерни) со вспашкой. Площадь паров также увеличивалась. Если в 1936 г. обработка паров (вспашка и перепашка) была произведена на площади 26,3 тыс. га, то в последующем в 1937 г. — на 30 тыс. га. Машинно-тракторными же станциями в 1937 г. было поднято зяби 17,6 тыс. га, обработано паров 12,4 тыс. га³. Ручной сев постепенно заменялся машинным. Площадь рядового сева увеличилась с 985 га в 1933 г. до 13 467 га в 1937 году⁴.

В годы второй пятилетки внедряются также такие агротехнические мероприятия, как весеннее боронование озимых посевов, рыхление междурядий пропашных культур, подкормка растений, мульчирование посевов, посевы улучшенными и сортовыми семенами⁵. Но масштабы их применения в колхозах Коми области

¹ ЦГА Коми АССР, ф. р-605, д. 364, л. 25.

² Там же, ф. 408, оп. 2, д. 95, лл. 79, 80.

³ Там же, ф. р-605, д. 364, л. 25.

⁴ Там же, ф. 408, оп. 2, д. 95, лл. 75.

⁵ Там же, лл. 79, 80; Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2457, лл. 47, 48.

оставались еще небольшими. Например, в 1936 г. боронование озимых посевов в колхозах произведено было лишь на площади 2870 га, подкормка посевов — на 320 га, мульчирование — на 600 га. Сортовыми семенами было посеяно зерновых культур в 1936 г. 1424 га, в 1937 г. — 1958 га.

Механизация важнейших сельскохозяйственных работ и внедрение агротехники помогли колхозному крестьянству повысить урожайность зерновых культур. Если в 1913 г. в крестьянском хозяйстве урожайность ржи составляла 9,0 ц, яровой пшеницы — 7,4 ц, ячменя — 10,9 ц, овса — 8 ц, то в 1937 г. по годовым отчетам колхозов фактическая (так называемая амбарная) урожайность составила: озимой ржи — 13,9 ц, яровой пшеницы — 9,3 ц, ячменя — 11,8 ц, овса — 10 ц¹. В 1937 г. валовой сбор зерна в колхозах Коми АССР превысил валовой сбор всего сельского хозяйства 1933 г. более чем на 24%². В то же время следует отметить, что урожайность картофеля и льна не достигла степени урожайности индивидуальных крестьянских хозяйств даже 1913 года.

* * *

Механизация сельского хозяйства потребовала создания новых квалифицированных механизаторских и инженерно-технических кадров. XVII съезд партии (1934 г.), утвердивший программу подготовки кадров на второе пятилетие, подчеркнул, что решающим условием осуществления технической реконструкции народного хозяйства является подготовка квалифицированных кадров³. На эти цели Советское правительство отпускало огромные средства.

Руководствуясь решениями XVII съезда, партийные и советские организации Коми области развернули большую работу по выращиванию и воспитанию национальных кадров как для народного хозяйства в целом, так и для сельского хозяйства. Важной предпосылкой создания квалифицированных кадров сельского хозяйства являлись осуществление культурной революции на селе и подъем культурного и политического уровня широких масс.

Для сельского хозяйства на месте готовились кадры массовой и средней квалификации. Ульяновский и Ижемский сельскохозяйственные техникумы выпускали агрономов и зоотехников. В системе государственных машинно-тракторных станций через различные курсы готовились трактористы, комбайнеры, машинисты, механики и специалисты других неизвестных ранее профес-

¹ Архивный фонд Госплана Коми АССР, д. 120, стр. 7 (данные за 1913 г.); Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 3464, л. 119.

² Материалы к отчетному докладу Коми областного комитета ВКП(б) XIV областной партконференции, Сыктывкар, 1937, стр. 69; Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 3160, л. 51.

³ «КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, изд. седьмое, стр. 754, 755.

сий сельскохозяйственного труда. Только за 1934—1936 гг. было подготовлено более тысячи механизаторов-трактористов, механиков, большое количество машинистов тракторных и конных машин, льнотеребильщиков¹.

С организацией в 1936 г. в г. Сыктывкаре школы механизации кадров подготовка механизаторов усилилась. В сельское хозяйство прибыло значительное количество специалистов. В машинно-тракторных станциях к концу второй пятилетки работало: трактористов 532, бригадиров тракторных бригад 90, комбайнеров 22, шоферов 52, механиков 34, агрономов 37².

В рассматриваемые годы повысилась политическая и трудовая активность механизаторских кадров. Свидетельством этого является развитие социалистического соревнования, движение передовиков сельского хозяйства за лучшее использование машин и высокие производственные показатели. Достижения передовиков: трактористов Н. Д. Чеусова (Пажгинская МТС), который в 1937 г. дал выработку 566 га при плане 280 га, В. А. Козлова (Усть-Вымская МТС), выработка которого составляла 466 га, К. А. Андреева (Гамская МТС), давшего выработку 420 га, комбайнеров И. Л. Седьорова (Визингская МТС), убравшего на северном комбайне 157 га зерновых при плане 80 га, И. Л. Носкова, комбайнерки Х. К. Шулеповой и многих других³, — свидетельствовали о том, что в советской деревне народились кадры, освоившие новую технику. Опыт передовых механизаторов сельского хозяйства открывал новые резервы использования техники, повышения производительности труда и роста сельскохозяйственного производства. Однако подавляющее большинство механизаторов сельского хозяйства использовало имеющуюся технику недостаточно.

XIV областная партийная конференция (май 1937 г.), а также Пленум Обкома партии (август 1937 г.) отметили, что наличие серьезных недостатков в работе машинно-тракторных станций объясняется, прежде всего, недостатком специалистов: агрономов, механиков, комбайнеров, трактористов и бригадиров тракторных бригад, плохим подбором механизаторских кадров и их низкой квалификацией. Из-за плохого ремонта и частых поломок машин отдельные МТС в 1937 г. использовали тракторный парк только на 50%. Плохо использовался также прицепной инвентарь, хотя в нем ощущался острый недостаток. В результате этого большинство МТС не выполняло установленных планов тракторных работ⁴.

¹ Материалы к отчетному докладу Коми областного комитета ВКП(б)..., стр. 73.

² «МТС во второй пятилетке», стр. 93; Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2937, л. 30.

³ ЦГА Коми АССР, ф. 999, д. 28, л. 23; там же, ф. 870, д. 208, л. 16.

⁴ Партархив, ф. 1, оп. 1, д. 106, л. 40; там же, д. 101, л. 193; Материалы к отчетному докладу Коми областного Комитета ВКП(б), стр. 71, 73.

Подготовка квалифицированных механизаторских и инженерно-технических кадров была связана с большими трудностями. Она осуществлялась ускоренными темпами уже в самом процессе освоения техники и при отсутствии достаточной учебной базы. Ни в количественном, ни в качественном отношении она не удовлетворяла еще потребности сельского хозяйства в технических кадрах. Особенно большой недостаток ощущался в специалистах высшей квалификации, которых не могли подготовить на месте¹.

Для эффективного использования тракторов и машин требуются, наряду с хорошо подготовленными кадрами, оборудованные мастерские, гаражи, которыми в этот период МТС не были обеспечены. К концу второй пятилетки в МТС Коми республики не было ни одной мастерской капитального ремонта. Ремонтная база состояла из 15 мастерских текущего ремонта, которые были оборудованы 4 токарными и 8 сверлильными станками². Это приводило к преждевременному износу и вынужденным простоям машин.

Механизации сельского хозяйства в известной мере мешала диспропорция между наличием тракторов и прицепного инвентаря. Ни по ассортименту, ни по количеству прицепной инвентарь не мог удовлетворить потребности сельскохозяйственного производства и не соответствовал даже той механической тяге, которая в это время уже имелась. Так, например, к концу 1937 года на 360 тракторов МТС республики приходилось только 353 тракторных плуга, 53 бороны, 49 зерновых сеялок, 5 лушпильников и 12 культиваторов³. Вследствие недостатка тракторных плугов в районах деятельности вновь организованных в 1937 г. МТС пахали конными плугами⁴.

Применению механизации в значительной степени препятствовала также слабо развитая дорожная сеть, малый размер колхозов, разбросанность, сложная конфигурация и малые размеры полевых участков⁵. Мы не располагаем точными данными о размерах полевых участков в колхозах. Отчасти об этом можно судить по величине самих колхозов, по числу объединяемых в них крестьянских дворов. Так, например, в 1937 г. около половины колхозов республики насчитывали до 60 дворов. Около 25% колхозов объединяли от 60 до 100 дворов и остальные колхозы — от 100 до 200 дворов⁶. Понятно, что в колхозах с небольшим количеством хозяйств отсутствовал минимум обрабатываемой площади, необходимый для производительного использования тракторов и других машин.

¹ Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2681, л. 10.

² ЦГА Коми АССР, ф. 870, д. 208, л. 13; Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2681, л. 10.

³ «МТС во второй пятилетке», стр. 37, 47, 49.

⁴ Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2681, л. 10.

⁵ «Сельское хозяйство Коми АССР», Москва, 1951, стр. 183.

⁶ ЦГА Коми АССР, ф. 408, оп. 1, д. 297, л. 17.

Все это вело к неудовлетворительному использованию передовой техники, к снижению роли МТС в колхозном производстве. Исходя из этого положения, XIV Коми областная партийная конференция (май 1937 г.) поставила перед партийной организацией и тружениками сельского хозяйства задачу — добиться дальнейшего развития и совершенствования сельскохозяйственной техники, освоения и полного использования ее. В качестве одной из важнейших очередных задач конференция выдвинула механизацию наиболее трудоемких сельскохозяйственных работ во всех колхозах южных районов и предложила приступить к организации МТС в северных районах республики¹.

* * *

Победа социализма во всех областях экономики, техническая реконструкция народного хозяйства СССР во второй пятилетке создали предпосылки для дальнейшего движения советского общества по пути перехода от социализма к коммунизму.

В третью пятилетку задачи партии и советского народа в области сельского хозяйства заключались в дальнейшем организационно-хозяйственном укреплении сельскохозяйственной артели, являющейся основой подъема сельского хозяйства и материально-культурного уровня жизни колхозного крестьянства².

Последовательное осуществление ленинской линии на преимущественный рост производства средств производства позволило Коммунистической партии и Советскому государству увеличить снабжение МТС тракторами, комбайнами и другими сельскохозяйственными машинами, в результате чего усилилась роль машинно-тракторных станций в подъеме сельскохозяйственного производства страны.

Благодаря неустанной заботе Коммунистической партии и Советского государства об экономическом развитии национальных республик и областей, техническая оснащенность сельского хозяйства Коми АССР в предвоенные годы также значительно возросла. Укрепились машинно-тракторные станции. В 1938 году в республике были созданы 2 новых МТС.

В предвоенном 1940 г. на полях республики работало 559 тракторов мощностью 10,2 тыс. лошадиных сил против 392 тракторов в 1937 г. Число тракторов в МТС увеличилось с 360 в 1937 г. до 520 в 1940 г., а их мощность возросла более чем на 64%³. Грузовой автопарк в сельском хозяйстве был доведен в

¹ Партархив, ф. 1, оп. 1, д. 104, л. 164; Материалы к отчетному докладу Коми Областного Комитета ВКП(б) XIV партийной конференции, Сыктывкар, 1937, стр. 71.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, стр. 907.

³ Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2996, л. 21.

1940 г. до 225 машин, из них 97 машин было сосредоточено в МТС и 110 — в колхозах. Увеличился также прицепной сельскохозяйственный инвентарь. Этот рост происходил следующим образом:

	1937 год		1940 год	
	всего ¹	в т. ч. ² МТС	всего ³	в т. ч. ⁴ МТС
Комбайнов	18	15	74	69
Плугов тракторных	467	353	700	524
Сеялок „ (зерновых)	57	49	124	124
Льнотеребилков тракторных	30	22	45	39
Картофелесажалок тракторных	57	4*	47	35
Картофелекопателей	81	2*	113	29
Корчевальных машин	13	13	66	сведения не разде- ляются
Канавокопателей	6	6	21	
Культиваторов тракторных	12	12	120	
Кусторезов	5	5	17	
Молотилок сложных	53	53	79	79
Лушильников тракторных	5	5	8	8

Таким образом, подавляющая часть основных средств производства — земля, наиболее совершенные машины и орудия — находилась в государственной, общенародной собственности, и техническая база сельского хозяйства укреплялась главным образом за счет этой техники, сосредоточенной в МТС. Следовательно, колхозам не было необходимости затрачивать на это средства. Понятно, что это благоприятствовало росту общественного хозяйства колхозов, улучшению благосостояния колхозников.

Рост передовой техники в сельском хозяйстве республики свидетельствовал также об усилении братской помощи со стороны русского рабочего класса колхозному крестьянству Коми АССР.

Но несмотря на количественный рост сельскохозяйственных машин в МТС, ассортимент их все еще был узок. Имеющиеся машины были предназначены главным образом для обработки почвы. Мало еще было машин для посева и посадки, а также для уборки зерновых и пропашных культур. Совсем отсутствова-

¹ Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2687, л. 23; ЦГА Коми АССР, ф. 870, д. 208, л. 13.

² «МТС во второй пятилетке», стр. 49.

³ ЦГА Коми АССР, ф. 1, оп. 2, д. 2878, лл. 17, 18.

⁴ Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 3160, л. 58.

* Данные на 1 января 1937 г. (Архив Статистического управления Коми АССР, д. «Сводные годовые отчеты МТС Коми АССР за 1936 г.»).

ли машины для заготовки кормов и механизации трудоемких процессов в животноводческих фермах. Кроме того, некоторые машины не отвечали требованиям агротехнической науки и не вполне соответствовали почвенно-климатическим условиям. Мало эффективными были тяжелые тракторы для полевых работ. Тракторы «ЧТЗ-С-60» и «СТЗ-Нати» работали на дорогостоящем привозном топливе. Сельскохозяйственные машины и орудия (тракторные плуги, сеялки и др.), вследствие их непрочности и ряда конструктивных недостатков, быстро выходили из строя. Корчевальные машины и кусторезы той конструкции, которые были в то время, почти не нашли практического применения.

В машинно-тракторных станциях продолжала сохраняться диспропорция между тракторным парком и прицепным сельскохозяйственным инвентарем. Так, например, в МТС Усть-Куломского района на 56 тракторов приходилось 9 зерновых сеялок и 7 дисковых борон¹. При этих условиях в больших размерах сельскохозяйственные работы должны были выполняться и выполнялись конно-ручными машинами и орудиями самих колхозов. Поступление простейших машин в колхозное село в рассматриваемые годы также увеличивалось. В том же 1940 г. в сельскохозяйственном производстве использовалось 648 конных сеялок, 642 жнейки, 797 конных молотилок, более 2160 сенокосилок, около тысячи конных граблей, сотни зерноочистительных машин и более тысячи сортировочных машин².

Все это свидетельствовало о том, что помощь со стороны рабочего класса колхозному крестьянству машинной техникой с каждым годом увеличивалась. Задача партийных и советских организаций республики состояла в том, чтобы мобилизовать механизаторов сельского хозяйства и колхозников на максимальное использование этой техники. В разрешении этой задачи в предвоенные годы были достигнуты определенные результаты. В 1938 г. машинно-тракторные станции обслуживали 424 колхоза из 682 колхозов республики. Посевные площади обслуживаемых колхозов составляли 52,2 тыс. га, или 74,6% посевной площади всех колхозов. Объем тракторных работ, выполненных МТС, возрос с 93,8 тыс. га в 1937 г. до 97,85 тыс. га мягкой пахоты. Но план тракторных работ МТС был выполнен только на 72%³. Наиболее механизированы были такие процессы, как обработка пара — 58%, подъем зяби — 55,3%, молотьба — 32,5%. Уровень же механизации ряда весьма важных видов работ даже в полеводстве оставался еще крайне низким. Весновспашка была механизирована на 18,9%, сев зерновых культур — на 11,2%, а уборка зерновых культур — лишь на 5,4%⁴.

¹ Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2505, л. 33.

² Там же.

³ ЦГА Коми АССР, ф. р-605, д. 364, л. 17.

⁴ Там же, л. 25. Уровень механизации определен по отношению к фактически выполненному объему работ.

У Пленум Коми Обкома ВКП(б) (июнь 1939 г.), обсуждая вопрос «о подготовке к уборке урожая и заготовкам сельскохозяйственных продуктов в 1939 г.», вскрыл серьезные недостатки в проведении сельскохозяйственных работ 1938 г. Как на одну из основных причин этих недостатков Пленум указал на непроизводительное использование техники. Несвоевременное проведение и плохое качество сельскохозяйственных работ, указывал Пленум, объяснялось, прежде всего, плохой подготовкой кадров машинистов, комбайнеров, трактористов и льнотеребильщиков. Низкая квалификация механизаторских кадров, неудовлетворительный ремонт тракторов и сельхозмашин приводили к большим простоям машинно-тракторного парка МТС. В решениях Пленума было отмечено также наличие пренебрежительного отношения к использованию простейших сельскохозяйственных машин в колхозах¹.

У Пленум Обкома партии мобилизовал внимание партийных и советских организаций республики на устранение указанных недостатков, на усиление роли МТС в развитии колхозного производства.

На основе дальнейшей организаторской и политико-массовой работы партийных, советских и земельных органов машинно-тракторные станции республики в 1939 г. работали несколько лучше, чем в 1938 году. Хотя производственный план МТС 1939 г. был выполнен на 80,9%, объем тракторных работ возрос против 1938 г. на 14%². Заметно поднялся уровень механизации пахоты под яровые, обработки паров и зяби, подъема целины и других видов полевых работ³. Однако возможности механизации сельскохозяйственных работ машинно-тракторными станциями использовались еще недостаточно.

Большое значение для усиления роли МТС в развитии колхозного производства имело постановление Совета народных комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 13 января 1939 г. «О работе машинно-тракторных станций». Этим постановлением отменялась существовавшая практика финансирования МТС по годовым и полугодовым сметам независимо от фактического выполнения со стороны МТС своего производственного плана как по количественным, так и по качественным показателям и устанавливалось поквартальное финансирование МТС в соответствии с выполнением годового производственно-финансового плана⁴. Такой порядок финансирования создавал заинтересованность МТС в выполнении по срокам и качеству сельскохозяйственных работ.

¹ Партархив, ф. 1, оп. 1, д. 121, л. 47.

² Там же, оп. 2, д. 2878, лл. 79, 124, 125.

³ ЦГА Коми АССР, ф. 408, оп. 2, д. 114, л. 1.

⁴ «Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938—1946 г.», М., 1948, стр. 167, 168.

На основе роста социалистической сознательности и творческой инициативы колхозников и механизаторов в предвоенном 1940 г. произошли заметные сдвиги в развитии колхозного производства. Используя опыт передовиков сельского хозяйства, труженики колхозных полей сокращали сроки, улучшали качество сельскохозяйственных работ, добивались высоких урожаев. Состоявшийся в январе 1941 г. Пленум Коми Обкома ВКП(б) отметил, что в 1940 г. колхозники и работники МТС под руководством партийной организации республики достигли новых

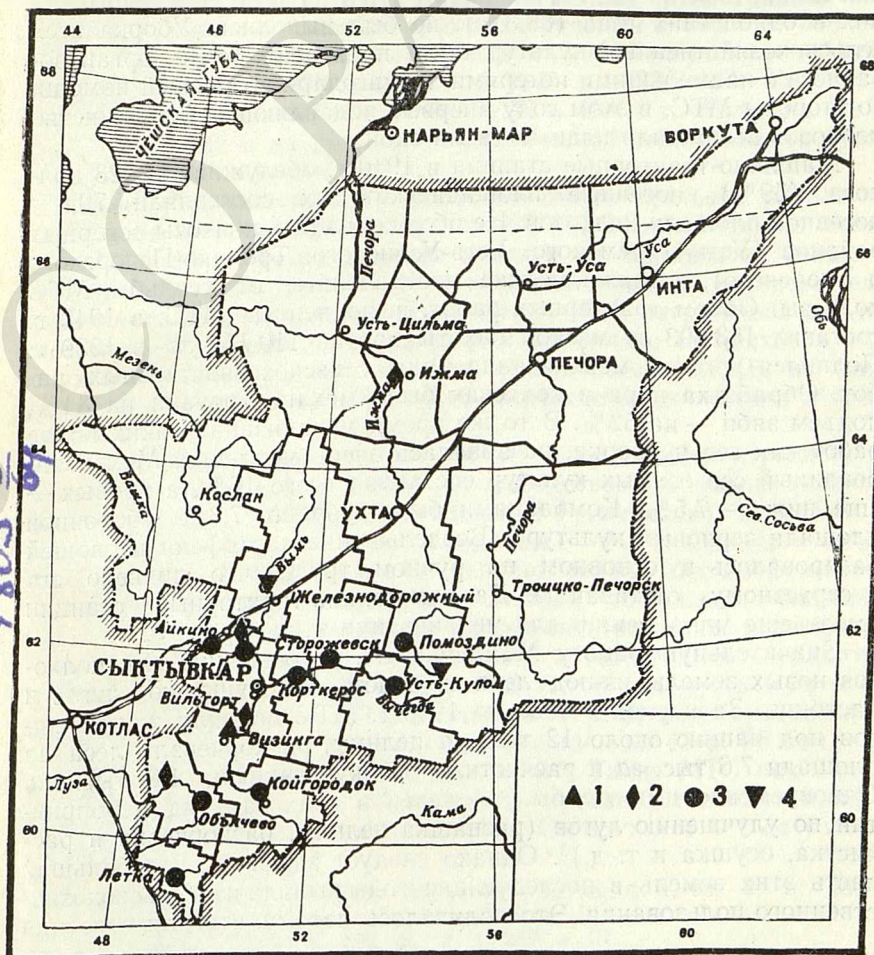

Рис. 1. Размещение МТС в Коми АССР.

1. Наличие МТС на 1931 г.
2. МТС, созданные в 1931—1935 гг.
3. МТС, созданные в 1936—1937 гг.
4. МТС, созданные в 1938 г.

ГПНТБ СО АН СССР
Г.-с. публ. научно-
техническая библиотека

успехов в развитии колхозного строя. В этом году, как отмечалось в постановлении Пленума, несмотря на неблагоприятные климатические условия, посевные работы в колхозах и совхозах республики были проведены в более сжатые сроки и на более высоком агротехническом уровне, чем в предыдущие годы. План сева зерновых был перевыполнен. Посевные площади колхозов в 1940 г. увеличились по сравнению с 1939 г. по зерновым культурам — на 5,3%, овощам — на 56,6%, картофелю — на 7,5%, льну — на 9,4%, но в то же время план сева по ряду культур, как по картофелю (92,7%), овощам (73,8%) и по севу многолетних и однолетних трав (88,3%), не был выполнен. Уборка всех сельскохозяйственных культур была проведена более организованно и с наименьшими потерями¹. Благодаря возросшей помощи со стороны МТС, в этом году впервые подавляющее большинство колхозов выполнило план подъема зяби.

Машино-тракторные станции в 1940 г. обслуживали 423 колхоза (59%), посевные площади которых составляли 79,8% посевной площади колхозов. Не обслуживались колхозы северных районов (Усть-Цилемского, Усть-Усинского, Троицко-Печорского и Удорского), а также мелкие и отдаленные от усадьбы МТС колхозы. Объем тракторных работ, выполненных МТС, в 1940 г. составил 153 693 га мягкой пахоты против 110 157 га в 1939 г. Поднялся уровень механизации ряда сельскохозяйственных работ. Обработка пара в колхозах была механизирована на 84%, подъем зяби — на 52%. В то же время механизация таких видов работ как сев и уборка, развивалась очень медленно. Механизированный сев озимых культур составлял всего 16%, а яровых — еще ниже — 7,5%. Комбайнами было убрано 7,3% уборочной площади зерновых культур². Возделывание картофеля и овощей базировалось в основном на ручном труде, что привело его к серьезному отставанию. Да и машино-тракторные станции имели еще мало машин для механизации этих отраслей.

Значительную работу МТС провели по освоению для колхозов новых земель из-под леса и болот, по осушению лугов и пастбищ. За период с 1938 по 1940 г. МТС подняли для колхозов под пашню около 12 тыс. га целины, раскорчевали леса на площади 7,6 тыс. га и расчистили от кустарников 1,8 тыс. га. Одновременно ими же был проведен в колхозах ряд мероприятий по улучшению лугов (распашка целины, раскорчевка и расчистка, осушка и т. д.)³. Однако следует заметить, что большая часть этих земель в последующие годы выпала из сельскохозяйственного пользования. Это произошло потому, что для освоения

¹ Партархив, ф. 1, оп. 1, д. 142, лл. 3, 13, 73, 74; там же, ф. 1, оп. 2, д. 2878, лл. 26—32, 14.

² Там же, л. 19; Текущий архив Статистического управления Коми АССР, «Материалы Статуправления РСФСР», л. 24.

³ Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2878, лл. 127, 134.

земель подбирались наиболее легко осваиваемые места, не всегда соответствовавшие по своей структуре для посевов.

В колхозах, обслуживаемых передовыми МТС, сельскохозяйственные работы были механизированы лучше. Так, например, Пажгинская МТС, ежегодно перевыполняя производственные планы, успешно справлялась с проведением предусмотренных по договорам с колхозами сельскохозяйственных работ. В 1940 г. механизаторы этой МТС выполнили производственный план на 146%, добились высокой производительности машин для местных условий и сэкономили горючее на 55 тыс. руб. Средняя выработка у них на условный трактор составила в 1939 г. 386 га, в 1940 г. — 412,7 га мягкой пахоты, в то время как по республике она составляла в 1939 г. 194 га, в 1940 г. — 236 га¹. Себестоимость тракторных работ в этой МТС в 1940 г. была на 22% ниже плановой и на 26% ниже фактической себестоимости тракторных работ по республике².

В социалистическом соревновании имени третьей пятилетки коллектив механизаторов Пажгинской МТС занял первое место в республике и завоевал право участия на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. В 1939 г. постановлением главного выставочного комитета ВСХВ Пажгинская МТС награждена дипломом второй степени и натуральными премиями. 18 колхозов, обслуживаемых ею, также являлись участниками ВСХВ, из них колхозы «Звезда» и «Югор» были награждены дипломами второй степени³.

Число МТС, хозяйственная деятельность которых улучшилась, увеличивается. Если в 1939 г. производственные планы перевыполнили только 2 МТС (Пажгинская и Гривенская), то в 1940 г. успешно справились со своими задачами 5 МТС. Однако в большинстве других МТС техника использовалась бесхозяйственно, производительность машин была низкая, допускался большой перерасход горючего и средств на ремонт тракторов и сельскохозяйственных машин, а следовательно и себестоимость тракторных работ была высокой. Так, в 1939 г. себестоимость 1 га мягкой пахоты в целом по МТС составила 70 р. 81 коп.⁴ против плановой 50 р. 03 коп. В 1940 г. она снизилась до 43 р. 76 коп., но все же еще оставалась выше плановой⁵. Такие МТС как Усть-Вымская, Мохчинская, Палевицкая производственные планы 1939 г. выполнили менее чем на 40%. Себестоимость 1 га услов-

¹ Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 135, л. 26; там же, ф. 1, оп. 2, д. 2873, лл. 79, 124, 125; там же, ф. 1, оп. 2, д. 2993, л. 16.

² ЦГА Коми АССР, ф. 408, оп. 2, д. 289, л. 37.

³ Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2937, л. 27.

⁴ На IV пленуме Коми обкома ВКП(б) в докладе об итогах сельскохозяйственных работ 1940 г. и задачах подготовки к весеннему севу 1941 г. указывалось, что фактическая себестоимость 1 га мягкой пахоты в 1939 г. составляла 57 р. 65 к., в 1940 г. 45 р. (Партархив, ф. 1, оп. 1, д. 142, л. 9).

⁵ ЦГА Коми АССР, ф. 408, оп. 2, д. 114, л. 2; там же, д. 289, л. 37.

ной пахоты по Усть-Вымской МТС составила 97 р. 93 коп., т. е. почти в два раза превышала плановую¹.

С ростом технической вооруженности сельского хозяйства создавались необходимые условия для более широкого применения в колхозах агротехнической науки и передовой практики, подъема общей агрокультуры социалистического сельского хозяйства. Достаточно сказать, что осенью 1940 г. было поднято зяби на 15 510 га больше, чем в 1937 г. За эти же годы были достигнуты некоторые успехи в отношении посевов сортовыми семенами. Так, если в 1937 г. ими было посеяно зерновых культур 1953 га и льна 883 га, то в 1940 г. сортовые посевы зерновых культур составили: яровых — 11 076 га (29%), озимых — 3355 га (20%) и льна — 5521 га (97%) посевной площади. 26% зерновых было посеяно узкорядным способом. В 1940 г. впервые был применен в колхозах перекрестный сев на площади 1080 га².

1940 г. по метеорологическим условиям был неблагоприятным для Коми АССР. Поэтому было бы не совсем правильным судить об экономическом значении большой работы, проведенной МТС и колхозами республики, только по результатам этого года. Но и в этом году, благодаря подъему трудовой активности колхозного крестьянства и механизаторов сельского хозяйства, валовой сбор по ряду культур был значительно выше, чем в предыдущие годы. Валовой сбор картофеля за три предвоенных года возрос на 19%, а валовой сбор овощей за это же время увеличился почти в четыре раза³. В 1940 г. колхозы Коми республики сдали государству зерна на 130 тыс. пудов больше, чем в 1939 г. и успешно справились с выполнением обязательств перед государством по сдаче картофеля и овощей⁴.

Передовые колхозы, обслуживаемые МТС, добились высоких урожаев сельскохозяйственных культур даже при неблагоприятной погоде. Так, например, орденосный колхоз «Вёр фронт» Усть-Куломского района вырастил урожай зерновых за 3 года по 18 ц с га. В колхозе «Выль ордым» Сторожевского района средний урожай зерновых за 3 года составил 17,87 ц с га⁵. Но при этом нельзя не отметить, что во многих колхозах республики урожайность полей ежегодно снижалась⁶.

Это показывает, что причиной низких урожаев являлась не только плохая погода, но и отсутствие во многих колхозах под-

¹ Партархив, ф. 1, оп. 1, д. 126, лл. 297—298.

² Там же, оп. 2, д. 2878, л. 14; ЦГА Коми АССР, ф. 408, оп. 2, д. 95, л. 75; там же, д. 286, л. 31.

³ Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2683, л. 11 об.; ЦГА Коми АССР, ф. 408, оп. 2, д. 130, л. 85 об.

⁴ Партархив, ф. 1, оп. 1, д. 142, лл. 21, 22.

⁵ ЦГА Коми АССР, ф. 408, оп. 2, д. 287, л. 51.

⁶ Партархив, ф. 1, оп. 1, д. 131, лл. 85, 90.

линной борьбы за урожай. Поэтому средние показатели по республике по сравнению с передовыми колхозами были значительно ниже. В 1940 г. по годовым отчетам колхозов средний урожай зерновых и бобовых культур с 1 га составил 10,4 ц, а в 1939 г. составлял 11,85 ц.

Следует отметить также, что в предвоенные годы роль МТС в агротехническом обслуживании колхозов была недостаточна. Работы, выполнявшиеся машинами МТС, в агротехническом отношении во многих колхозах находились на низком уровне. Затягивалось проведение основных сельскохозяйственных работ. Посевы производились семенами низких кондиций. Плохо использовались местные удобрения. А минеральных удобрений в 1940 г. было использовано даже меньше, чем в 1938 г. В колхозах отсутствовали правильные севообороты¹. Все это снижало урожайность полей, тормозило рост сельскохозяйственного производства.

В механизации сельского хозяйства имелось еще много непреодоленных трудностей. Эти трудности и в этот период были вызваны прежде всего отсутствием достаточных механизаторских кадров для сельского хозяйства. Проблема кадров для сельского хозяйства продолжала являться одной из острых проблем.

За годы третьей пятилетки партийные и советские организации провели немалую работу по подготовке кадров для сельского хозяйства, усилили обучение их через краткосрочные курсы, школу механизации. Специалисты прибывали также из центральных учебных заведений страны. В 1940 г. в сельском хозяйстве республики работало: трактористов — 814, бригадиров тракторных бригад и их помощников — 188, комбайнеров и их помощников — 83, шоферов — 67, механиков — 63, инженеров-механиков — 6, льнотеребильщиков — 24, агрономов — 115².

Однако рост механизаторских кадров еще сильно отставал от растущих потребностей сельского хозяйства. Так, например, количество трактористов в МТС в 1940 г. лишь немногим превышало число тракторов. Следовательно тракторный парк мог работать только в одну смену. А комбайнеров было и того меньше.

Выполняя указания Центрального Комитета партии, областная партийная организация большое внимание уделяла укреплению партийных организаций МТС и усилению политико-массовой работы среди механизаторов. В период с июля 1938 г. по декабрь 1939 г. число коммунистов в этих организациях удвоилось. В 1940 г. в машинно-тракторных станциях работало 189 коммунистов, в том числе трактористов 49, комбайнеров 13³. Поднялась активность коммунистов, усилилось влияние партийной организации на деятельность МТС. В тех МТС, где первичные

¹ Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2996, л. 19; там же, ф. 1, оп. 1, д. 106, л. 39; там же, ф. 1, оп. 2, д. 2993, л. 10.

² Там же, ф. 1, оп. 2, д. 2878, л. 19.

³ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 135, л. 43; там же, оп. 2, д. 2937, л. 18.

партийные организации работали хорошо, где высока была активность коммунистов, успешно выполнялись производственные задачи. В качестве такого примера могла служить работа партийной организации Пажгинской МТС. В 1940 г. коммунисты этой партийной организации были расставлены по всем ответственным участкам работы МТС. Во всех бригадах среди механизаторов повседневно проводилась политико-массовая работа. Коммунисты являлись инициаторами социалистического соревнования, играли передовую роль на производстве. Коммунист Н. С. Чеусов выполнил план тракторных работ на 179%, комбайнера Безносикова — на 150%, тракторная бригада Прокушева выполнила план тракторных работ бригады на 170%¹. Движение передовиков в этой МТС все более ширилось. В 1940 г. 80% трактористов перевыполнили производственные нормы.

Хороших производственных результатов добилась парторганизация Визингской МТС. В 1940 г. 12 тракторных отрядов из 15 перевыполнили установленные задания, а МТС выполнила свой производственный план на 110,5%².

Областная партийная организация укрепляла МТС и колхозы руководящими кадрами, специалистами сельского хозяйства. Выполняя постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о посылке специалистов сельского хозяйства, осевших в различных учреждениях и управленческом аппарате земельных органов, в 1940 г. она направила на работу по специальности в колхозы и МТС 61 специалиста различной профессии³.

Кадры машинно-тракторных станций в предвоенные годы несомненно окрепли, поднялся уровень их сознательности и квалификации. Об этом свидетельствует развернувшееся движение передовиков за высокие урожаи, за право участия на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Число участников ВСХВ, передовых колхозников и работников МТС увеличилось с 108 человек в 1939 г. до 233 в 1940 г.⁴

В создании механизаторских кадров МТС, в повышении их квалификации большую роль сыграло постановление Совета Народных Комиссаров и Центрального Комитета партии от 8 марта 1939 г. «О нормах выработки и оплате труда трактористов в машинно-тракторных станциях». В этом постановлении были вскрыты серьезные недостатки в практике применения в МТС норм выработок и оплаты труда трактористов. Они заключались прежде всего во множественности и запутанности норм выработки, а также в том, что существовавшая оплата труда по ряду важнейших сельскохозяйственных работ не стимулировала

¹ Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2935, л. 57.

² Там же, д. 2993, лл. 16, 17.

³ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 138, л. 163.

⁴ Там же, ф. 1, оп. 2, д. 2878, л. 22.

выполнения этих работ в ранние и сжатые сроки¹. Утвержденные Совнаркомом СССР и ЦК ВКП(б) новые нормы выработки и оплаты труда способствовали упорядочению оплаты труда трактористов, дальнейшему повышению производительности труда на тракторных работах в МТС. С принятием постановления в МТС республики уменьшилась текучесть трактористов. Возвратилась часть ранее ушедших трактористов². Повысилась производительность использования тракторов, о чем свидетельствуют показатели выработки на один трактор. Так, например, в 1940 г. средняя выработка на условный трактор в МТС республики была выше выработки 1938 г. на 20,4%³. Следует, однако, отметить, что полностью ликвидировать текучесть кадров в этот период еще не удалось. Создание постоянных кадров затруднялось тем, что трактористы и другие механизаторы не были постоянными штатными рабочими МТС, а выделялись из числа колхозников на время полевых работ. Не были полностью изжиты неполадки в оплате труда и чрезмерные задержки в выплате гарантийной денежной и натуральной оплаты⁴, что также отрицательно влияло на производственную дисциплину механизаторских кадров.

Одной из основных причин, вызывавших серьезные недостатки в работе машинно-тракторного парка МТС, и в эти годы являлось слабое развитие ремонтной базы, плохое качество и несвоевременность ремонта тракторов и машин, так как для 16 машинно-тракторных станций в 1940 г. было всего лишь 9 мастерских текущего ремонта. Большие затруднения имелись также в снабжении МТС горючим⁵.

Все это вело к неудовлетворительному использованию сложной техники МТС, к невыполнению сменных норм выработок, к простоям тракторов и машин, к срыву сроков и снижению качества тракторных работ.

На работе машинно-тракторных станций отрицательно сказывались также имевшие место недостатки в руководстве сельским хозяйством, на что указала в своей резолюции XVII коми областная партийная конференция, состоявшаяся в марте 1940 г.⁶ Делегаты конференции отмечали отсутствие конкретного руководства, отрыв земельных органов и специалистов от непосредственной работы МТС и колхозов. В стиле руководства партийных и земельных органов наблюдалось отсутствие глубокого анализа причин, породивших недостатки в работе. Многие партийные и

¹ «Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938—1946 гг.», Москва, 1948, стр. 176.

² Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2675, л. 53.

³ Там же, д. 2878, л. 124; Текущий архив Статистического Управления Коми АССР, дело: «Основные показатели хозяйственной деятельности МТС Коми АССР».

⁴ Партархив, ф. 1, оп. 2, д. 2994, л. 66.

⁵ Там же, оп. 1, д. 135, л. 91.

⁶ Там же, д. 135, лл. 91, 204; там же, ф. 1, оп. 1, д. 131, л. 72.

советские органы о работе МТС судили по количеству гектаров мягкой пахоты, не придавали значения качеству и срокам проведения работ, а также результатам хозяйственной деятельности колхозов.

* * *

Таким образом, благодаря всесторонней помощи колхозному крестьянству со стороны социалистического государства и Коммунистической партии, благодаря самоотверженному труду самих колхозников и работников МТС во вторую пятилетку и в предвоенные годы третьей пятилетки произошло существенное изменение в технике сельскохозяйственного производства Коми АССР. Решающая роль в перевооружении сельского хозяйства современной техникой принадлежала машинно-тракторным станциям. С 1933 года по 1940 год число тракторов в них возросло с 24 до 681 (в переводе на 15-силые). Мощность тракторного парка за 1933—1940 гг. возросла с 360 до 10,2 тыс. лошадиных сил. Объем тракторных работ, выполненных МТС в обслуживаемых колхозах, увеличился за это же время с 4,9 тыс. га до 153,7 тыс. га мягкой пахоты.

Но несмотря на серьезные успехи, достигнутые за эти годы в области механизации сельского хозяйства Коми АССР, возможности в этом использовались еще недостаточно. Стояла задача

улучшения использования машинно-тракторного парка, повышения производительности труда работников тракторных бригад, их заинтересованности и ответственности за получение высоких урожаев; необходимо было механизировать трудоемкие работы в животноводстве, превращающегося в основную отрасль сельского хозяйства, а также добиться комплексной механизации сельскохозяйственных культур. Но начавшаяся Великая Отечественная война прервала мирный созидательный труд советских людей. В тяжелые годы войны колхозное крестьянство и механизаторы сельского хозяйства внесли свой вклад в дело защиты советской родины. В годы послевоенных пятилеток они добились новых успехов в механизации колхозного производства.

Претворяя в жизнь исторические решения XX съезда КПСС, колхозное крестьянство и механизаторы сельского хозяйства Коми республики вместе со всем советским народом добиваются крутого подъема сельского хозяйства, борются за успешное выполнение задач, поставленных шестым пятилетним планом по увеличению производства продуктов сельского хозяйства.

Рис. 2. Мощность тракторного парка (в лош. силах) и объем тракторных работ МТС Коми АССР (в тыс. га мягкой пахоты) за 1933—1940 гг.

В. Н. ДАВЫДОВ,
кандидат исторических наук

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В КОМИ КРАЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905—1907 гг.)

Революция 1905—1907 гг. в России была первой народной революцией эпохи империализма. Главными ее задачами являлись: свержение самодержавия и установление демократической республики, ликвидация помещичьего землевладения и всех прочих остатков крепостничества. В отличие от предшествовавших буржуазных революций на Западе, в революции 1905—1907 гг. главной движущей и направляющей силой являлся рабочий класс, руководимый Коммунистической партией. Союзником рабочего класса выступало крестьянство, в том числе и крестьянство национальных районов. Империалистическая буржуазия стала контрреволюционной силой. Руководство пролетариата и превращение крестьянства из резерва буржуазии в союзника пролетариата обуславливали возможность, а в случае победы — неизбежность перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

В различных районах страны, в зависимости от степени развития капитализма, классовых противоречий и политической сознательности масс, классовая борьба в годы революции приобретала различный размах и принимала различные формы.

Вопросы социально-экономических отношений, положения народных масс и классовой борьбы в Коми крае в годы первой буржуазно-демократической революции в России изучены пока слабо. Первая попытка осветить эти вопросы с позиций марксистской методологии была сделана В. М. Подоровым в его двухтомной работе «Очерки по истории коми (зырян и пермяков)», вышедшей в свет в гор. Сыктывкаре в 1933 г. В этой работе приведены интересные данные о положении народных масс в начале XX в., а также некоторые факты классовой борьбы в крае в 1905—1907 гг. Однако в книге имеется ряд серьезных недостатков. Автор не вскрывает глубочайших социально-экономических

основ буржуазно-демократической революции. Разделам, посвященным революции 1905—1907 гг., как и всей книге в какой-то мере присущи социологизм, схематизм, стремление подогнать местные события и факты под общероссийскую схему, а отсюда преувеличение степени развития капиталистических отношений в крае, роли местного пролетариата и организаций РСДРП, степени развития классовой борьбы и политической сознательности масс. Автор не видит никакой разницы, кроме некоторого отставания во времени, между революционным движением в развитых районах страны и классовой борьбой, происходившей в Коми крае. В книге имеются и неточности фактического порядка. Например, начало рабочего движения в крае относится им к концу 1906 г. (стр. 120—121). Слаб научный аппарат книги. Многие страницы написаны без единой ссылки. Все это снижает ее научную ценность и общественную значимость. К настоящему времени она уже устарела.

Некоторые новые данные содержатся по выше указанным вопросам в статье «Революция 1905—1907 гг. на Севере» того же автора, помещенной в сб. «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России», вышедшем в 1949 г. под ред. А. М. Панкратовой и А. Л. Сидорова. В этой статье сведения по территории Коми приводятся лишь в качестве иллюстрации для обоснования тех или иных положений, характеризующих революционное движение на всем Севере. Ценный материал содержится в кандидатских диссертациях Я. А. Балагурова «Очерки по истории Кажимских заводов» и Л. И. Суриной «Крестьяне приустьесельских волостей Вологодской губернии в конце XIX — начале XX вв.». Но эти исследования, к сожалению, пока не опубликованы. Да и в территориальном отношении они охватывают небольшую часть нынешней Коми АССР.

Значительным шагом в изучении истории коми до Октябрьской революции являются «Очерки по истории Коми АССР» (т. I), подготовленные коллективом квалифицированных научных работников и изданные в г. Сыктывкаре в 1955 г. Глава VIII этой книги «Революционное движение в Коми крае в период буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг.» написана кандидатом исторических наук А. Е. Иоффе¹. В ней анализируются положение народных масс, деятельность политических, рабочее движение и выступления крестьян в 1905—1907 гг. Однако в такой обобщающей работе, как «Очерки...», все поднятые

¹ Здесь мы не останавливаемся на сообщении того же автора «Революционное движение в Коми крае в 1905—1907 гг.», помещенном в «Исторических записках» Института истории АН СССР, № 49, 1954, поскольку материалы этого сообщения почти полностью вошли в «Очерки...» и принципиально нового ничего не содержат.

вопросы не могли найти полного и глубокого освещения. Многие из них выдвинуты лишь в порядке общей постановки. Это особенно относится к вопросам о деятельности социал-демократов в крае, о социальной борьбе внутри крестьянства и некоторым другим. Не совсем правильно, на наш взгляд, в «Очерках...» разрешается вопрос о роли сознательного революционного элемента в классовой борьбе, так как здесь не только вся борьба в целом, но даже и отдельные выступления крестьян по чисто местным экономическим вопросам расцениваются как сознательно революционные.

Борьба рабочих и крестьян Коми края против царской администрации и буржуазии объективно была направлена против существующего строя, но в то же время здесь было мало выступлений, участники которых руководствовались бы революционной идеологией и программой. Поэтому к оценке тех или иных событий следует относиться более осторожно. Недостаточно выявлены и местные особенности происходившей в крае классовой борьбы. Автор подчеркивает только одну — некоторое отставание во времени.

В период подготовки данной статьи к печати в литературно-художественном и общественно-политическом журнале Союза писателей Коми АССР «Войвыв кодзув» («Северная звезда», № 1, 1957 г.) появилась архивная подборка М. Н. Фроловой «Документы говорят», в которой приводятся выдержки из документов, хранящихся в Центральном государственном архиве и свидетельствующих о некоторых фактах классовой борьбы на территории Коми АССР в 1905—1907 гг. Эти факты в большинстве случаев в той или иной мере уже были освещены в вышеуказанной литературе. Каких-либо новых выводов автор не делает.

Все это убеждает нас в необходимости дальнейших архивных изысканий и исследования затронутых вопросов.

Для написания данной статьи, кроме печатных источников, изучены материалы партийного архива Коми ОК КПСС и Центрального государственного архива (ЦГА) Коми АССР. Из партийного архива использованы документы, в свое время собранные комиссией истпарта (ф. 520); из ЦГА Коми АССР — фонды Усть-Сысольского уездного казначейства (ф. 152), податного инспектора (ф. 155), Кажимского завода (ф. 163), Нювчимского завода (ф. 164), Сереговского завода (ф. 165), полицейского управления (ф. 6) и коллекция документов по истории Коми АССР (ф. 1010).

Эти источники содержат интересные данные, которые несколько дополняют картину положения и событий в Коми крае в 1905—1907 гг. и позволяют уточнить некоторые факты, уже фигурировавшие в печати. В последнем случае мы делаем двойные ссылки: на печатный и архивный источники.

1. Положение трудящихся в Коми крае в начале XX в.

Территория нынешней Коми АССР в начале XX в. входила в основном в состав Яренского и Усть-Сысольского уездов Вологодской губернии и Печорского уезда Архангельской губернии. Это была отдаленная, в экономическом и культурном отношении отсталая национальная окраина европейской части России, со слабо развитой промышленностью и с почти сплошь крестьянским населением.

Однако и здесь проявлялись все противоречия, ставшие причиной развернувшейся в стране революции. В крае, хотя и медленнее, чем в центральных губерниях, развивались капиталистические отношения. Экономика края все теснее смыкалась с общей системой общероссийского и мирового капиталистического хозяйства. Вместе с тем и здесь еще были сильны пережитки крепостничества, тяжело давившие массу трудящегося крестьянства. В Коми крае помещичье землевладение не было развито. Главными феодальными землевладельцами здесь являлись государство помещиков (казна), удел и церковь. В 1905 г. им принадлежало в Яренском уезде 98,7% всей земельной площади, частным собственникам — 0,2% и только 1,1% всей земли было отведено под крестьянские наделы. А в Усть-Сысольском уезде непосредственно в руках казны и церкви было 99,2% всей земли и 0,5% земли являлось частнособственническим. Надельная земля крестьян составляла всего 0,3%. Удобной, пашенной и сенокосной, надельной земли приходилось в среднем по 2,5 дес. на крестьянский двор¹. За пределами надела крестьяне без особого разрешения и без особой платы не могли даже нарубить дров. При этом надельная земля распределялась далеко неравномерно.

Несмотря на наличие огромных неосвоенных территорий, большинство крестьян страдало от малоземелья. Земельный вопрос, как и по всей стране, здесь стоял в центре классовой борьбы.

С феодальными формами землевладения тесно были связаны полуфеодальные повинности крестьян. За клочки надельной земли они платили выкупные платежи и другие виды налогов и несли натуральную дорожную повинность в пользу помещичье-буржуазного государства. Непосильные налоги и повинности разоряли массу крестьян.

Одним из пережитков крепостничества являлась крестьянская земельная община с круговой порукой и периодическими уравнительными переделами земли, которая являлась низшей ячейкой бюрократического аппарата самодержавия, особо удобной в целях выколачивания налогов. Она затрудняла свободное обращение земли и передвижение людей, «привязывала» крестьян к себе и, тем самым, тормозила развитие сельского хозяйства на капи-

¹ Очерки по истории Коми АССР, Сыктывкар, 1955, т. I, стр. 290.

талистических началах. Прямым следствием существования этой общины явились чрезвычайно дробная система земледелия, узкополосица и чересполосица. Формально проводимые переделы не могли предотвратить развитие капиталистических отношений и социальной дифференциации крестьянства.

Несмотря на наличие многочисленных пережитков феодализма, сельское хозяйство в крае развивалось по капиталистическому пути. Под воздействием экономических законов капитализма усиливалось социальное расслоение крестьянства. Основные средства производства — земля, скот, лучшие орудия производства — все больше сосредоточивались в руках небольшой верхушки, в то время как большая часть крестьян лишалась их. Например, в Вильгортской волости Усть-Сысольского уезда в 1901 г. из 797 опрошенных хозяйств 13,8% были безлошадные, 83,1% — однолошадные и 3,1% — имеющие по две и более лошадей. В 1909 г. там же из 1013 хозяйств насчитывалось безлошадных уже 18,7%, однолошадных — 74,1% и имевших по две и более лошадей — 7,2%. В Корткеросской волости того же уезда в 1901 г. из 720 опрошенных хозяйств было безлошадных 3,9%, однолошадных — 91,2%, имевших по две и более лошадей — 4,9%. В 1909 г. там же из 835 обследованных хозяйств оказалось безлошадных — 11,7%, однолошадных — 81,9% и имевших по две и более лошадей — 6,4%¹. Данные факты говорят о том, что происходило вымывание среднего слоя крестьянства, некоторый прирост хозяйств, лучше обеспеченных рабочим скотом, быстрое увеличение числа хозяйств, вовсе не имевших рабочего скота. Такой же процесс происходил в отношении обеспеченности другими средствами производства.

Зажиточная верхушка деревни начала применять наемный труд, вести свое хозяйство на капиталистических началах. В 1897 г. в Усть-Сысольском уезде нанимало батраков 2,2% всех хозяев, в Яренском — 1,2% и в Печорском — 8%². Опутанные неплатными долгами бедняки вынуждены были работать на кулака иногда только за пропитание и одежду.

Противоречия всех трудящихся крестьян с помещичье-буржуазным государством переплетались с противоречиями деревенской бедноты с буржуазией в лице кулаков и купцов.

Малоземелье, непосильные налоги, узкополосица и чересполосица и т. д. тормозили технический прогресс сельского хозяйства. Усовершенствованные орудия производства были доступны только кулачеству. Техника производства основной массы крестьянства оставалась чрезвычайно низкой. Еще в 1910 г. на террито-

¹ Итоги экономического исследования крестьянского населения Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии, Пермь, 1903, стр. 44—45; Труды экспедиции по исследованию земель Печорского края Вологодской губернии, т. II, СПб, 1910, стр. 111.

² В. Зыкин. Классовое расслоение в коми деревне накануне Великой Октябрьской социалистической революции, газ. «Ворлэдзсы» от 1 июня 1951 г.

рии нынешней Коми АССР имелось: жнеек — одна, сеялок конных — 3, плугов — 1066, сох и косуль — 37 845¹. Все это вело к низкой продуктивности сельского хозяйства. Урожайность зерновых не превышала сам-5—6². У большинства крестьян своего хлеба не хватало. А население Печорского уезда своим хлебом было обеспечено, например, в 1900 г. только на 21% потребности³. Беднота вынуждена была идти батрачить к кулаку или искать средства существования в промыслах.

Многие тысячи крестьян ежегодно в зимний период уходили на лесозаготовки или на отхожие промыслы за пределы своих уездов: на уральские заводы, в Сибирь и т. д. Неорганизованные и неквалифицированные сезонники на лесозаготовках и на заводах составляли наиболее низкооплачиваемую категорию рабочих.

Классовые противоречия проявлялись еще более остро и отчетливо, чем в сельском хозяйстве, в промышленности. Основной отраслью промышленности края были лесозаготовки. Более чем 30 млн. га лесной площади в границах нынешней Коми республики принадлежало казне. Лесозаготовки были сосредоточены, главным образом, в руках русских и иностранных (английских, шведских, норвежских и немецких) компаний. В роли подрядчиков, а иногда и в качестве самостоятельных заготовителей, в лесной промышленности участвовали и представители местной буржуазии. В 1905 г. в Усть-Сысольском уезде заготовку деловой древесины производили: английская компания «Карл Стюарт и К^о», немецкие фирмы «Сурков, Щергольд» и «Эдес-Фонтейнес», шведские компании «Ульсон, Стампе и К^о» и «Стелла Поляре», прусский подданный Ганнеман, русские компании «Товарищество архангельских заводов» и «Товарищество Чудинов и Костогоров», купец Григорьев, мещанин Королев и другие. Всего ими было заготовлено 406 412 бревен деловой древесины и 3434 куб. м дров. Большая часть заготовок была сосредоточена в руках нескольких иностранных и русских компаний⁴.

Хищнически эксплуатируя природные богатства и трудящихся края, капиталисты не вкладывали средства в основной капитал. На территории нынешней республики Коми не было даже ни одного лесопильного завода. Заготовленный лес кругляшом сплавлялся к устьям рек С. Двины, Мезени и Печоры. Отсюда он частью в распиленном виде, частью в виде бревен сбывался за границу.

Лесозаготовки производились исключительно силами крестьян-сезонников. Количество последних достигло значительного числа. В одном только Усть-Сысольском уезде, в котором насчитывалось 16 155 хозяйств, в зиму 1904—1905 гг. на лесозаготов-

¹ Наркомзем Коми АССР. Сельское хозяйство Коми АССР, Сыктывкар, 1939, стр. 3.

² ЦГА Коми АССР, ф. 140, оп. 1, ед. хр. 140, л. 27.

³ Мартынов С. В. Печорский край, СПб, 1905, ч. II, стр. 79.

⁴ ЦГА Коми АССР, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 142, лл. 1—164.

ках работало 4874 человека¹. Положение лесорубов было исключительно тяжелым. Безысходная нужда заставляла неорганизованную сельскую бедноту соглашаться работать на самых невыгодных условиях. При вербовке рабочей силы существовала подрядно-договорная система. Приказчики от фирм приезжали для заключения договоров в самое трудное для крестьян время (летом до нового урожая, в период уплаты податей и т. д.) и путем предоставления задатка закабаливали бедноту. При этом наживались и подрядчик.

С окончанием полевых работ сезонники должны были выезжать на место заготовок, построить себе жилье (баньку или землянку), своими орудиями вырубить и на своих лошадях вывезти к сплавному рекам определенное количество бревен. Лесопромышленник, кроме покупки леса и рабочей силы, никаких затрат на организацию производства не делал. Никакой механизации не существовало. Остатки крепостничества, разоряющие массу крестьянства и в то же время затрудняющие окончательный отрыв бедноты от сельского хозяйства, тормозили технический прогресс и в лесной промышленности. Рабочие руки капиталисту обходились дешевле, чем механизмы. Поэтому он не был заинтересован в механизации.

Средний сезонный заработок лесоруба в сезон 1904—1905 гг. по Усть-Сысольскому уезду составлял 54 рубля, а у ряда лесозаготовителей и того меньше («Ульсен, Стампе и К^о» — 44 р. 32 коп., «К. Стюарт и К^о» — 38 р. 70 коп. и т. д.)². При этом сезонник вынужден был покупать продовольствие у хозяина значительно дороже рыночной цены. Бывали случаи, что артели рабочих из 3—4 человек приходилось заработка, исключив содержание лошади, 15—20 коп. в день, что равнялось стоимости трех фунтов черного хлеба, покупаемого у хозяина по 2 р. и более за пуд³. В результате рабочий часто оказывался не в состоянии отработать даже полученный задаток и оказывался вечным должником хозяина.

При отсутствии всякой механизации труда, мизерной заработной плате и исключительно антисанитарных бытовых условиях на лесозаготовках было много несчастных случаев и различных заболеваний. Но никакой медицинской помощи и охраны труда не существовало.

Хищнически эксплуатируя природные богатства и труд сезонников, лесопромышленники в 1905 г. только по Усть-Сысольскому уезду получили 195 312 рублей чистой прибыли, что составляло больше, чем средняя сезонная заработная плата 2,5 тысяч лесорубов⁴.

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 142, лл. 1—164.

² Там же.

³ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 296.

⁴ ЦГА Коми АССР, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 142.

Все это показывает, что положение лесорубов было исключительно тяжелым. Противоречия их с хозяевами-капиталистами были острыми. Кроме того, сезонники, как и все крестьяне, выполняли все повинности в пользу государства и церкви. Однако лесорубы-сезонники были распылены, неорганизованны, темны и забиты, оторваны от хозяйственных и культурно-политических центров. Уровень их сознательности был низок. Поэтому они еще не способны были подняться на организованную революционную борьбу.

Фабрично-заводская промышленность в крае была представлена Кажимским, Нючпасским и Нювчимским металлургическими и Сереговским солеваренным заводами. Металлургические заводы в 1905 г. принадлежали крупным чиновникам Бенардаки, а Сереговский завод — мещанине А. Беляевой и арендовался екатеринославским мещанином Гурылевым. Все они были мелкими, технически слабо оборудованными и устаревшими. На всех четырех заводах в 1905 г. было занято всего 342 постоянных рабочих¹. Большинство из них были по национальности русскими. Положение их было гораздо хуже, чем положение рабочих на крупных предприятиях Юга, Центра и даже Урала. Условия труда были очень тяжелыми. Добыча руды, заготовка дров, внутризаводская транспортировка, погрузочные работы, засыпка руды и шихты в домы, закладка дров в варницы и т. д. производились вручную. Рабочим приходилось работать по 12—14 часов то при ужасной жаре в тесных и темных цехах, то при страшном морозе прямо на улице.

Заработная плата квалифицированных рабочих на Нювчимском заводе в 1906 г. составляла 9—12 р., у малоквалифицированных — 7—9 р., а у подсобных рабочих — 6—7 р., у женщин и подростков — 4—5 р. в месяц²; на Сереговском заводе в 1905 г. у солевара — 12 р., выемщиков — 7 р., а у металлургов дров, большинство из которых были женщины, — около 2 р. 50 коп. в месяц³. Из этого скудного заработка значительная часть еще удерживалась в виде различных штрафов. А так как заводы работали с большими перерывами, то среднегодовая зарплата у кажимских рабочих в 1904 г. составляла всего 26 рублей⁴.

Рабочие вынуждены были покупать нужные им товары из заводской лавки по чрезвычайно высоким ценам. В результате они всегда оставались должны хозяевам. Например, в июне 1904 г. на Нювчимском заводе 107 человекам, в том числе и высокооплачиваемым мастерам, было начислено зарплаты 1462 рубля, а рабочие остались должны хозяевам 2604 рубля⁵.

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 17—19, 25 и ф. 165, оп. 1, ед. хр. 1122.

² Там же, ф. 164, оп. 1, ед. хр. 490, лл. 11—14.

³ Там же, ф. 165, оп. 1, ед. хр. 1503.

⁴ Очерки по истории Коми АССР, т. 1, стр. 294.

⁵ ЦГА Коми АССР, ф. 164, оп. 1, ед. хр. 485.

Своеобразием в положении заводов на территории Коми было то, что заводоладельцы одновременно являлись крупными феодалными землевладельцами, а рабочие — мелкими земледельцами. К металлургическим заводам Бенардаки было приписано 63 459 дес., в основном лесной площади¹. Эти леса служили для заводчиков не только бесплатным источником дров, но и дополнительным источником прибылей от продажи древесины. В то же время рабочие пользовались ничтожными наделами. В силу закона от 19 мая 1893 г. за горнозаводскими рабочими была закреплена та земля, которой они фактически пользовались к этому времени. Так, на 293 жителя поселка при Кажимском заводе приходилось всего 489 дес. пашенной и сенокосной земли². Клочок земли, личное хозяйство привязывали рабочих к заводу и в то же время не давали достаточных средств для существования и, тем самым, обеспечивали заводоладельцев дешевой рабочей силой. За надел рабочие так же, как и все крестьяне, платили выкупные платежи в пользу государственной казны, подвергаясь таким образом двойному гнету: как наемные рабочие — со стороны капиталистов и как земледельцы — со стороны буржуазно-помещичьего государства.

Имея бесплатный источник сырья и дешевые рабочие руки, капиталисты-хозяева не были заинтересованы в техническом усовершенствовании заводов. Пережитки крепостничества, таким образом, тормозили развитие существующей промышленности и являлись одной из причин исключительно тяжелого положения рабочих.

На подсобные работы на заводах, на заготовку и подвозку дров и руды и т. д. привлекались крестьяне окрестных деревень. Они подвергались еще более жестокой эксплуатации. Заработная плата рабочего-поденщика с лошадью на Кажимском заводе в 1905 году составляла 60—65 коп., без лошади — 30—35 коп., подростков и женщин — 15—25 коп. в день³. На Сереговском заводе дровозы со своими лошадьми получали 6—9 рублей в месяц⁴.

В то время как, находясь под двойным гнетом, рабочие не могли сводить концы с концами, владельцы металлургических заводов в 1904 г. получили, по данным Усть-Сысольского уездного податного инспектора, 10 960 рублей чистой прибыли⁵.

Кроме выше перечисленных заводов в крае существовал ряд мелких кустарных предприятий. Более крупными из них являлись замшевые и точильные на Печоре и кожевенные и пищевые предприятия в г. Усть-Сысольске. В 1905 г. в Печорском уезде насчи-

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 1259, л. 58.

² Очерки по истории Коми АССР, т. 1, стр. 294—295.

³ ЦГА Коми АССР, ф. 163, оп. 1, ед. хр. 12, л. 1.

⁴ Там же, ф. 165, оп. 1, ед. хр. 1503.

⁵ Там же, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 9, лл. 23, 25, 26, 29.

тивалось 155 кустарных предприятий, на которых было занято 397 человек¹. На каменоломнях у устьев рек Сопляс и Войпока (притоки Печоры) в летний период было занято до 680 человек². На кустарных предприятиях г. Усть-Сысольска было занято 23 наемных рабочих. Они также подвергались жестокой капиталистической эксплуатации. Например, на каменоломнях рабочий с лошадью за работу от темна до темна, иногда в ледяной воде, получал 25 коп. в день³. Зарплата рабочих на кустарных предприятиях г. Усть-Сысольска составляла 50—75 рублей в год⁴. Эта группа также еще не порвала связи с землей. Все они имели свое личное хозяйство и также подвергались двойной эксплуатации: как наемные рабочие — капиталистам и как крестьяне — помещичьим государством, несли все тяготы наравне со всем крестьянством. По своему хозяйственному положению, мировоззрению и интересам они сливались с крестьянской беднотой.

Эксплуатация бедноты буржуазией происходила не только в сфере производства, но и в сфере обращения. В этом отсталом сельскохозяйственно-промышленном, потребляющем районе был развит спекулятивный торговый капитал. Буржуазия предпочитала вкладывать свои деньги не в средства производства, а в торговлю, где они оборачивались быстрее и приносили высокую прибыль. В каждой волости появляются купцы и мелкие торгаши из кулаков и зажиточных крестьян. В одном г. Усть-Сысольске с населением около 5 тыс. человек в 1905 г. имелось 70 торговых предприятий с общим оборотом около 415 тыс. рублей, в которых было занято 35 наемных рабочих, в то время как в городе имелось всего 5 кустарных промышленных предприятий с 23 наемными рабочими⁵.

Спекулянты по дешёвке скупали у крестьян сырьё, в особенности лущину, и по очень высоким ценам продавали им промышленные товары и хлеб. Так, если последний в других губерниях покупали по 80 коп.— 1 рубль за пуд, то в Коми крае он продавался иногда по 2 рубля и дороже (на Печоре, например, по 2 р.— 2 р. 50 коп.⁶). На рынке в Печорском крае почти монополично господствовали чердынские купцы. Они непосредственно сами или через местных скупщиков ссужали трудящихся охотников, рыболовов, оленеводов и пр. под будущий улов или заработок и таким образом закабалили их. По сообщению архангельского губернского правления «при расчетах чердынцы назначают за свои товары возможно высокие цены, а на продукты промышленников возможно низкие цены. В результате большинство чер-

¹ Обзор Архангельской губернии за 1905 г., Арх., 1906, вед. 11.

² ЦГА Коми АССР, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 800, л. 61.

³ Воленис Н. Промыслы и сельское хозяйство Печорского края, Л., 1924, стр. 85.

⁴ ЦГА Коми АССР, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 141, лл. 127—160.

⁵ Там же, лл. 127—160.

⁶ Мартынов С. В. Печорский край. СПб, 1905, ч. II, стр. 79.

дынцев скапливает большие капиталы, а их покупатели, в передних случаях, не выходят из долгов у чердынцев»¹. В таких условиях цены диктовали по своему усмотрению купцы-спекулянты и скупщики. Спекулятивный торговый капитал консервировал отсталые формы хозяйства, чрезвычайно ухудшал положение трудящихся масс. Поэтому не случайными являлись выступления трудящихся в рассматриваемые годы как против отдельных торгашей, так и против частной торговли вообще.

Таким образом, трудящиеся края подвергались феодальной эксплуатации со стороны помещичье-буржуазного государства и капиталистической эксплуатации со стороны иностранных, русских и коми представителей буржуазии.

Трудящиеся коми испытывали и национальный гнет. Царизм здесь, как и в других национальных районах, проводил политику подавления национальной культуры и насильственной руссификации. Коми не имели зачатков своей государственности и даже в административном отношении были расчленены на несколько частей. Царские чиновники не признавали ни коми языка, ни коми национальной культуры. Все делопроизводство в учреждениях, преподавание в школах и т. д. велись на русском языке, непонятном для многих коми. Царизм преследовал прогрессивных деятелей из местного населения, пресекая всякую инициативу с мест. Например, первый коми поэт и ученый, демократ-просветитель И. А. Куратов (1839—1875 гг.) из-за притеснений со стороны царских чиновников и духовенства вынужден был покинуть родные места и умер в далекой Средней Азии, а его произведения при царизме так и не были опубликованы.

Царские чиновники смотрели на Коми край как на место, откуда можно выколачивать подати и куда можно сослать неугодных царизму лиц, а о развитии народного хозяйства и культуры почти не заботились. В 1903 г. казна на аппарат управления и полицию в г. Яренске и Усть-Сысольске потратила более 6,7 тыс. рублей, тогда как на «благоустройство», ветеринарию и медицину было израсходовано всего около 380 рублей в обоих городах вместе². Такая политика царизма являлась одной из серьезнейших причин экономической и культурной отсталости края.

Трудящиеся края в полной мере испытывали на себе деспотизм самодержавия. Они были лишены всяких политических прав и свобод и предоставлены полному произволу царских чиновников.

Переплетение остатков крепостничества с худшими формами капитализма, сочетание гнета феодального, капиталистического и национального с деспотизмом самодержавия тормозили экономическое и культурное развитие края, создавали невыносимо тяжелые условия жизни трудящихся. Отсюда — острые классовые

¹ Обзор Архангельской губернии за 1905 г., Арх., стр. 40.

² Очерки по истории Коми АССР, т. 1, стр. 297.

противоречия и в Коми крае. Здесь, как и по всей стране, назревали две социальные войны: война всех трудящихся и угнетенных слоев против самодержавия и война рабочих и деревенской бедноты против буржуазии.

Однако в крае имелся ряд неблагоприятных обстоятельств, обусловленных экономической и культурной отсталостью, тормозивших развитие революционного движения. Это, прежде всего, отсутствие значительной прослойки промышленного пролетариата и пролетарских организаций среди местного населения. Немногочисленный отряд рабочих был разбросан мелкими группами на обширной территории среди крестьянского населения, был неорганизован и имел весьма низкий уровень политического сознания. Поэтому рабочие еще не могли сплотить вокруг себя массу местного крестьянства и поднять его на открытую революционную борьбу.

Сельское население края было в культурном и политическом отношении отсталым. В наиболее развитых привычегодских волостях грамотность населения в 1909 г. составляла 19%¹, а в остальных — значительно ниже. Среди крестьян были еще сильны религиозные и царистские предрассудки. Классовые противоречия среди них часто прикрывались пережитками патриархальных отношений.

Одним из неблагоприятных обстоятельств являлось отсутствие удобных путей сообщения. Это затрудняло установление прочных экономических и культурных связей между различными районами, тормозило рост культурного уровня и политической сознательности масс, мешало установлению руководства революционной борьбой трудящихся края со стороны пролетариата промышленных центров и организации совместных выступлений трудящихся разных районов.

2. Классовая борьба в крае в 1905—1907 гг.

Несмотря на наличие вышеотмеченных неблагоприятных обстоятельств, глубокие объективные причины заставляли трудящихся края все более активно выступать против своих угнетателей. Через ссыльных большевиков, на службе в армии и на отхожих промыслах они усваивали демократическую культуру русского народа, воспринимали революционную идеологию русского пролетариата. Общность интересов служила прочной базой для их союза с русским пролетариатом. Под влиянием революционных событий в центре в 1905—1907 гг. трудящиеся Коми края усилили борьбу против своих угнетателей, стихийно шли на союз с русским пролетариатом.

¹ Труды экспедиции по исследованию земель Печорского края, т. II, стр. 30.

Большую роль в политической жизни Коми края играли политические ссыльные. Царское правительство издавна ссылало сюда прогрессивных деятелей и революционеров. Особенно усилился приток политссыльных в годы революции 1905—1907 гг. В г. Усть-Сысольске и его окрестностях в 1904 г. были 22 политссыльных¹, в 1906 г. — 74 человека, а в 1908 г. — уже около 350 человек. В Усть-Цильме и ее окрестностях в 1908 г. были 217 политссыльных². Политссыльные в партийно-политическом отношении не были однородной массой. Среди них были и большевики, и представители других партий, и беспартийные.

Несмотря на тяжелые бытовые условия и постоянный полицейский надзор, политссыльные, в особенности большевики, были хорошо организованы и вели в этой глуши большую культурно-просветительную работу. В уездных центрах политссыльные организовывались в общества — колонии. Имелся товарищеский суд. Члены колоний, являвшиеся членами той или иной партии, образовывали партийную группу. Например, устьцилемская группа социал-демократов в 1908 году состояла из 25 человек.

Политссыльные организовывали культурно-просветительные общества, школы обучения взрослых, кружки, распространяли политическую литературу и т. д. Так, в Усть-Цильме в организованном политссыльными культурно-просветительном обществе участвовали 130 человек. Были организованы школа общеобразовательного характера для взрослых и ряд партийно-политических кружков. В кружке социал-демократов изучали философию, логику, этику и т. д. Кружок пользовался большой популярностью и влиянием. В нем стремились участвовать и беспартийные³.

Политссыльные держали постоянную связь с товарищами, поселенными в различных волостях края, с деятелями партии в центральных городах и за границей, получали отсюда информацию о партийных делах и разнообразную литературу. Здесь, как и по всей стране, шла острая междупартийная и внутривпартийная борьба по идеологическим и тактическим вопросам. Ссыльные постоянно общались с местным населением, вовлекали в свои кружки и общества местных жителей, оказывали на них большое влияние.

С начала революции ссыльные большевики активизировали свою политико-просветительную и агитационную работу. Устьсысольская группа социал-демократов летом 1905 г. организовала тайное печатание на гектографе и начала широко распространять революционные прокламации. В июле 1905 г. в гор. Усть-Сысольске и его окрестностях распространялась листовка «К запасным солдатам». Листовка разоблачала антинародную политику царизма и империалистическую сущность русско-японской войны,

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 1010, оп. 1, ед. хр. 17, л. 12.

² Партархив Коми ОК КПСС, ф. 520, оп. 1, ед. хр. 16, лл. 16, 32, 44, 47.

³ Там же, ед. хр. 15, лл. 68, 70.

призывала подняться, по примеру потемкинцев, на борьбу против самодержавия, направить штыки против царя, примкнуть к социал-демократам. Листовка кончалась призывом: «Долой самодержавие! Долой войну! Да здравствует учредительное собрание!» В это время в городе были собраны около 800 запасных солдат для отправки в части. Среди них, наряду с распространением прокламаций, велась и устная революционная пропаганда. Под влиянием агитации среди запасных возникли волнения. Они грозились отобрать имущество торговцев города и взять в плен всю полицию во главе с исправником, а полицейского пристава — «пристукнуть» за слежку¹. Волнения запасных вызвали большой переполох среди местного чиновничества и купечества. Их поспешили изолировать от окружающего населения и отправить к месту назначения.

В июле 1906 г. в г. Усть-Сысольске распространялась прокламация, озаглавленная «Российская социал-демократическая партия», по словам полицейских, «возбуждающая население». Прокламация разъясняла революционную обстановку в стране и призывала ко всенародному восстанию за свержение самодержавия².

Политссыльные не ограничивались только агитацией и пропагандой. Они сами организовывали революционные выступления. Так, 1 мая 1906 г. в с. Ижме политссыльные устроили демонстрацию. При попытке полицейского пристава со стражниками отнять флаг и разогнать демонстрацию участвующие оказали им решительное сопротивление. С пением революционных песен и с красными флагами с лозунгом «Долой самодержавие!» демонстранты прошли по всему селу³.

25 июня 1906 г. политссыльные устроили демонстрацию с пением революционных песен в г. Усть-Сысольске. За ними наблюдала собравшись группами местная молодежь, хотя и не принимала активного участия. Эта демонстрация была разогнана полицией. На следующий день исправник решил наиболее активных участников ее выслать в отдаленные волости. Тогда 55 человек явились в полицейское управление с протестом против полицейского произвола и предъявили ряд других требований. Испугавшись усиления волнений в городе, исправник вынужден был отменить свое решение⁴.

Демонстрации политссыльных происходили также 19 ноября 1906 г. в с. Усть-Цильма и 1 мая 1907 г. в г. Яренске. Причем, в последнем к демонстрантам примкнули и местные жители⁵. В г. Усть-Сысольске 1 мая 1907 г. до 70 человек политссыльных

¹ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 301; ЦГА Коми АССР, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 674, л. 37.

² Партархив Коми ОК КПСС, ф. 520, оп. 1, ед. хр. 16, л. 35.

³ Очерки, стр. 303.

⁴ Партархив Коми ОК КПСС, ф. 520, оп. 1, ед. хр. 15, лл. 32—34.

⁵ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 304, 307; Партархив Коми ОК КПСС, ф. 520, оп. 1, ед. хр. 15, л. 57.

и представителей местного населения устроили собрание, готовясь к демонстрации, но в это время туда нагрянула полиция и произвела обыск. Были обнаружены красные флаги с лозунгом «Да здравствует социализм», прокламации «1-е Мая», «Российская социал-демократическая рабочая партия», «Комитет думской фракции РСДРП» и другие, а также различные брошюры¹.

Прокламации и революционная литература распространялись также и по волостям. Например, в 1906 г. в д. Кедвавом были обнаружены листовки, призывающие к восстанию и неповиновению властям, а в с. Усть-Цильма среди запасных солдат распространялись революционные прокламации. В 1907 г. были разбросаны брошюры революционного содержания у с. Читаево. В том же году были обнаружены листовки в сс. Летке и Помоздино и в г. Усть-Сысольске. В Часовской волости перед прохождением через нее новобранцев были разбросаны прокламации, разоблачавшие антинародную сущность правительства и призывавшие не слушаться начальства, не стрелять в народ, а вместе добиваться свободы². Подобных примеров можно привести много.

Нелегальная литература по своему содержанию была далеко не однородной. Распространялись издания социал-демократов, эсеров, кадетов и пр. Больше всего сведений имеется об обнаруженных листовках и брошюрах эсеровского содержания. Но широко распространялись также прокламации и книги социал-демократов. Особенно активную агитационно-пропагандистскую работу вели социал-демократические группы политссыльных в г. Усть-Сысольске и с. Усть-Цильме.

Революционная программа большевиков, предусматривающая ликвидацию всех остатков феодализма, разрушение капитализма и построение социалистического общества и вместе с тем ликвидацию феодального, капиталистического, национального и всякого иного угнетения человека человеком, полностью соответствовала потребностям экономического и культурного развития Коми края и интересам трудящихся. Поэтому большевистские лозунги, по мере роста политической сознательности масс, находили среди них все более широкий отклик и поддержку.

Ухудшение материального положения в условиях войны, революционные события в центре России и революционная пропаганда в крае обуславливали рост политического сознания, усиление классовой борьбы трудящихся масс, что нашло свое выражение в выступлениях рабочих и крестьян края против самодержавия и господствующих классов. Так, в ноябре 1905 г. почтово-телеграфные работники гг. Усть-Сысольска и Яренска присоединились к всероссийской стачке почтово-телеграфных работников. Почта и телеграф несколько дней не работали. Активные участники этой

¹ Партархив Коми ОК КПСС, ф. 520, оп. 1, ед. хр. 16, л. 69.

² ЦГА Коми АССР, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 676, л. 1; ед. хр. 799, лл. 6, 9, 10, 19, 20, 21, 31, 76, 98, 101, 103.

стачки были администрацией или уволены, или переведены на работу в другие места. Только после этого работа почты и телеграфа возобновилась¹.

В декабре 1905 г. происходили волнения среди рабочих Кажимского завода, которые отказались повиноваться администрации, устраивали собрания и предъявили ряд экономических требований, а именно: увеличить зарплату, уменьшить рабочий день, производить расчет еженедельно и наличными, ввести призрение семей рабочих-инвалидов за счет заводоуправления и т. д. Одновременно распространялись воззвания с лозунгами: «Да здравствует народное правление!» «Да здравствует свобода!», «Да здравствует рабочий народ!» и др. В случае неудовлетворения требований они угрожали общей забастовкой. Вожаками являлись рабочие, прибывшие с заводов Урала и Сибири, закрытых из-за забастовки. Только путем усиления полицейского надзора и мелких экономических уступок (была увеличена плата за выработку мелкосортowego железа) заводоуправлению удалось предотвратить забастовку². В ноябре 1905 г. состоялся митинг на Сереговском солеваренном заводе. Рабочие потребовали сокращения рабочего дня и увеличения зарплаты. Хозяин вынужден был частично удовлетворить требования рабочих³.

Эти первые, хотя еще и небольшие, успехи массового рабочего движения в крае имели громадное политическое значение. Они убеждали, что рабочие могут добиться удовлетворения своих требований и улучшения своего экономического положения только путем организованной борьбы против своих хозяев. Эти выступления оказали сильное влияние на дальнейшее развитие классовой борьбы в крае.

В 1906—1907 гг. борьба рабочих края продолжалась и даже поднялась на более высокую ступень развития. От чисто экономических требований рабочие в ряде случаев переходят к политическим требованиям. Так, в июле 1906 г. на Сереговском заводе происходила новая забастовка. 18 человек были уволены с работы. Но хозяева вынуждены были их принять обратно⁴. В декабре того же года прекратили работу 150 рабочих рудников Кажимского завода. Они потребовали увеличения зарплаты и им удалось добиться гарантированного минимума почасной оплаты⁵.

Стремясь отвлечь рабочих от революционной борьбы, администрация и местная полиция стремились использовать эсеро-анархистские элементы. Для этой цели в Нювчиме эсером дяконом Кашиным по поручению полиции были организованы так называемые «общество трезвости» и «боевой комитет», как будто бы

¹ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 302; Партархив Коми ОК КПСС, ф. 520, оп. I, ед. хр. 15, лл. 45—46.

² Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 302; ЦГА Коми АССР, ф. 1010, оп. I, ед. хр. 16, лл. 2—3 и ф. 13, оп. I, ед. хр. 9, лл. 8—11.

³ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 302—303.

⁴ ЦГА Коми АССР, ф. 156, оп. I, ед. хр. 1121, 1122.

⁵ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 304.

для руководства борьбой рабочих. Стараясь добиться доверия рабочих, Кашин, при помощи управляющего заводом Косолапова, открыл чайную, организовал библиотеку, хор и любительский театр. Чтобы дискредитировать революционное движение и оттолкнуть от него рабочих, Кашин и его подручные подбивали рабочих на провокационные выступления (на подготовку взрыва квартиры устьсыольского исправника, поджог леса, порчу оборудования завода и т. д.). Одновременно «боевой комитет», созданный из более отсталых элементов, устраивал суды и избияния передовых рабочих. Таким образом Кашин хотел подчинить своей провокационной деятельности более сознательных рабочих. Некоторые из них вынуждены были уехать с завода. Одновременно в церкви систематически произносились проповеди и проклятия против «крамольников», т. е. революционеров. Однако ни угрозы полиции, ни проклятия попов, ни провокации эсеров не смогли отвлечь рабочих от борьбы за свои справедливые требования. 20 февраля 1907 г. на Нювчимском заводе состоялась политическая демонстрация, в которой участвовало все население поселка, в том числе и женщины, выставившие требование равноправия. От имени собравшихся в адрес второй Государственной думы была послана телеграмма с требованием дать народу политические свободы, а крестьянство освободить от непосильных налогов. Среди крестьянства окрестных селений рабочие распространяли листовки, призывавшие вести борьбу против царских чиновников, кулаков и попов. Все это свидетельствует о росте политической сознательности рабочих. Они поднялись до осознания общности своих интересов с интересами трудовых масс крестьянства, стремились вовлечь их в общую революционную борьбу и руководить этой борьбой. Рабочие выдвинули политические требования. Но вместе с тем они, видимо, еще возлагали некоторую надежду на Государственную думу. Это было обусловлено отсутствием среди них большевистской организации. В этом была их слабость.

1 мая 1907 г. в Нювчимском поселке, несмотря на угрозы полиции и уговоры Кашина, были вывешены красные флаги и состоялся большой митинг. Кашин, потеряв всякий авторитет среди рабочих, вынужден был покинуть завод, а его «боевой комитет» распался¹.

1 мая того же 1907 г. на лесопильном заводе шведской фирмы «Стелла Поляре» в низовьях Печоры забастовали до 900 рабочих, среди которых были и русские, и коми. Забастовщики устроили демонстрацию и митинг с участием около 400 чел., которые проходили под лозунгами: «РСДРП», «Да здравствует 1 мая!», «Да здравствует мир и свобода!» и др. К бастующим рабочим завода присоединились коми сплавщики-сезонники². В то

¹ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 805—806.

² Там же, стр. 307; Партархив, ф. 520, оп. I, ед. хр. 15, л. 57.

же время забастовали в Ижме 80 сплавщиков-сезонников шведской фирмы «Ульсен, Стампе и К^о» и потребовали выплаты всего заработка и путевых денег¹.

Упорная борьба развернулась на Сереговском заводе. В течение трех недель рабочие бастовали. Несмотря на то, что администрация вызвала отряд жандармов из г. Яренска, они отказались работать на прежних условиях, устраивали политические демонстрации. Заводу управление вынуждено было пойти на уступки, согласиться на повышение заработной платы и сокращение рабочего дня².

Так боролись рабочие края в 1905—1907 гг. против самодержавия и своих хозяев-капиталистов за демократические свободы и за улучшение своего материального положения.

Революционные события по всей стране, выступления политссыльных и рабочих заводов в крае, большевистская агитация оказывали революционизирующее влияние на трудящиеся массы коми крестьянства.

В 1905 г. крестьяне отказывались от уплаты налогов и штрафов, самовольно рубили лес и открыто, в присутствии начальства (урядников), выражали свое недовольство существующим политическим строем. Они заявляли, что «никакого порядка наш государь не понимает, раздает деньги всем жалованщикам, а крестьянам прибавляет подати», «такой закон, какой существует в России, это неправильный закон, из-за чего и должны все в России бунтовать, а все должностные лица, какие бы то ни были,—кровопийцы крестьян» и т. д.³ Крестьянин д. Кедвавом А. Д. Сметанин публично ругал царя душегубом. У него же полицией были обнаружены листовки, «призывающие к неповиновению властям и бунту»⁴.

От пассивного сопротивления и одиночных проявлений недовольства существующими порядками трудящиеся массы крестьянства в годы революции перешли к массовым формам борьбы. В декабре 1905 г. в Койгородской волости 53 запасных, бывших фронтовиков, явились в волостное правление и потребовали выдать пособия их семьям, бесплатно отпустить лес и снять все подати за период пребывания их в армии, причем заявляли, что они читали листовки и начальству не верят. Крестьяне написали прошение со своими требованиями на имя губернатора. Волостным властям лживыми обещаниями удалось успокоить крестьян и заставить разойтись. Подобные же волнения происходили в

¹ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 307; Партархив, ф. 520, оп. 1, ед. хр. 15, лл. 53—55.

² Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 308.

³ Федотова Е. Революционное движение в Архангельской губернии в годы первой русской революции (1905—1907 гг.), Арх., 1953, стр. 56; ЦГА Коми АССР, ф. 1010, оп. 1, ед. хр. 16, л. 4.

⁴ Партархив Коми ОК КПСС, ф. 520, оп. 1, ед. хр. 15, л. 50.

Визингской и Шиловской волостях¹. Крестьяне Кедвавомской волости Печорского уезда отстранили от должности волостного старшину и делопроизводителя и поставили на эти должности своих людей. Отстраненный старшина доносил чиновнику по крестьянским делам, что в Кедве «бунт против правительства». Последний доложил выше и получил предписание выехать в Кедву для «усмирения». Приехавшему чиновнику не удалось «усмирить» крестьян. Смещенный старшина не был принят обратно на старую должность, а приехавшему «усмирителю» отказали в лошадях².

В феврале—марте 1906 г. вновь произошли волнения в Визингской волости. Непосредственным поводом к возмущению крестьян послужило увеличение земских сборов почти вдвое. На бурном собрании, происходившем в феврале, крестьяне решили убрать с должности ненавистного волостного старшину и требовали снять с них все подати, сбавить жалование чиновникам, упразднить должности сборщика податей и земского начальника и т. д. Наиболее активно и на этот раз выступали 30—40 человек из запасных солдат. Для окончательной выработки требований крестьяне решили созвать новый сход и вызвать на него земского начальника. Председателем собрания А. И. Митюшевым была выработана целая программа, которую он предполагал поставить на обсуждение схода. В ней содержались требования: а) уничтожение сословий и установление равенства всех перед законом; б) введение всеобщего равного прямого избирательного права с тайным голосованием при выборах в Государственную думу; в) введение «прямого народного законодательства» и передача народу решения вопроса о войне и мире; г) упразднение должности земских начальников; д) амнистия политическим ссыльным; е) бесплатное обучение во всех учебных заведениях; ж) отмена косвенных налогов и оброчных платежей; з) бесплатный отпуск леса; и) выборность земских органов и т. д. Данная программа отражала насущные интересы широких слоев крестьянства, их стремление к демократизации и удешевлению органов управления. Однако и в этом случае крестьяне и их вождь Митюшев не поднялись до осознания необходимости революционного испровержения самодержавия и переустройства всего общественного и государственного строя. В программе Митюшева содержится еще вера в Государственную думу, выдвигаются народнические требования «земства», «вссословной волости», «прямого законодательства» и др. Крестьяне и здесь дали возможность властям успокоить себя уговорами и обещаниями. Предпо-

¹ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 309; ЦГА Коми АССР, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 9, лл. 8—11.

² Федотова Е. Указ. соч., стр. 56.

лагаемый сход для обсуждения требований был запрещен исправником и так, видимо, и не состоялся¹.

Активные выступления крестьян против своих угнетателей и существующих порядков наблюдались и в других местах. Выступления против царской администрации и налогового гнета были среди крестьян Кажимской волости².

Осенью 1906 же г. крестьяне Савиноборской волости оказали решительное сопротивление попытке отмежевать луга в пользу церковного причта и решили не давать лугов, хотя причт ими пользовался фактически уже лет тридцать³.

Борьбу крестьян Усть-Немской волости возглавлял отставной матрос М. Т. Шешуков, исполнявший обязанности волостного старшины. В 1906 г. прокурор Вологодского окружного суда получил донесение о том, что Шешуков вел революционную пропаганду среди крестьян, призывал к свержению государственного строя, предлагал населению «не подчиняться существующим законам и не платить налогов»⁴. Шешуковым была выработана своеобразная программа политических и экономических преобразований, изложенная в проекте решения крестьянского собрания и в прошениях на имя земского начальника и даже самого царя. Бывший матрос отличался широким кругозором и большим патриотизмом. В своих проектах он заботился о благоденствии не только своей волости, но и всей России. Причем, он никогда не отделял коми народ от русского, а территорию Коми от всей России, считая ее неотъемлемой составной частью последней. Взгляды Шешукова являлись характерными для значительной части коми крестьянства. Его проекты предусматривали демократизацию местного управления путем введения выборности всех должностных лиц, облегчение положения солдат, установление государственного контроля над промышленностью и улучшение положения рабочих, введение свободного и бесплатного землепользования, ликвидацию частной торговли и сосредоточение ее в руках государства и сельских обществ. Осуществления своих проектов автор ожидал от «помазанника божия» — царя. Он считал, что после осуществления этих реформ все люди будут жить хорошо, а Россия будет могущественным государством. Интересно отметить, что некоторые положения своего проекта Шешуков излагал на русском и на коми языках, написанных русскими бук-

¹ В «Очерках по истории Коми АССР» (т. I, изд. 1955 г.) говорится, что наказ, составленный Митюшевым, после нескольких бурных собраний был принят крестьянами Визингской волости (см. стр. 310). Имеющиеся у нас сведения не подтверждают это. См. Партархив Коми ОК КПСС, ф. 520, оп. 1, ед. хр. 15, л. 63 и ЦГА Коми АССР, ф. 1010, оп. 1, ед. хр. 16, лл. 4—5.

² «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России», 1949, стр. 800—801.

³ ЦГА Коми АССР, ф. 6, оп. 2, ед. хр. 485, лл. 175, 176.

⁴ «Исторические записки» Института истории АН СССР, № 49, 1953, стр. 425—426.

вами¹. По-видимому, он предполагал, что его проект будет читать (а возможно и читало) и коми население.

У малограмотного отставного матроса-крестьянина нет еще ясного понимания всей системы классовых отношений и социального угнетения. Он еще не нашел правильного выхода, у него много еще веры в бога и царя, его проекты наивны и утопичны. Но они в основном правильно отражают идеологию и интересы широких трудящихся слоев коми крестьянства, их стремление ликвидировать пережитки крепостничества, демократизировать управление, добиться бесплатной передачи всей земли крестьянам и избавиться от капиталистического гнета или хотя бы ограничить его.

В октябре 1906 г. крестьяне Усть-Немской волости обсуждали свой наказ властям, в котором требовали бесплатной передачи крестьянам близлежащих земель казны и церкви. Решили также больше не платить налоги². Соответствующий проект решения собрания был составлен тем же Шешуковым. За свою деятельность он был привлечен к судебной ответственности и отправлен в г. Вологду, но в 1907 г., видимо, уже не опасаясь его деятельности в глухой деревушке в период спада революции в стране, Вологодский окружной суд дело по обвинению Шешукова прекратил, как будто «ввиду болезненного расстройства душевной деятельности» обвиняемого, и он был отправлен обратно в Усть-Нем для водворения под надзор местных властей³.

Крестьянские волнения в Коми крае продолжались и в 1907 году. В июне 1907 г. крестьяне Благовещенской волости Усть-Сысольского уезда выступили против выполнения дорожной повинности. До этого они уже дважды ходили на исправление дорог и мостов. Попытка местной администрации отправить их на работу в третий раз вызвала вспышку открытого недовольства. Собравшись большой толпой (до 250 чел.), крестьяне не хотели расходиться и идти на работу. При попытке полицейских стражников силой разогнать толпу крестьяне с кольями и камнями в руках сами прогнали полицейских и урядника⁴.

В с. Пажге ненавистному волостному писарю посылались анонимные письма с угрозой расправиться за шпионаж, бросались в его окна камни. Писарь вынужден был покинуть село⁵.

Свои требования к властям предъявляли и крестьяне далекой Печоры. Здесь активную деятельность развернул крестьянин-бедняк Красноборской волости А. И. Терентьев. Он выступал против чиновников и духовенства, призывал сопротивляться властям. По его предложению крестьяне Красноборской, Усть-Ижемской, Щельяюрской и Няшабожской волостей приняли решение о со-

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 6, оп. 1, ед. 709.

² Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 311.

³ ЦГА Коми АССР, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 799, л. 214.

⁴ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 312.

⁵ ЦГА Коми АССР, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 799, лл. 66, 69.

здании своего союза с целью добиться бесплатного отпуска леса и освобождения от натуральной повинности по содержанию земско-почтового тракта Усть-Цильма — Койнас. В этот союз предполагалось вовлечь всех крестьян уезда. По предложению Терентьева же крестьяне Усть-Ижмы приняли приговор ходатайствовать перед духовной консисторией о строгом ограничении платы за церковную службу; они предлагали, чтобы за требу взимали не свыше 3 рублей. Крестьяне посылали ряд ходатайств со своими требованиями на имя губернатора и Государственной думы, но надежды их на то, что им удастся этим путем добиться осуществления своих чаяний, конечно, не оправдались, а сам Терентьев был арестован¹.

Из изложенного видно, что крестьянство Коми края в 1905—1907 гг. активно выступало против феодальных форм землевладения, за безвозмездное предоставление им казенных и церковных земель и леса, против налогового гнета буржуазно-помещичьего государства, против его местной администрации. Выступая против последней, трудящиеся боролись одновременно и против буржуазии, из среды которой выдвигались представители местной власти и интересы которой они защищали. Требования предоставления всей земли тем, кто ее обрабатывает, и ограничения частной торговли также были направлены против капиталистической эксплуатации.

В годы революции, наряду с борьбой всей массы крестьянства против гнета со стороны буржуазно-помещичьего государства, внутри крестьянской общины развивалась борьба бедноты против кулачества. Эта борьба в истории коми крестьянства еще слабо изучена и почти совершенно не нашла освещения в литературе. Но о наличии ее говорят уже и вышеприведенные и ряд других фактов. Например, в октябре 1907 г. в с. Пыелдино были расклеены листки с лозунгами, направленными против властей, местного торговца и священника². В ноябре того же года в с. Пажге бедняцкая часть крестьянства, возмущенная увеличением оброчных платежей и жульническими махинациями властей, отобрала книгу оброчных платежей и хотела арестовать представителей местной власти. Только обещанием изменить распределение платежей в пользу бедноты властям удалось удержать их от дальнейших действий³.

Таким образом, в 1905—1907 гг. в Коми крае борьба всей массы рабочих и крестьян против царской администрации переплеталась с борьбой рабочих и сельской бедноты против буржуазии, что происходило и в других районах страны. Но на данном этапе развития классовой борьбы наиболее широкое распространение получили общедемократические требования трудящихся.

¹ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 311—312; Партархив Коми ОК КПСС, ф. 520, оп. 1, ед. хр. 16, лл. 37—38.

² ЦГА Коми АССР, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 799, лл. 93—97.

³ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 312.

Коми национальная буржуазия, экономически и политически слабая и зависящая от русского и иностранного капитала, сросшаяся с чиновничьим аппаратом самодержавия и являвшаяся его социальной опорой в крае, была контрреволюционной. Ее представители в местном государственном аппарате, а также и непосредственно сами предприниматели, где уговорами и обманом, а где и путем привлечения полиции и жандармерии, подавляли революционное движение. Боясь активизации трудящихся масс, коми буржуазия в период революции 1905—1907 гг. не выдвигала даже буржуазно-националистических требований. Она боялась очутиться лицом к лицу с трудящимися, стремилась сохранить свою опору — аппарат самодержавия, воспрепятствовать развитию классового самосознания и политической активности трудящихся масс.

Отдельные представители буржуазной интеллигенции, примыкавшие к кадетам и эсерам, выдвигали пожелания получить от самодержавия некоторые, крайне ограниченные реформы с тем, чтобы расширить возможности участия буржуазии в разрешении местных вопросов. Но они не хотели коренных политических и экономических реформ, были далеки от интересов народа и боялись его активности. Например, примыкавший к кадетам агроном Вешняков в своих письмах к единомышленникам выражал желание иметь монархию с крайне ограниченной конституцией и хотел некоторого расширения прав земств. В то же время он открыто выражал боязнь перед «крайне левыми» партиями, т. е. перед большевиками, опасался, как бы они не взяли власть и не втянули страну в «междоусобицы» т. е. в гражданскую войну. Но кадеты не пользовались поддержкой даже среди большей части интеллигенции. Попытки их создать свои организации среди последних кончились провалом. На собрании учителей в с. Межадоре из 11 человек участников Вешнякову удалось уговорить только троих, а в с. Иб — ни одного. Вешняков с горечью вынужден был признать, что за ним «не идут»⁴.

Некоторым влиянием среди части крестьянства, по-видимому, пользовались эсеры. Об этом свидетельствуют широкое хождение эсеровских брошюр и прокламаций и отражение их идеологии в некоторых требованиях крестьян (например, у вышеупомянутых Митюшева и Терентьева).

По мере роста политической сознательности масс укреплялось влияние большевиков. Косвенными доказательствами этого являются распространение большевистской литературы (среди обнаруженных полицией нелегальных изданий упоминаются «Капитал» К. Маркса, «К деревенской бедноте» В. И. Ленина, прокламации ЦК РСДРП и др.), активизация масс и в ряде случаев выдвижение политических требований.

⁴ Партархив Коми ОК КПСС, ф. 520, оп. 1, ед. хр. 15, лл. 38—39.

Классовая борьба в Коми крае в 1905—1907 гг. была составной частью буржуазно-демократической революции, развернувшейся в стране. Она развивалась в связи и под непосредственным влиянием революционных событий в других районах. Однако, в силу уже упомянутых неблагоприятных обстоятельств, развитие классовой борьбы здесь отставало по сравнению с центральными районами как во времени, так и по охвату масс населения и по своим формам. Активные выступления трудящихся масс края начались только в конце 1905 г., т. е. в момент высшего подъема революции в стране (ноябрь — забастовка почтово-телеграфных работников в Усть-Сысольске и Яренске, митинг на Сереговском заводе; декабрь — волнения рабочих Кажимского завода, волнения крестьян в Койгородской и других волостях) и усилились в 1906 г. (демонстрации политссыльных, выступления рабочих на Нювчимском, Кажимском и Сереговском заводах, волнения крестьян Визингской, Усть-Немской и др. волостей), когда революция в центре уже пошла на убыль.

В классовой борьбе активно участвовали политссыльные, рабочие заводов, трудящиеся массы крестьянства ряда волостей, в особенности запасные солдаты. Складывавшийся стихийно в стране союз рабочего класса с крестьянством здесь являлся союзом русского рабочего класса с коми крестьянством. Однако следует отметить, что активные массовые выступления последних, по имеющимся сведениям, происходили далеко не повсеместно.

Наиболее характерной формой борьбы политссыльных являлась политическая демонстрация, проходившая под лозунгом «Долой самодержавие!», а основным видом борьбы рабочих была забастовка с выдвиганием экономических требований, реже отмечаются политические демонстрации и митинги (напр., в 1907 г. в Нювчине). Наиболее распространенной формой массовых крестьянских выступлений было предъявление коллективных требований об уменьшении податей, о предоставлении леса и земли, о замене неугодных представителей администрации и т. д., т. е. об удовлетворении своих непосредственных местных нужд.

Таким образом, классовая борьба в крае развилась до политической демонстрации и забастовки, но не вылилась в вооруженное восстание. Среди трудящихся края еще жива была надежда добиться удовлетворения своих нужд и требований мирным путем. До осознания необходимости насильственного ниспровержения самодержавия и революционного переустройства всего государственного и общественного строя дошли только немногие представители местного населения.

Революция 1905—1907 гг. в стране в силу целого ряда причин потерпела поражение. После 1907 г. и в Коми крае происходит спад классовой борьбы. Однако опыт 1905—1907 гг. для трудящихся коми, как и для народов всей страны, не пропал даром.

В ходе совместной борьбы окрепла дружба трудящихся коми с великим русским народом. Героическая революционная борьба

русского пролетариата являлась вдохновляющим примером для трудящихся коми. Через нелегальную литературу и путем личного общения представители коми народа познакомились с революционной идеологией русского рабочего класса. Из числа коми крестьян наиболее активное участие в классовой борьбе в 1905—1907 гг. принимали лица, побывавшие в армии, на отхожих промыслах или общавшиеся с политссыльными. Представители русского народа в лице политссыльных и рабочих на заводах были наиболее активной революционной силой в крае, политическими воспитателями и руководителями масс коми крестьянства. Передовые представители коми народа стали понимать, что трудящиеся края могут добиться своего социального и национального освобождения лишь в результате победоносной революционной борьбы в союзе, при помощи и под руководством русского рабочего класса.

Д. Д. БАЛУЕВА

ИЗ ИСТОРИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОМИ КРАЕ В XVIII ВЕКЕ

За короткий срок после Октябрьской революции Россия из отсталой сельскохозяйственной страны превратилась в мощную индустриальную державу. Коренным образом изменилась жизнь бывших национальных окраин. Тем больший интерес должна вызвать прошлая история нашей страны вообще и история отдельных народов в частности.

Основную массу населения в дореволюционной России составляло крестьянство, поэтому, естественно, внимание советских исследователей прежде всего привлекала история крестьян. Особенно это относится к феодальному способу производства, при котором крестьянство являлось основным производителем материальных благ.

Данная статья посвящена вопросу из области поземельных отношений среди государственных крестьян Коми края в середине XVIII века. Если для России в целом в этот период было характерно наличие различных групп и категорий крестьянства, среди которых первое место занимали помещичьи, то Коми край почти исключительно был населен государственными крестьянами. Известно, что разряд государственных крестьян был окончательно оформлен в последний период царствования Петра I. По указам 1719—1724 гг. в этот разряд были включены различные категории крестьян, в том числе и черносошные крестьяне Европейского Севера. Академик Н. М. Дружинин в работе «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» указывал, что «государственные крестьяне занимали в нашей стране очень своеобразное положение сравнительно с помещичьими крестьянами»¹.

Для Коми края, где жило в основном черносошное крестьянство, это своеобразие заключалось прежде всего в формах поземельных отношений. Как и на всем русском Севере, последние имели здесь свои особенности, отличаясь во многом от централь-

¹ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, М.-Л., 1946, стр. 3—4.

ных районов русского государства. Для всего Севера было характерно абсолютное преобладание государственных земель. Тем более это относится к Коми краю, где церковные земли были незначительны, а помещичье землевладение вообще отсутствовало. Феодалным собственником всей земли являлось государство, которое передавало земли крестьянам и получало за это денежную ренту. Фактически почти вся удобная для обработки земля находилась в руках черносошных крестьян.

В качестве земельной единицы здесь в XVIII веке продолжала существовать сложная территориальная община, которая обычно совпадала с административной волостью. У нее имелись общие угодья, леса, реки, а также «мирские покотины». Такая община могла распоряжаться пустыми, покинутыми землями отдельных крестьян, которые на время становились «мирскими». Но для изучаемого периода классическая община с систематическими переделами не была характерна, ибо она возникла здесь позднее, приблизительно в первой половине XIX века. В XVIII веке вопрос об общих переделах лишь ставился. Так, в одном из донесений архангелогородского губернатора за 1764 г. в качестве будущей практики указывалось на необходимость у черносошных крестьян «имеющиеся у них крепости отобрать и впредь не писать, а делить им земли и раздавать в волостях недостаточным равномерно, так как и помещики своих крестьян по числу людей, кто что снести может, уравнивают»¹. Речь здесь идет о введении переделов, которые должны были приблизить черносошных крестьян севера к помещичьим. Пользуясь своим правом на землю, государство на протяжении XVII—XVIII вв. пыталось ограничить свободу крестьян в распоряжении землей. Во второй половине XVIII века правительство издало межевую инструкцию (1766 г.), которая вообще запрещала отчуждение земельных участков государственных крестьян. Но, издавая указы и инструкции, оно не в силах было требовать точного исполнения их, прежде всего в силу экономических условий.

Товарно-денежные отношения в Коми крае в этот период не получили еще широкого развития. В то же время уплата податей постоянно требовала наличных денег. Наиболее верными источниками для получения последних были заклад и продажа земли. Тем более что коми крестьянин, в силу отсутствия контроля со стороны общины, мог сравнительно свободно распоряжаться ею.

Основной формой землевладения в Коми крае на протяжении почти всего XVIII века было подворное. Как правило, не только пахотные, но и сенокосные угодья были в индивидуальном пользовании крестьянского двора и не подвергались переделам. Поскольку землей пользовались из поколения в поколение, передавая ее по наследству, появились элементы владения землей.

¹ Центральный государственный архив древних актов, фонд Архангелогородской губернской канцелярии (403), д. 594, л. 63.

Государственный черносошный крестьянин приобретал относительную самостоятельность и становился условным владельцем земли. Он не только передавал по наследству, менял и закладывал часть или всю свою землю, за ним было право продажи своего земельного участка. И на протяжении всего XVIII века мы наблюдаем не только акты обмена и заклада земель, но также постоянно встречаются акты купли-продажи земли. Однако при любых формах распоряжения землей соблюдалось одно условие — земля не выходила из тягла. Государство, как верховный землевладелец и собственник земли, получало ренту в том или другом виде. В этом отношении черносошный крестьянин Коми края был зависимым землевладельцем. К. Маркс писал, что «свободная собственность крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, есть, очевидно, самая нормальная форма земельной собственности для мелкого производства, в котором обладание землей есть условие принадлежности работнику продукта его труда и в котором земледелец, свободный собственник или зависимый, производит всегда сам себе средства к жизни, независимо, как отдельный работник с своей семьей»¹. Обладая землей, коми крестьянин не только вел самостоятельно свое хозяйство, производил себе средства к жизни, но и распоряжался ею. На различных формах распоряжения землей мы и остановимся в дальнейшем изложении.

Прежде чем перейти к этому вопросу, надо отметить, что в изучаемый период все земли в Коми крае самими крестьянами делились на две большие категории. Одни земли являлись наследственными, или, по выражению документов, «природными». К ним принадлежали, во-первых, земли, передававшиеся с давних времен по праву родства, и, во-вторых, вновь расчищенные в том или другом поколении. В более ранние времена они носили название «печищных», но в материалах XVIII века это название почти не встречается. Другая часть земель приобреталась крестьянами по различным купчим, закладным крепостям и считалась «крепостными» или благоприобретенными.

Крестьяне строго различали земли крепостные и природные, хотя фактически в пользовании и в распоряжении этими землями они имели приблизительно одинаковые права. Доказательством для обладания землей служили как наследственные права, так и крепостные документы. Да и одна категория земель могла превратиться в другую. Так, благоприобретенная земля во втором и третьем поколении считалась уже наследственной, т. е. родовой.

Старинных родовых земель, передававшихся из поколения в поколение, к XVIII веку сохранилось мало, т. к. земли находились в интенсивном обращении. Но несмотря на это, право родства в Коми крае на протяжении всего XVIII века в области земельных отношений продолжало играть значительную роль, в частности

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, 1949, стр. 820.

право получения определенного пая по наследству, право выкупа родственниками наследственных земель и т. д. Восстановление этих прав крестьяне нередко требовали по суду.

Например, крестьянин Палевицкой селения Осипов просил возратить ему сенные покосы и пашенные поля на том основании, что они были куплены его прадедом; «по смерти же прадеда моего,— писал истец,— владение теми же пожнями имели дед и отец мой, а по ним и я...»¹. По решению суда земли были оставлены за просителем, т. к. он имел на них право наследника.

Крестьянин Подъяельской волости Попов жаловался в Усть-Сысольский уездный суд на то, что полянкой, доставшейся ему от отца, завладели крестьяне той же волости Пиминовы «совсем посторонние, не родственники» и просил земли на выкуп. В своем прошении он указывал на то, что в 1750 г. его отец пахотную и сенокосную земли купил у своего двоюродного брата, т. е. и куплена была земля по праву родства и иск на владение ею предъявлялся на том же основании. Дело решили крепостные документы, которые были представлены просителем Поповым в суд. Он получил землю. В обоих этих случаях приобретенные земли со временем становятся, наравне с родовыми, наследственными. Но это положение в отношении тех и других земель, видимо, часто нарушалось, т. к. крестьяне постоянно жалуются на то, что их родовыми землями владеют посторонние люди.

При отсутствии официальных документов ближние родственники имели равные права на наследование земель как родовых, так и приобретенных.

Так, в 1801 г. в Усть-Сысольском уездном суде разбиралось дело в связи с жалобой крестьянина Парчевской деревни Изъюрова на крестьянина той же деревни Петрунева, который завладел не принадлежавшими ему землями. На основании различных крепостей и деловых бумаг, предоставленных в свое время в суд, мы можем проследить историю земельных накоплений одной семьи. Наряду с переходом земли по наследству, происходило постепенное увеличение земельных владений за счет приобретения земли по купчим и закладным. В деле приведены различные крепости на землю, начиная с конца XVII в. (1696 г.) вплоть до 90-х годов XVIII в.

Но поскольку крепости, деловые и поступные, предъявленные в суд, не были официально оформлены, их не приняла во внимание. И было принято решение: 1. В связи с тем, что и истец и ответчики состояли в родстве и являлись наследниками, земли разделить между ними на равные части. 2. Землю, принадлежавшую матери Петрунева, «не деля на части, велеть владеть ему П. Петруневу»².

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 100, оп. 1, д. 22, л. 1 об.

² ЦГА Коми АССР, ф. Усть-Сыс. уездн. суда, д. 36, л. 39, л. 58 об.

Родственники имели право выкупать не только земли, отнятые у них незаконно, за ними было также право на выкуп земель, которые были заложены их предками. В 1727 г. крестьянин М. Осипов бил челом в Яренскую воеводскую канцелярию на крестьянина Х. А. Размыслова, который не дал ему на выкуп землю, заложленную отцом и дядей Осипова (хотя Осипов просил земли на выкуп несколько раз): «Я Мокей,— показывал Осипов,— по вышеописанным кабалам деньги на выкуп тех пожен ему Харламу [давал] (Д. Б.), а он Харлам денег не принял и пожен на выкуп не дал»¹.

Но не всегда наследник мог использовать свое право. Крестьянин Жаков просил на выкуп свою родовую пожню. Но владелец пожни ссылался на то, что пожня была заложена в 1745 г., а потом переходила из рук в руки. «По коле уже он (Жаков) состоит по той пожне в дальнем родстве и на выкуп я ему по меновой, как уже происходили (переходили — Д. Б.) пожни из руки в руки переводом, отдать ему не согласен»², объяснял ответчик. В этом случае интересно указание на степень родства, как условие на право выкупа. Бесконечны были жалобы крестьян в Яренскую воеводскую канцелярию на то, что посторонние люди владеют их природными землями. А это свидетельствует о том, что в XVIII в. преимущественные права родственников стали постепенно терять свою силу; основным доказательством права на землю все больше становился письменный документ, крепость.

Крестьянин Ибской волости Муравьев писал в своем доношении, что священник той же волости «владеет сильно природным отцом моего недвижимым именем», и его Муравьева «до того владения, яко сущего родственника не допускает»³. Священник в доказательство своих прав предъявил купчую крепость от 1731 г., по которой он владел землей. На основании этого документа последняя была оставлена за ответчиком. И все же, судя по делам, разбиравшимся в Яренской воеводской канцелярии, правом родственника на выкуп родовых земель крестьяне пользовались весьма широко.

На протяжении всего XVIII в. сохранялось за родственниками и право получения определенного пая по наследству. Дети мужского пола, как правило, получали равные доли. Земля переходила по наследству в силу обычая, традиции. Такой переход земли из рук в руки не нуждался в письменном оформлении. В 1728 г. крестьянин Палевицкой волости Огибин подал в суд на родных братьев, обвиняя их в том, что они не дали полагавшейся ему по наследству земли. На суде брат Матвей, выступивший от лица братьев-ответчиков, показал, что «все братья по разделу и по благословению покойного отца Венедикта, в том числе и

¹ ЦГАДА, ф. Яренской воеводской канцелярии (609), оп. 1, д. 771, л. 1.

² ЦГА Коми АССР, ф. 99, оп. 1, д. 14, л. 1 об.

³ ЦГАДА, ф. 609, оп. 2, д. 164, л. 1.

истец — брат Федор, владеют равными паями. А деловых записей и никаких писем в разделе от отца им не дано и после отца меж собой ничего не писали»¹. Несомненно, отец сделал устное распоряжение, так как в дальнейшем Матвей ссылался на то, что «разделенную отцом на 6 паев землю они вервили»². Каждый брат владел положенным паем, за исключением пожни, на которую мать дала особое письмо, отказав ее сыну Матвею. Это была земля, приобретенная по крепости, она перешла тому, кто получил в руки крепостной документ. Но встречаются случаи, когда родители писали духовные письма, подробно распределяя земли между детьми. У нас есть духовная память от 1774 г. крестьянина Зеленецкой волости Ф. У. Петрунева. Возможно, что составление памяти было вызвано тем, что старшие сыновья были выделены из общего хозяйства уже раньше. Оставшуюся часть отец делил только между тремя сыновьями: Кузьмой, Иосифом и Петром, ссылаясь при этом на прежде состоявшийся раздел части земли между тремя старшими сыновьями. Отец указывал, что «свои их повыток все сполна по частям без вывода отдал, поля и пожни; и скота, и живота, и всякой крестьянской завод, что к делу досталось, а отделились уже минуло тому назад 18 годов»³. Но независимо от того, оформлялся или не оформлялся раздел письменно, дети получали определенные доли. При каждом разделе между землями родственников устанавливались межи.

Братья могли и не делиться, продолжая после смерти отца жить в одном доме и вести общее хозяйство. В допросе по делу о курении вина крестьянин Вотчиноской волости, деревни Вадырской Ф. А. Попов сказал, «что живет он в той деревне с братьями своими родными Мокием да Федором же малым в общем одном своем дворе не заделом»⁴. По договоренности братья могли оставить в общем пользовании часть как движимого, так и недвижимого имущества. В общем владении могли оставаться как родовые, так и благоприобретенные земли. Крестьяне Жешартской волости братья Кузнецовы имели крепостной деревенский участок, которым их отец владел с 1723 г. Этот участок был в общем их владении до 1770 г., когда братья Стахей и Иван «между собою полюбовно разделили половину участка, а еще через 3 года другую половину участка также между собой «по равной части» поделили два других брата — Семен и Степа»⁵. Значит, общее владение между родственниками не было застывшей формой. В любое время родственник мог требовать выделения своего пая и отделения от совладельцев.

Наследниками, помимо детей и родных братьев, могли быть и более далекие родственники, в частности двоюродные братья.

¹ ЦГАДА, ф. 609, д. 13, л. 38.

² Там же.

³ ЦГА Коми АССР, ф. УУС, д. 36, л. 42.

⁴ ЦГАДА, ф. 609, д. 13, л. 38.

⁵ ЦГА Коми АССР, ф. 100, оп. 1, д. 5, л. 1.

Вдова Небдинской волости Ширяева жаловалась в 1729 г., что землей, которая осталась после смерти ее мужа в 1723 г., владеют двоюродные братья мужа Ширяевы. «А имеется у меня,— писала Ширяева,— дочь, а мне с дочерью от того владения откатали и хлебом не кормят, отчего помираем голодною смертию»¹. Земля была оставлена за двоюродными братьями; видимо, здесь прежде всего учитывались наследники по мужской линии. Вообще право на недвижимое имущество принадлежало в первую очередь мужскому поколению; только в случае отсутствия последнего, оно передавалось по женской линии. Женщина получала землю и в том случае, если ее дети были малолетними. По получении земли она пользовалась теми же правами, что и мужчина. От своего имени она могла совершать различные акты распоряжения землей, т. е. продавать, закладывать, менять ее и т. д. Даже в том случае, если она выходила замуж, права на землю оставались за ней, не всегда переходя ее мужу. В 1764 г. две замужние сестры крестьянки Зеленецкой волости «Анна Андреева дочь Ефтихиева жена да сестра ее Стефанида Иванова жена» дали от своего имени поступную крепость на полянки, которые они получили от отца,... а за оные вышеописанные пашни взяли 20 руб. денег»². Спустя 2 года одна из замужних сестер, Анна, дала «прибавочную поступную крепость» на поле, 2 полянки и поженку. Крепость эта заканчивалась словами: «владеть ему О. Петруневу теми полями и поженкой и жене и детям и внучатам вечно, а нам, Анне и мужу моему Евтихею, и родственникам дела нет»³. Эти примеры свидетельствуют о том, что женщина в Коми крае могла удерживать за собой доставшуюся ей землю и самостоятельно распоряжаться ею. Интересна в приведенных нами текстах и оговорка о том, что права передаются не только самому крестьянину, его детям и внучатам, но также и жене, т. е. права женщины признавались наряду с другими наследниками. Для большей наглядности этого положения можно привести нижеследующий пример.

Крестьянин Шежамской волости жаловался в Яренский уездный земский суд в 1800 г. на то, что наследственным участком его жены Марьи завладели ее родственники. Земля эта досталась Марье после смерти отца и брата. По решению суда земля была оставлена за Марьей. Хотя просителем здесь и выступал муж, но он отстаивал не свои права, а права жены. Муж и жена могли в сделках участвовать одновременно, как два совладельца. Так, в 1737 г. в Яренской крепостной конторе была записана «закладная крестьянина и его жены Мишевых Яренского уезда, Жешартской волости на пожню, сенной покос на 2 года»⁴.

¹ ЦГАДА, ф. 609, оп. 2, д. 1, л. 1.

² ЦГА Коми АССР, ф. УУС, д. 36, л. 44.

³ Там же.

⁴ ЦГАДА, ф. ЯКК (Яренская крепостная контора), д. 14, л. 41 об.

В 1742 г. крестьянка Пажгинской волости Марья Попова и ее двоюродный брат М. Б. Третьяков, проживавший в Вильгортской волости, дали поступное письмо жителю Вильгортской волости Чеусову¹. Как видим, даже проживая в другой волости, женщина не теряла права на наследство и распоряжение землей.

При выходе замуж, как правило, женщину наделяли только движимым имуществом. Но иногда она получала и часть земельных владений. Из судебного дела за 1768 г. между двумя сестрами Пелагеей и Ириной Петруневыми узнаем, что старшая из них Ирина при выходе замуж получила в приданое «скота корова и несколько овец, также платья немало... тогда же дана ей пожня Тыбор лыа»², т. е. наряду с движимым имуществом в приданое был дан и сенокос. Овдовев, Ирина, по мужу Пальшина, стала полной распорядительницей всего движимого и недвижимого имущества. В качестве таковой она в 1746 г. поступилась своему зятю Изьюрову «двором и хоромы, пашенною и непашенною землею и санными покосы и протчими угоды и причистыми и припашми, что к той деревне исстари прилегло по старым межам, совсем без вывода»³.

В лице Ирины-вдовы выступает совершенно самостоятельный хозяин, владеющий не отдельным участком земли, данным в приданое, а всей землей — пашней, сенокосом и угодыми. Распорядителями земли были не только вдовы. Так, в 1742 г. заложил полянку «девка Яренского уезда, Зеленецкой волости М. М. Юшкова»⁴.

Все сказанное выше говорит о том, что женщина в Коми крае в землепользовании имела те же права, что и мужчина. Она распоряжалась землей на тех же основаниях, что и любой крестьянин. Другое дело, насколько часто в жизни она могла осуществлять свои права. Чаще всего это бывало в случае вдовства или при наличии единственной дочери-наследницы. Впрочем, в последнем случае обычно принимали в дом зятя, передавая права хозяина ему. Об этом свидетельствуют многочисленные документы. На владение могли принять крестьянина той же волости или любой другой. Этот акт оформлялся в виде поступной записи на определенных условиях. Так, в 1714 г. крестьянин Шежамской волости Одинцов дал поступную память своему зятю, крестьянину Оквадской волости Козлову на деревенский повыток, санные покосы и на другие пожитки. Условием этой передачи хозяйства являлось содержание поступавшегося и тех, кого он указывал в документе. «Владея вышеописанным моим пожитком,— читаем в данной поступной,— ему, Николаю, и дочери моей и детям их

¹ ЦГАДА, ф. ЯКК (Яренская крепостная контора), д. 23, л. 10 об.

² ЦГА Коми АССР, ф. 99, оп. 1, д. 21, л. 23.

³ Там же, л. 1.

⁴ ЦГАДА, ф. ЯКК, д. 23, л. 10 об.

меня, Мокея, и дочерей моих Евдокию и Марью поить и кормить и платьем одевать и обувать»¹.

Условия приема зятя могли быть различными, но в каждом конкретном случае оговаривалось, на каких условиях принимался в дом новый человек. Прежний владелец мог поступиться всем своим владением или частью его, мог поступиться на определенный срок или навечно. Так, в поступном письме крестьянина Удорских волостей Пятчина было оговорено: «А за это давать мне, Миرونу, хлеба на пропитание и одежды... подушные деньги и всякие государевы запросы платить за меня. И пока Мирон жив, ничего не продавать, а маленькой поженкой Насед чай ул владеть мне, Миرونу, самому»². В 1752 г. крестьянин Зеленецкой волости Г. М. Попов дал поступную крепость мужу своей дочери Е. П. Попову, с которым они договорились «жить в одном дворе, избе, за единым столом ести и пити впредь на 5 годов и буде можно, до нашей смерти»³. При приеме в дом зятю передавалось все то, чем фактически должна была владеть его жена по наследству.

Принимать в дом мужа могла и сама женщина, даже девушка. Упомянутая выше крестьянка Зеленецкой волости Пелагея Петрунева писала о себе и своей сестре. «А как мы пришли в возраст и вышли замуж той же волости за крестьян..., которых мы (в) оставшее от отца нашего владение приняли к себе в дом»⁴. В данном случае сестры остались наследницами после отца и самостоятельно распорядились принадлежавшей им землей.

Иногда дочь получала по наследству только часть земли. В 1742 г. крестьянин Пысского погоста Палкин дал поступное письмо своим внучатам Осиповым в том, что он поступился «владением своим — двором, скотом и животою и пашенною землею, и санные покосы, путики и слопешники, совсем без вывода, кроме отписной от меня дочери моей Екатерины владения, которое показано в договорном письме, что ей владеть вечно»⁵. Указание на то, что Екатерина должна была платить «по указам запросы пятую долю», говорит о том, что остальные 4 доли должны были платить внуки, видимо, получившие 4 части наследства. В конце поступного письма оговаривалось, что в случае смерти внучат все владение перейдет их отцу. Поскольку дед поступался сразу внучатам, надо думать, что их отец не был его сыном, а был зятем, принятым в дом.

Крестьяне при своей жизни могли поступаться землей и хозяйством не только зятю, но и родственникам и даже просто знакомым. Это была одна из форм распоряжения землей. Приведем

¹ ЦГАДА, ф. 609, оп. 1, д. 48, л. 2.

² Там же, ф. ЯКК, д. 23, л. 20.

³ ЦГА Коми АССР, ф. УУС, д. 50, л. 5.

⁴ Там же, ф. 99, оп. 1, д. 21, л. 23.

⁵ ЦГАДА, ф. ЯКК, д. 23, л. 15 об.

один-два примера. В 1742 г. крестьянин Низовской трети Т. В. Малафиев дал поступное письмо своему дяде Е. С. Малафиеву, которому он поступился деревенскому своим участком. В письме были подробно оговорены условия этого акта передачи земли. Поскольку мы до сих пор не говорили о конкретных условиях для договаривающихся сторон, считаем возможным привести перечень того, что должен был давать прежнему хозяину получивший от него землю. Тем более что это даст некоторое представление о бытовой стороне жизни коми крестьянина. Е. С. Малафиев должен был давать своему племяннику: «жита по три меры на год, каков уродится, да по пуду мяса, по полпуду рыбы окуней и по ушату молока, по 2 безмена масла, рубаху льняную, штаны портяные, шубу и зипун, коты и чулки, суконные шапку и рукавицы. Больше того на год ничего не спрашивать и жить у Елфима на подворье до смерти моей смирно и ни с кем не браниться, а по смерти моей владеть всем вышеописанным Елфиму вечно»¹. Следовательно, иногда в перечень условий включалось даже желательное поведение того, кто отказывался от земли.

Вероятней всего землей поступались в тех случаях, когда по каким-либо причинам не могли больше сами обрабатывать ее и нести тягло. На это имеются указания и в наших материалах. Так, например, в 1752 г. крестьянин Ибской волости В. А. Морозов поступился землей «при старости своей», приняв крестьянина М. Н. Завьялова на свое движимое и недвижимое имущество с правом наследования². Фактически это была своеобразная продажа земли. Новый владелец платил не деньгами, а кормил и поил прежнего хозяина.

Во второй половине XVIII в. под поступным письмом еще яснее выступает прямая продажа земли. Это было связано с указами правительства, которое пыталось ограничить право крестьян распоряжения землей на севере. Но на протяжении всего XVIII в. такие сделки продолжали совершаться как между родственниками, так и между посторонними, так же как и ни чем не прикрытая купля-продажа различных земельных участков.

Документы нередко указывают на тот факт, что крестьянин земли купил «по ближнему родству». Но это условие в XVIII в. постепенно утратило свою роль. Землю покупал тот, кто платил деньги, независимо от того, был ли он в каких-нибудь родственных связях с продавцом земли или нет. На купленную землю и у родственников, и у посторонних лиц были одинаковые права. Только, быть может, иногда продажа земли близкому родственнику оформлялась не как купчая крепость, а как поступная. Так, в 1765 г. крестьянин Зеленецкой волости С. Петрунев дал поступную крепость своим родным братьям в том, что «поступился про-

¹ ЦГАДА, ф. ЯКК, д. 23, л. 14 об.

² Там же, ф. 609, оп. 2, д. 230, л. 26 об.

дал свой седьмой жеребей, что от братьев с делу достанетца пашенные земли и сеиные покосы, птичьи ловли и рыбы угодья»¹. Хотя документ и назывался поступной, а не купчей крепостью, налицо прямая продажа значительной части земли родным братьям.

Но, пожалуй, чаще, чем родственникам, землю продавали посторонним лицам. Да это и понятно, ибо землю продавала в основном неимущая часть крестьян, а покупали ее те крестьяне, у которых было в наличии какое-то количество свободных денег. В 1742 г. крестьянин Коквицкой волости Козлов продал крестьянину той же волости Рогову «полянку с пустошью за 3 руб.»². Тому же Рогову продавали и закладывали землю и другие крестьяне.

Земля могла продаваться в любое время и в любых размерах. Крестьянин мог продать часть своей земли: пожню или поле пашенной земли, мог продавать и все свое владение. Продажа всего владения производилась относительно редко. Она могла совершаться в двух случаях: 1) Продав все свое владение в одном месте, крестьянин покупал землю в другом месте. Так, в марте 1766 г. крестьянин Вишерской волости С. В. Ивашев принят был мирскими людьми Ляльской трети «на Сереговскую гору на покупную его деревню в черносошное крестьянство»³. В данном случае крестьянин переменял место своего жительства, перешел из Вишерской волости в Ляльскую. 2) Продав всю землю, крестьянин порывал с земледелием и уходил на заработки, становился работным человеком, выполняя работу по найму.

Надо думать, что в изучаемый период первый вид продажи производился намного чаще, чем второй, ибо при такой продаже крестьянин перемещался лишь на расстояние. Никаких существенных изменений с ним не происходило, т. к. на новом месте он становился тем же черносошным крестьянином — тяглецом. Во втором случае продажа земли означала существенное изменение в положении земледельца. Собственно говоря, с продажей земли он переставал быть прежним крестьянином и превращался в человека, который за хлеб или за деньги на кабальных, полукрепостных условиях продавал свою рабочую силу. Но основы феодального строя были еще достаточно прочны и такие случаи не носили массового характера. Чаще наблюдался сезонный отход на заработки. Крестьяне занимались перевозкой грузов по рекам, временной работой на близлежащих заводах, отрываясь от своего хозяйства на несколько дней, недель, а иногда и месяцев. Но и такой крестьянин был еще связан с землей и упорно держался за свои земельные владения. Даже часть своей земли он продавал в большинстве случаев лишь в силу крайней необходимости. К сожалению, в наших материалах редко встречаются

¹ ЦГА Коми АССР, ф. УУС, д. 36, л. 47.

² ЦГАДА, ф. ЯКК, д. 23, л. 3.

³ Там же, ф. 609, оп. 1, д. 1779, л. 3.

ся указания о величине продаваемого участка, хотя продажа как пахотной, так и сенокосной земли постоянно практиковалась во всех волостях Коми края. Некоторое представление о ценах на землю в Коми крае в изучаемый период дает сводная таблица, составленная нами на основании сведений, поданных соцкими коми волостей в Яренскую воеводскую канцелярию в 1732 году (см. таблицу). Сравнение цен позволяет сделать некоторые вы-

Цены на землю в 1732 г. в коми волостях Яренского уезда¹

Волости	Стоимость 1 дес. пашни в рублях			Стоимость 1 дес. сенокоса в рублях		
	добрый	средней	плохой	добрый	средней	плохой
1. Часовская	30	16	8	2	1	0,5
2. Оквадская, Коквицкая, Усть-Вымская	20	10	6	1	0,5	0,3
3. Палевицкая	20	10	6	1	0,5	0,3
4. Удорская (Важгорт)	20	10	6	1	0,3	0,2
5. Косланский погост	20	14	10	1	0,7	0,5
6. Киберская	16	8	4	0,8	0,4	0,2
7. Княжпогостская	16	12	6	1,2	0,8	0,5
8. Усть-Сысольская	16	8	4	0,8	0,4	0,2
9. Пажгинская и Гарьинская	16	10	6	0,8	0,5	0,3
10. Шежамская	16	10	3	1,2	0,6	0,2
11. Гамская	16	8	4	0,8	0,4	0,2
12. Жешартская	16	8	4	1,1	0,7	0,45
13. Ляльская	14	8	4	1,2	0,5	0,3
14. Глотова слобода	14	8	4,5	1	0,6	0,3
15. Визенская	12	6	4	0,6	0,3	0,2
16. Небдинская и Подъельская	12	6	4	0,6	0,3	0,2
17. Керчомская	10	6	2	0,5	0,3	0,15
18. Усть-Куломская	10	4	2	0,4	0,15	0,08
19. Зеленецкая	10	6	4	0,5	0,3	0,1
20. Ужгинская, Койгородская и Гривенская	10	5	2,8	0,5	0,3	0,15
21. Шешкинская и Вильгортская	10	5	2,5	0,5	0,25	0,125
22. Деревянская	10	6	4	0,5	0,3	0,2
23. Вишерская	8	4	2	0,6	0,3	0,15
24. Ибская	8	4	2	0,4	0,2	0,1
25. Пожегодская	8	4	2	0,4	0,2	0,1
26. Корткеросская	8	6	4	0,4	0,3	0,2
27. Пьелдинская	8	4	2	0,4	0,2	0,1
28. Усть-Немская и Мьелдинская	6	4	2	0,3	0,2	0,1
29. Верхневычегодская и Печорская	2	1,6	1	0,1	0,07	0,05

¹ ЦГАДА, ф. 609, д. 1770. Для удобства измерения пашни и сенокоса мы взяли в десятинах. В документе размер пашни определен словами «земля на которую сеется четверть ржи», а сенокос измеряется копнами.

воды. Прежде всего, между ценами на землю в отдельных волостях края существовала большая разница, это относится и к пашне, и к санным покосам. Наиболее часто десятина пашни стоила 10—20 рублей. Самая высокая цена за 30 годы в качестве исключения отмечена в Часовской волости, где одна десятина доброй пахотной земли оценивалась в 30 руб. Высокими были цены и в Вымских волостях. Здесь 1 дес. доброй пахотной земли стоила 20 рублей. Самые низкие цены в этот период были в Верхневычегодских и Печорской волостях, где десятина доброй пахотной земли стоила всего 2 рубля. В этих северо-восточных волостях цена земли была низкой в силу ряда причин. Здесь, по сравнению с другими волостями, были менее благоприятные условия для земледелия и в отношении почвы, и в отношении климата. Население предпочитало заниматься промыслами: охотничьим и брусняным. В более населенных частях края по Вычегде, Выми, а также в Удорских волостях земля оценивалась намного дороже. Одна десятина пашни оценивалась здесь в 10—20 рублей.

Большая разница была в ценах на пашню и на санные покосы. Поскольку обработка пахотной земли требовала на севере больших затрат труда, она стоила несравненно дороже санных покосов. Самая высокая цена на 1 дес. доброго сенокоса не превышала 2 рублей. Цена на средний и худой сенокос была в несколько раз ниже. Наиболее дешево стоил сенокос в северо-восточных волостях (Печорская, Усть-Немская и др.), где 1 дес. доброго сенокоса оценивалась в 10—30 коп. Наиболее распространенной была цена от 80 коп. до 1 р. 20 коп. за 1 десятину. Низкие цены на санные покосы по сравнению с пашней объясняются тем, что сенокосных угодий в крае было больше, они требовали меньше сил и средств от крестьянина по уходу за ними, их было легче использовать. Крестьяне могли ставить сено на лесных полянках, по берегам рек, да и расчистка леса под сенокос была легче, чем под пашню.

Помимо пашни и сенокосов и в редких случаях таких угодий как птичьи, рыбные ловли, крестьяне продавали также свои дворы с хоромным строением или все владение в целом. Например, в 1731 г. крестьянин Ибской волости продал «вотчину свою, что имеется при Ильинском погосте старое дворовое место и вонные амбары с мести и овин с гуменником, и колодец водяной обще, и поля, и пожни... а взял за все 80 рублей»¹. В 1758 г. крестьяне (8 человек) Ужгинской и Койгородской волостей продали купцам г. Устюга Великого А. Ф. Юринскому и И. Я. Курочкину «каждый свое владение... дедов и отцов наших места и всякие угодья, леса и путики совсем не включая ничего»... За все проданные земли они взяли 15 рублей. Продавая эти угодья, крестьяне оставляли, по-видимому, за собой пашенные и сенокосные земли.

¹ ЦГАДА, ф. 609, оп. 2, д. 164, л. 16, 16 об.

Правительство неоднократно и в XVII в. (указы 1649 г., 1651 г., 1663 г. и 1690 г.) и в XVIII в. пыталось прекратить и продажу и заклад земель, но фактически оно не могло помешать этому. Основная его забота свелась к тому, чтобы земля не уходила из тягла.

Межевая инструкция 1754 г. еще допускала обращение земель между черносошными крестьянами и посадскими тех же уездов и городов. А в межевой инструкции от 25 мая 1766 г., в связи с намечавшимся проведением генерального межевания, правительство уже запретило всякое обращение земель между крестьянами. В инструкции межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам была особая глава XX «О землях Вятской и Устюжской провинций и прочих тех городов, в которых государственные черносошные крестьяне состоят»¹. В 14 пунктах этой главы говорилось о том, что крестьяне впредь до особого распоряжения не могут ни продавать, ни закладывать свои земли. Правящие круги считали, что интенсивный оборот земли между крестьянами является причиной экономического разорения части крестьян. В частности архангелогородский губернатор Головцин писал, что в связи со свободной продажей земли «один имеет земли с излишеством, а другой с недостатком, а от перепродаж великие бывают между ими ссоры и друг на друга бьют челом и имеют в том тяжбы и оттого приходят в разорение, а нерадетельные к хлебопашеству земли продают и закладывают и деньги проматывают, отчего приходят же в нищету»². Очевидно неравномерное распределение земель было столь значительным, а разоренное крестьянство было уже настолько частым явлением, что это начинало серьезно тревожить правящие круги, т. к. неимущий крестьянин не мог быть объектом эксплуатации.

Как и следовало ожидать от представителей господствовавшего класса, они объясняли это нерадением крестьян к хлебопашеству, леностью крестьянина. Но дело было не в этом. В коми деревне в этот период начался процесс разорения части крестьян, который был вызван ростом имущественной дифференциации крестьянства в связи с развитием производительных сил, зарождением новых отношений в недрах старого феодального строя. Правительство пыталось бороться с этим процессом административным путем, издавая указы, но оно не могло приостановить начавшегося процесса. Растущая нужда неизбежно вела к тому, что часть крестьян постепенно теряла свою землю, т. е. продавала (или закладывала) ее, лишаясь тем самым основного средства производства.

Сами крестьяне в наказах в Уложенную комиссию 1767 г. просили разрешения по-прежнему распоряжаться своими землями. «Просить же дозволения,— читаем в наказе крестьян Ужгин-

¹ «Полное собрание законов», т. XVII, № 12659.

² ЦГАДА, ф. 403, д. 594, л. 62 об.

ской волости,— в покупке и в продаже и в закладке всякому своим природным и покупным хлебопашенным и сенокосным землям... дабы в случае которые крестьяне придут в упадок могли бы для поправления себя под заклад земель деньги займывать, а другой, надеясь на заклад охотнее давал изнеможению»¹. Такие же просьбы встречаются и в наказах других волостей. Несмотря на то, что в наказах несомненно отразилось желание «лучших» крестьян сохранить свободу приобретения земли путем покупки и закладов, здесь вскрывается и основная причина, которая побуждала массу крестьян как к закладу, так и к продаже земли. Это была нужда или «упадок», по выражению документа. Кроме того, сохранение натурального характера хозяйства, относительно слабое развитие промышленности и торговли в крае создавали вечный недостаток в деньгах, которые нужны были прежде всего для платежа подушных денег. Необходимость достать деньги чаще всего заставляла крестьянина продавать часть принадлежащих ему земель. Но надо полагать, что продажа производилась лишь в крайнем случае. Заклад, как временная утрата земли, был для крестьянина соблазнительнее продажи. Он предпочитал, хотя и на тяжелых кабальных условиях, временно потерять землю, чем лишиться ее совсем. Заклад вызывался теми же причинами, что и продажа земли. Надо отметить, что оба эти явления не были новыми для XVIII века, они существовали и раньше. И, несмотря на настойчивые противодействия правительства, которое стремилось ограничить права крестьян, в 60—70-х годах XVIII в., в обход всяких указов и инструкций, крестьяне продолжали относительно свободно распоряжаться землей, продавая и закладывая ее по-прежнему.

В крепостных книгах 1732, 1737, 1738 и 1742 гг. самое большое количество закладов приходится на такие волости, как Жешартская, Шежамская, Коквицкая и др. Волости эти были расположены в наиболее густонаселенных местах, более или менее близко от торговых центров, и земля здесь находилась в более интенсивном обороте.

Закладывая землю, крестьяне иногда указывали, в связи с чем был произведен заклад. Так, в 1742 г. крестьянин Пожегодской волости, Локчимской деревни «занял на платеж подушных денег у крестьянина той же деревни М. П. Падерина 4 руб. до 31 июня 1745 г., заложив свою полянку без засеянного хлеба»². А в 1772 г. крестьянин Вильгортской волости Оплеснин «занял на платеж подушных денег и на прочие домашние потребности 22 руб.»³.

Как в приведенных, так и в других случаях причиной заклада прежде всего служит нужда в деньгах, которых среди коми

¹ «Сб. Русского исторического общества», т. 123, стр. 255.

² ЦГАДА, ф. ЯКК, д. 23, л. 12.

³ ЦГА Коми АССР, ф. 99, оп. 1, д. 34, л. 18.

крестьянства было еще слишком мало. Об этом свидетельствуют такие примеры, когда даже зажиточные хозяйства не всегда имели деньги. Так, когда крестьянин Пожегодской волости Карманов не смог в 1729 г. уплатить в срок занятых денег «за скудостью своею» и деньги стали требовать с его поручителя Шахова, то последний показал в допросе, что долг Карманова ему «платить нечем, кроме того, что имеет он у себя в оной волости в деревне Пожегодской двор с пашенною землею и санными покосы и со всякими угоды, да скота 8 коров, 5 телят полугодовых, 6 лошадей да жеребенок годовой, кобыла, 10 овец больших»¹. На протяжении нескольких лет крестьяне не могли выплатить этого долга. И лишь в феврале 1733 г. по приговору мирских людей было решено «оной иск 50 рублей заплатить оному поверенному Воронину обще той волости мирскими людьми»².

Нужда в деньгах заставляла крестьян прибегать к закладу, как к наиболее надежному средству получения денег, не лишаясь земли. Земля закладывалась на различные сроки, начиная от нескольких месяцев и кончая десятками лет. Срок заклада ука­зывался почти в каждой закладной крепости. Например, жители Вильгортской волости Елфим и Егор Седуновы в декабре 1733 г. заняли 10 рублей «на платеж подушного оклада до срока впредь будущего 1734 г. мая до 9 числа, заложив за это свою полянку за двором»³. Здесь крестьяне заложили свою землю всего на 5 месяцев, рассчитывая на то, что к началу сева они сумеют выкупить ее. Но в тексте крепости имелось условие, что в случае неуплаты денег в срок «на ту закладную поляну ему заимодавцу Зотину, хлеба сеять и снять на себя и впредь потому тою закладною полянкою ему, Зотину, владеть, хлеба снимать на себя и до выкупа, до денег»⁴. Вероятно, сами закладчики не очень рассчитывали на то, что смогут своевременно выкупить землю и поэтому оговорили себе право выкупа независимо от срока.

Вообще короткий срок заклада бывал, насколько можно судить по имеющимся документам, относительно редко. Чаще за­кладывали землю на более длительный срок: на два, на 5—10 и большее количество лет. В закладной крепости крестьянина Жешартской волости Пархачева говорилось о закладе его деревни в 1723 г. на 30 лет за 200 руб., т. е. до 1753 г. В данном случае и срок, и сумма заклада были очень значительны, а поэтому едва ли здесь можно говорить, что закладчик нуждался в деньгах на платеж подушных денег. Вероятно, в данном случае были другие мотивы заклада. Впоследствии по истечении срока эти земли находились во владении детей заимодавца.

¹ ЦГАДА, ф. 609, оп. 2, л. 11.

² Там же, д. 3, л. 34.

³ Там же, д. 21, л. 21.

⁴ Там же, д. 21, л. 21.

Интересно, что заклад земли мог произойти и навечно. В июне 1753 г. в Корткеросской волости 2 брата А. Ф. и Т. Ф. Казаковы заняли у крестьянина той же волости А. В. Казакова 20 руб. денег, а в тех деньгах «договорили мы заимщики ему во вечное владение пожню свою... И владеть ему А. В. Казакову вышеописанною пожнею, впредь жене его и детям и внучатам»¹. Трудно сказать, чем в данном случае отличался заклад земли от прямой продажи.

По истечении многих лет в 1800 г. двоюродный брат за­кладчиков И. Казаков подал прошение «о выкупе оную пожню от Кузьмы и Тараса (детей заимодавца) по наследству их, как состоят продавцы Андрей и Тит двоюродные братья»².

Встречаются и другие документы, где крестьяне говорят о заложенной ими земле — «заложил бессрочно до выкупа». В большинстве закладных крепостей после перечисления условий за­клада бывала приписка: «А если в срок не выкуплю, то владеть ему вечно, продавать и закладывать и свои земли исцелять»³. А это значит, что заклад по истечении срока механически превращался в принудительную и неэквивалентную продажу.

Однако, кабальность заклада заключалась не только в этом. Мало того что сама земля переходила за бесценок, в течение всего срока заклада заимодавец получал с нее в свою пользу хлеб или сено, что служило своего рода процентами. По этому поводу в закладных встречается особая оговорка: «хлеб за день­ги не зачитывать, а платить деньги сполна»⁴.

Условия заклада бывали и еще более тяжелыми. Крестьянин Коквицкой волости Рычков в 1737 г. заложил половину своей пожни при условии «владеть пожней мне, заимщику Рычкову, а заимодавцу Ярукову давать ставленного готового сена половину и с зоруду с любого конца»⁵. То есть, заимодавец получал готовый продукт, не затрачивая собственного труда. В данном случае процентами являлись и сено, и труд закладчика. Иногда же брались и прямые проценты. В закладной крепости крестьянина Княжпогостской трети Шилашидова отмечалось, что заимодавец «к тем же четырем рублям в прибавок донял 11 алтын денег и заплатить вдруг на вышеописанный же срок»⁶.

В большинстве случаев крестьянин закладывал какую-то часть принадлежавшей ему земли: одно поле, одну поженку и т. д. Если земля закладчика была с кем-либо в паевом владении, то и заимодавец становился в паевые отношения. Крестьянин Ляльской трети в 1742 г. заложил две пожни, причем об одной из них в закладной крепости было сказано, что она «ставитца с братом

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 99, оп. 1, д. 12, л. 2.

² Там же, л. 11 об.

³ Там же, ф. 100, оп. 1, д. 5, л. 9.

⁴ ЦГАДА, ф. ЯКК, д. 23, л. 14.

⁵ Там же, д. 23, л. 19.

⁶ Там же, ф. 609, оп. 1, д. 283, л. 3.

моим Тимофеем: ему Саве ставить два года, а третий год ставить моему брату Тимофею»¹. Короче говоря, все права на землю, которые имел закладчик, при закладке передавались заимодавцу, который становился совладельцем земли.

Более редко, чем пашни и сенные покосы, крестьяне закладывали двор, лесные угодья или все свое владение в целом, т. к. это означало разорение. Заимодавцами бывали «лучшие» из крестьян или еще чаще местные купцы. При полном отсутствии частных землевладельцев из дворянства, при наличии незначительного количества монастырских земель в Коми крае, они использовали право крестьянина распоряжаться землей, его растущую нужду и постепенно сосредоточивали в своих руках земли крестьян. Купцы Коми края несколько отличались от купечества других мест Русского государства. Здесь они были не только представителями торговой части населения. Многие из них проживали в уезде и являлись наиболее значительными землевладельцами. Были в Коми крае и представители купцов-промышленников. Именно путем покупки и закладов крестьянских земель складывалось в крае купеческое землевладение, рост которого систематически уменьшал наличие крестьянской земли, усиливая этим самым разорение крестьянской массы.

Конечно, не во всех волостях мобилизация земли в руках купцов была одинакова. В этом отношении в изучаемый период особо выделялись три Вымские волости — Ляльская, Турецкая и Княжпогостская. К 1715 году владельцами Сереговского усолья Панкратьевыми в Княжпогостской трети было приобретено сенных покосов на 730 копен, в Турецкой — на 1530 копен. На деле далеко не все земли действительно «приобретались». Крестьяне этих волостей жаловались на то, что прикащики Панкратьева «сильно отнимали» у них сенные покосы. При этом, по словам крестьян, Панкратьев «от вышеописанных покупных пахотных земель и сенных покосов и от сильных отнятых пожен и владения не платит никаких государевых податей и мирского окладу на это владенье не положено»². А поскольку это были тяглые земли, крестьяне должны были сами платить за Панкратьевых.

Владения этих купцов систематически увеличивались. В счетной книге Сереговского усолья за 1731 год было отмечено, где и сколько сена было поставлено, а именно: «В Ляльской трети от реки Вычегды по Выми идучи по обе стороны деревни половников и по речке Кылтове 4669 копен; в Княжпогостской трети до Отлинской волости и по речке Кылтове Княжпогостской 6708 копен; в Турецкой трети от Отлинской волости вверх по Выме по обе стороны и по речке Веслянке 9045 копен. Итого поставлено сена на Вычегде и на Выми 20 707 копен»³. Выписка эта свиде-

¹ ЦГАДА, ф. ЯКК, д. 15, л. 47.

² Там же, ф. 248, оп. 1, д. 220, л. 134 об.

³ Л.О.И.И. д. 1102.

тельствует о том, что к 30 годам XVIII века по сравнению с концом XVII века владения Панкратьевых выросли в этих волостях в несколько раз.

В 1746 г. земельные владения Панкратьева вместе с Сереговским усольем перешли к вологодским купцам Рыбниковым. Последние, продолжая стягивание крестьянских земель в свои руки, стали еще более крупными землевладельцами. В 1767 г. крестьяне Турецкой трети писали в своем наказе: «Добрыми по нашей Выме и по Весляне рекам пожнями и сенными покосами владеют вологодских купцов соляных промышленников господ Рыбниковых Сереговского их усолья прикащики, а как по примеру наших копен в нашей трети у них 22 500. И при оных же сенных покосах у них же Рыбниковых имеются в нашей же трети и пашенные земли на 34 четверти»¹. В этой волости было 616 душ мужского пола, у которых имелось 112 четвертей пашни и сенных покосов на 11 475 волоковых копен. Следовательно, одним Рыбниковым принадлежало сенных покосов почти в 2 раза больше, чем всем крестьянам данной волости.

В Княжпогостской трети сена у Рыбниковых было на 12 тысяч копен, а хлеба высевалось 15 четвертей².

Жалобы крестьян на то, что их землями владеют купцы, встречаются и в наказах других волостей. Так, крестьяне Жешартской волости писали: «Да и к тому же лучшие деревенские владения состоят за яренскими и вологодскими купцами»³.

С середины XVIII века активную деятельность по скупке крестьянских земель в Верхнесысольских волостях развернули великоустюжские купцы Курочкин и Юринский. В наказах в Уложенную комиссию крестьяне Ужгинской, Койгородской и Гривенской волостей жаловались, что «у разных крестьян проданы для необходимой нужды сенокосные земли великоустюжскому купцу, железному заводчику Курочкину»⁴.

Из среды местного купечества особо выделялось семейство Сухановых. Их земельные владения в основном сосредоточивались близ Усть-Сысольска. При проведении генерального межевания в 80-х годах XVIII века Сухановым было отведено 14 870 дес. 187 саж. земли⁵. Не случайно академик И. И. Лепехин, путешествовавший по Коми краю в 70-х годах XVIII века, называл их местными князьками.

Земли в волостях Коми края имели также яренские купцы Новоселов, Оболтин, Баженов, Чукичев и другие.

Таким образом, в течение XVIII века большое количество земель черносошных крестьян переходило в руки купцов. Они, пользуясь, с одной стороны, правом покупки земель и, с другой,

¹ Сб. Р.И.О. т. 123, стр. 263.

² Там же, стр. 259.

³ Там же, стр. 239.

⁴ Там же, стр. 256.

⁵ ЦГАДА, ф. 1294, д. 995, л. 4 об.

нуждой разоряющегося крестьянства, стягивали в свои руки пахотные и особенно сенокосные земли.

Попытаемся сделать некоторые выводы, учитывая при этом, что перед нами незначительная часть тех документов, которые существовали в действительности¹. Устанавливается, что коми крестьянин в изучаемый период сравнительно свободно мог распоряжаться своим земельным участком. Он передавал его по наследству, обменивал, закладывал и даже продавал. Но при любой форме распоряжения земля оставалась в тягле, т. е. крестьянин обязан был выплачивать подати и земельную ренту, а также выполнять многообразные натуральные повинности². Именно нужда в деньгах для уплаты государственных податей часто заставляла коми крестьянина отчуждать необходимую для него самую землю. Наиболее тяжелой формой отчуждения земли надо считать заклад в любом его проявлении.

Несмотря на многообразные формы и различные сроки, суть заклада не менялась: это была одна из форм борьбы крестьянина за землю, который пытался, если не для самого себя, то хотя бы для наследников, сохранить ее. Но как ни цеплялся крестьянин за землю, ему приходилось пускать ее в оборот. Не желая окончательно продать ее, он прибегал к промежуточному способу, т. е. к временному закладу.

Заклад обеспечивал ту или другую взятую в долг сумму денег (на определенный срок), но эта сумма всегда была меньше продажной стоимости заложенного участка. Между тем в практике очень часто должник не мог вернуть в срок взятую сумму, и заложенная земля переходила в руки займодавца навечно значительно дешевле ее стоимости. В этом прежде всего и выражался кабальный характер заклада, который теснейшим образом был связан, с одной стороны, с нуждой крестьянина, с другой — с ростовщичеством купца или местного богача.

На основе изложенных, а также других материалов мы можем говорить о том, что коми крестьянство в земельных отношениях имело много общих черт с черносошным крестьянством русского Севера.

¹ За XVIII в. до нас дошли сведения лишь о тех случаях заклада земли, о которых велось судебное дело или записи о которых обнаружены нами в крепостных книгах Яренской крепостной канторы. Надо сговориться, что в нашем распоряжении было очень незначительное количество крепостных книг, да и в них не все совершавшиеся заклады регистрировались. При разборе судебного дела крестьяне нередко оговаривали, что крепость не записана за дальностью расстояния или по другим причинам. При регистрации крепостей для сбора пошлин записи делались кратко и однообразно, поэтому сведения крепостных книг очень лаконичны. Более подробное содержание дают сами крепости, которые писались крестьянами при различных сделках.

² К концу XVIII в. их количество дошло до 100 различных видов (см. Очерки по истории Коми АССР, Сыктывкар, 1955, т. I, стр. 195).

Об этом свидетельствуют работы многих авторов, занимавшихся историей северного крестьянства. М. Богословский в своей работе отмечал, что крестьянство Поморья имело много своеобразных черт в земельных отношениях. В частности, не только в XVII, но и в XVIII веке на севере большую роль играло индивидуальное владение, право на которое обеспечивалось крепостными актами. Он писал: «Владельцы (крестьяне) осуществляют на них все права распоряжения без всякого контроля со стороны общины»¹.

В. И. Семевский, изучавший различные категории крестьян в XVIII веке, указывал, что среди черносошных крестьян севера «отчуждение земель совершалось законным порядком, т. е. составлением крепостных актов, которые свидетельствовались в присутственных местах. Несмотря на запрещение продавать земли, их купля и продажа крестьянами, а также отдача своих участков в приданое и прочее встречались и в начале нынешнего (XIX—Д. Б.) века»².

Советские исследователи северного крестьянства также отмечали, что в земельных отношениях черносошных крестьян севера были свои особенности. Одной из них являлось относительно свободное распоряжение своим земельным участком. Крестьянин мог продать, заложить, завещать свои земли³, хотя фактически собственником земли было крепостническое государство. Однако эти формы распоряжения, как на русском Севере, так и в Коми крае, не делали крестьянина полным собственником земли. При феодальном способе производства он был зависимым человеком и подвергался эксплуатации со стороны государства. А свободное отчуждение земель подчеркивало только тот момент, что при феодальном способе производства эксплуатация непосредственного производителя могла выражаться в различной форме. Карл Маркс указывал: «Во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»⁴.

¹ М. Богословский. Земское управление на русском севере, т. II, М., 1912, стр. 15.

² В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, СПб, 1901, стр. 613.

³ М. Е. Шкляр. Крестьянское хозяйство Архангельской губернии 60—80-х годов XVIII века (Автореферат диссертации).

⁴ К. Маркс. Капитал, т. III, 1949, стр. 803.

Л. Н. ЖЕРЕБЦОВ,
кандидат исторических наук

БОРЬБА КРЕСТЬЯНСТВА УДОРСКОЙ ВОЛОСТИ ПРОТИВ УСИЛЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ В XVII в.

Развитие экономики в русском государстве в конце XVI и в XVII вв. сопровождалось резким усилением крепостного гнета, заметным увеличением налогового обложения крестьянства, что, в свою очередь, вызвало обострение классовой борьбы в стране. Переход крестьянства к активным формам классовой борьбы характерен уже для конца XVI в. Эта борьба своим острием была направлена против феодальной собственности на землю.

Многочисленные жалобы землевладельцев от конца XVI в. подробно знакомят нас с формами борьбы крестьян за землю. Помещики и монастыри жаловались на то, что крестьяне «поместье пустошат хлеб травят и сена косят насилством, и сады, яблоки и вишни секут, и ломают»; «лес секут, и сено косят, и хмель в болотех дерут, и рыбу ловят, и хлеб молотят и животною травят, и всякими угоды владеют насилством...»¹ В ряде случаев борьба крестьян принимала более решительные формы.

Недовольство усилением феодальной эксплуатации, увеличением налогового гнета охватывает крестьянство не только центральных районов, но распространяется также и среди населения отдаленных глухих окраин. Правда, там эта борьба выражалась в менее острых формах.

Данная статья посвящена вопросам роста налогового обложения удорского крестьянства и формам его борьбы с этим.

Рост повинностей был здесь основной причиной недовольства крестьян. Вопрос борьбы за землю имел гораздо меньшее значение, ибо частное землевладение здесь распространения не получило.

Еще в последней четверти XVI в. в Удорской волости в связи с изменением системы обложения (вместо обложения по пашенной земле было введено подворное с главным упором на крестьян

¹ Очерки истории СССР (период феодализма, конец XVI — начало XVII в.), М., 1955, стр. 485—486.

янские промыслы: охоту и рыболовство) сумма налога была резко увеличена. Размер его был установлен «с двора по полтине»¹. Однако этим оброком не ограничивалось крестьянское обложение. Наряду с ним на плечах крестьян лежали многие другие повинности. В жалованной грамоте царя Федора Ивановича от 1594 г. указывается, например, что... «со всея Вычегды с Выми и с Сысолы и со всех сошек по нынешнему царскому указу отпускают в Сибирь хлебных запасов: муки, круп и толокна по 400 четей на год... Да с теми запасы отпускают на Лозву плотников по 10 человек делати судов, а дают де всякому плотнику по 10 рублей. Да в прошлом во 101 году отпустили они в Сибирь ратных людей 60 человек; а давали им подмогу по 20 рублей на год человеку. И те де ратные люди были в Сибири два года и тех ратных людей 60 человек иные вышли, а иные померли, а 10 человек и по ся места живут в Березове. И они де вычегжана и вымичи тем десяти человекам от тех мест и по ся места дают найму на месяц по 2 рубля человеку. Да у них же де у вычегжан и у вымич со всех сошек по первому годе по нашему царскому указу взято в Сибирь на житье 10 семей лутчих людей; а подмогу дали им по 60 рублей человеку. Да они же де вычегжана и вымичи и сысоличи и удоричи и плесяне и владычны сошки крестьяне ежелеть отпускают в Сибирь наших воев и голов и всяких ратных людей на своих лошадях по Сибирской дороге до Перми Великие зимним путем 500 верст, та лете водяным путем по Вычегде и по Выми до Березова и до Оби реки и до Усть-Иртыша и Обского города верст с 2000 и больше. И у них де в прогонах исходят на год со всякие сошки по сту по сороку по шти рублей...»².

Резкое увеличение суммы данных и оброчных денег, введенное после переписи 1585 г., а также появление все новых и новых повинностей уже в конце XVI в. вызвали заметный рост недовольства коми крестьянства. Борьба его с усилением налогового гнета на этот раз выражалась в бегстве с насиженных мест в глухие леса, в Сибирь в поисках лучшей доли³, а также в подаче челобитных на царское имя. В своих жалобах крестьяне указывали на ухудшение условий жизни, обнищание, разорение и бегство многих жителей. «И они де вычегжана и вымичи и сысоличи и удоричи и плесяне и владычны сошки посадские люди и волостные крестьяне... обнищали и обдолжали великими долги и многие посадские люди и волостные крестьяне от того разбежались безвестно, и двory их и выти многие запустели...»⁴.

Обострение классовой борьбы заставило правительство пойти на уступки. Так, в 1593 г. жителям Глотовой слободки было дано

¹ Очерки по истории Коми АССР, Сыктывкар, 1955, т. I, стр. 90—91.

² Ленинградское отделение Института истории АН СССР, акты до XVII в., № 532.

³ Писцовая книга 1608 г. по Яренскому уезду, «Акты времени правления Василия Шуйского», М., 1914.

⁴ ЛОИИ, акты до XVII в., № 532.

разрешение платить по занятым в уплату царских податей деньгам только «истину» (долг), а накопившиеся «росты» (проценты) не платить совсем¹. Но такие мелкие уступки уже не могли удовлетворить крестьян и в 1594 г. царь Федор Иванович вынужден был подписать упомянутую выше жалованную грамоту, в которой велел «дани и оброку платити с двора по полуполтине, ...И имати с них впредь в Сибирь хлебного запасы муки и круп и толокна по 200 чети»², снизив таким образом размер оклада дани и оброка, и хлебных запасов наполовину. Прочие же повинности остались без изменения. Так, в отношении дорожной повинности в той же грамоте было указано, что тем, кто подвод и загонных денег давать не будет «быти в опале и смертной казни»³.

Установленная в 1594—95 гг. норма подворного обложения сохранялась и в I половине XVII в. По данным писцовой книги 1608 г. по Яренскому уезду положено было крестьянам Удорской волости «за соболи и за белку и за городовое и за засечное и за емчужное дело и за рыбную ловлю и за бобровые гоны и за всякие угоды платить с двора по полу-полтине...»⁴ Однако эта уступка, вырванная народом у московского царя, была лишь весьма кратковременным облегчением, так как налоговой гнет в XVII в. продолжал возрастать, ибо правительство вводило все новые статьи обложения. В 1614 году был, например, введен сбор хлеба на содержание московских стрельцов наряду с поставкой сибирских хлебных запасов⁵, но в отличие от сибирского хлеба, собиравшегося натурой, стрелецкие запасы полагалось сдавать деньгами. Впрочем к середине XVII в. и сибирский натуральный сбор на севере тоже был заменен денежным. В грамоте от 1646 г., направленной из Новгородской четверти в Яренский уезд, было указано «вместо сошного хлеба отвозити в Сибирь на Верхотурье денгами за четверть муки по 1 рублю, четверть толокна и круп по 1,5 рубля»⁶. В 1656 г. с Удорской волости вместо стрелецкого хлеба собиралось 57 рублей деньгами⁷.

Весьма обременительной для населения Коми края была ямская гоньба. В летнее время оно обязано было поставлять гребцов и бурлаков на суда, а зимой — подводы с ямщиками.

¹ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 91.

² ЛОИИ, акты до XVII в., № 532.

³ Там же.

⁴ Писцовая книга 1608 г. по Яренскому уезду, «Акты времен правления В. Шуйского», М., 1914.

⁵ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 131.

⁶ Наказная память из Новгородской четверти в Яренский уезд в Сысольские волости, в Ужгу и в Глотову слободку старостам и целовальникам с указанием на 1646 год внести сибирские хлебные запасы деньгами. Архив АН СССР, рукописный архив Шегрена; цит. по рукопис. сборнику П. Г. Доронина в фондах Коми филиала.

⁷ Центральный Государственный архив древних актов, Приказные дела старых лет, 1655 г., д. 26. л. 46.

Жители Вымского уезда обслуживали 4 ямских стана (в Сольвычегодске, Яренске, Усть-Пыелде и Турье), но они всячески старались уклоняться от несения этой повинности, особенно в волостях, лежащих в стороне от ямских станов. Это безусловно приносило лишние тяготы остальным волостям. Так, в 1650 г. земский староста Яренского города Александр Туробов жаловался царю на крестьян Удорской волости и Глотовой слободки, не помогавших яренчанам в несении ямской повинности, вследствие чего последние вынуждены были занимать деньги под большие проценты, чтобы исправно нести ямскую службу, и просил обязать крестьян Удорской волости и Глотовой слободки участвовать в этой повинности¹. На ямские расходы крестьяне Удорской волости в середине XVII в. выплачивали «по 20 рублей на год», и кроме того они были обязаны на ямских станциях «ямщиков держать...»².

Весьма важным источником царских доходов была винная монополия. В волостях запрещалось частным лицам как производство вино-водочных изделий, так и продажа их. Для торговли ими открывались специальные царские кабаки, которые вызывали особо сильное возмущение крестьянства, ибо они способствовали их скорейшему разорению.

В течение XVII в. на севере все натуральные сборы были постепенно заменены денежными. Так, судя по грамоте от 1656 г., крестьяне «присылали с Удорской волости с деревнями с 228 дворов бобыльских данных и оброчных денег на нынешний на 164 год 159 рублей 13 алтын 2 деньги, да за кабак в уплату 100 рублей,.. за стрелецкие хлебные запасы 57 рублей, полоненников на скуп 5 рублей, с судных дел пошлин 2 рубля 3 алтына 2 деньги...»³.

Следует отметить, что рост налогов во II половине XVII в. особенно заметен. В 1674 г., например, только за стрелецкий хлеб с Удорской волости собирали уже по сто семьдесят пять рублей⁴. Резкое увеличение суммы стрелецких денег, происходившее в течение XVII в., превратило этот налог в основную денежную повинность тяглого населения русского государства. Вследствие этого правительство Федора Алексеевича в последней четверти XVII в. провело специальную реформу в государстве, сущность которой состояла в объединении всех разнообразных прямых сборов в единый налог — стрелецкие деньги при одновременной замене посошного обложения на подворное⁵. В наказной памяти Яренского воеводы Романа Яковлева, направленной в 1679 г.

¹ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 135—136.

² ЦГАДА. Приказные дела ст. лет, 1655 г., д. 36, лл. 240—248.

³ Там же, лл. 275—277.

⁴ Память стрелецкого приказа земским судейкам Сясьской, Сужгунской, Сухорской и Вишерской волостей и Глотовой слободки о сборе стрелецкого хлеба; «Дополнения к актам историческим», СПб, 1857, т. VI.

⁵ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 132.

земским судейкам, старостам и целовальникам, было указано собрать «во всех волостях, в погостах и деревнях, в станах, с крестьянских и с бобыльских дворов..., и со вдов, и с недорослей, которые... живут дворами, даточным людям на корм по рублю с двора...»¹. В 1681 г. по челобитной крестьян оклад пересматривался и в большинстве уездов Поморья он был установлен в размере 30 алтын с двора. При этом взимание оброчных денег за пользование различными угодьями продолжало сохраняться².

Количество разнообразных денежных сборов и всяких повинностей особенно увеличивается в самом конце XVII в. В 1700 году, например, были проведены специальные сборы на покупку конских кормов по 2 алтына 4 деньги с двора и на строительство флота по 3 рубля с двора³. В наших руках нет списка всех этих сборов по Удорской волости. Считаем возможным привести в качестве примера выписку из челобитной крестьян Усть-Вымской, Оквадской и Коквицкой волостей от 1701 г., в которой говорится, что «велено собрать конских кормовых денег со 130 дворов с двора по 10 денег,... да на прошлый 1700 год в платеже адмиралтейских дел на корабельную починку по 4 алтына с денгою,... да на нынешний 1701 год для Свейской службы по полуполтине с двора, седельных по полутретье денге, отвозу и в Московскую держу по 2 денги с двора; да в корабельное строение по прежнему платежу по 2 рубля с двора...»⁴. Полагаем, что перечисленные здесь сборы распространялись также и на удорское крестьянство.

Подворное распределение обложения особенно неблагоприятно отзывалось на малопржиточном хозяйстве «молотчих» крестьян, которых в Удорской волости было большинство.

Неуклонный рост налогов вызывал недовольство крестьян и попытки отпора с их стороны. Формы классовой борьбы удорского населения против феодального гнета в XVII в. оставались теми же, что и в конце XVI в. Весьма распространена была подача челобитных на царское имя и на имя вологодского архиепископа. В челобитных крестьяне описывали свое бедственное положение и просили помощи. В упомянутой челобитной крестьян Усть-Вымской, Оквадской и Коквицкой волостей последние жаловались на то, что у них в то лето «хлеб от морозу

¹ Наказная память Яренского воеводы Романа Яковлева земским судейкам, старостам и целовальникам об отмене посошного сбора стрелецких денег и установления рублевого подворного сбора на жалованье московским стрельцам от 1679 г.; «Дополнения к актам историческим», СПб, т. 8, № 49.

² Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 132—133.

³ Память Вологодского и Белозерского архиепископа Гавриила целовальникам вотчины устьвымской... о сборе оброчных денег за 1698—1699 гг. и на покупку конских кормов и на корабельное строительство от 1700 г., «Описание свитков Вологодского Епархиального древнехранилища», Вологда, 1905, вып. 8, стр. 123.

⁴ Челобитная крестьян Усть-Вымской, Оквадской, Коквицкой волостей от 1701 г., «Вологодские епархиальные ведомости», Вологда, 1900, стр. 316—318.

вызвѣб и от хлебной скудости и от многих прежних платежей» многие из них «промеж двор бродят, по сторонам кормятся Христовым именем...» и просили у архиепископа защиты, чтобы им «от непомерных платежей и от винного питья вовсе в конец разоренным не быть»¹.

Однако подача челобитных редко приносила положительный результат, разве лишь в тех случаях, когда сопровождалась открытым сопротивлением крестьянства. Формами открытого сопротивления были, во-первых, побег (писцовые книги XVII в. пестрят подобными сведениями)² и, во-вторых, отказ от уплаты налогов. В царских грамотах часто встречаются указания об этом³.

Особое недовольство населения, как выше уже отмечалось, вызывало учреждение в волости царских кабаков. Борьба против кабаков доходила до прямого запрещения со стороны крестьян открывать кабаки на территории их волости и даже до изгнания торговцев. О подобном факте говорится, в частности, в царской грамоте от 1650 г., где сказано, что «посылал он кабацкий голова к вам в Удорскую волость с нашим кабацким продажным питьем кабацкого целовальника Еремку Савельева, и вы того целовальника на кабаке не пустили и из волости выбили вон»⁴. Когда сведения об этом дошли до Москвы, оттуда был послан в 1648 г. яренскому воеводе Ивану Акинфову указ с требованием наказать удорцев за ослушанье, а недоимку по кабацкой прибыли «доправить на удоричах». С целью выполнения этого указа воевода отправил в Удорскую волость своих приставов, чтобы доставить в Яренск удорских старост и целовальников, однако крестьянские выборные отказались подчиниться воеводе и в Яренск не поехали, а винная продажа в волости по-прежнему была закрыта. Правительство отправило воеводе новый указ, требуя наказания ослушников и сбора кабацких прибылей. После этого указа в 1649 г. удорцы подчинились и приняли кабацких целовальников, но ненадолго. Уже в следующем году кабак был в волости по царскому указу закрыт и заменен особым постоянным оброком⁵. В специально присланной по этому поводу грамоте было указано, что с 1650 г. «впредь в Удорской волости кабакам быть не велено. А за кабаке тое Удорские волости крестьянам велено платить по 100 рублей на год»⁶, причем эта сумма продержалась всего 5 лет. В 1656 г. она была повышена на 18 рублей 21 алтын полчетверти деньги. Эту сумму было приказано уплатить также и за истекшие 5 лет⁷.

¹ «Вологодские епархиальные ведомости», Вологда, 1900, стр. 316—318.

² Писцовая книга 1806 г. по Яренскому уезду; «Акты времени правления Василия Шуйского», М., 1914.

³ ЦГАДА, Приказные дела ст. лет, 1655, д. 36, лл. 275—277 и др.

⁴ Там же, лл. 115—120.

⁵ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 140—141.

⁶ ЦГАДА, Приказные дела ст. лет, 1655 г., д. 36, лл. 115—120.

⁷ Там же, лл. 275—277.

Борьба за землю, против монастырских и помещичьих захватов, особенно характерная для центральных областей русского государства, на Удоре распространения не получила, поскольку в волости частное землевладение не было развито. В XVII в. здесь был только один карликовый монастырь. Однако ему удалось завладеть пашенными землями д. Шилиево в размере «4 чети в поле, а в дву потому ж»¹. Крестьяне с этой потерей примириться не пожелали и началась их длительная борьба с монастырем за право владения пашнями д. Шилиево. Они изгнали монахов с полей и сами засеяли их. В конце концов все же это столкновение закончилось поражением крестьян, ибо монахи обратились за помощью к вологодскому архиепископу, который приказал «тое деревню Шилиево отвезть к той пустыне, а крестьянам Федору Зиновьеву, да Семену Федосиеву от той деревни отказать и владеть и отымать ея им не велеть». Более того, архиепископ в той же грамоте приказал «буде в той деревне написана пожня заречная против Шилиевы деревни», то ту пожню отвести к монастырю, «а ему Федору от той пожни отказать и владеть ей не велеть»².

Таковыми формами борьбы крестьяне редко достигали успеха. Изучение документов показывает, что даже мелкие и временные уступки с большим трудом вырывались у правительства. Вначале Московское правительство отвечало крестьянам угрозами и запугиваниями, которые, впрочем, не стеснялось приводить в исполнение. Среди этих угроз прежде всего фигурировало обещание прислать для сбора недоимок специального пристава и все связанные с его приездом расходы взыскать в двойном размере с тех же крестьян³. Другой распространенной угрозой было обещание ликвидировать волостное самоуправление и передать Удорскую волость обратно в ведение Яренского воеводы⁴. Удорцы добились независимости от воеводского управления к середине XVII в. Стремление освободиться от власти воеводы объяснялось злоупотреблениями последних, которые, попав в такие глухие и удаленные от Москвы углы, как Яренский уезд, не боялись жалоб на свое самоуправство и царской опалы и стремились нажить за счет ограбления местных жителей. Поэтому-то угрозы правительства подчинить волость воеводскому управлению были весьма неприятны для населения и оно предпочитало уступать царским требованиям, лишь бы не попасть в ведение воеводы⁵.

¹ Писцовая книга 1608 г. по Яренскому уезду.

² Указ Вологодского и великопермского епископа Маркелла на Усть-Вымь сыну боярскому Павлу Юрьеву о возвращении удорской крестовоздвиженской пустыни деревни Шилиевской с угодьями, отнятой удорскими крестьянами от 1658 г., «Вологодские епархиальные ведомости», 1868, 7, стр. 194—195.

³ ЦГАДА, Приказные дела ст. лет, 1655 г., д. 36, л. 46.

⁴ Там же, лл. 240—248.

⁵ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 130—131.

Не отказывалось Московское правительство и от применения телесных наказаний, причем доставалось главным образом крестьянским выборным лицам (земским судейкам, старостам и целовальникам). В грамотах нередко встречаются указания «учинить старостам и судейкам наказанье без пощады» и «бить кнутом нещадно»¹. И лишь в крайних случаях, когда не только угрозы, но и указанные в них санкции не помогали, когда крестьян запугать оказывалось невозможным, царь шел на некоторые уступки с целью отвлечь их от открытого сопротивления, а затем уже после успокоения вновь добивался своего.

Подводя итог изложенному, отметим, что усиление феодальной эксплуатации в XVII в. вызвало сопротивление крестьянства не только в центральных областях русского государства, но и на окраинах, даже в таком глухом углу, как затерянная в лесах Удорская волость. Однако здесь оно широкого размаха не получило, не вылилось в массовое вооруженное выступление. Крестьянская борьба ограничилась первичными формами: подача челобитных, бегство, отказ от уплаты, насильственный захват земель с изгнанием монахов и т. д. В последующие века, в связи с дальнейшим усилением эксплуатации и ухудшением положения, крестьянство и здесь более активизирует формы своей классовой борьбы.

¹ Очерки по истории Коми АССР, т. I, стр. 136.

Л. Н. ЖЕРЕЦОВ и Л. П. ЛАШУК,
кандидаты исторических наук.

СТАРАЯ ВИШЕРА

Три вишерских сельсоветов по современному административному делению входят в состав Сторожевского района Коми АССР, однако коренное население этих сельсоветов и в настоящее время отличается от остальных жителей коми этого района в языковом и отчасти этнографическом отношении. В дореволюционное время, когда Вишера в экономическом и культурно-бытовом отношении также тяготела к Средней Вычегде, упомянутые различия выступали еще резче. Вишерский «нуль-эловый» говор примыкает к вымскому говору коми языка. Близок он и к верхневычегодскому говору, особенно Мыелдинского и Усть-Куломского сельсоветов, но по основной особенности — употреблению звука «л», заметно разнится с говором жителей соседнего Сторожевска¹. Дореволюционная Вишера отличалась особенно низким, рутинным состоянием земледельческого хозяйства, культурно-бытовой отсталостью, стойкими земляческими представлениями, слабыми этническими связями с русским населением. Конечно, подобные явления имели место и на Вычегде, но на Вишере они проявлялись особенно ярко. Неслучайно прозвище «висерса» («вишерский») носило в прошлом нарицательный характер.

Таким образом, вишерскому населению свойственно этнографическое своеобразие, но до сих пор никто из специалистов-этнографов эту специфику в развернутом виде не отразил и не дал ей исторического объяснения. Это и привело нас к убеждению о необходимости предпринять подобную попытку на основании всех доступных нам материалов как исторических, так и собственно этнографических.

Первый интересующий нас вопрос касается времени заселения бассейна р. Вишеры. Вполне естественно решать его в неразрывной связи с проблемой появления древнейших людей на Средней и Верхней Вычегде. Судя по находкам неолитических орудий и стоянок на Красной горе близ Сыктывкара, у Малой Додзи в

¹ В. И. Лыткин. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам, М., 1955, стр. 33.

Корткеросском районе, на р. Неб в окрестностях с. Небдино и близ устья Северной Кельтмы, это произошло уже в первой половине II тысячелетия до н. э.¹ Имеется сообщение А. С. Сидорова об обнаружении неолитической стоянки на р. Лымве, при впадении ее в р. Нившеру. Не вдаваясь в подробную характеристику этих находок, заметим лишь, что они позволяют предполагать проникновение на Среднюю Вычегду и Вишеру древнего охотничье-рыболовецкого населения с низовьев Вычегды. Это население, видимо, очень малочисленное, не может быть отнесено к числу коми или исторически предшествующих им пермских племен. Пермские переселенцы из Прикамья появились в Вычегодском бассейне только в I тысячелетии н. э.

Думаем, что открытый С. Мельниковым еще в середине XIX в. в черте г. Сыктывкара могильник с мужскими и женским захоронениями, сопровождаемыми вещами X в., явно завезенными с юга, из Прикамья, вполне может быть приписан предкам коми. Другие археологические материалы этого и несколько более позднего времени указывают на расселение древних коми по Вычегде вниз от устья Сысолы. Возникает вопрос: как обстояло дело с расселением их в Вычегодском бассейне, выше впадения Сысолы, в том числе и по Вишере? Казалось бы, чего проще было освоить все среднее течение Вычегды (считается от Усть-Нема до Усть-Выми). Однако исторические данные неопровержимо свидетельствуют, что по Вычегде вверх, от впадения Сысолы, коми расселились в основном в XVII в.

Но на Вишере население коми появилось гораздо раньше. Если даже отвлечься от легендарного сообщения «Вычегодско-вымской» летописи под 1380 г. о проживании «неверных» (т. е. исповедывающих языческую религию) людей «на месте, именуемом Вишера»², все же мы должны признать факт существования вишерского населения коми по крайней мере в XV в. Жалованная грамота Пермской земле 1485 г. прямо называет «висерцов» и описывает их угодья, обнимающие весь бассейн Вишеры³.

Каким же образом оказалась заселенной глухая Вишера, если на всем протяжении Вычегды от устья Сысолы до устья Вишеры в это время, по всей видимости, не было никакого населения? Оказывается, на Вишеру коми проникли круглым путем: с давно заселенной р. Выми через ее притоки, верховьями соприкасающиеся с реками вишерской системы. Иначе никак нельзя истолковать следующее свидетельство той же грамоты 1485 г.: «А что Вишера, то Вымское-же земли место». Напомним, что и в языковом отношении вишерцы ближе всего стоят к вымским коми.

¹ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР, М., 1952, стр. 263; Л. П. Лашук. Новые археологические находки на Вычегде и Печоре, «Известия Коми филиала ВГО», вып. 4, 1957.

² См. приложение к настоящему сборнику.

³ Там же.

О том же говорит и происхождение некоторых вишерских фамилий. В 1608 г. на Вишере жил крестьянин Куземка Полев. Такая фамилия отмечена в XVII в. на Выми в Турье. Вишерские Габовы имели однофамильцев-вымичей в Весляне, Конях, Турье, Княжпогосте¹.

Нас, конечно, интересует и вопрос о причинах, способствовавших уходу части древних вымичей на Вишеру. Не последними по значению были хозяйственные потребности, ибо район Вишеры изобилует зверем, птицей и рыбой, и вымские охотники, видимо, с незапамятных времен проложили свои тропы в эти места. Но, надо полагать, были также причины социального порядка. Общеизвестно, что именно на Выми развернулась энергичная миссионерская деятельность Стефана Пермского, которая имела последствием не только христианизацию местного населения, но и бегство части его в глухие, ранее не заселенные места. Этого не отрицает даже «Житие Стефана Пермского». Христианизация была только составной частью распространения господства русского феодального государства и церкви в Коми крае, поэтому она сопровождалась все усиливающимся феодальным гнетом. В такой обстановке вполне естественным, на наш взгляд, был уход некоторого числа жителей Выми в Вишерский край. Среди вишерцев до сих пор бытует предание о бегстве на Вишеру «чуждых» людей, не пожелавших принимать христианскую веру.

Кар-мыльк.

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 286, оп. 4, д. 6, лл. 7—16.

Вероятно, с этими событиями следует связать возникновение небольшого городища Кар-Мыльк близ современного Богородска (у слияния Нившеры с Вишерой)¹. Мы не располагаем точными сведениями о времени его существования, но на Вычегде и Выми подобные городища возникают в XI—XII вв. Некоторые из них существовали до XIV—XV вв. Эти городища выполняли роль не постоянных поселений, а временных убежищ, появление которых обусловлено описанными выше событиями. Богородское городище могло также служить целям обороны вишерцев от нашествий воинственных вогуличей, в XIV и XV вв. частенько тревоживших вычегодское и вымское население.

Длительное время Вишера входила в состав Вымской земли. Писцовая книга Яренского (Вымского) уезда 1608 г. подчеркивает: «Вымские ж земли погост Вишера»². Данный погост объединял всего два населенных пункта — собственно погост (совр. Богородск, по-местному — Висер), насчитывавший дворов: церковных — 2, крестьянских жилых — 9, пустых — 7, мест дворовых, т. е. давно заброшенных — 5; и деревню Большой луг, состоящую всего из 3 жилых дворов³. Расположены они в наиболее удобной части Вишеры: погост при впадении р. Нившеры, Большой луг в 17 км ниже, но почти в 30 км от устья р. Вишеры.

В более поздних документах фигурирует Вишерская волость, которая, будучи приписанной к Ляльской трети, по-прежнему тяготела к Вымской земле. Любопытно в этой связи отметить, что еще в XIX в. Богородск и Большой луг были связаны с Лялями прямой зимней тропой (по-местному — «Емвалас», т. е. буквально дорога на Вымь), которой пользовались в различных целях, в том числе направляясь на богомолье в Ляльскую церковь. Этот путь, по всей видимости, существовал и в XVII в., так как, согласно одному документу 1632 г., ляльские крестьяне ходили «для покупки мягкой рухляди и промышленные их ловли» в Вишерскую волость, а вернувшись, «тое рухлядь явили оне на Турье таможенному целовальнику... да и в Еренском городке в таможене голове тое рухлядь явили ж»⁴. Если бы их путь пролегал, положим, по Вычегде, то было бы незачем свою покупку предъявлять турьинской таможене. Значит, шли эти крестьяне с Лялей на Вишеру и обратно напрямик тропой, минуя кружной водный путь.

На обшюдые связи Выми и Вишеры в XVII в. указывают и такие, например, примечательные факты, что в 1634 г. в Усть-Выми был крестьянин с характерной фамилией Тихон Григорьев сын Вишерского⁵, отец которого раньше проживал на Вишере.

¹ См. описание городища в нашей статье «Новые археологические находки на Вычегде и Печоре», «Изв. Коми филиала ВГО», 1957, вып. 4.

² А. М. Глевушев. Акты времени правления царя В. Шуйского, М., 1914, стр. 321.

³ Там же.

⁴ «Акты юридического быта», СПб., 1857, т. II, стр. 259.

⁵ Рукоп. фонд Коми республ. музея, инв. № 11.

Другой крестьянин по прозвищу Вишератин отмечен писцовой книгой 1608 г. в Палевицах. Напротив, перепись 1673 г. зафиксировала в Сереговском погосте пустой двор Андрея Гичева, который «живет в Вишерской волости во крестьянах»¹. Можно сослаться и на более позднее свидетельство: в марте 1766 г. вишерский крестьянин Ивашев был принят «на Сереговскую гору на покупную его деревню в черносошное крестьянство»².

Впрочем, уже в 30-х годах XVII в. вишерцы предпринимают энергичные действия, чтобы отмежеваться от ляльских крестьян. Последние жаловались правительству, что с 1631 г. вишерцы перестали «с вымичи Ляльской трети... считаться и верстатца своих животов и промыслов по прежним данным окладам»³. В конечном итоге жалоба успеха не имела: в 1634 г. последовала царская грамота о выделении крестьян Вишерской волости в особый податный округ без всякого вмешательства в его дела мирских властей Ляльской трети⁴. Но Вишерская волость подлежала юрисдикции сысольского земского судьи⁵, а с 1648 г. должна была нести ямскую повинность совместно с крестьянами сысольских волостей⁶.

В первой половине XVII в. начинается заселение Средней Вычегды от устья Сысолы до Усть-Кулома и Усть-Нема. У впадения Вишеры возникает дер. Сторожевская (Шойнаты). Пионерами новой колонизации явились выходцы с Сысолы, Нижней Вычегды, Выми, а также и Вишеры. Тем самым вишерцы приобретают новых соседей, с которыми у них сразу же возникают более тесные связи, нежели с вымичами и сысоличами. Характерно, что при переписи 1646 г. целый ряд новых деревень на Вычегде от Небина до Усть-Нема был приписан к старому Вишерскому погосту. В 1655—1656 гг. крестьяне Вишерской волости выступают совместно с устькуломцами и устьнемцами с просьбой об освобождении их от обременительной опеки устьсысольских судей и предоставления им права выбора своих земских судеек⁷. Их просьба была уважена, ибо в переписной книге 1678 г. в Усть-Немском погосте упоминается местный земский судейка⁸. Во второй половине XVII в. вишерцы «дани дают и стрелецкие деньги и сибирские запасы платят и иные всякие подати» совместно с крестьянами Усть-Кулома и Деревянска⁹.

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 286, оп. 4, д. 6, л. 28.

² ЦГАДА, ф. 609, оп. 1, д. 1779, л. 3.

³ Рукоп. фонд Коми республ. музея, инв. № 13, л. 236.

⁴ ЦГА Коми АССР, ф. № Р—45 с, оп. 1, д. 6, л. 49 об.

⁵ М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., М., 1909, т. 1, стр. 259—260.

⁶ ЦГА Коми АССР, ф. № Р—45 с, оп. 1, л. 51.

⁷ ЦГАДА, Приказные дела старых лет (1655—56 гг.), д. 167.

⁸ М. Богословский. Указ. соч., стр. 260.

⁹ «Дополнения к актам историческим», СПб., 1857, т. VII, стр. 172.

Письменные источники свидетельствуют о медленном росте народонаселения Вишерской волости. Так, в 1608 г. в существовавших на Вишере двух населенных пунктах (в погосте Вишера и деревне Большой луг) насчитывалось всего 12 жилых дворов. Как административная единица Вишерский погост значительно разросся к 1646 г., когда к нему было приписано 10 деревень с 71 крестьянским и бобыльским двором, но в большинстве своем деревни эти были вновь основаны не на Вишере, а на Вычегде, начиная от Небдина до Усть-Нема. Позднее Усть-Кулом и Усть-Нем с окружающими их деревнями становятся самостоятельными погостами, но, судя по данным 1678 г., к Вишерскому погосту по-прежнему были приписаны многие вычегодские деревни и почишки (общее число их вместе с вишерскими селениями составляло 15)¹.

Так как переписи XVII в. учитывали только податное мужское население, нет никакой возможности назвать даже приблизительное количество всех жителей Вишерского погоста. Мы знаем лишь, что в 1646 г. во всех вишерских и вычегодских селениях, приписанных к этому погосту, проживало 175 тяглых крестьян и бобылей, а в 1678 г. — 124.

Медленное увеличение народонаселения Вишеры объясняется не только слабым естественным приростом, но и значительной текучестью наличного состава крестьян, из которых многие по причине трудности ведения хозяйства, частых голодовок и социального гнета вымикали или покидали свои дворы и уходили «безвестно». К моменту переписи 1608 г. вишерские селения оказались запустевшими более чем наполовину. В погосте Вишер насчитывалось 12 заброшенных дворов против 9 жилых, в дер. Большой луг — 5 пустых и 3 жилых двора. Известны и причины запустения: в 3 случаях — это смерть хозяина и уход его семьи в другие места жительства, в одном случае прямо указано, что бывший владелец, видимо, со всеми домочадцами «сбежал в Верхокамье»². Перепись 1646 г. зарегистрировала в малонаселенном Вишерском погосте 19 пустых дворов. Их бывшие владельцы разбрелись в Сибирь, на Каму, а также в недавно основанные Усть-Кулом и Усть-Нем³. Обеспокоенные массовым уходом тяглых крестьян власти в 1648 г. специальной грамотой указывали «их разыскать и доправить на них тягло»⁴.

Временное запустение вишерских селений наблюдалось и во второй половине XVII века, но все же убыль населения постепенно восполнялась и происходило дальнейшее увеличение народонаселения как за счет естественного прироста, так и в связи с появлением новых поселенцев.

¹ М. Богословский. Указ соч., приложение, стр. 31, 33.

² Акты времени правления царя В. Шуйского, стр. 321.

³ А. Sjögren. *Gesammelte Schriften*, SPb., 1861, в. I, s. 427.

⁴ ЦГА Коми АССР, ф. № Р—45 с, оп. 1, д. 6, д. 36 об.

Документы XVII в. освещают и состояние хозяйства вишерских крестьян, которые, подобно вычегодским и вымским коми, занимались земледелием и скотоводством, охотой и рыбной ловлей. Основной хозяйственной единицей был крестьянский двор, который представлял собой союз близких родственников — нередко большую нераздельную семью, состоящую из трех поколений. Понятие «двор» обнимало не обязательно один только дом, последних могло быть даже 2—3.

Земледелие существовало в форме пашенного и подсечно-огневого. Размеры пашни были небольшими. В 1608 г. в Вишерском погосте на 9 жилых дворов приходилось пашни «10 чети в поле», т. е. 5 десятин, а в д. Большой луг «при чети с осьминой в поле», т. е. немногим более 1,5 десятин. Это означает, что каждый двор имел в среднем полдесятины пахотной земли. Хотя наряду с пашней, несомненно, разрабатывалась одногодичная подсека, вишерское земледелие было слаборазвитым. В это время вряд ли существовала более или менее упорядоченная трехпольная система, скорее господствовал перелог.

Скотоводство также не имело крупных размеров, но в Большелуге оно было развито сильнее, нежели в Вишерском погосте. Согласно писцовой книге 1608 г., большелугские крестьяне ежегодно накашивали сена 70 копен (с 7 десятин) на 3 двора, тогда как погостовские крестьяне имели всего 30 копен сена (с 3 десятин) на 9 дворов. Кстати, отсюда становится понятным и само название деревни Большой луг, т. е. имеющая хорошие пожни.

Зато жители погоста более интенсивно занимались охотой: именно у них писцы зафиксировали наличие большого числа охотничьих ловушек-слопцов (их было 120). Вообще же вишерцы славились как выдающиеся охотники. Охотничий промысел в их хозяйстве играл очень крупную роль. Это видно хотя бы по тому, что на Вишеру, не взирая на ее удаленность, постоянно наведывались торговые люди и скупали большие партии пушнины. Например, в 1684 г. на Вишере побывал москвич Сидор Федотов, купивший здесь 2200 белок, полтретья сорока горностаев, двести заячин и другие виды пушнины; крупную партию ценной пушнины приобрел лалетин (житель Лальска) Бажан Колотовкин: 3 тысячи белок, семь сороков горностаев, 36 кунниц, две лиски¹. Помимо перечисленных видов пушного зверя, вишерские охотники промышленяли также бобров, соболей, выдр².

Главными охотничьими орудиями были разнообразные бесшумные ловушки (слопцы, плашки, петли, перевесья), копые, лук и стрелы. В конце XVII — начале XVIII вв. появляется огнестрельное оружие — кремневые «пищали»³.

¹ «Акты юридического быта», СПб, 1864, т. II, стр. 330—331.

² «Акты юридического быта», СПб, 1857, т. I, стр. 258.

³ Рукоп. фонд Коми республ. музея, инв. № 17, лл. 472, 474.

XVIII в. с точки зрения демографии характеризуется увеличением числа населенных пунктов и заметным ростом народонаселения Вишеры. В начале этого столетия по соседству с Вишерским погостом существовала небольшая деревня Сюзяиб — вероятный выселок из погоста, а чуть ниже Большелуга возник починок Ивановский. Переписная книга 1720 г. почему-то не отметила деревню Нившеру на реке того же названия, хотя существование ее в это время более чем вероятно, ибо в одном из судебных дел 1720 г. упоминаются приписанные к Вишерскому погосту крестьяне Подоров и Ларуков¹, а такие фамилии издавна существуют только в Нившере.

В период генерального межевания 1784—86 гг. в Вишерской волости было 8 населенных пунктов, в том числе три вновь возникших: дер. Спасомын по соседству с селом Вишерским (бывший погост), дер. Русановская и Троицкая, приписанные к дер. Нившерской. Всех крестьянских дворов по волости насчитывалось 125. Самыми крупными селениями были село Вишерское (38 дв.) и дер. Большелугская (42 дв.)². Рост народонаселения за столетие выразился в следующих показателях: 1710 г.— 351 чел. обоюбого пола³, 1787 г.— 934 чел.⁴, 1816 г.— 1078 чел.⁵

Известные нам документы XVIII в. по-прежнему констатируют приход на Вишеру новоселов, преимущественно с Вычегды, и уход некоторых старожилов в другие, «хлебные» места. Переписная книга по отхожим волостям 1720 г. в Усть-Сысольской волости отметила «двор пуст крестьянина Гаврилы Данилова сына Молодцова, ушел он с женою на Вишеру в 716-м году»⁶. Напротив, в погосте Вишерском в это время был «двор пуст Марки Макеева сына Коюшева, с братьями ушли они... с женами и детьми в Пермь Великую или на Вятку для хлебной скудости»⁷. Ко всему прочему этот крестьянин не был здешним старожилом, так как фамилия Коюшев не характерна для Вишеры, но зато встречается в Пезмоге, Корткеросе и Мадже, откуда, видимо, вишерский Коюшев и был родом. В 1720 г. в Большелуге проживала семья Синпелевых. Нигде по Вычегде подобной фамилии в то время не было зарегистрировано, но вишерское предание гласит, что Синпелёвы — давние переселенцы из Усть-Сысольской волости. В конце XVIII в. Синпелёвы появляются в Пезмоге⁸. Возможно, что они выселились сюда с Вишеры. Переписная книга

¹ Рук. фонд Коми республ. музея, инв. № 17, л. 473.

² ЦГА Коми АССР, ф. 407, оп. 4, д. 1275, лл. 11—112.

³ А. Sjögren. op. cit., s. 280.

⁴ ЦГА Коми АССР, ф. 407, оп. 4, д. 1275, лл. 110—112.

⁵ А. Sjögren. op. cit., s. 274.

⁶ Научный фонд Коми филиала АН СССР. Собрание П. Г. Дорошина, инв. № 1020, л. 110.

⁷ Там же, л. 5.

⁸ Метрическая книга Пезмогской Прокопьевской церкви с 1780 г. (хранится в Пезмогском сельсовете).

1720 г. действительно упоминает одного Вишератина в Корткеросе. В XIX в. эта фамилия была здесь распространенной.

В общем в XVIII в. Вишера имела довольно широкие связи со Средней Вычегдой. Это видно, например, по составу фамилий. Коренными вишерскими были фамилии: Габсовы, Игушевы, Михайловы. Этого нельзя сказать о других здешних фамилиях: Микушевых, Панюковых, Мишариных, Макаровых, Першиных и Поповых. Из данных той же переписной книги 1720 г. мы видим, что крестьяне Микушевы проживали также в Сторожевке, Першины — в Важкурье и Подбельске, Поповы — в Сторожевке и других вычегодских селениях. Так как между Вычегдой и Вишерой происходило двустороннее движение переселенцев, трудно установить, где та или иная из перечисленных фамилий была коренной, а где занесенной извне. Можно, конечно, предполагать, что большинство из них первоначально были только вычегодскими, но не в этом суть дела. Все перечисленные фамилии бытовали как раз в том районе, который представлял собой определенное единство в экономическом и культурном отношении, которое так ярко проявлялось в XIX в. (см. ниже).

Любопытно, что брачные связи населения очерченного района обычно не выходили за его пределы. Чтобы убедиться в этом, проанализируем, например, показания метрической книги Пезмогской церкви за последние два десятилетия XVIII в. и начала XIX столетия. Население Пезмога имело взаимные брачные связи с населением почти всех населенных пунктов до Озела в одну сторону и (что чаще) до Подбельска в другую сторону. За сорок лет Пезмогская церковь зарегистрировала семь случаев браков здешних мужчин с вишерскими женщинами. Если бы мы просмотрели метрические книги других церковных приходов, то считали бы таких случаев в несколько раз больше.

Обратимся теперь к характеристике хозяйства, используя в первую очередь данные переписной книги 1720 г. Этот пространственный документ главное внимание уделяет земледелию и скотоводству, точно указывая количество высеваемого на пахотных землях хлеба и число копен собранного сена каждым крестьянским двором в отдельности.

Применительно к Вишере переписная книга не сообщает, какая система земледелия была господствующей, но на примере соседних волостей легко установить, что повсеместно была развита трехпольная система. Так, по многим верхневычегодским селениям высев хлеба производился на две «перемены» (третье поле в это время «отдыхало»), сравнительно редкими были случаи пользования одной лишь «полянкой» пахотной земли. У целого ряда крестьян выявлено наличие как старопахотных земель, так и «новин». Подобное положение, несомненно, существовало и на Вишере.

Размеры запашки у вишерских крестьян по-прежнему были небольшими, но далеко не у всех одинаковыми. Обследование

21 двора показало, что по количеству высеваемого хлеба эти хозяйства распределялись следующим образом: менее одной меры (одного пуда) — 3 хоз., одна мера — 4 хоз., от 1 до 3 мер — 9 хоз., 8 мер — 1 хоз., 12 мер — 1 хоз., 18 мер — 3 хоз. Если предположить, что высевалась только одна рожь, а на Вишере обычным был высев одного пуда ржи на 300 кв. саженей ($\frac{1}{8}$ десятины), то получается, что треть хозяйств имела «работающей» земли от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{8}$ десятины, 9 хозяйств (средняя группа) — от $\frac{1}{8}$ до $\frac{3}{8}$ десятины и только три хозяйства — до $2\frac{1}{4}$ десятины. Это примерно соответствует общему количеству пахотной земли (включая и треть «отдыхающее» поле), так как обычно высевали рожь и ячмень, а семян последнего на единицу площади требовалось вдвое больше, чем ржи.

Наряду с пахотными участками вишерские крестьяне безусловно разрабатывали также подсеки, требовавшие много труда и существовавшие только один — редко два года, но зато дававшие высокие урожаи: до сам-20 и больше против урожая сам-три, в исключительных случаях сам-шесть-семь на старопахотных землях. Надо полагать, что даже при систематической разработке подсек многие вишерцы не в состоянии были обеспечить себя собственным хлебом на целый год, тем более что нередко в результате вымерзания посевов случались неурожай. На многих примерах XIX в. видно, что подавляющее большинство вишерских крестьян вынуждено было прикупать хлеб на продовольствие и на семена на Небдинской ярмарке. В XVIII в. таким хлебным рынком явилось экономически быстро поднимающееся торговое село Усть-Сысольское (с 1780 г. город Усть-Сысольск).

Предметом неустанных забот вишерцев было скотоводческое хозяйство, которое не только давало некоторые средства пропитания, но и призвано было обеспечить земледелие тягловой силой и, главным образом, удобрениями, а домашнюю промышленность — сырьем (кожами, шерстью). За столетие (по сравнению с началом XVII в.) вишерские крестьяне значительно расширили площадь сенокосных угодий, что видно на таком простом сопоставлении: в 1608 г. на один крестьянский двор приходилось не более 7 десятин пожен, а в 1720 году многие хозяйства имели сенокоса от 5 до 15 десятин, а некоторые даже 20 и более десятин. Правда, и в это время были крестьяне, не имевшие пожен или имевшие их до 2—2,5 десятин. Но все же площади сенокосных угодий заметно увеличились, а соответственно этому возросло, конечно, и наличное поголовье скота.

К сожалению, мы не располагаем сведениями ни относительно общего количества скота на Вишере, ни относительно распределения его по имущественным группам населения. Но из одного судебного документа 1720 г. известно, что два явно малосостоя-

тельных крестьянина имели по одной лошади, по одной корове и по паре овец¹. Вероятно, это была обычная норма для многих крестьян, но имелись, конечно, и такие хозяева, у которых насчитывалось по нескольку голов рабочего и крупного рогатого скота. В частности, владельцы 20 и более десятин пожен располагали если не многими лошадьми, то многими коровами и овцами.

Земледелие и скотоводство вместе взятые явно не в состоянии были обеспечить существование больших неразделенных крестьянских семей, которые, судя по данным переписной книги 1720 г., были характерны для вишерцев. Рыболовство и мясная (потребительская) охота служили лишь подспорьем. Главные же средства для приобретения недостающего хлеба и других товаров, а также для уплаты государственных налогов давала пушная охота, имевшая товарный характер.

Существовали два охотничьих сезона — осенний и зимний: «Крестьяне промышляют зверя осенью близ жительства, а зимою уходят в дальние места»². Каждый охотник имел свои собственные промысловые угодья, переходившие из рода в род, расположенные зачастую далеко от его деревни по мелким речкам и ручьям. Там он имел охотничьи избышки, лобазы для хранения припасов и добычи, в окрестностях которых пролегали его промысловые тропы — «путики» и ставились ловушки³. Частое упоминание в документах первой половины XVIII в. ружей-пищалей указывает, что ружейная охота становилась господствующей.

Описанные отрасли производства дополнялись крестьянской домашней промышленностью, которой были заняты оба пола. Мужчины плотничали, изготовляли лодки, сани и волокуши, немудреный сельскохозяйственный инвентарь (соху, борону) и домашнюю утварь, гнали смолу, выделывали сыромятные кожи и т. д. Женщины, по словам «Экономических примечаний» по Усть-Сысольскому уезду 1784—86 гг., «упражняются в домашних рукоделиях, прядут лен, шерсть, ткнут полотна, посконные холсты, чулки, перчатки нитеные, шерстяные, плетут кружева для собственного употребления, а за остатком и на продажу»⁴.

Как было отмечено выше, экономические трудности вызывали в XVII в. значительный отлив населения из вишерских деревень. Крестьяне переселялись в Прикамье и Сибирь, в частности, потому, что нигде поблизости они не могли найти заработков и приобрести недостающий хлеб. В XVIII в., когда происходит быстрый рост заводской промышленности Урала, складываются торговые центры и развивается торговля в Вычегодском бассейне, течучьсть вишерского народонаселения несколько уменьшилась, но зато возросло отходничество.

¹ Рукопис. фонд Коми республ. музея, инв. № 17, л. 473.

² ЦГА Коми АССР, ф. 407, оп. 4, д. 1275, л. 75.

³ Рукоп. фонд Коми республ. музея, инв. № 17, л. 472.

⁴ ЦГА Коми АССР, ф. 407, оп. 4, д. 1275, л. 4.

Вишерские крестьяне-отходники, занимавшиеся заготовкой дров на уральских заводах, отмечены уже в 1730 годах¹. Впоследствии число таких отходников на уральские металлургические заводы значительно увеличилось. С середины XVIII в. развивается железодельное производство на Кажимских заводах в бассейне Сысолы. Для временной работы на эти заводы вместе с другими верхневыхгодскими крестьянами ходили и вишерцы².

В рассматриваемый период повышается роль товарно-денежных отношений, тем более что вишерские крестьяне и их соседи постоянно испытывали нужду в хлебе, соли, металлических изделиях, охотничьих припасах. Эквивалентом этих товаров служила пушнина. По соседству с вишерскими селениями не было ни ярмарок, ни торжков. Поэтому свои продукты они или вывозили на далекую Усть-Сысольскую ярмарку³, или же, как и встарь, продавали их на месте приезжим скупщикам, преимущественно устьсысольским купцам. Последние, широко используя характерные для того времени методы «задачивания», т. е. раздачу в кредит хлеба и других товаров под залог будущей охотничьей добычи, приобретали по дешёвке ценную пушнину и постепенно закабалили крестьян. На это в 1790 г. жаловались жители Небдинской волости: «Устьсысольские приезжие купцы бывают и у нас обидною ценою покупают разницею весьма дешево»⁴. Или по другому челобитью: «Устьсысольские купцы, ездя по уезду, делают разные претеснения в продаже зверей»⁵.

Наряду с городскими купцами, появились и «свои» местные скупщики. Таковыми были, в частности, небдинские крестьяне Латкины, которые в 1791 г. получили от вишерских крестьян большое количество пушнины «за забранные... в минувшем январе и феврале месяцах... деньги на платеж подушного сбора на первую половину и на необходимые нужды»⁶.

Таким образом, даже те скудные документальные источники XVIII в., которыми мы располагаем, свидетельствуют об имущественном расслоении вишерцев и об усилившейся эксплуатации их со стороны промышленного и торгово-ростовщического капитала. Но господствующей формой здесь по-прежнему оставались феодальные производственные отношения.

История Вишерской (Богородской) волости XIX — начала XX вв. при обилии архивных источников может быть освещена более полно, как в отношении движения народонаселения, так и с точки зрения его социально-экономического развития.

В рассматриваемый период происходит заметное разрастание старых населенных пунктов и возникновение новых выселков и

¹ Рукоп. фонд Коми республ. музея, инв. № 17, л. 522.

² ЦГА Коми АССР, ф. 407, оп. 4, д. 1275, л. 112.

³ Там же.

⁴ ЦГАДА, Усть-Сысольская нижняя расправа, д. 92, л. 10.

⁵ Там же, л. 9.

⁶ Там же, л. 10.

починков. В 1864 г. на Вишере и Нившере было 9 населенных пунктов с 323 дворами и 2090 жителями обоего пола¹. Спустя 20 лет, к 1885 г. число населенных пунктов увеличилось до 14, число дворов — до 371, а количество населения возросло до 2556 человек². В 1918 г. в Вишерском бассейне проживало 5204 человека³. Таким образом, за столетие, с 1816 по 1918 г. население Вишеры увеличилось в 5 раз, причем этот рост был бы еще большим, если бы не высокая смертность и значительный отлив местного крестьянства в другие губернии.

Здесь селения располагались вокруг старинных центров — Богородска (погоста Вишерского), Большелуга и Нившеры, образуя тем самым три населенных гнезда. Особняком стояли лишь наиболее удаленные деревни: Лымва, основанная на одноименной реке крестьянами из дер. Ивановской в конце 1880-х годов⁴, и Сывьюдор, основанная нившерскими крестьянами в 1892 г.⁵ Низовья Вишеры, на расстоянии 25 км от Большелуга до устья, по-прежнему оставались незаселенными, так как, по свидетельству вишерцев, эти места были малопригодны для занятия сельским хозяйством.

Анализ вишерских фамилий убеждает, что на протяжении XVIII—XIX и начала XX в. их состав мало изменился, а это свидетельствует о слабом притоке населения извне. В Богородском гнезде селений по-прежнему преобладали Михайловы, Габовы, Ивашевы, Игушевы, Поповы и Микушевы. В Нившерской группе селений, образованной преимущественно переселенцами из Богородска, существовали те же фамилии, но наряду с ними были также фамилии Жижевы, Ларуковы, Подоровы, не встречающиеся в других вишерских селениях, но известные под Сыктывкарком (Жижевы) и на Выми (Подоровы). Не исключено, что на Вишеру эти фамилии были занесены из указанных мест. В Большелуге наряду со старинными фамилиями (Панюковыми, Мишаринными, Макаровыми, Синпелевыми и др.) появились новые, такие как Васильевы, Елизаровы, Никифоровы, Ширяевы. О Ширяевых можно с полной очевидностью сказать, что появились они здесь с Вычегды, из Сторожевска или соседних с ним селений.

Таким образом, уже по составу фамилий можно судить о том, насколько слабой была в XIX в. крестьянская миграция на Вишеру. Это же подтверждают и здешние жители. Вишера была слишком бедна, чтобы привлекать сколько-нибудь значительное число переселенцев со стороны.

Для Вишеры, напротив, характерным явлением было переселение крестьян в другие уезды и губернии. С самого начала

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 1, д. 29, л. 33.

² Волости и важнейшие селения Европейской России. СПб., 1885, вып. VI, стр. 230.

³ ЦГА Коми АССР, ф. № Р-45с, оп. 1, д. 10, л. 2.

⁴ Там же, ф. 39, оп. 1, д. 387, лл. 2—3.

⁵ Там же, д. 404, лл. 35—38, д. 405, л. 2.

пореформенного периода до Октябрьской революции Богородское волостное правление почти ежегодно констатировало уход большего или меньшего числа крестьянских семей, главной причиной которого были «теснота народонаселения и крайний недостаток земли как пахотной, так и сенокосной»¹. Конечно, перенаселенность на Вишере носила весьма относительный характер, она была вызвана, как правильно указывали сами крестьяне, недостатком удобных земель, предоставленных им по плану генерального межевания 1787 г.²

По этому плану 125 крестьянских дворов, с населением в 934 человека, пользовалось 290 десятинами пахотной земли и 873 десятинами сенокоса³. К 1864 г. население Вишеры возросло до двух с лишним тысяч человек, т. е. увеличилось более чем вдвое, а площадь запашки расширилась всего на 25 десятин и сенокоса на 236 десятин⁴. Иначе говоря, с ростом народонаселения на каждый крестьянский двор при мирских переделах приходилось удобной земли все менее и менее. Запоздалая реформа государственных крестьян 1866 г. земельного вопроса не решила. Более того, поземельное устройство крестьян Усть-Сысольского уезда вообще было «отложено на неопределенное время»⁵. Крестьяне вынуждены были довольствоваться в основном наделами, нарезанными им при генеральном межевании 1787 г.

Разочарованные таким «землеустройством» обнищавшие крестьяне единственный выход видели в переселении на новые места. Некоторое значение имела местная миграция, т. е. не выходящая за пределы Усть-Сысольского уезда. Так, в 1832 г. вишерские Габовы переселились на верхнюю Ижму, где основали дер. Лачевскую⁶. В 1864 г. здесь насчитывалось 8 семейств вишерских переселенцев, причем два из них переселились из Сюзя-иба и Большелуга в 1861 г.⁷ Общая численность лачевских крестьян, приписанных к Богородской волости, достигала 79 человек⁸. В 1868 г. это селение было включено в состав Помоздинской волости, ибо имело с нею более тесные связи, нежели с Богородской⁹. В 1870 годах вишерские крестьяне Игушевы основали по соседству с дер. Лачевской поселок Одесдин¹⁰.

Следует отметить, что губернские и уездные власти, опирающиеся на «высочайшие» распоряжения, чинили всяческие препят-

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 1, д. 404, л. 37, д. 586, л. 5—6.

² Там же, д. 639, л. 12.

³ Там же, ф. 407, оп. 4, д. 1275, лл. 110—112.

⁴ Там же, ф. 39, оп. 1, д. 29, л. 33; д. 30, л. 27.

⁵ Там же, д. 387, л. 2.

⁶ В. Н. Латкин. Дневник во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах, Записки РГО, 1853, вып. VII, стр. 105.

⁷ ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 1, д. 13, лл. 2—3.

⁸ Там же, д. 29, л. 33.

⁹ Там же, д. 39, лл. 6, 54.

¹⁰ М. А. Сахарова. Материалы диалектологической экспедиции в Ухтинский р-н, 1944 (научный фонд Коми филиала АН СССР).

ствия переселению крестьян на близлежащие казенные земли. Известны, например, прошения 1907 г. нескольких вишерских крестьян о разрешении им поселиться в урочище «Гиблень» в 10 верстах от дер. Скородум и на р. Эжвачер по Ижемскому волоку в Помоздинской волости. Эти ходатайства не были удовлетворены «по лесохозяйственным и лесохозяйственным соображениям», а фактически из-за нежелания властей уделить просителям хотя бы малую часть казенных земель.

В то же время правительство, желая хоть как-то разрядить тяжелую обстановку в малоземельной деревне, поощряло отлив «избыточного» населения в слабо освоенную Сибирь. Но и в этом отношении оно оставалось верным своей классовой политике. Право на переселение в другие уезды и губернии получали лишь те крестьяне, которые в момент подачи прошения о переселении не имели недоимок по государственному и мирскому обложению и к тому же заручились согласием волостного правления и мирского схода на выделение из данного сельского «общества». Крестьяне, покинувшие свои «общества» без разрешения и паспортов, в случае их обнаружения подлежали водворению на прежние места жительства.

Многочисленные документы Богородского волостного правления раскрывают конкретную картину крестьянских миграций далеко за пределы Вишеры. Они указывают на одиночные переселения на Вычегду (в Корткерос, в Керчемью и т. д.), на Выль (в Турью), на Печору (в Савинобор). Однако главный поток переселенцев направлялся в Прикамье, на Урал и в Сибирь. Многие вишерские крестьяне, занимавшиеся отходничеством, были хорошо знакомы с этими местами. Достаточно отметить, что уже в начале пореформенного периода Богородским волостным правлением ежегодно выдавалось по несколько десятков годовых и полугодовых паспортов и отпускных билетов крестьянам, имевшим обыкновение подолгу находиться в отлучке, преимущественно в Приуралье и в Сибири¹. Мало-помалу все большее число таких отходников, прижившись в новых местах, не возвращалось обратно на Вишеру, платя лишь в свою волость подати, а зачастую вообще порывая с нею всякие связи. В качестве примера можно указать на нившерского крестьянина Марка Подорова, который свыше 25 лет проживал с семейством по паспорту в Шадринском уезде Пермской губ., а в 1891 г. возбудил ходатайство о предоставлении ему постоянного местожительства в этом уезде². Подобным же образом поступали и некоторые другие крестьяне, овладевшие тем или иным видом ремесла и порвавшие связи с сельским хозяйством.

Те из вишерцев, кто не желал расставаться с земледелием, но не имел возможности вести исправное хозяйство на родине

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 39, 1, д. 21.

² Там же, д. 404, л. 19.

стремились на «вольные» сибирские земли. Сплошь и рядом это делалось явочным порядком. В 1862 и последующем годах Вишера была поражена сильным неурожаем, что принудило целый ряд семейств в спешном порядке распродать имущество и, не уплатив недоимок, самовольно удалиться в Сибирь¹. От 1870 г. сохранилось свидетельство о том, что нившерские крестьяне Антон и Иван Габовы пять лет тому назад «по недостатку земли для хлебопашества и скотоводства переехали в Сибирь и здесь поселились Омского округа, Серебрянской волости, в деревне Саратовой и обзавелись домашностью и хозяйством и поэтому желают перечислиться в деревню Саратову»².

Особенно много крестьян навсегда покинуло Вишеру в 1868—1869 гг. «по случаю недостатков в здешнем обществе пахотной и сенокосной земель и вследствие постоянных в последнее время неурожаев от морозов, инеев, сырости и наводнений»³. Вначале вольнопоселенцами в Бийский округ, Томской губ. пожелали стать 7 семейств (69 душ обоого пола), затем к ним присоединились еще 12 семейств (63 души), несколько семейств уехали в Бийский округ поодиночке. Кроме того, по сельскому приговору в 1869 г. были исключены из волостных списков 51 душ обоого пола, ранее оставившие вишерские селения⁴. Иначе говоря, крестьянская миграция в эти годы приняла массовый характер. Если в 1864 г. в Богородской волости официально насчитывалось 1064 мужских ревизских душ, то в 1868 г. их оказалось в наличности только 821⁵. Законному, т. е. после уплаты всех податей и недоимок, организованному переселению вишерских крестьян в сибирские губернии особых препятствий не чинили ни губернские власти, ни сельские общества. Первые поощряли колонизацию сибирских земель по экономическим и политическим соображениям, вторые заинтересованы были в получении земельных наделов уехавших односельчан.

Поскольку в последующие годы земельный вопрос по-прежнему оставался нерешенным и все большее число крестьянских дворов приходило в упадок, постольку миграция в Сибирь не только не прекратилась, но и приняла явно нежелательные для правительства формы. В 1883 г. Министерство внутренних дел обращало внимание Усть-Сысольской земской управы «на вредные последствия, проистекающие от многократных случаев переселения крестьян из одних обществ и перечисления в другие». Мировым посредникам предлагалось «принять все зависящие меры к предупреждению самовольных переселений крестьян и чтобы крестьяне не были допускаемы до распродажи их имущества, совершаемой ими предварительно переселения, ранее чем они получат

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 39, 1, д. 42, л. 1—2, 9, 17.

² Там же, оп. 2, д. 4, л. 3.

³ Там же, оп. 1, д. 39, л. 32.

⁴ Там же, лл. 3—110.

⁵ Там же, л. 62.

окончательное право на выход из общества»¹. Просмотр переселенческих «дел» Богородского волостного правления за последующие двадцать лет убеждает, что самовольный уход крестьян продолжался, то ослабевая в некоторые годы, то вновь нарастая в периоды стихийных бедствий (главным образом неурожая).

Вишерские переселенцы поодиночке и целыми группами рассеивались по многим губерниям и уездам Российской империи, но в их миграции наблюдалась все же определенная закономерность, порожденная обычными направлениями их экономических связей и возможностями обосноваться на новых местах. Самыми близкими и удобными в этом отношении были Уржумский и Сарапульский уезды Вятской губернии², г. Пермь, Кунгурский и Шадринский уезды Пермской губернии³. Однако наибольшее число переселенцев из Богородской волости, желавших заниматься чисто земледельческим хозяйством, направлялось в Тобольскую и Томскую губернии. В Тобольской губ. выходцы с Вишеры селились преимущественно в Черемшанской волости Ишимского округа⁴, а в Томской губернии — в различных волостях Бийского округа и Барнаульского уезда⁵. Здесь существовали деревни, целиком или в значительной части заселенные крестьянами коми. Таковыми, в частности, были деревни Слусканиха и Яг-Виль в Бийском округе, Заселки зырян в Верхнечумышской волости Барнаульского уезда. Некоторая часть переселенцев осела в городах Барнауле, Оренбурге, Челябинске.

Такова в общих чертах картина движения народонаселения Богородской волости в XIX и начале XX вв.

В этот период расширяются экономические и культурные связи вишерских коми, но наиболее тесными они были с населением Средней и Верхней Вычегды, менее значительными — с населением приустьсысольских волостей, хотя бы потому, что главным экономическим центром для вишерцев с начала XIX в. становится с. Небдино с его ежегодной Афанасьевской ярмаркой, а Усть-Сысольск в этом отношении отходил на второй план. Характерно, что типы жилища и одежды вишерцев мало чем разнились с аналогичными элементами материальной культуры населения Средней и Верхней Вычегды, видоизменялись под их же влиянием, но заметно отличались от типов жилища и одежды сысоличей, нижневычегодцев и вымичей. Существовали также связи с верхнепечорскими и ижемскими коми. На Верхнюю Печору в конце XIX — начале XX вв. ежегодно наведывались вишерские пимокаты, портные и другие отходники; ижемские оленеводы и торговцы со своими товарами часто приезжали на Вишеру. Через их по-

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 39, 1, д. 285, л. 2.

² Там же, дд. 39, 405.

³ Там же, дд. 131, 387, 404.

⁴ Там же, дд. 39, 175.

⁵ Там же, дд. 39, 47, 193, 235, 387, 586, 651.

средство среди вишерских крестьян распространялась считая по ненецкому образцу зимняя меховая одежда и обувь.

Большое значение в жизни вишерских коми имело отходничество на приуральские заводы, принявшее с начала 90-х годов массовый характер. Длительное (по нескольку месяцев), из года в год возобновляющееся общение отходников с русскими рабочими Урала имело последствием культурно-бытовое и языковое влияние последних на вишерских коми, до этого мало знакомых с русской речью. Среди вишерских отходников стало появляться все больше знатоков русского языка. Однако большинство вишерцев, особенно тех, кто мало общался с русским населением, вплоть до 1930-х годов слабо владело или совсем не знало русского языка. Даже среди отходников многие при нужде пользовались лишь отдельными русскими словами и выражениями.

На самой Вишере русских жителей, за исключением церковного причта, не было совсем. Коми-русские связи по линии семейно-брачной здесь также почти не наблюдались. Некоторую роль в распространении русского языка и письменности играли начальные школы, открывшиеся в Богородске и Нившере в самом начале пореформенного периода¹. Однако и учеников в них было мало и преподавание велось в значительной мере на коми языке, так как учащиеся поступали в школу с полным незнанием русского языка². Такая школа если и давала элементарную грамотность, то сплошь и рядом не прививала устойчивых навыков русской речи.

Отличительной чертой вишерцев было длительное господство в их психическом складе стойких узкоземляческих представлений. Само название «висерса» («вишерские») имело не только чисто географическое, но и этнографическое содержание. Вишерцы заметно отмежевали себя от соседнего вычегодского населения и в хозяйственном, и в языковом, и даже в бытовых отношениях, что, однако, не препятствовало хозяйственным, культурным и семейно-брачным связям между ними. Окружающее население также смотрело на вишерцев по-особому, придавая названию «висерса» значение синонима исключительной бедности, патриархальщины и бытовой отсталости.

Подобные явления действительно имели место и порождены они были социально-экономическими условиями жизни вишерского населения.

Как отмечалось выше, крестьянская реформа 1861 г., распространенная позднее и на государственных крестьян Усть-Сысольского уезда, аграрного вопроса не разрешила. Во владении жителей Богородской волости остались по сути дела те же небольшие земельные площади, которыми они пользовались по генеральному межеванию 1787 г. Формально на каждую ревизскую

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 1, д. 10, л. 1—5.

² «Вологодские епархиальные ведомости», 1886, № 3, стр. 28—29.

душу должно было приходиться 15 десятин пашни, покоса и леса, но фактически всей земли на душу населения в 1864 г. в Вишерской даче приходилось 8,5 дес., в Нившерской даче — 5,3 дес.¹ Однако большая часть этой земли была неудобной или находилась под лесом. По данным 1869 г., в Богородском сельском обществе «причитается на душу удобной земли по одной десятине с небольшим»². Особенно малыми были размеры запашки, которые по мере роста народонаселения все более уменьшались при уравнильных переделах. В 1787 г. на душу населения пашни в среднем приходилось 0,3 десятины, в 1862 г. — 0,15 десятины, в 1885 г. — 0,13 десятины. В начале XX в. многие хозяйства пользовались надельным пахотным клином всего в несколько сот кв. сажений³.

Естественно, что сельское хозяйство не могло обеспечить сколько-нибудь сносное существование большинства крестьянских семейств. Вишерские крестьяне вели мелкое неспециализированное хозяйство, включающее как сельское хозяйство, так и различные неzemледельческие промыслы — охотничий, лесной, охотжий и проч. По мере развития товарно-денежных отношений и разложения сельской общины последние стали играть ведущую роль в экономике местного крестьянства.

Сельское хозяйство вишерцев отличалось крайней слабостью, технической отсталостью и экстенсивностью. Недостаток пахотных и сенокосных угодий являлся главным тормозом в развитии земледелия и скотоводства. Лишь в сравнительно редкие урожайные годы население могло обеспечить себя семенами и некоторым количеством хлеба собственного производства и сохранить палячие поголовья скота. Обычным явлением было приобретение хлеба из запасных магазинов и на торжках, потеря скота от бескормицы или же содержание его в минимальном, ниже потребного, количестве. Так было и в начале пореформенного периода, и накануне первой мировой войны.

Конечно, в проекции ряда десятилетий происходило увеличение крестьянской запашки, но в очень малых размерах. В 1862 г. в Богородской волости под хлебными посевами было занято 315 дес., а в 1899 г. — 348 дес.⁴, т. е. за 37 лет запашка увеличилась всего на 33 десятины. Это может показаться странным, но только на первый взгляд. Сами крестьяне в одном из своих мирских приговоров 1869 г. пояснили: «отвратить недостаток земли расчисткою от лесного и неудобного пространства нет никакой возможности по расположению их на болотах и песчаных высотах»⁵.

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 7, д. 29, лл. 31—32.

² Там же, д. 39, л. 32.

³ Там же, д. 636, л. 1—2.

⁴ Там же, ф. 116, оп. 3, д. 23, л. 126.

⁵ Там же, ф. 39, оп. 1, д. 39, л. 32.

Самовольное возделывание пашен на казенной земле преследовалось законом, но даже в том случае, если крестьянин приобретал билет, дающий право на расчистку леса под посевы, или же явочным порядком ухитрялся несколько расширить свои земельные угодья, все же возделывание новинных пашен было весьма трудным делом.

Так, например, по сведениям Богородского волостного правления, в 1864 г. было расчищено под пашни не более 4 десятины земли, причем «лес выжигался, а пни с корнями вырывались»¹. На рубку и выжиг леса, на корчевку пней, первоначальную обработку почвы мотыгой, а затем бороньбу и посев на площади в 300 кв. саженей, или на один пуд посева ржи, необходимо было около 20 человеко-дней, а на одну десятину — от 3 до 5 месяцев упорного труда одного работника. Стоимость такой работы определялась от 50 до 100 рублей за десятину. Производивший эти подсчеты П. В. Котляревский заключает: «Понятно, что при таких трудах и расходах обращением лесных площадей в пашни могут заниматься только хозяева многосемейные или же богатые»².

Недостаток пахотных земель и трудность возделывания новин крестьяне стремились в какой-то мере компенсировать разработкой лесных подсеков. Последние были запрещены законом, но это не могло остановить вишерских крестьян, которые тайком вырубали и выжигали в казенных лесах небольшие участки, и, засеяв их, снимали сравнительно высокий одногодичный урожай. Размеры этих подсеков учесть невозможно, так как они не фиксировались в официальных документах, но нам известны неоднократные указания вычегодского лесничества «на массовое выжигание крестьянами леса под подсеки»³. Хотя разработка одногодичных подсеков требовала немало труда и могла привести к штрафу за истребление казенного леса, все же вишерские крестьяне находили их выгодными, ибо на посев требовалось вдвое меньше семян ржи, а урожай был во много раз выше, чем на старопахотных землях. К тому же использованную подсеку можно было пустить под перелог, превратить в удобряемую пашню или в пожню.

Однако неверным было бы мнение, что подсечно-огневым земледелием могла систематически заниматься любая крестьянская семья. Не говоря уже о запрете подсеков, разработка их требовала свободного от других занятий времени и значительной людской силы, рабочего скота, инвентаря и семян, т. е. того, чем в достаточной мере располагал далеко не каждый вишерский крестьянин.

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 1, д. 29, д. 40.

² П. В. Котляревский. Экономический быт государственных крестьян Северовосточной половины Вологодской губ., «Вологодские губернские ведомости», 1892, № 47, 48.

³ ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 1, 9, 41.

Говоря о системе земледелия, следует различать обработку старопахотных и новинных земель. Пашенное земледелие было трехпольным, т. е. представляло собой сочетание озимого, ярового и простого парового клина. Удобрения вносились в почву преимущественно под яровый посев ячменя. Озимь засевалась рожью почти без всякого удобрения. Иначе говоря, каждое поле удобрялось лишь один раз в три года. При посеве хлебных культур соблюдалась следующая пропорция: на одну десятину полагалось семян ржи 8 пудов, ячменя 16 пудов. Орудиями обработки почвы служили двухрельная соха и деревянная борона-суковатка или обычная многозубая вязаная борона. Более совершенная однолемешная соха-косуля на Вишере появилась незадолго перед началом первой мировой войны. Уборка хлебов производилась исключительно зазубренным серпом, молотба — цепом. В земледельческих работах были заняты как мужчины, так и женщины, но с развитием отходничества, отвлекавшего мужчин и в летнее время, все большая роль в производстве стала принадлежать женщинам и подросткам. Каждая вишерская женщина умела пахать, сеять и убирать урожай.

В подсечно-огневом хозяйстве вишерских крестьян сохранились весьма архаичные приемы возделывания почвы под посевы. Для этого прямо в глухом лесу, непременно на возвышенности, выбирали подходящий участок, поросший елью и сосной, еще более лучшим считалось место со смешанной елово-березовой порослью, так как опавшие березовые листья давали хороший перегной на скудных лесных подзолах. Лес рубили ранней весной, еще до распускания листьев, давали ему просохнуть в течение года и на следующую весну сжигали его без остатка, а осенью по палу сеяли озимую рожь. Вся эта чрезвычайно трудоемкая работа совершалась вручную. Брошенные в пепел семена даже не заделывались, а если бороньба все же производилась, то очень часто ручной «каракулей» — деревянным орудием вроде трехзубых граблей, сделанным из корневища ели. В том случае, если земледелец имел лошадь и она могла быть использована на сравнительно небольшой площади подсеки, рыхление почвы и заделывание посеянных семян производились с помощью более тяжелой бороны-суковатки с конной тягой («тыла агас»).

На Вишере характерным было использование подсеки один, реже два года. Затем она забрасывалась или же, будучи расположенной в удобном месте, очищалась от пней и превращалась в пожню. Лишь иногда после расчистки и удобрения навозом она использовалась в качестве обычной пашни.

Единственными хлебными злаками были озимая рожь и ячмень. Урожайность их не превышала сам-два — четыре, а на хорошей земле в редкие годы — сам-семь — восемь. Невиданным считался урожай на подсеке, достигавший сам-20. Наряду с этими злаками возделывались другие культуры: картофель, репа, капуста, редька, лук. За исключением репы, сажаемой в поле,

эти культуры выращивались на грядках подле дома¹. Даже картофель, появившийся на Вишере еще в дореформенный период, долгое время сажался на грядках в неглубокие лунки, намеченные колом. Количество посаженного и снятого с огорода картофеля было невелико. Даже на рубеже XX в. по всей Богородской волости его было собрано 3600 пудов², т. е. примерно по пуду на душу населения.

В небольшом количестве производились лен и конопля, которые целиком потреблялись самими крестьянами. То же самое следует сказать и о других продуктах земледелия.

Таким образом, земледелие вишерских коми характеризовалось малыми размерами пахотного клина, примитивной системой обработки почвы, крайне отсталой техникой, однообразием и низкой урожайностью хлебных и иных культур.

В столь же плачевном состоянии находилось и скотоводство. Отчеты Богородского волостного правления с 1862 г. по начало XX в. постоянно отражают крестьянские жалобы на то, что «пастбища весьма неудовлетворительны... скотоводство в самом низком состоянии по недостатку корма»³.

Вишерцы держали лошадей, коров и овец и совсем не разводили свиней и коз. Количество скота было неустойчивым: оно то резко сокращалось в голодные годы, то несколько повышалось в урожайные периоды, но все же всегда оставалось недостаточным. В голодный 1862 г. по всей волости на 300 с лишним дворов было: лошадей — 260, коров — 310⁴. Как этот скот распределялся между определенными категориями крестьян, видно из следующей информации: «рабочего скота вообще мало, так что некоторые из поселян не имеют лошади, а держат артелью до 3 дворов одну лошадь; коров имеют только по одной на целое хозяйство, а другие так же, как и лошадь, не имеют; овец приходится на душу не более одной»⁵.

К 1869 г. положение со скотоводством несколько выправилось. На 324 двора в этом году приходилось лошадей — 240, коров — 1050, овец — 2270⁶. Из отчета волостного правления мы узнаем, что «большая часть домохозяйств держит по одной лошади, 3 коровы и по 5 штук овец, кроме состоятельных или зажиточных, коих количество скота превышает первых вдвое более»⁷. Даже в сравнительно благоприятные в смысле заготовки кормов годы и при наличии некоторого заработка на стороне многие вишерские крестьяне не могли приобрести и содержать коров и лошадей. В начале 90-х годов число безлошадных хозяйств достигло 13%⁸.

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 1, л. 39.

² Там же, ф. 116, оп. 3, д. 23, л. 126.

³ Там же, ф. 39, оп. 1, д. 30, л. 29.

⁴ Там же, л. 28.

⁵ Там же, л. 59.

⁶ Там же, д. 60, л. 4.

⁷ Там же, д. 29, л. 42.

⁸ П. В. Котляревский. Указ. соч., «Волог. губ. вед.», 1893, № 3.

Вишерский скот отличался малорослостью, низкой породностью и продуктивностью. Из года в год он вынужден был довольствоваться жестким рационом сена, а по большей части соломой и специально заготовленным белым лесным мхом¹. Ссылаясь на трудности в заготовке кормов, вишерские крестьяне в 1903 г. указывали, что вследствие этого они «не могут содержать достаточного количества домашнего скота для удобрения полей, от чего бывают у большинства ежегодные неурожаи хлеба»².

Товарность скотоводческого хозяйства была незначительной. По данным 1860-х годов, «продажа масла, молока и сливок по сей волости не бывает, а по патриархальной простоте безденежно помогают друг другу в случае неимения масла или молока». Лишь кое-кто из крестьян практиковал откорм коров и бычков специально для продажи³. К началу XX в. продукты местного животноводства (топленое масло, сырые кожи и шерсть) стали чаще появляться на рынке, но обычно в небольшом количестве. Продажа их часто совершалась не в качестве излишка, а по нужде, например, в связи с необходимостью уплаты государственных податей или покупки хлеба.

Занятие сельским хозяйством отвлекало мужскую часть населения не более чем на 4,5 месяца, с мая до половины сентября, остальное время уходило на различные виды промыслов.

По-прежнему крупное значение имела промысловая охота, которой занимались несколько сот человек. О масштабах ее свидетельствуют, например, такие данные: в 1869 г. вишерские охотники добыли различных пушных зверей, преимущественно белки, 22.700 штук, рябчиков и тетерек 7000, что по продажной стоимости составило в об-

Охотник в накидке (лаз).

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 1, д. 29, л. 42.

² Там же, д. 586, л. 6.

³ Там же, д. 29, л. 42.

щем свыше 2000 рублей¹. Развитие других более выгодных видов неземледельческих промыслов мало-помалу сокращало и число крестьян, постоянно занимавшихся охотой, и продолжительность самого охотничьего сезона: многие охотились только осенью, а после нового года отправлялись на лесозаготовки или в отход на уральские заводы. Тем не менее и на рубеже XX столетия число крестьян, занимавшихся охотой, было значительным: по Богородскому обществу 384 чел. из 1297 жителей мужского пола, по Нившерскому обществу — 270 из 407². Эти же данные показывают, что в процентном соотношении охотников было больше всего на Нившере, зато богородские мужчины принимали более массовое участие в отходничестве.

Охотничий промысел давал некоторые средства для уплаты податей, приобретения хлеба и других товаров. Пушнина и дичь сбывались на Небдинской ярмарке или на месте приезжим скупщикам, а также местным посредникам из числа зажиточных крестьян. Именно в сфере пушной торговли в наибольшей степени сказывался хищнический характер мелкого и крупного торгово-ростовщического капитала, устанавливающего произвольные, очень низкие цены на пушнину, обирающего и закабаляющего непосредственного производителя путем раздачи в кредит товаров выше их нормальной стоимости.

Рыболовство не шло ни в какое сравнение с охотой в смысле его развития и товарности. Даже в начале пореформенного периода «рыбная ловля незначительная, некоторые из крестьян занимают в свободное от хозяйства время ловлей рыбы, но добычу не продают»³.

Среди бумаг Богородского волостного правления имеется любопытный документ: довольно пространное «Сведения о сельском хозяйстве Богородской волости 1864 года», не оставляющие никакого сомнения относительно того, что хозяйство вишерцев носило ярко выраженный натуральный характер. В упомянутом документе подчеркивается, что основные орудия труда и бытовые предметы изготовлялись самими крестьянами и лишь зажиточными хозяевами приобретались со стороны. Ремесло было развито очень слабо. Во всей волости насчитывалось 5 кузнецов, 5 плотников и несколько портных⁴.

В последующие десятилетия число лиц, овладевших тем или иным видом ремесла, заметно увеличилось, но так как они, по причине бедности вишерского крестьянства, не могли быть полностью обеспечены местными заказами, то многие плотники, портные, сапожники и пимокаты занимались отхожим ремеслом или же навсегда переселялись в другие уезды и города. По данным 1903 г., местным ремеслом на Вишере занимались 59 чел., а отхо-

жим ремеслом — не менее 100 чел.¹ Помимо перечисленных выше видов ремесленного производства, развитие получили также бондарное и столярное дело, изготовление лодок-осиновок и дощаников, крашение холстов и набойка (последние в Большелуге).

Но все-таки из мелких крестьянских промыслов наибольшее значение имело не связанное с ремеслом отходничество. На это имеется прямое указание волостного отчета 1862—64 гг.: «Жители отлучаются для нажитков на заводы Пермской и других губерний, также на сплав на судах, от которых добывают деньги на платеж государственных податей и прочие их потребности, ремеслами занимаются весьма мало...»². Отходничество носило массовый характер. В 1870 г. Богородское волостное правление выдало отпускных паспортов и билетов: с 18 января по 20 марта 174 крестьянам, причем некоторые получили письменный вид на два лица (отец с сыном), с 14 июня по 15 сентября — 46 крестьянам, после 17 сентября — 31 крестьянину³. В 1899 г. отходников из Богородской волости было гораздо больше, в том числе на заводы — 138 человек, по ремеслу — 118 человек⁴.

Большинство отходников направлялось на уральские заводы (Усольский, Богословский, Бисерский и др.), где занималось преимущественно заготовкой дров и деловой древесины. Описание этого промысла мы находим, например, у П. В. Котляревского, указавшего, в частности, на причину его массовости: «Имея возможность проезжать на лодке через Екатерининский канал (соединяющий Вычегодский и Камский бассейны — ред.) и возвращаться тем же путем домой, они при этом по получению заработка могут купить в Пермской губ. дешевый для себя хлеб»⁵.

Вишерские и соседние с ними вычегодские крестьяне, объединившись в артели по 4—6 человек, отправлялись в Приуралье в середине сентября, т. е. после окончания полевых работ, трудились при заводах до конца ноября и в декабре возвращались домой пешком, но не все, а лишь те, у кого дома не осталось взрослых работников. В последних числах января начинался вторичный отход, продолжавшийся до весны, а иногда и лета. Заработок за столь тяжелый многомесячный труд составлял всего 25—35 рублей на человека, однако для обнищавших, голодающих крестьян он был немаловажным подспорьем.

В 90-х годах начинает развиваться один из важнейших видов местного промысла — заготовка и сплав строевого леса для различных акционерных обществ и фирм: «Товарищества Архангельского лесопильного завода», «Торгового товарищества «Братья Васильевы», «Амосов Гернет», «И. Русанов-сын», «Лесопромышленного товарищества экономии» и др. Крестьяне находили этот

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 1, д. 60, лл. 5—6.

² Там же, ф. 116, оп. 3, д. 23, л. 123—124.

³ Там же, ф. 39, оп. 1, д. 29, л. 44.

⁴ Там же, дд. 41, 43, д. 30, л. 29.

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 116, оп. 3, д. 85, лл. 17—20.

² Там же, ф. 39, оп. 1, д. 30, л. 29.

³ Там же, д. 95, лл. 14—33.

⁴ Там же, ф. 116, оп. 3, д. 23, лл. 123—124.

⁵ П. В. Котляревский. Указ. соч., «Волог. губ. вед.», 1893, № 10.

промысел выгодным, так как при всех, чрезвычайно тяжелых, условиях труда он не требовал обычно дальней отлучки и был несколько более прибыльным, нежели, скажем, дровозаготовка для уральских заводов. Впрочем, бедствующие крестьяне были готовы взяться за любую наемную работу. В крестьянских ходатайствах нередко можно встретить указание, что «заготовка леса для заграничного отпуска далеко не обеспечивает содержания семейства»¹.

Желающих принять участие в лесозаготовках находилось много, но это был весьма неустойчивый вид заработка. В отдельные годы лесопромышленники, получившие от казны крупные лесные участки по Вишере, через своих подрядчиков нанимали большое число здешних лесорубов, но затем крупные заготовки перемещались в другие места и на Вишере массового найма не было. «А в иные годы, — писали вишерские крестьяне, — заготовки совсем не бывает, почему вынуждаются отлучаться на заводы в Пермскую губернию»². Это видно и по данным статистики: в Богородской волости было занято лесозаготовкой и лесосплавом в 1899 г. — 293 человека³, в 1903 г. — 235 человек⁴, в 1905 г. — около 200 человек⁵. В ближайшие предвоенные годы заготовка сортового леса по Вишере и Нившере производилась в больших размерах; возникло также отходничество на лесные работы по Ижемскому Тобышу. Рубка и подвозка леса к реке производилась обычно с 10 января по 14 марта, а весной, по большой воде, заготовленные бревна сплавлялись до Усть-Сысольска.

Существовали и другие виды промыслов: извоз, работа на речных судах, распиловка досок и т. д., но они не имели существенного экономического значения.

Натуральный в основном тип хозяйства вишерцев не исключал связей их с рынком, которые, однако, расширялись сравнительно медленно. Недостаток денежных средств сводил до крайнего минимума число приобретаемых крестьянами товаров. На первом месте среди них стояли хлеб, соль, металлические изделия, т. е. то, чего не хватало или не могло быть произведено на месте. Длительное время единственным ближайшим местом покупки необходимых товаров была Небдинская ярмарка. Торговые заведения в самой Богородской волости стали возникать с 1863 г.⁶ Десять лет спустя таких заведений стало семь, большинство из них принадлежало устьсысольским купцам П. Александрову, М. Латкину и В. Оплеснину и только одно — местному торговцу М. Мишарину⁷. Развитию торговли, несомненно, содейство-

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 1, д. 636, л. 2.

² Там же, д. 586, л. 5.

³ Там же, ф. 116, оп. 3, д. 23, л. 123—124.

⁴ Там же, д. 85, лл. 17—20.

⁵ Там же, ф. 39, оп. 1, д. 607, лл. 12—75.

⁶ Там же, д. 30, л. 51.

⁷ Там же, д. 184, лл. 3—6.

вало появление некоторых заработков у крестьян, занимавшихся лесозаготовками и отходничеством.

Таким образом, во второй половине XIX — в начале XX вв. в хозяйственной жизни вишерского населения произошли значительные изменения, вызванные все нараставшими элементами буржуазного развития. Общая отсталость экономики Вишеры, сохранение массы пережитков феодального периода тормозили это развитие, но приостановить его не могли, создавая лишь наиболее тяжелые формы перехода от феодальных отношений к капиталистическим.

Хотя имеющиеся в нашем распоряжении документы очень слабо показывают расслоение вишерского крестьянства, все же по некоторым данным о нем можно составить определенное представление.

До самой революции все вишерское земледельческое население входило в разряд крестьян, объединенных в два сельских общества, в которых неукоснительно осуществлялся принцип пропорционального владения наделными пахотными и другими угодьями. Но, как и повсюду, при всей уравнительности местная сельская община распадалась на несколько имущественно неравных групп.

Перевес зажиточной верхушки виден был и в земледелии. Кроме наделных земель она владела на правах частной собственности большей и лучшей частью новорасчищенных и билетных пашен и лугов¹. Располагая достаточным количеством скота и инвентаря и имея возможность нанимать батраков (поместному «казаков»), состоятельные хозяева почти ежегодно разрабатывали подсеки и новины, превращая их затем в постоянно действующие пашни. «Кзакаками» обычно были молодые парни из обедневших семей. За свой тяжкий труд по расчистке леса они получали от хозяина харчи и одежду и очень редко деньги. Помимо прямого найма работников, зажиточные крестьяне прибегали и к другой форме эксплуатации бедноты, носившей название «кортём» или «кортмалём» (от русского «кортома»). Она состояла в том, что местный богатей передавал в пользование какому-либо односельчанину часть своей земли, обычно худшую, истощенную, а последний обязан был вознаградить владельца деньгами или, чаще, отработкой в его хозяйстве.

Экономическое благополучие зажиточных крестьян базировалось не только на земледелии и скотоводстве, но и на торговых операциях².

Совершенно иным было положение большинства других вишерских крестьян. Обрисуем в качестве примера состояние хозяйства двух семейств в начале XX в. Нившерский крестьянин Григорий Ларуков, имевший семью из 4 человек, владел 1,5 де-

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 2, д. 57, л. 4.

² Там же, оп. 1, д. 376, лл. 23—24.

сятинами пахотной и сенокосной земли, одной лошадью, двумя коровами и тремя овцами, которые не могли обеспечить его существования. Ларуков постоянно искал заработка на стороне, был согласен на любую работу, но не всегда ее находил. Он стремился выйти из здешней общины и переселиться на новое место¹. О вылибском крестьянине Мироне Мишарине, также ходатайствовавшем о переселении, в одном документе сказано: «Мишарина принуждает к переселению крайний недостаток в землепользовании, так что он имеет общественной земли при 5 наличных душах только на 1/4 души, на каковую высевает не более 1/2 пуда ячменя и 10 фунтов ржи. Вынужден скитаться по чужим местностям, снискивать пропитание. Заготовка леса для заграничного отпуска далеко не обеспечивает содержания семейства»².

По своему социально-экономическому положению подобные крестьяне все более превращались в постоянных наемных работников с наделом, умножая собою число сельского полупролетариата. Имелись также люди, полностью лишённые орудий и средств производства, работавшие и кормившиеся в хозяйстве местных кулаков. Социальные противоречия в среде вишерского населения были острыми и непреходящими.

Тяжелое социально-экономическое положение подавляющего большинства вишерских коми самым непосредственным образом сказывалось в их материальной культуре и быте. Так как этнографические описания Вишеры в литературе отсутствуют, ниже мы даем краткий обзор народной культуры этого района в конце XIX — начале XX вв.

* * *

Для Вишеры были характерны поселения только сельского типа: села и деревни. При этом следует отметить, что они располагались по реке тремя гнездами вокруг старых центров. Как уже отмечалось выше, древнейшими поселениями здесь были погост Вишера с деревней Большой луг и деревня Нившера. Эти три пункта остались основными центрами вплоть до XX в., став самостоятельными селами. Вокруг них на небольшом расстоянии раскинулось несколько более мелких деревень. Гнездо вокруг с. Богородского имело более разбросанную форму, чем вокруг Большелуга. Последний почти слился со всеми окружающими его деревнями (сиктами) за исключением деревни Ивановка (Джиян).

Кроме этих гнезд, выше по течению реки существовало несколько отдельно стоящих поселений, возникших большей частью в XIX в.

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 1, д. 586, лл. 5—6.

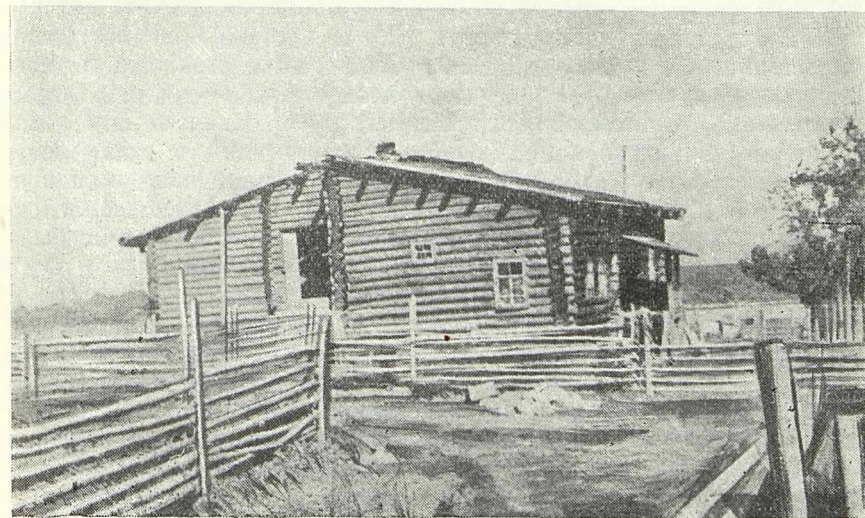
² Там же, д. 636, лл. 1—2.

Планировка поселений не одинаковая. Для с. Богородского было характерно прибрежно-рядовое расположение построек. Дома тянулись в несколько рядов вдоль берега р. Вишеры и только наиболее старая его часть сохраняла еще беспорядочность застройки. Село Большой луг в отличие от Богородского было расположено несколько в стороне от берега по тракту. В новой части его возникла уличная планировка, старая же была беспорядочно разбросанной. В мелких «сиктах» господствующая форма застройки была беспорядочная.

Вишерские поселения характеризовались наличием приусадебных участков возле жилищ. Обычно они находились позади дома и огораживались невысокой изгородью из жердей. Хозяйственные постройки (погреба, амбары, бани) располагались поблизости от дома (бани обычно на задах).

Для вишерских поселений характерно также наличие зеленых насаждений (деревьев и кустов) возле домов и на улицах. Обычно же в поселениях коми зелень отсутствует. По Средней Вычегде лишь изредка можно видеть отдельные тополи, стоящие перед домами.

Типы жилых и хозяйственных построек Вишеры в основном те же, что и у населения Верхней и Средней Вычегды. Наиболее распространенным был дом из двух изб, разделенных сенями и покрытых общей крышей на один скат. Сзади к дому пристраивался двухъярусный двор (стын) также с односкатной кровлей. Планировка обеих изб была почти одинакова. Она характеризовалась расположением печи в дальнем углу у стены, противопо-

Жилой дом старого типа.

ложной входу, и устройством окна над печкой. Передний угол располагался возле двери¹. Обитались избы по-сезонно и назывались летней и зимней избами (лун керка и вой керка). В XX в. в связи с прекращением сезонного обитания эти названия были утрачены и первую избу стали называть просто керка (изба), а вторую мёд керка (другая изба). Основным отличием летней избы было отсутствие полатей. Там же раньше появились белые печи. Еще в последней четверти XIX в. на Вишере встречались курные избы. По внешнему виду и внутренней планировке они мало чем отличались от описанных «белых» изб. Дым выпускался из избы через специальные дымоволоки. Таких изб в доме было также две с сениями между ними. Это были четырехстенки без дополнительных комнат и даже без перегородок. По утверждению документа, относящегося к 1864 г., «жилые избы устраиваются по древнему обычаю, т. е. черные без трубы, а у других и белые, печи бывают в углу комнаты, окна маленькие, у некоторых большие; и у каждого поселянина две жилые избы в смежности... под одной из этих изб устроен погреб, а под другой голбец или подполье. Задняя постройка состоит из сарая сеного, под коим и помещение скота в особых отделениях»².

С конца XIX в. начинается процесс изменения и усложнения жилища. Прежде всего следует отметить появление чуланов, т. е. небольших комнат, прирубленных сбоку к избе. Если такая пристройка делалась больших размеров, то она называлась уже не чуланом, а комнатой. Избы с чуланами впервые начали строить местные богачи, в частности торговцы.

Одновременно происходит увеличение размеров окон в доме. В XIX в. окна в избах в большинстве были маленькие, в среднем 60×40 см, и затягивались брьюшиной вместо стекла, которое появилось в последней четверти XIX в. Однако в первое время устьсыольские купцы везли сюда не листовое стекло, а готовые застекленные рамы 60×40 см с косым переплетом, ибо на их изготовление использовался стекольный бой. Вначале эти рамы приобретали только более богатые лица, но потом стали покупать и крестьяне, которые в первое время ограничивались покупкой одной-двух рам для красных окон и лишь позднее стали приобретать их и для остальных. В маленьких окошках рамы были одинарные. Только с увеличением размеров окон появляются двойные с обычным прямоугольным переплетом.

С начала XX века и особенно после 1920 года жилище вишерцев значительно усложняется. Весьма широкое распространение получают избы с чуланом. Наряду с ними развивается обычный пятистенок, в котором кухня и комната равны по своим размерам. Увеличение их размеров произошло за счет уменьшения

¹ Подробнее см. Л. Н. Жеребцов. Опыт изучения крестьянского жилища, «Историко-филологический сборник», Сыктывкар, 1956, вып. 3.

² ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 1, д. 29, л. 43.

Жилой дом с летним пятистенком.

двора. После 1920 г. на Вишере появляются дома, в которых двор занимает уже не половину, а только $\frac{1}{4}$ часть общей постройки. Примерно в те же годы возникает дом со средней горницей.

Следует отметить тот факт, что чем ниже спускаешься по течению Вычегды, тем меньше становится жилищ с вышеописанной планировкой, характеризующейся наличием окна над печкой, и наоборот, увеличивается число изб с северно-великорусским планом. Последний, как более удобный, постепенно вытесняет старую планировку.

Типы хозяйственных построек на Вишере имеют очень мало своеобразия, поэтому нет необходимости в детальном их описании. Двор всегда двухъярусный. Верхний этаж сплошной, без перегородок, и служит для хранения сена, соломы и т. д., которые поднимаются туда по взъезду (звозу). Внизу находится скот в отдельных помещениях.

Амбары и погреба обычного устройства (первые на ножках), чаще всего располагаются на противоположной стороне улицы против дома. Как специфическое явление можно отметить значительное распространение длинных амбаров из двух-трех отделений с отдельными входами, но с единым срубом, и исчезновение погребов под жилыми избами.

Бани черные (белые появились лишь во II четверти XX в.), иногда с предбанником, но нередко и без него, располагаются чаще на задах, на приусадебном участке, впрочем встречаются и несколько в стороне от дома, ближе к воде, которая берется по большей части из колодцев, меньше носят ее прямо из реки. Поднимают ее специальными черпаками, прикреплен-

ными к длинной жерди. Журавлей и иных сооружений возле колодцев нет. Строительством занимались сами крестьяне. Все мужчины в той или иной мере владели плотницким мастерством. Если и приглашали на помощь других, то лишь для выполнения наиболее ответственных чистовых работ. Таких высококвалифицированных специалистов-плотников в 1864 г., по документальным данным, на всей Вишере было только 5 человек¹.

* * *

Материалом для изготовления одежды служили холст, набойка, пестрядь, сукманина и сукно. Холст делался различных сортов: грубый и тонкий, белый и крашеный. В зависимости от сорта, он шел на изготовление разных видов одежды. В частности, из более грубого шилась рабочая одежда, а из тонкого — праздничная. Лен использовался только на собственные нужды. В продажу лен не поступал, ибо его не хватало даже для самих крестьян. Пряли его обычным для коми способом, при помощи веретена и прялки. Каких-либо приспособлений типа самопрялки не имелось².

Набойка больше использовалась для женских одежд, но шили из нее также и для мужчин. Верхнее платье изготовлялось обычно из пестряди. Надо отметить, что пестрядь женская отличалась от мужской размером тканой клетки. На последней она была значительно крупнее, чем на первой. Обе нити (основу и уток) обычной пестряди были льняные, у праздничной же уток частично был шерстяным, поэтому она была значительно ярче по цветам.

Сукманина отличалась тем, что основа ее была льняная, а уток шерстяной, одноцветный. Сукно же было из чистой шерстяной нитки, обычно коричневого или черного цвета. Оба эти материала были очень толстые и тяжелые. Они употреблялись равно как на мужскую, так и на женскую верхнюю одежду.

Покупные ткани (сатин, ситец, молескин, люстрин, нанка, китайка) распространились с начала XX в. Из них шили выходные мужские рубашки и женские сарафаны, причем носили их до полного изнашивания, и до тех пор, пока ткань не распадалась от ветхости, новых не приобретали.

В середине XIX в., по данным источников, в качестве рабочей одежды употреблялись зипуны из белого домашнего сукна, понитки и овчинные шубы. Праздничная одежда изготовлялась из более тонкого синего сукна, а шуба у некоторых покрывалась нанкою или тоже сукном³.

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 1, д. 29, л. 43.

² Там же.

³ Там же, л. 48.

В конце XIX в. комплекс мужской одежды складывался из белых холщевых подштанников, таких же верхних штанов и рубашки. Последняя была одна, натальной не носили. В конце XIX в. верхние штаны стали шить из фабричной ткани (чертовой кожи и т. д.), а если из холста, то обязательно крашеного в черный цвет. Покрой мужских рубашек весьма прост. Шились они из трех прямых полотнищ с небольшим клином, вставленным сбоку в подоле рубахи. Рукава прикреплялись к стану под прямым углом. Вставок подмышками не делалось. Ворот был с прямым разрезом и небольшим отложным воротником.

В качестве верхнего платья служили шабур, зипун, дукес и шуба. Наиболее старинной формой среди них был шабур. Он шился из белого холста и представлял собой глухую одежду, надеваемую через голову. Длинной он был примерно до колен владельцу. Покрой его был самым примитивным. Кусок холста длиной около 2 метров перегибался пополам, образуя перед и спину шабура. Здесь в средней части делался вырез для головы. С боков для большей ширины его от рукавов до подола пришивались куски холста, перепнутые по длине и несколько скошенные с тем, чтобы подол был шире плеч. Рукава, вырезанные также из одного куска холста, были тоже прямыми. Они пришивались к центральному полотнищу. Подмышками имелись прямоугольные вставки (жунлес). Использовался он главным образом в качестве рабочей одежды. Для той же цели служил и зипун. Это была распашная сравнительно короткая одежда из толстого грубого домашнего сукна или сукманины. Покрой его напоминал покроем дукеса. Последний являлся праздничной одеждой и изготовлялся поэтому из хорошего домашнего сукна коричневого или черного цвета. В более древнее время он был белого цвета.

Дукес принадлежал к группе длинных одежд. Его полы достигали колен, а иногда и ниже. Покрой дукеса был также довольно прост. Он состоял из трех одинаковых полотнищ, из которых два были полами, а третье — спиной. Для расширения подола между спиной и полами вставлялись два широких клина. Спина у мужского дукеса обычно была прямая, но иногда у него, как и у женского, в нижней части от пояса вниз устраивалась складка на манер шинельной. Застегивался он на правую сторону, причем полы запахивались очень глубоко. Застежками обычно служили крючки. Иногда вместо крючков пришивали в качестве пуговиц круглые палочки. Петли делались не прорезные, а пришивные. Воротник был стоячий и очень узкий. Рукава почти прямые из одного перегнутого куска сукна. Шов с нижней стороны рукава.

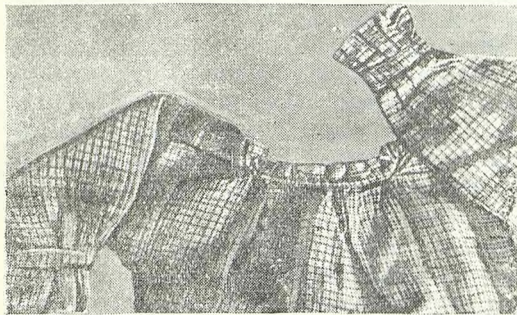
В начале XX в. появился кафтан. Он отличался тем, что при наличии того же покроя шился из фабричной ткани.

В зимнее время носились шубы из выделанной овчины. Рабочие шубы сверху покрывались крашеным холстом, а выходные оставались белыми. Имелись также малицы из овчин, но привоз-

ные ижемские олени малицы и совики были мало распространены.

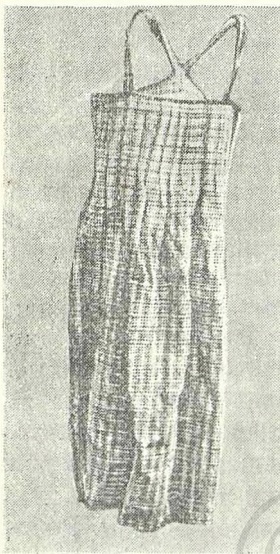
Покрой шубы почти не отличался от покроя дукеса. Спина ее делалась гладкой, но от пояса вниз между полами и спиной для расширения подола вшивались клинья. Полы очень широкие и глубоко запахивающиеся. Рукава длинные, суживающиеся спереди. Воротник стоячий и низкий. Застегивалась она на пуговицы, сделанные из кусочков толстой кожи или из круглых палочек. Петли пришивные. Иногда вместо пуговиц употреблялись крючки.

Здесь же следует упомянуть о том, что вишерские охотники, выходя на промысел, надевали специальную накидку-лаз.

Женская рубаха (дөрөм).

котором висели слева нож и справа (иногда) топор. Обычно же топор находился за спиной в особой петле, пришитой к средней части лаза. Остальная одежда у охотников была обычной рабочей.

Сарафан (шушун).

Таков мужской костюм. Женский, по сравнению с ним, был более разнообразным, более красочным. Он состоял из рубахи, сарафана, нарукавника и фартука. Женские рубахи (дөрөм) шились из пестряди. Были они короткие, до пояса. Снизу к ним подшивался отдельный стан из гладкого белого холста. Только у праздничных стан на подоле имел вотканый орнамент, сделанный красной шерстяной нитью. Рубахи украшались на плечах прямоугольными вставками (ластович), обычно из другой, более яркой материи (красного сатина и т. д.), иногда покрытого вышивкой.

Покрой рубах был несложен. У наиболее старых имелось всего два прямых шва по бокам. Рукава были также прямыми, сшитыми из одного перегнутого пополам куска ткани. Шов рукава был с нижней стороны. Подмышками имелась небольшая ромбовидная вставка из той же материи (кунлес). Ворот был круглым (у старинных рубах имелся нагрудный разрез). У более поздних ворот стали делать шире, но без разреза. Он стягивался шнурком, продернутым сквозь опушку. Иногда имелся невысокий стоячий воротник. Еще позднее рубахи стали шить на кокетке, а рукава — украшать сборками на запястье. С начала XX в. рубахи стали шить из фабричной ткани, но стан их по-прежнему был холщевый.

Поверх рубахи надевался сарафан (шушун). Сарафаны так же, как и рубахи, были нескольких видов. Различались как по материалу, так и по крою. Простые рабочие повседневные сарафаны шились из той же льняной пестряди. Выходные же в более ранние годы были из пестряди, тканой с примесью шерсти, а позднее — из фабричной материи. На них употреблялись китайка, люстрин и т. д. Наиболее старый покроем сарафана был характерен тем, что брались только прямые полосы материи без клиньев. Перед его был гладким, а все складки материи делались только сзади. Позднее ткань стали собирать в мелкую сборку и на груди, и на спине; их не было только на боках. Чтобы эти складки не расхотелись, сарафан по кругу на уровне груди прострачивался несколько раз. Это был так называемый көрөм шушун. Позднее его стали шить не из прямых полотнищ, а с клиньями. В этом случае брали три полотна: два спереди, один сзади и с обеих его сторон вставлялось по одному широкому клину. Указанные сборки на сарафане затем стали делать равномерно по всей окружности, по-прежнему прострачивая их. Косоклинные сарафаны на Вишере распространились только перед первой мировой войной. Шились они из шести полос; по бокам вставлялись клинья. В это же время появились сарафаны с лифом.

Застежки на всех типах, если имелись, всегда делались с левой стороны. Это были обычно крючки. Повседневные сарафаны украшений не имели. Праздничные — кроме особой ткани, украшались по подолу нашитыми тесьмами, лентами или кружевами в три-пять полосок. Иногда делались 2—3 поперечные складки из той же материи. Лямки также обшивались лентами или тесьмой. Наиболее дорогим был сарафан-китайка. Название его произошло от употреблявшейся материи. Покрой был тот же, но отличался он чрезвычайной шириной. Последняя по подолу от края до края была больше высоты взрослого человека с поднятой вверх рукой.

Поверх сарафана, особенно в праздники, надевались особая короткая распаханная кофта (нарковник, нарконик) и фартук, тоже украшенный нашитыми лентами или кружевами. Подпоясывался сарафан широким узорным тканым поясом яркой расцветки.

Верхнее женское платье во многом было сходно с мужским. Наиболее древним видом женской рабочей одежды был дудник. Он, как и мужской шабур, представлял собой тип глухой одежды, надеваемой через голову. Изготавливался он из холста, окрашенного в желто-коричневый цвет настоем ивовой коры («дубом»), отсюда и его название (дубник-дудник). Покрой был тот же, что и вышеописанного шабура. Основу одежды представляло перегнутое пополам полотнище холста. В средней части имелся треугольный вырез для головы. Для большей ширины с боков по всей длине от рукава до подола пришивались вставки, несколько расширяющиеся книзу. Рукава прикреплялись прямо к основному полотнищу. Они делались также из одного куска одинаковой ширины что в плечах, что у запястья. Подмышками — треугольные вставки. Если имевшийся кусок холста оказывался коротковат, то по подолу подшивался дополнительный до нужной длины. Дудник обычно был длиной до колен или несколько ниже.

В осеннее холодное время на работу надевали сукман. Название его происходит от употреблявшейся для его пошива материи — сукманы. Цвет его был коричневый, но от долгой носки шерсть часто стиралась и льняная основа заметно выделялась. Покрой сукмана не отличался от покроя женского дукеса, который шился, как и мужской, с той лишь разницей, что был длиннее и всегда имел сзади от пояса до подола складку. Для ее образования спина его от ворота до пояса разрезывалась и несколько сужалась, так что посреди спины шел шов до пояса. Там имелся не-

большой поперечный шов, который и образовывал идущую вниз складку на манер шинельной. Дукес и сукман шились из трех полотнищ: одно образовывало спину, а другие два — полы. Между спинкой и полами вставлялись широкие клинья. Общая ширина дукеса и сукмана по подолу была в три раза больше их высоты. Застегивались они на левую сторону. Цвет дукеса был чаще черный, реже — темно-коричневый.

В зимнее время женщины, как и мужчины, носили овчинные шубы. Праздничные были белые, не покрытые материей; рабочие покрывались сверху холстом. По покрою они напоминали дукес. Общая ши-

Дубас (дудник).

рина шубы в среднем по подолу была около 2,5 м, высота — несколько больше 1 м.

Летняя обувь как мужская, так и женская была кожаной. Наиболее распространенными были коты. Шились они из сыромятной кожи, пропитанной смоляной водой, без колодки. Для начала вырезывались подошва нужного размера и головка. Затем они сшивались дратвой друг с другом край за край. Головка по верхнему краю имела матерчатую опушку, сквозь которую был протянут шнурок, служивший для затягивания котов и укрепления их на ноге. Носили коты поверх шерстяных чулок. Каблуков они не имели.

В сырое время (весной и осенью) предпочитали ходить в особых сапогах (кыс). Материал и способ пошива их был тот же, что и у котов. Но, в отличие от первых, кыс имел высокое голенище. По длине последних они делились на два вида: кыс с короткими и кыс с длинными голенищами. Более короткие доходили только до колен, а у женщин были еще короче (они иногда были не кожаные, а суконные). Длинные употреблялись в основном охотниками и вообще на промыслах. Такое голенище подвязывалось под колено, чтобы не скользило, или, если длина позволяла, его подвязывали к поясу. Изготавливались они из снятой чулком кожи с ноги коровы. С начала XX в. получают распространение в качестве выходной обуви сапоги, сшитые на колодке из покупной выделанной кожи.

Зимой употреблялись валенки и валеные головки с суконными голенищами (тюни). Оленьи сапоги (пимы) были, но в ограниченном количестве. На Вишере они не привились. Их изредка покупали у ижемцев.

Кроме того, у вишерцев имелись лапти, плетенные из бересты. Они употреблялись в хлеву для ухода за скотом. Надевали их прямо на обычную обувь.

В документах середины XIX в. среди употребляемой обуви называются кожаные сапоги и коты, носимые с чулками своего вязания, валенки для зимнего времени и в качестве промысловой обуви сапоги из шкуры животного, сшитые шерстью вверх¹.

Головные уборы и прически на Вишере к концу XIX в. не были разнообразны. Девушки по обычаю заплетали волосы в одну косу, которая свободно опускалась по спине. Женщинам же не полагалось ходить простоволосыми, поэтому они убирали волосы в две косы, которые обвивали вокруг головы и покрывали повязкой. Поверх ее носили платок. В праздничные дни в XIX в. женщины надевали сборник — высокий головной убор на жесткой основе, но уже в начале XX в. он исчез из употребления. Впрочем в XX в. все старые традиции женских причесок и головных уборов стали нарушаться. Среди девушек, например, распространилась мода заплетать волосы в две косы.

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 1, д. 29, л. 43.

Наиболее употребительным женским головным убором был платок. По праздникам надевались яркие цветные шали. Мужчины носили самодельные суконные шапки или же купленные у ижемцев пыжковые с длинными ушами.

Большое распространение имели среди вишерцев вязаные изделия и в особенности шерстяные чулки (сера чулки). Они вязались различно для повседневной носки и выходные. Первые не отличались яркостью красок и богатством узоров. Наоборот, праздничные были чрезвычайно яркими по цветам и по подбору узоров. Такие же красочные чулки невеста дарила жениху на смотринах.

Меньшее распространение по сравнению с чулками имело вязание варежек. Они делались значительно менее яркими, а рабочие — и вообще одноцветными, серыми.

Полотенца и скатерти домашнего производства украшались тканым узором, который выводился красной шерстяной нитью. Узоры, как тканые, так и вязаные, были простые, геометрические. Каждый узор имел свое название (кураюр, утшыс и т. д.).

Постельные принадлежности у вишерского крестьянства к концу XIX в. были такими же, как и в других районах коми. Имелись матрац и подушка из перьев и овчье одеяло. Простыни и пододеяльники отсутствовали. Кроватей также не было. Спали на полатах и на полу. Старики устраивались на лежанке кухонной печи.

* * *

Как отмечалось выше, на Вишере были развиты домашние крестьянские промыслы. Указывалось на наличие столяров, плотников и бондарей, изготовлявших разнообразную утварь и посуду из дерева. Имело распространение примитивное гончарство налепом, которым занимались исключительно женщины. Ими производилась разнообразная глиняная посуда для собственного потребления. Она отличалась грубостью отделки и черным цветом, так как при обжиге ее ставили в русскую печь, наполнив суэлом. Такая посуда была очень прочна, но страдала существенными недостатками. Так, например, в ней нельзя было держать молоко и для хранения его вишерцы приобретали на ярмарках привозную глиняную посуду, особенно кринки, которые даже назывались ими русскими кринками (роч крынча).

С конца XIX в. домашняя деревянная и глиняная посуда начинает заменяться покупной. Наиболее рано появляются изделия из меди (умывальники и т. д.). В это же время распространяются и медные самовары. Впрочем, глиняные плошки, латки и т. д. сохранялись еще в первых десятилетиях XX в., в частности для жарения рыбы, мяса и т. д. В XX в. на Вишере распространяется также эмалированная посуда.

Вплоть до начала XX в. неременной принадлежностью каждой избы был светец — приспособление для держания лучины, которая была единственным источником света в помещении в зимнее вечернее время. Керосиновые лампы появились на Вишере только в начале XX в.

Продукты питания и употребляемые блюда у вишерцев в основном те же, что и в других районах республики. Традиционным кушаньем был, например, пирог с рыбой (черинянь). Весьма распространены были различные супы и мясные, и рыбные, причем в качестве приправы в них клалась ржаная мука. В последней четверти XIX в. вишерцы довольно широко употребляли в пищу картофель, главным образом в жареном виде.

В документах середины XIX в. упоминаются в качестве пищевой пищи: щи из яшной крупы, отбитой начисто в ступах, редька с квасом, репа вареная или пареная и рыба у крестьян, занимающихся рыболовством. Среди скромных блюд перечисляются щи с говядиной (при отсутствии последней, что для бедняков было обычным явлением, варились те же щи из яшной крупы и выбеливались сывороткой), молоко и молочные продукты, разные каши, в том числе яшная и картофельная, жаркое, обычно из дичи, которой добывалось в волости весьма много.

Источники подчеркивают, что в пищу в основном идут продукты своего производства, покупные — почти не употребляются¹.

Однако лучшее питание и более широкий ассортимент продуктов (хлеб, мясо, рыба, молочные продукты, грибы и ягоды и т. д.) у вишерцев встречались лишь осенью после снятия урожая и в первую половину зимы. К концу зимы и особенно весной в крае начинался голод. (Впрочем он был нередким гостем даже с осени, поскольку, как отмечалось выше, неурожай здесь были очень часты.) Голодное крестьянство употребляло в пищу толченую пихтовую кору (кач) и даже осинные опилки, из которых пекли хлеб с небольшой примесью муки для вязкости. По всему Коми краю Вишера «славилась» своей нищетой. Наричательным прозвищем нищих у коми было «висерса корысь» — вишерский нищий. Уже одно это ясно говорит о положении крестьянства на Вишере.

В то же время надо отметить и то, что отдельные предприимчивые вишерские крестьяне сумели даже из нищенства устроить промысел. В конце XIX в. среди некоторых представителей мужской молодежи распространилась мода попрошайничать в соседних районах, где население жило лучше, в особенности по Ижме. Эти лица вовсе не были в действительности бедняками, а просто стремились легким способом подзаработать деньги. Обычно они создавали группы вроде артелей. Собирали они печеным хлебом, мукой и зерном. Полученное потом продавали и

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 1, д. 29, л. 43.

деньги делили по участникам, причем руководитель получал больше остальных. Занимались этим обычно в зимнее время.

* * *

В описываемое время (конец XIX в.) вишерцы жили малыми семьями. Вследствие тяжелых условий жизни рождение дочери считалось несчастьем в семье, так как по обычаю за дочью при выходе ее замуж полагалось давать значительное приданое. В его состав обязательно входили корова, овца, ряд носильных вещей (шуба, сукман, дукес и т. д.), постельные принадлежности (матрац, одеяло, подушка) и другие вещи. Уже заготовка их приносила ущерб слабому крестьянскому хозяйству. Кроме приданого, большие расходы несли родители при проведении свадьбы.

В настоящей статье мы не даем подробного описания свадебного ритуала за недостатком места и отмечаем только основные его этапы. Вначале здесь происходило сватанье, стовор и битье по рукам, сопровождавшиеся угощением. Затем до свадебного пира совершался ряд обрядов, сопровождаемых плачами невесты (если она их не знала, то ей помогала специально нанятая плакальщица). Плачи начинались сразу же после сговора. Невеста оплакивала прежде всего свою девичью волю, восхваляя свою прежнюю жизнь. После сговора устраивали смотрины, на которых жениха сажали рядом с невестой, причем он обязан был положить ей на колени деньги. Этот обряд назывался чепельтём. Затем бывало обрядовое мытье в бане, дарение полотенца, свадебный пир, венчание и т. д., и все эти этапы проходили под определенные плачи. Имелись плачи при совершении обряда чепельтём, при дарении полотенца, при посещении бани, плач до свадебного пира, при приходе в дом жениха и т. д. Последний плач происходил перед венчанием.

Кроме плачей невесты, бытовали особые обрядовые песни, например, при пробуждении жениха, которую пели хором под окошком жениховой избы, и ряд других. Многие из них помещены в сборнике «Висервожса сьыланкывъяс» (см. ниже).

Зато рождение сына было праздником, ибо появлялся в семье будущий кормилец.

Новорожденных крестили в церкви, так как вишерцы были православными христианами. В отличие от соседних верхневычегодских районов (Усть-Куломского), старообрядчество на Вишере распространения не имело.

Воспитание детей в семье было самым примитивным. В младенчестве они в течение всего дня находились под надзором старух, так как остальные женщины были заняты по хозяйству. Почти вся работа не только по дому, но даже и в поле лежала на женщине, потому что мужчины, как описывалось выше, зачастую отсутствовали чуть ли не весь год, уходя когда на охотничьи

промыслы в лес, когда на заводы, когда на лесозаготовки и сплавы. Подростки почти все время находились на улице, предоставленные самим себе.

Впрочем детство на Вишере кончалось быстро, так как детей очень рано привлекали к работе на помощь взрослым. Именно тяжелыми условиями жизни объяснялось и то, что на Вишере очень немногие из детей посещали школу. В последней четверти XIX в. во всех 3 крупных поселениях Вишеры были открыты церковно-приходские школы. Первая школа появилась в селе Ботгородке в 70-х годах XIX в.¹ Затем такая же появилась в Большелуге и несколько позднее с января 1885 г. была открыта одноклассная церковно-приходская школа в с. Нившере. Учились в ней в том году всего 10 учеников (мальчиков)². Девочки вообще редко попадали в школы. Помещались эти школы в частных крестьянских домах и отоплялись, и освещались за счет того же крестьянства.

Преподавателями в них были служители церкви: или сам священник, или дьякон, или псаломщик. Поскольку дети очень слабо, а часто и вовсе не знали русского языка, то разрешалось в первое время вести уроки на коми языке³. Основными предметами были закон божий и церковное пение и кроме них еще изучались арифметика и письмо. Как уже отмечалось выше, очень небольшая часть детей школьного возраста посещала школу. Так, в 1876 г., при наличии в вишерских селениях 379 человек детей школьного возраста от 7 до 13 лет, училось в школе всего 9, из них 7 мальчиков и 2 девочки⁴. Процент грамотности на Вишере в указанное время был вообще очень низок. Известно, что всего населения, как мужчин, так и женщин, имелось 2547 человек, а из них грамотных было 45 человек и в их числе только одна женщина⁵.

Эти школы работали нерегулярно. Занятия нередко срывались. Например, в 1894 г. в Нившерской школе не состоялось выпускных экзаменов, так как все ученики выбыли по бедности⁶.

При школах и в церквях имелись небольшие библиотеки, составленные в основном из книг религиозного содержания. Так, в 1878 г. при Нившерской церкви такая библиотека насчитывала 49 книг⁷. Однако эти библиотеки крестьянами не посещались.

Низкий культурный уровень обусловил широкую распространённость различных суеверий. В одном из документов рассказывается о том, что крестьянин А. Габов, увидев рано утром на крыльце своего дома рябчика, затем улетевшего, счел

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 2, д. 9, л. 6.

² «Вологодские епархиальные ведомости», 1886, № 3, стр. 28—29.

³ Там же.

⁴ ЦГА Коми АССР, ф. 39, оп. 2, д. 9, л. 6.

⁵ Там же.

⁶ «Вологодские епархиальные ведомости», 1894, стр. 264.

⁷ ЦГА Коми АССР, ф. 280, оп. 1, д. 1, л. 11.

это дурным предзнаменованием и решил, что эта птица предвещала ему смерть жены его, в то время больной простудной лихорадкой¹.

Количество таких примеров может быть значительно увеличено.

Молодежь в летнее время проводила вечера на улице, на берегу реки или за деревней, где водили хороводы, плясали и пели под гармонь-тальянку (гудок). Других музыкальных инструментов не было. Наиболее распространенными танцами были кадрили и краковяк.

В зимнее время устраивались посиделки (войпукём). Для этого девушки устраивали складчину и снимали дом у крестьянина победнее, так как это обходилось дешевле. Здесь по вечерам девушки собирались, каждая с какой-либо работой (пряжей, вязанием, вышивкой), но работа продолжалась лишь до прихода мужской молодежи. Тогда начинались игры, танцы и песни. В праздничные дни устраивалось в складчину же кое-какое угощение.

Песни пелись как свои коми, так и русские. Коми песни были протяжные и, в основном, печальные и жалобные. Частушки не были распространены, но встречались изредка короткие шуточные песни.

Мы здесь не останавливаемся подробно на описании старого вишерского фольклора, так как этому вопросу посвящен специальный сборник, составленный И. А. Осиповым².

Несколько слов следует сказать также и о состоянии народного здравоохранения в заброшенном вишерском крае. Тяжелые условия жизни, нищета и голод приводили к массовым заболеваниям. Очень частым гостем на Вишере были различные эпидемии. Массовое распространение имели глазные болезни, особенно трахома. В 1878 г. свирепствовала оспа и, так как предохранительные прививки отсутствовали, дело не обошлось без смертных случаев. В течение полугодия только в одной Нившере умерло 11 человек детей³. Не успела стихнуть эпидемия оспы, как в следующем году в крае распространились тифозные заболевания. В той же Нившере переболели все, а 9 человек умерли. Население страдало и другими видами тяжелых заболеваний. В документах упоминаются головные боли, горячка, колотье и т. д.⁴

Медицинское обслуживание в крае не было налажено. Больницы и постоянные приемные пункты в поселениях Вишеры отсутствовали. Земские врачи наезжали изредка, лишь в экстренных случаях для разбора криминальных дел и при чрезвычайном размахе эпидемий. В 1882 г., когда тиф особенно свирепствовал

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 280, оп. 1, д. 1, л. 18 об.

² «Виссервожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс», Сыктывкар, 1941.

³ ЦГА Коми АССР, ф. 280, оп. 1, ед. хр. 1, л. 11 об.

⁴ Там же, лл. 6 и 13.

по волости, земство вынуждено было открыть временные приемные покои в крупных поселениях, которые функционировали в летнее время (в июне — июле месяцах) и осенью закрылись. Однако новая вспышка эпидемии заставила снова открыть их в конце года, и они работали уже до марта 1884 г., пока заболевания не прекратились. Переболело более 200 человек. Работали в этих временных больницах фельдшеры, вызванные из различных вычегодских селений (в частности из Небдина), которые потом вернулись на свои постоянные места работы¹. В обычное время больные лечились молитвами и заговорами, обращаясь, как правило, за помощью к знахарю (тодысь). Кроме молитв и заговоров, хорошим лечебным средством считалась обычная баня.

Все это способствовало развитию различных эпидемических заболеваний и массовой смертности на Вишере.

Похороны умерших совершались по христианскому церковному обряду. Можно отметить лишь то, что все этапы похоронного процесса также сопровождалось специальными плачами. Существовал обычай оплакивания покойного, когда он находился в гробу в избе (лежал на столе), затем — плачи при выносе тела из дома, в пути до кладбища и на могиле. Для исполнения их также обычно приглашались особые специалисты-плакальщицы.

Следует отметить, что эти плачи, хотя и имели по форме своей большое сходство, различались по содержанию в зависимости от того, кого оплакивали (мать, отца, мужа, брата и т. д.). Тексты некоторых плачей приведены в упоминавшемся выше сборнике «Виссервожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс».

* * *

В настоящее время большинство вишерского населения объединилось в 7 колхозах. Коллективный труд и широкое использование новой техники привели к значительным успехам сельского хозяйства на Вишере, которые особенно стали заметны в последние годы. Приведем для иллюстрации несколько цифр по одному из вишерских колхозов («Виль ордым»). По данным колхозной отчетности, в 1952 году урожай зерновых в нем был 1034 ц, картофеля — 466 ц и овощей — 85 ц. В том году мяса было получено 94 ц, молока — 97,5 тыс. литров, а денежный доход был равен 192,5 тыс. рублей. Уже в 1955 году урожай зерновых достиг 1639 ц, картофеля — 725 ц, овощей — 281 ц; мяса было получено 129,9 ц, молока — 132,2 тыс. литров, а денежный доход равнялся 360,8 тыс. рублей. Денежная оплата трудодня возросла с 1,4 рубля до 4 рублей. В 1956 г. успехи этого колхоза оказались еще значительнее.

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 280, оп. 1, лл. 22 об.— 23.

Кроме сельского хозяйства, которое играет основную роль, большое значение на Вишере сохранила охота. Во всех колхозах большая часть мужского населения является охотниками-профессионалами. Добывают они в основном белку и некоторых других пушных зверей.

Весьма важную роль в хозяйстве и жизни вишерского населения имеет широкое развитие лесозаготовок. За последние годы в верховьях Вишеры и по ее притокам возникло 7 новых рабочих поселков, в которых обитают кадровые рабочие лесной промышленности. Появление рабочих кадров способствовало расширению связей и знакомств местного населения с другими народами нашей страны. Особенно заметно это сближение среди молодежи, ибо значительная часть вишерских юношей и девушек принимает активное участие в лесозаготовках.

Подъем экономического благосостояния колхозников вызвал изменение культурно-бытовых условий их жизни. Не только большие села, но и деревни на Вишере электрифицированы и радиофицированы. Колхозы имеют свои электро- и радиостанции.

Ликвидирована былая оторванность Вишеры от соседних районов. Все селения ее связаны грунтовой дорогой с районным центром с. Сторожевск, с которым поддерживается регулярное автомобильное сообщение, работают почта, телеграф и телефон.

Крупные успехи имеются в области народного просвещения и здравоохранения. Во всех населенных пунктах открыты школы, семилетние в селах и начальные в деревнях. Все дети школьного возраста обучаются. После окончания семилетки многие продолжают учиться дальше в средней школе, имеющейся в районном центре — в с. Сторожевск, или в г. Сыктывкаре в различных техникумах. Немало вишерцев уже получило высшее образование.

Кроме школ, культурно-воспитательную работу в поселениях ведут библиотеки и клубы. Сельские и колхозные библиотеки снабжают население самой разнообразной литературой, организуют обсуждения прочитанных книг, выставки новой литературы и т. д. В клубах регулярно демонстрируются новые кинокартины, выступают кружки художественной самодеятельности, устраиваются различные вечера, проводятся лекции и беседы.

Для облегчения условий труда женщины-колхозницы в поселениях организовали детские ясли и сады, а также общественные столовые.

В каждом населенном пункте имеется или медпункт, или больница, где работают квалифицированные специалисты.

Подъем народного благосостояния ярко проявляется в развитии домостроительства. За последние годы в поселениях появилось много новых жилищ. Наиболее распространенным типом является пятистенки. Особенно широко новые дома строятся в районном центре и в крупных селах. В более мелких поселениях

домостроительство идет, конечно, медленнее, но и там оно неуклонно развивается.

Изменяется внутреннее убранство и меблировка жилища, расширяются предметы, характерные прежде для городских домов.

Резко изменилась народная одежда. Уже никто не носит костюмов из дмотканного холста или пестряди. Совершенно другим стал тип мужской и женской одежды. Господствуют городские моды.

Наблюдаются изменения также и в народной пище; появляются новые блюда.

Таким образом, уже эти приведенные нами факты несомненно свидетельствуют о коренном переустройстве культуры и быта вишерского населения. Старая Вишера, край голода и нищеты, больше не существует.

Ф. В. ПЛЕСОВСКИЙ,
кандидат филологических наук

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ КОМИ И РУССКИМИ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ И ФОЛЬКЛОРНЫМ ПАМЯТНИКАМ

Говоря о культуре коми народа, проф Н. Н. Баранский, один из крупнейших советских географов, писал следующее: «...Народ коми... передовой народ Севера, являющийся пионером культуры среди других народов Севера»¹.

Такая сравнительно высокая степень культурного развития коми народом достигнута, безусловно, благодаря многовековой связи с культурой русского народа, благодаря продолжительному общению коми с русскими.

Благотворное влияние русской культуры на культуру коми народа прослеживается во всех областях народной жизни коми: в земледелии, в домостроительстве, в обычаях, в языке, в народном творчестве и в литературе.

Глубокое и многостороннее влияние русской культуры на культуру коми народа отмечалось еще в прошлом веке. Однако великодержавно-шовинистическая наука, господствовавшая в прошлом, наличие большого количества элементов русской культуры в культуре коми использовала в своих реакционных целях, а именно — для оправдания политики национального угнетения и насильственной руссификации.

Высказывания местной буржуазии по этому вопросу весьма противоречивы. Национальная буржуазия, будучи крайне слабой и целиком зависящей от царизма и великодержавной русской буржуазии, в оценке этого явления смыкалась с шовинистическими высказываниями, поддерживая утверждения об отсутствии стремления у коми к развитию своей национальной культуры.

В то же время во многих работах по истории коми, написанных в первое десятилетие после Великой Октябрьской революции, усматриваются моменты местного национализма. Это сказалось в первую очередь в попытках исказить картину подлинных отноше-

¹ Проф. Н. Н. Баранский. Экономическая география СССР, Учпедгиз, М., 1945, стр. 134.

ний между коми и русскими в прошлом, главным образом в период древней истории коми. Проявлениями этого стремления являются:

1. Фальсификация прошлого коми народа, создание картин «былого величия» коми, история которых связывалась ими с мифической страной «Биармией», территория которой, якобы, охватывала весь север Восточной Европы от Финляндии до Урала. «Могущество» Биармии пало, по их словам, после завоевания русскими этого края.

2. Замалчивание или отрицание положительного значения общения коми с русскими. Вопреки фактам утверждалось, что Новгород, а затем Москва правили и владели краем, опираясь только на грубую силу. Вопреки фактам же создавались картины войн и битв с новгородцами, фальсифицировались народные предания. Примером такой фальсификации является произведение К. Ф. Жакова «Шипица»¹.

3. Игнорирование, замалчивание положительного значения русской культуры для развития коми культуры и искусства. Коми народное творчество недооценивалось только потому, что в нем они видели русское влияние.

Потому воссоздание подлинной картины взаимоотношений между соседями является одной из неотложных задач специалистов, изучающих прошлое коми народа.

Тема дружбы между этими двумя народами будет более полно раскрыта, если глубже осветить узловые моменты дооктябрьской истории коми с привлечением исторических документов и фольклорных произведений.

* * *

Приобщение коми племен к русской культуре началось еще в период господства Новгорода на территории Севера Восточной Европы (XI—XIII вв.). О прогрессивной роли Новгорода в это время К. Маркс писал следующее: «В X веке его торговля распространялась до Константинополя, а в XII веке его корабли ходили в Любек; его жители сквозь дремучие леса проложили себе путь в Сибирь; неизмеримые пространства между Ладожским озером, Белым морем, Новой Землей и Онегой были ими несколько цивилизованы и обращены в христианство»².

Как показывает археология, предметы русской культуры в Коми крае пользовались широким распространением еще в XII—XIV вв. Из Новгорода и других русских княжеств сюда привозили орудия труда, домашнюю утварь, украшения, оружие. Позднее по этим образцам начинается производство их на месте³.

Местное население принимает большое участие в торговом

¹ Фольклор народа коми. Сказки и предания, Архоблгиз, 1938.

² Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 156.

³ Отчет А. П. Смирнова о раскопках в Коми крае, «Записки общества по изучению Коми края», т. I, 1925.

обмене. На городищах X—XIV вв. кроме предметов из славянских земель встречаются болгарские изделия и вещи из Средней Азии. Усиливающаяся торговля приводит к росту богатств населения края, для укрытия которых строятся укрепленные «городишки». Такие городища чаще всего встречаются в Вымско-Вычегодском бассейне, т. е. там, где проходила дорога, по которой ходили новгородские купцы в Печору и Югру.

Феодальная раздробленность, которой характеризуется история России XIV в., приводила к частым войнам, которые вели между собой русские князья; от этих войн страдали главным образом трудовые массы крестьянства. Усиливается также и феодальная эксплуатация. Чтобы избавиться от гнета местных феодалов, крестьяне из центральных русских княжеств начали передвигаться на север. Поселенцы из центральных земель несли с собой в этот край более высокую культуру земледелия, металлургии и домостроительства. Оседая в низовьях больших и малых рек, они сразу же принимались за освоение лесных пространств под пашни и луга. Отношения между соседями строились на взаимном уважении и доверии. Об этом говорит и то, что ни у русских, ни у коми в народном творчестве нет произведений о столкновениях между ними. Нет данных об этом и в письменных, исторических документах. Между соседями устанавливаются прочные семейные и бытовые связи. Этому не мешало даже то, что коми в то время были язычниками, а русские поселенцы — христианами. У первых в это время происходил процесс разложения первобытно-общинного строя. Из родов и племен стала выделяться родо-племенная верхушка: князья, старейшины, которые противопоставляли себя общинам и жестоко грабили членов своих родов и общин.

В период первобытно-общинного строя, когда не было еще имущественной и классовой дифференциации, у людей господствовали представления, свойственные этому строю. Для культуры и экономики этой ступени развития характерно то, что люди слабо выделяют себя из природы, из животного мира. За сохранение такого мировоззрения ревностно выступали родовые жрецы и шаманы (туны), т. к. старая языческая религия служила опорой для их господства над общинами. Как и у других народов, у коми в роли жрецов часто выступали родовые старейшины.

В то же время родовые коллективы не могли легко примириться с узурпацией их прав на земли, охотничьи угодья и вступали с жрецами-тунами и родовыми старейшинами-айками в борьбу. Как проходила эта борьба у коми, красноречиво рассказывают нам многочисленные предания о колдунах-разбойниках, бытующие среди коми. Богатырь так называемого «колдовско-разбойничьего эпоса» Корт-Айка, например, «сначала жил мирно и спокойно, ловил птиц, зверей, но потом вдруг поссорился с людьми селения, в котором жил... Все окрестные жители трепетали перед Корт-Айкой, они много страдали от его ужасных злодеяний,

но все требования и веления Корт-Айки исполнялись строго¹. Другой герой предания — Ягморт — действует так же, как разбойник: «Выберет ночь потемнее, зажжет деревья и в суматохе пожара делает, что только кровожадная его душа захочет: уводит жен, уводит детей, угоняет скот, режет его на месте»². Злодеяниям Ягморта община кладет конец, убивая его. Юрку из Визябожа односельчане топят в озере за то, что он ворует у них скот. Таковы же предания о Шипице, о туне (колдуне) Нырьяке, о Гулене и др. Характерно для этих преданий и то, что колдуны-разбойники часто сидят у реки, через которую у них протянута цепь, чтоб никто не проплыл незамеченным. Все айки и туны обладают колдовскими способностями — могут ходить под водой, они неуязвимы, их могут убить только в том случае, если сами пожелают умереть. Все эти свойства говорят о том, что тунам-айкам приписывались способности, которые у других народов севера приписывались шаманам.

Разложение общества на обеспеченную верхушку, с одной стороны, и на малоимущую массу, с другой, вызывало возмущение рядовых членов общин против хранителей старой религии и подрывало устои их господства — представления о могуществе, о неуязвимости колдунов. Это видно из того, что все туны и айки, несмотря на свои волшебные способности, убиваются общинами³.

В XIV веке Вычегодская Пермь была присоединена к централизованному русскому государству. Собирателями Руси в единое государство явились московские князья. Большую роль в присоединении Пермско-Вычегодского края к Московскому княжеству сыграла миссионерская деятельность Стефана Пермского.

Ко времени прихода его в Пермский край местное население в какой-то степени уже было знакомо с христианством из общения с новгородцами. Часть населения по Вычегде, Лузе, Верхней Двине, Виляди была христианизирована монастырями, основанными московскими князьями и духовенством, как-то: Устюжско-Гляденовским и Орловским (по р. Югу около впадения р. Лузы).

О том, что к этому времени между коми и русскими установились вполне дружественные отношения, говорит «Житие»

¹ Кичин Е. Корт-Керос, «Сев. Пчела», 1852, № 108.

² «Вологодские губернские ведомости», 1848, № 19.

³ Оценивая факт принятия христианства на Руси, в работе «Русское народное поэтическое творчество» (т. 1, 1953 г., стр. 143) сказано: «Решительной мерой борьбы с отжившей и тормозившей общественное развитие языческой религией было официальное введение христианства. Принятие христианства при Владимире способствовало дальнейшему развитию феодальных отношений: оно подняло значение княжеской власти, упрочило связь отдельных частей государства, способствовало поднятию культуры раннефеодальной Руси. Вместе с тем христианство в значительно меньшей степени, чем язычество, вторгалось в трудовую деятельность. Охота, земледелие, лечение больных уже не сопровождалось в той же мере магическими действиями, как при господстве язычества. Сфера применения христианской религии сравнительно с древнерусским язычеством оказалась более суженной, и это было на пользу трудовой деятельности народа».

Стефана, написанное после его смерти Елифанием, другом первого. В произведении явно выражена обычная для житийной литературы вражда к язычеству, однако в нем нет враждебности к простым людям края. В отдельных местах ясно ощущается сочувствие и дружелюбие к ним. Не возмущает Елифания и существование браков между иноязычными пермяками и русскими. (По преданию мать самого Стефана была из коми.) Проповедь вражды между народами при существующих обстоятельствах явилась бы осуждением стихийно-сложившихся отношений и вызвала бы недоверие соседей друг к другу. В этом, понятно, не были заинтересованы ни Стефан, ни Елифаний.

Деятельность Стефана в крае (1379—1396 г.) проходила довольно успешно. За первые четыре года своей деятельности (1379—1383 г.) им было христианизировано 700 человек из местного населения. Успех Стефана часто вызывает недоумение у историков Коми края и они объясняют это тем, что пермяки (зыряне) боялись Стефана, т. к. тот имел охранную грамоту от Великого князя Дмитрия Донского, и потому слепо исполняли все его приказания. Разумеется, охранная грамота сыграла свою роль, однако не в этом мы видим причину успеха его деятельности. Правильней будет объяснить его, исходя из исторически сложившейся обстановки в Вычегодско-Вымском крае ко времени его приезда.

Разложение первобытно-общинного строя у коми к этому времени ушло вперед. В крае происходила феодализация: «о́ксы» — племенные вожди — стали претендовать на роль князей-феодалов. Еще большей властью, нежели раньше, пользуются туны, айки, которым господство Новгорода в крае безусловно было выгодно. Причины, из-за которых они должны были выступать за сохранение власти Новгорода, можно усмотреть в следующем: новгородцы не касались их религии; они (айки и туны), кроме того, по видимому, исполняли административные функции (жрец Пама, например, называется сотником); вероятно, они были в то же время и сборщиками дани. Показательно, что в большинстве преданий, рассказывающих о деятельности Стефана в Пермском крае, последнему приходится бороться с такими же колдунами-разбойниками, о которых говорилось выше.

При рассмотрении преданий о Стефане Пермском не следует забывать о возможности идеализации этой личности со стороны духовенства. Известно, что он был причислен церковью к лику святых.

Однако, при более близком знакомстве с этими преданиями видно, что влияние это было незначительным. В большинстве таких преданий Стефан немногим отличается от местных колдунов. Разница лишь в том, что он обладает большей, нежели последние, волшебной силой, особенно силой заговора, никогда не хитрит и не изворачивается, а всегда идет прямо на врага.

Сцены споров и состязаний между Стефаном и местными жрецами описаны Епифанием в «Житии». Главным противником его показан там Пам-сотник, потерпевший жестокое поражение. В «Житии» рассказывается, что после того, как Пама был разоблачен перед населением как шарлатан и хвостун, пермичи сами схватили его, привели к Стефану и потребовали его казни: «Возьми сего и казни и, яко повинен есть казни и пона шей пошлине (обычаю) должен есть умереть»¹. Но последний не убил его, а посоветовал изгнать из рода и племени.

Не исключена, конечно, возможность, что часть феодализирующейся верхушки оказала поддержку Стефану, но важно, однако, отметить, что врагами Стефана явились те же ненавидимые народу туны и айки. Простые люди поддерживали Стефана не столько как миссионера, а больше за то, что он помогал им избавиться от местных грабителей (а косвенно — и от уплаты дани новгородским ушкуйникам).

Приведем несколько примеров из преданий. В предании об Ошлапее говорится: «Пока туглимцы были язычниками, Ошлапей мирно занимался охотой, жил в уединении в своем логове. Но с принятием христианства туглимцам не стало от него житья: он стал таскать скот, без причины нападать и убивать людей. Туглимцы стали просить Стефана Пермского помочь им избавиться от всеильного колдуна-разбойника»².

В предании о Паляйке рассказывается о состязании между Паляйкой и Стефаном. Верх одержал последний. Характерен конец предания: «Народ, будучи свидетелем единоборства, видя, что Паляйка изобличен и побежден, кинулся на него и стал бить его. Видя, что ему не сдобровать, Паляйка снова произнес заклятие над водой, нырнул в реку и исчез от своих преследователей. Тогда Стефан произнес еще более сильнодействующее заклятие над водой, после этого Паляйка опять стал задыхаться и кое-как доплыл до противоположного берега. Тут его снова схватили сами тыдорцы и стали бить и колотить за обман. Обесиленный тун долго катался по земле. Умер лишь тогда, когда подрезали нательный пояс. Похоронили Паляйку ниже Шежама, в местности «Айка тыла»³.

Таковы же предания об Корт-Айке, Меляйке, о Кыске и др. Эти предания свидетельствуют об отношении простых людей коми не столько к христианству, сколько к факту присоединения Коми края к централизованному Московскому государству. Народ не мог не видеть выгод от включения края в состав московских владений. Эти выгоды были в тот период очевидны: центральная власть в какой-то степени стала удерживать местных феодалов от злоупотреблений, она стала защищать Пермский край от набе-

¹ «Житие святого Стефана епископа Пермского», СПб., 1897, стр. 47.

² Архив Коми филиала А. Н. СССР, запись П. Доронина.

³ Там же, запись П. Доронина.

гов воинственных соседей (югры, пинежан, вятчей), избавила их от поборов дани со стороны новгородцев и, наконец, приняла меры для снабжения населения края хлебом в голодные годы.

В личности Стефана, таким образом, мы усматриваем не столько миссионера, сколько крупного для своего времени государственного деятеля. Введение христианства и присоединение Коми края было положительным для укрепляющегося централизованного государства. Оно было благотворным и для простых людей коми. Только благодаря их поддержке Стефан мог успешно выполнить свою миссию.

* * *

Христианизация имела большое прогрессивное значение для развития экономики и культуры Коми края. Она ускорила процесс разложения первобытно-общинного строя, усилила экономическое, общественное и культурное сближение между коми и русскими народами. Она способствовала также и распространению грамотности. Грамоте учились первоначально для исполнения должности церковнослужителей, но уже в XVII веке грамотными были «молодые» люди, т. е. бедные крестьяне, которые благодаря этому легче могли устроиться на работу приказчиками, писцами и т. д. Еще в XVII веке русские и иностранные путешественники, побывавшие в Коми крае, отмечают русское влияние не только в языке, материальной культуре (жилище, одежда и т. д.) и в домашнем быту у коми, но и указывают (1666), что «наряду со своим родным языком употребляют они русский»¹. Эбергард Избраннедес, побывавший в Коми крае в 1692 г., отмечает: «Платье их почти с российским сходно, в домах же они живут таким же образом, как и российские»².

О большом влиянии культуры русского народа на экономику и быт коми свидетельствует и общественно-хозяйственная, строительная-техническая и семейно-бытовая терминология коми. Причем большинство терминов проникло из русского языка в весьма отдаленное время³.

С металлургией коми были знакомы до встречи с русскими, что подтверждается и археологией. Но она была развита слабо. В коми языке не было названий кузницы и орудий кузнечного ремесла, как *кузнеча*, *наковальня*, *горн*, *молот*. Из коми слов, связанных с кузнечным ремеслом, мы можем указать только *пушкан* — кузнечный мех, *дорны* — ковать и *лу* — форма для отливки металлических изделий.

¹ Исторический архив, т. I, 1936, стр. 150—151.

² Древняя Российская Вивлиофика, 2-е изд., ч. III.

³ В. И. Лыткин. Фонетика северно-великорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II, М.—Л., 1949.

Много заимствованных русских терминов в области домостроительства: *коромина* — большое строение, *матича* — матица, *лабич* — лавка, *скамья* — скамья, *пöгреб* — погреб, *гöбöч* — голбец, *пöлать* — полати, *пöдвöлöка* — вышка, *горница* — горница и др. Архитектурное оформление жилищ у коми происходило также под значительным влиянием русских. По выводам этнографа Л. Н. Жеребцова¹, современная двухизбная форма, оформление дома и расположение внутри дома, объединение дома под двускатную крышу, пятистенки — заимствованы от русских.

В области семейных отношений общение с русскими ускорило процесс развития моногамной формы семьи, о чем свидетельствуют термины родства, которых прежде у коми не было: *жöник*, *невеста*, *зять*, *сват*, *сватья*, *кум*, *кума*. Обряд бракосочетания принимает русскую форму, о чем говорят термины — *поезжана*, *дружка*, *свадьба* и др.

* * *

Со времени присоединения Коми края к централизованному русскому государству местное население принимает активное участие вместе с русскими в освоении восточных территорий и в продвижении на Восток. Продвижение в Сибирь проходило через Коми край, т. к. именно здесь проходила великая Сибирская дорога, связывавшая русское государство с Востоком. Коми являлись проводниками и участниками в военных экспедициях. Например, во время похода на Югру в 1499—1500 гг. Семена Курбского, Петра Ушатого и Семена Гаврилова, в отряде первого, состоявшего из 1300 устюжан, участвовало 500 человек «вымичей» и «вычегжан»².

О большой прочности объединения Коми с централизованным русским государством говорит активное участие местного населения в патриотической борьбе русского народа против иноземной интервенции в первые годы XVII в. В период, когда для страны создалось опасное положение, когда войска ставленника польской шляхты Лжедмитрия II осадили Москву, коми народ принимает участие во всенародной борьбе с интервентами. В декабре 1608 г. с Выми, с Вычегды и с Сысолы двинулись ратные люди под начальством яренского головы Григория Середонина и десятника Василия Тентюкова в Соль Галицкую, которой угрожал захват поляками³. В 1609 и 1610 гг. было отправлено еще несколько отрядов. Население Коми края активно поддерживало борьбу первого народного ополчения за освобождение Москвы в 1611 году⁴ и ополчения 1612 года, возглавлявшегося К. Мининым

¹ Л. Н. Жеребцов. Опыт изучения крестьянского жилища народа коми, «Историко-филологический сборник», вып. 3, Сыктывкар, 1956.

² П. Н. Милюков. Древняя разрядная книга, М., 1909, стр. 5.

³ ЛОИИ, Акты Мельникова, № 11.

⁴ Там же, № 12 и 13.

и Д. Пожарским. В октябре 1612 года в Яренске было получено личное сообщение Пожарского о разгроме под Москвой войск польского гетмана Хоткевича¹.

В дальнейшем коми народ нес равные тяготы с русским народом во всех войнах.

Политика царизма в отношении к так называемым «инородцам» препятствовала развитию коми национальной культуры, сеяла вражду и национальную рознь между русскими и коми. Царизм третировал коми язык, его устно-поэтическое творчество, противодействовал развитию коми письменности и литературы. Однако, несмотря на все попытки воспрепятствовать развитию коми национальной культуры, царизм не смог подавить творческие силы коми народа, его устное народное творчество и искусство. Не добился он своей цели и в попытках восстановить русский народ против коми. История взаимоотношений их показывает, что политика царизма для простых людей севера России была чуждой, отношения между народами основывались на давно установившихся традициях дружбы и добрососедства. Показательно, что и в русском народном творчестве нет произведений с мотивами пренебрежения к коми народу.

Ярким свидетельством дружбы, единства интересов трудящихся русских и коми, отношения коми к русскому народу как учителю и другу является устно-поэтическое творчество коми народа, его песни, сказки, предания, частушки, пословицы и поговорки.

Эпические песни коми народа, также как и русские былины, прославляют героев, борющихся против внешних врагов, защищающих свою родину. Очень характерны в этом отношении песни о Федоре Кироне², бытующие в Усть-Куломском и Помоздинском районах Коми АССР. В одном из вариантов этих песен Федор Кирон — простой охотник из Веслян (село в Железнодорожном районе). В начале песни о нем говорится: «В Весляне промышленник (охотник) сильный богатырь был». К нему обращаются три раза с просьбой выступить на защиту русской земли. В первый раз он отвечает, что скоро оденется и обуется; второй раз за ним приезжают на 2 сани; он отвечает, что не сядет в их сани; наконец, приезжает сам князь и обращается к нему со словами:

Педöр Кирон, роч му кутысь, Вавилонской сын Иванович, Лок роч му дорйыны.	Федор Кирон, опора русской земли, Вавилонский сын Иванович, Иди защищать русскую землю.
---	---

Федор Кирон отвечает, что придет пешком. Он является на место битвы и быстро разгоняет врагов.

¹ Акты археографической экспедиции, II т., стр. 216.

² Некоторая близость имени богатыря с именем героя так называемых духовных стихов случайна. Эти песни-варианты предания о Пере-богатыре, имя которого широко известно у коми-пермяков и у коми-зырян.

Князь спрашивает, что Федор Кирон хотел бы получить за такую услугу, на что Федор отвечает:

«Ничего, мол, мне не надо,
Только нужен мне лес в Весляне,—
Чтоб ни один промышленник не приходил.
Двадцать верст длиной и двадцать верст шириной.
Мне за теплый дом —
Огонь у ноды.
Вместо пуховой перины —
Сучья пихты,
Вместо одеяла — воздух бога —
Вот мне и плата».

В другом варианте богатырю снится, что к нему обращается вещей ворон, говоря, что богатыря просят выступить против грома, против молнии. Он понимает эти слова как просьбу народа о защите родной земли. Он обулся, оделся в кольчужное платье, сел на Сивку-бурку и уехал сражаться против врагов. Битва героя в дальнейшем рисуется так же, как битвы русских былинных богатырей: «Вырвал березу и ею отмахал все войско врагов. Сам получил 77 ран. Семьдесят вытерплю, а семь не смогу». Лег под дубом и послал коня домой с сообщением о своей участи. Узнали жена и мать о его судьбе, но ничего сделать не могли:

«Если крылья имели,
Может, слетали бы».

Федор Кирон, подобно Пере-богатырю,— простой охотник, являясь богатырем коми народа, защищает русскую землю, т. к. коми с давних пор считают свою родину неотъемлемой частью русского государства, а себя — его сынами.

Еще более убедительно говорит об этом популярность среди коми богатырей русского былинного эпоса. Еще в прошлом веке собирателями русских былин — Истоминым, Ончуковым и Григорьевым — было отмечено, что коми знают русские «старины». Истомин, дважды посетивший Печору, в 1889 и 1890 годах, писал следующее: «В прошлогоднюю поездку мне удалось среди зырян Усть-Кожвинской волости услышать и записать несколько былин, распеваемых ими на ломаном русском языке; это заставило меня предположить, что былины, или старины, как их называют на севере, заимствованы зырянами у русских соседей их — усть-цилемов»¹.

О том же пишет и Ончуков: «Мне называли в селе Сизябске старика, поющего «песни про богатырей»: Илью Муромца и др. Но видеть лично этого старика мне не удалось. Несколько таких

¹ «Известия Русского географического общества», т. XXVI — 1890.

стариков живут еще по разным селениям в Ижемском крае на Печоре; от некоторых я лично слышал, что они знают старины»¹.

Григорьев, автор «Архангельских былин и исторических песен, собранных в 1899—1901 гг.», записал от крестьянина с. Усть-Вымь, служившего на С. Двине, следующее сообщение: «В деревнях вокруг с. Усть-Выми и Красноборской волости поют старины в зыряне, но на зырянском языке; перевести могут отставные солдаты; поют, например, про Платова казака, Илью, Добрыню»². К сожалению, из-за слаборазвернутой собирательской работы мы располагаем незначительным количеством записей русских былин на коми языке, сделанных к тому же уже в послереволюционные годы³.

Главным героем этих былин является Илья Муромец. Содержание их — поэтическая биография его; центральным эпизодом в обоих былинах является борьба с Идолищем и наказание князя Владимира за пренебрежительное отношение к богатырю. В нашу задачу не входит анализ записанных былин, важно отметить, что они бытовали в народе и что к русским эпическим богатырям коми относились как к своим.

О большой любви к русскому эпосу говорит и то, что у коми и в настоящее время имеется много сказок об Илье Муромце. Имя этого богатыря в северных районах республики широко известно. Сказки о нем знают почти все исполнители.

Характерно и то, что в коми народных песнях врагами народа являются враги русских эпических богатырей — татары. Широко распространенная среди коми народа песня о полонении девушки обычно начинается словами:

Пызан дорын мича ныв сулалё,
Лабич гёгөр съёд татару сулалё⁴;
Кётшас улын Гурилюк пукалё.

У стола красивая девушка стоит,
У скамеек черные татары сидят,
У порога Гурилюк сидит.

Ыргён сюрён, ыргён сюрён
струбитёны,
Мича нылёс пёлённитёны,

В медные рога, медные рога трубят,
Красивую девушку в полон (в плен)
берут,

Йёз муё-ваё нуёдёны-босьтёны...

В чужую землю увести собираются...

¹ «Живая старина», 1902, вып. III и IV, Былинная поэзия на Печоре.
² А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, собранные в 1899—1901 гг., т. I, М., 1904, стр. 16.

³ В Коми респ. музее находятся две записи (инв. № 193, 197). Место и время записи первой былины неизвестно, вторая записана в 1924 г. С. Поповым в Усть-Усе.

⁴ В одном из вариантов этой песни говорится еще о «менчи» (манси).

Эта песня входит в число песен свадебного цикла. Выдача девушки против ее воли сравнивается с татарским нашествием.

В начале песни о красивом Роме так же говорится о татарах, как о злых людях, врагах:

Мича Романлѳн вѳлі	У красивого Романа была
Мича жѳ-й гѳтыр.	Красивая жена.
Сѳя нималѳ дай ылѳ славитчѳ.	Она была известной, широко славилась.
Сѳйѳс локтѳны да пѳлѳнѳ бѳсѳтны	Идут ее в плен брать
Немцы ¹ -татара да сѳс войтыр чуѳѳр	Немцы-татары да толпа грязных людей.

В песне дальше рассказывается о том, как жену Романа силой увели татары и как она стала в неволе женой татарина. После нескольких лет неволи ей удастся бежать на родину. Многие эпизоды, в частности эпизоды бегства, имена героев, близки к эпизодам из русских былин, что указывает на связь песни с русскими былинами.

Следует указать еще и на то, что так называемая русская народная книга — сказки о Бове, Еруслане Лазаревиче, Гуаке, Пане Твардовском и т. д. — широко известна у коми. Это говорит о том, что за счет русских сказок коми обогатили свой сказочный репертуар.

Влияние русских сказок на сказки коми народа весьма значительно. Большинство наблюдателей в прошлом, поверхностно знакомых с коми сказками, утверждало, что почти все коми сказки заимствованы от русских. Такие утверждения, конечно, в корне ошибочны. Значительное количество сказок, бытующих у коми, является продуктом художественного творчества коми народа. Но показательно, что у коми наиболее распространены как раз те же сказки, которые больше всего известны и у русских. Это относится и к волшебным, и к реалистическим сказкам, и к сказкам о животных.

Причины этого таковы: 1) В эпоху, когда родились волшебные сказки, коми и русские жили примерно в сходных социально-экономических и географических условиях. 2) Эта же близость условий жизни у крестьян русского севера и у коми крестьян определила и близость реалистических сказок, возникших в эпоху классовых противоречий. 3) Коми народное творчество испытывало на себе большое влияние русского фольклора. Благодаря этому коми народ обогатил свой сказочный репертуар и за счет русских сказок. Заимствуя лучшие русские сказки, народ перерабатывал, изменял их сообразно своим условиям жизни и особенностям психического склада.

В то же время по образцу русских сказок коми исполнители улучшали свои сказки, пополняя их мотивами из русского фольк-

¹ В прошлом, по-видимому, вместо «немцев» были «менчи» (манси).

лора, а в некоторых случаях заменяли имена героев своих сказок более популярными именами из русских сказок. Так, часто встречаются вместо Гундыра — Идолище или змей, вместо Ёмы-бабы — Яга-баба, ёксы коми сказок был заменен царем и царевичем; имена Василисы Премудрой, Елены Прекрасной и др. героев заимствованы из русских сказок. Под влиянием художественных приемов русских сказок (зачины, концовки, троичность действия и т. д.) улучшилась и художественность коми сказок. В результате не только увеличился репертуар коми сказок, но, что более важно, улучшилось их качество.

Гнет царизма, третировавшего не только национальную культуру, но и язык коми, отсутствие своей интеллигенции, способной помочь народу в создании песенного искусства, конечно, не способствовали развитию коми песен. Тем не менее творческие способности народа находили свое выражение в создании весьма художественных и мелодичных коми народных песен.

Большое влияние на творчество коми народа оказали русские песни. В отличие от сказок, которые исполняются на родном языке, много песен у коми поется на русском языке. О большой популярности русских песен у коми говорилось уже более ста лет тому назад.

Любовь коми народа к русским песням надо объяснить тем, что они и мелодичней, и разнообразней. Благодаря этому, главным образом, и поются в настоящее время те песни, слов которых исполнители не всегда понимают.

«Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика,
То разгулье удалое,
То сердечная тоска»—

писал А. Пушкин о русских песнях.

Удалое разгулье, отвагу и мужество русского народа слышали коми в этих песнях. В патриотизме русских они убедились на протяжении многовековой совместной жизни. Коми народ воспитывал в себе подобные же качества, учил молодое поколение в духе патриотизма, в духе уважения и любви к русскому народу. Не случайно то, что у коми бытует столь много патристических русских песен, таких как «Ермак», «Шумел-гудел пожар московский», «Варяг» и др.

Широкое бытование получили у коми народа русские семейно-бытовые и лирические песни. Коми женщины, исполняя их, видели в них высокие моральные качества русских женщин. Показательно, что идеалом красоты, скромности, образцом для подражания для коми девушек являются русские девушки — «роч аньяс-нывъяс». С русскими же сравниваются новобрачные в песнях и причетах свадебного цикла («роч бояр кодьѳсь»);

красота молодых — с вещами русского происхождения (роч туг — русская кисть (на поясе) и др.¹

Значительное количество русских песен поется на коми языке. В репертуаре коми народа такие песни были уже более ста лет тому назад. Надеждин, напр., указывает на одну из таких песен — «Сад йӱрын пӱ ныв гуляйтӱ» — «Во саду ли в огороде».

Развитие коми песен, их совершенствование, таким образом, проходило под большим влиянием русского песенного искусства. Оно обогатило коми песни рядом ярких образов и мотивов². Композитор-этнограф М. Кондратьев, написавший специальное исследование о коми песнях, говорит о большой близости коми песен к русским песням; но в то же время предупреждает, что сказанное не следует понимать как свидетельство отсутствия оригинального песенно-вокального искусства у коми³.

Большое влияние испытали и такие жанры, как пословицы и поговорки. Пословиц и поговорок на историческую тематику, подобных русским «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день» и т. д., у коми нет. Нет также пословиц и поговорок мифологических и книжно-литературных. Пословицы коми народа созданы как свод наблюдений и правил дореволюционного крестьянства в земледелии, охоте и рыболовстве. Многовековая совместная жизнь коми с русскими оставила глубокие следы в духовной культуре коми народа, выражаемой через пословицы и поговорки. Многие из них звучат совершенно как русские; некоторые являются просто переводами с русских пословиц, другие — созданы самостоятельно. Больше самобытности, конечно, в области тех пословиц, которые отражают охотничий и рыболовный промыслы.

Под влиянием русского народного творчества же, наконец, возникли у коми новые виды устной поэзии, к которым относятся, например, частушки. У русских они, как известно, появились в период развития промышленного капитализма. В XIX веке и в начале XX века капитализм развивается и у коми. Большое количество местных крестьян уходило на заработки на уральские заводы, коми и русские постоянно общались и во время сплавных работ, на извозе и т. д. В начале XX века отмечалось, что в коми деревне частушки бытовали уже широко.

В наши дни частушки — наиболее распространенный вид народного творчества в колхозной деревне коми. Количество исполняемых на русском языке частушек весьма велико; по записям

¹ У коми всех лучше по качеству предметы считаются русскими: «роч туг» (кисть на поясе), роч шӱк (русский шелк), роч ной (русское сукно) и т. д. Любопытна история с картофелем. Картошку коми переняли от русских, однако, рассыпчатая картошка, лучшая по вкусу, называется «роч картук» (русская картошка) в отличие от менее вкусной, которая наз. «ас» (своя) или «местной».

² О русских эпитетах и сравнениях в песнях см. А. Микушев. Песенное творчество народа коми. Сыктывкар, 1956.

³ М. Кондратьев. Коми песня (рукопись).

собираателей они составляют около половины всех записанных текстов.

Подводя итоги сказанному, отмечаем, что отношения между трудящимися коми и соседями их — русскими — с давних пор основывались на традициях взаимного уважения и доверия. Коми народ видел в русских носителей более высокой культуры. Включение Коми края в состав России было актом чрезвычайно положительным для развития коми. Благоприятное влияние русской культуры на культуру коми народа сказалось не только в экономике края, в его языке и народном творчестве, но, что более важно, на его психическом складе, на так называемом национальном характере. Коми народ воспитывал в себе лучшие черты русского национального характера. Заимствования из русского фольклора и его влияние на развитие коми народного творчества наиболее яркое тому доказательство, ибо не стал бы народ петь песни другого народа, прославлять его богатырей, если бы чувствовал с его стороны пренебрежительное к себе отношение или относился к нему с недоверием.

Многовековая традиционная дружба между народами была скреплена кровью, пролитой ими на полях сражений против иноземных захватчиков, а также в длительной борьбе с феодально-капиталистическим гнетом за счастье и свободу.

Дружба между коми и русскими еще более окрепла в годы строительства социализма в нашей стране, в годы борьбы против фашистских захватчиков и в период послевоенного строительства. Темы советского патриотизма являются основными темами советского фольклора и советской коми литературы.

Ф. В. ПЛЕСОВСКИЙ,
кандидат филологических наук

УСТНО-ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО КОМИ НАРОДА

До Октябрьской революции коми фольклор издавался крайне слабо. Изучением его не занимались вовсе. Сборников ни на коми, ни на русском языках не было, если не считать фольклорных текстов в работе Г. С. Лыткина «Зыряне и зырянский язык при епископах пермских», наиболее аполитичных и мало характерных для коми фольклора, и текстов 4-х сказок, преимущественно демонологического характера, в публикации К. Жакова¹.

Только незадолго до Октябрьской революции одному из энтузиастов коми фольклора А. Цемберу удалось издать два небольших сборника на коми языке².

Из изданий коми фольклора на иностранных языках следует указать на сборники венгерского исследователя Д. Фокош-Фукса и финского лингвиста Ю. Вихмана, которые, изучая коми язык, записывали также и произведения устного творчества. Их сборники, однако, предназначались не для массового читателя, а преимущественно для исследователей языка³.

После Октябрьской революции большой пробел в изучении национальной культуры в какой-то степени восполнен. В последние 15 лет были изданы ряд сборников, которые, правда, не свободны от ряда серьезных недостатков в подборе текстов и в освещении отдельных вопросов фольклора, однако дали возможность массовому читателю ознакомиться с некоторыми видами

¹ «Живая старина», 1908, вып. 1.

² Коми мойдан кывъяс. Усть-Сысольск, 1913; Коми мойдъяс и сьылан-кывъяс. Усть-Сысольск, 1914.

³ I. Wichman. Syrjanische Volksdichtung, Helsinki, 1916; D. Fokos. Sürjen perkölteszeti mutatványok, Budapest, 1913; D. Fokos-Fuchs. Volksdichtung der komi (syrjanen), Budapest, 1951.

устной поэзии коми¹. После Великой Отечественной войны коми фольклор стал предметом монографических исследований².

В коми фольклоре имеется много общего с устным творчеством русского народа. Как и во всей культуре, в фольклоре коми нет резких, значительных отличий от культуры русского народа. Культура коми испытала на себе большое влияние русской культуры. Этому, несомненно, способствовала близость условий жизни коми крестьян и русских крестьян северо-востока России и общность народных интересов. В коми фольклоре ярко отражено, кроме того, отношение коми народа к русскому как к своему учителю и другу.

В результате влияния богатого и разнообразного русского фольклора значительно пополнился репертуар коми исполнителей. В то же время многие оригинальные фольклорные произведения, благодаря заимствованиям отдельных образов и мотивов, стали художественно более яркими. Заимствованные же произведения перерабатывались соответственно психическому складу народа, пополнялись образами, описаниями из жизни и быта местного населения.

Коми фольклор богат по жанрам и видам. В нем имеются все основные жанры, бытующие и у других народов: сказки, предания, песни, частушки, пословицы, поговорки и загадки. Эпос представлен небольшим количеством лиро-эпических поэм. В прошлом широко бытовали свадебные причеты, бывальщины. Одним из наиболее распространенных жанров как в прошлом, так и в настоящем является сказка.

Сказки

История коми народа, черты национального характера коми нашли наиболее полное отражение в сказках.

Сказки коми близки и по содержанию, и по форме к русским сказкам. Отличаются от русских только сказки кумулятивного типа, такие как «Дуда», «Бобб», «Шыр да катша» («Мышь и сорока») и др. Эти сказки у коми пользуются большой популярностью главным образом среди детей. Язык, стиль и колорит таких сказок весьма самобытны и характерны для коми фольклора. Сказки волшебные, о животных и новеллистические имеют также большую близость к русским сказкам. Любимые герои

¹ П. Доронин. Фольклорный сборник. Сыктывкар, 1938. (Без вводной статьи и без комментария. Часть текстов, особенно сказки, воспроизведены по памяти.) Фольклор народа коми. Сказки и предания. Архоблгиз, 1938. (В вступительной статье ряд вопросов истории коми освещается неверно. Часть опубликованных текстов литературно обработана, включены произведения писателя Лебедева М. Н. и др.) И. Осипов. Висервожа сыланкывъяс да мойдкывъяс, Сыктывкар, 1941. Ф. Плесовский. Коми мойдъяс, сыланкывъяс да пословицаяс, Сыктывкар, 1956.

² Ф. Плесовский. Сказки народа коми (не опубликованы). А. Микушев. Песенное творчество народа коми, Сыктывкар, 1956.

русских сказок — солдат, крестьянский сын, царевич — часто встречаются и в коми сказках. Широко известны среди коми и имена русских богатырей: Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича. Об одном Илье Муромце записано более 10 сказок.

Одна из причин близости коми сказок к русским — влияние богатого и разнообразного русского фольклора на народную поэзию коми.

Но близость сюжетов и имен героев сказок не может быть основанием для отрицания самобытности, оригинальности коми сказок.

Выяснение исторических корней сказок и генезиса основных фольклорных образов может быть плодотворным только в том случае, если исследователь будет исходить из учения основоположников марксизма-ленинизма о первобытно-общинном строе, т. е. значительная часть сказок родилась в это время и соответственно отражает жизнь и быт этого периода. При таком подходе к сказкам оказывается, что в сказках и мифах, как указывает А. М. Горький, отражено материалистическое мышление доклассового общества.

Исходя из учения классиков марксизма-ленинизма, выясняется, что сказки не только отражали базис той или иной эпохи, но и играли активную роль в борьбе со старыми, отживающими формами социально-экономических отношений.

Наиболее древней группой коми волшебных сказок являются сказки о Ёме-бабе. Ёма-баба коми сказок во многом напоминает русскую Ягу-бабу. Отличие от последней заключается лишь в том, что Ёма-баба в отношении к героям сказок всегда враждебна и старается погубить их любыми путями. При изучении этнографии коми, а также первобытно-общинного строя в период матриархата, форм семейно-брачных отношений выясняется, что в сказках этой группы мифологический образ Ёмы претерпел существенные изменения. Образ прародительницы рода периода матриархата в новую эпоху — в эпоху патриархата — был снижен до образа злой ведьмы. Это снижение — результат победы патриархата над матриархатом, результат «переворота всемирно-исторического значения» (Энгельс). С развитием скотоводства, с началом производства металлических изделий и с начинающимся выделением семьи из рода пережитки матриархата стали тормозить укрепление новых отношений, развитие патриархата. Потеря женщиной власти над родом, борьба с пережитками материнского права сказалась и на идеологии: положительным героем сказки становится герой, борющийся с Ёмой-бабой¹.

По сказкам коми можно проследить роль их в борьбе со старыми религиозными представлениями. Религиозные представления

¹ Более детально этот вопрос освещается в нашей работе «Сказки народа коми» (рукопись находится в библиотеке им. Ленина).

с самого начала играли реакционную роль, т. к. задачей их было воспитание людей в духе беспрекословного подчинения божествам и темным силам. Главной темой коми волшебного-героических сказок является борьба народного богатыря с мифическим существом Гундыром. В образе Гундыра в доклассовом обществе воплощались непонятные человеку стихии природы (лесная, водяная, подземная и т. д.). Люди этого общества с целью умиловления враждебного к ним Гундыра приносили ему в жертву домашних животных, а на самой ранней ступени — девушек. С повышением земледельческой техники, с началом производства металлических орудий человек стал чувствовать себя менее зависимым от природы. Старые обычаи и обряды стали представляться ужасными, бесчеловечными. Народ создает героя, дерзко нарушающего старые религиозные обычаи и запреты, выходит в бой против Гундыра, убивает его и освобождает девушек, отданных ему на съедение.

В богатой фантазии коми сказок отражены реальные условия жизни коми племен, а не мистические представления. Волшебные сказки коми рассказывают о приручении домашних животных, о трудовых процессах, связанных с охотничьим промыслом, земледелием, скотоводством, кузнечным ремеслом и т. д.

В коми волшебных сказках отражены также основные этапы развития семьи, начиная с группового брака, кончая моногамной семьей. Частично сохранились в них и следы междуродовых распрей и войн в период т. н. «военной демократии». При разложении родового строя создавались предания, в которых рассказывалось о превращении родовых старейшин в деспотов, грабителей, эксплуататоров.

Старая, буржуазная наука распространяла мнение о преобладании в коми фольклоре колдовских жанров. При анализе дореволюционных сборников, публикаций и записей, а также записей, произведенных в послеоктябрьское время, выясняется, что мнение это совершенно неправильно и дает неверное представление о характере коми народного творчества.

Коми сказка по типу реалистическая. Новеллистических, бытовых сказок у коми встречается почти столько же, сколько волшебных. При этом и многие волшебные сказки обильно насыщены реалистическими мотивировками. В реалистических сказках показывается классовая борьба в эпоху феодализма и капитализма, борьба трудящихся против купцов, чиновников, царей, кулаков. Такие сказки отличаются ярким реализмом и художественно правдиво отражают жизнь и борьбу народа преимущественно в XVII—XIX вв. Потому они являются весьма ценным источником для изучения народного мировоззрения, чаяний и ожиданий народных.

По многочисленным сказкам о попах видна жгучая ненависть народа к духовенству — к попам, дьяконам и псаломщикам. В Коми крае церкви и монастыри были не только опорой для

феодално-капиталистического строя; в их руках находились значительные площади земель. Крестьяне, жившие на этих землях, были зависимы от духовенства. Сказок о попах у коми бытовало много. Еще до революции в разных сборниках публиковались антипоповские сказки. Много сказок опубликовано и в советское время, еще больше антипоповских сказок находится в архивных рукописных фондах.

Попы осмеиваются за жадность, скупость, глупость, разоблачается их паразитизм. Кроме попа, в таких сказках фигурируют попадья, поповские дети, дьякон, псаломщик и архиерей. Главным героем в антипоповских сказках выступает работник, его руками наказывается поп. Работник, нанимающийся к попу, — всегда крестьянский сын.

Приведем несколько примеров. Поп с дьяконом заспорили — к кому из них пойти обедать. Оба очень скупые и жадные. Берется разрешить их спор мужик. Он советует обоим нырять в реку и тот, кто больше пробудет под водой, пойдет к невыдержавшему испытание. Поп с дьяконом ныряют до тех пор, пока оба не тонут.

В другой сказке поп ищет работника, который смог бы вынести все издевательства попа и не рассердиться. В работники нанимаются два брата. Один из них не выдержал, рассердился и поп его выгнал. Второй брат поступает иначе — когда поп дает какую-нибудь трудную работу, делает наоборот, при этом каждый раз ссылается на приказания попа. В конце концов работник его разорил, и поп рассердился. За это ему отрезают нос и община безносого попа прогоняет.

Часто попы или дьякон оказываются в бочке с сажеей, и крестьянин показывает их на базаре, зарабатывая на этом деньги; работник учит попа питаться сеном; голодный поп оказывается в весьма комических обстоятельствах в крестьянской избе. Служителей культа часто топят одного за другим в проруби, полагая, что вновь встреченный поп является прежним, обратно вылезшим из воды. Часто попов поднимают в мешке «на небо» и мешок затем оказывается привязанным к крыльцу церкви или у его дома.

Неприязнь к попам настолько велика, характер попа-эксплуататора настолько известен, что сказочники не считают необходимым мотивировать, за какие конкретные обиды они наказываются. Этим дается знать, что попы вообще лишние в жизни. Среди сказок о попах есть много общего с аналогичными русскими сказками. Нами обнаружено 11 схожих сюжетов. При этом сказки, наиболее популярные у русских, широко живут и среди коми. Однако, при большом сходстве имеется и некоторое различие: попы в коми сказках наказываются сильнее, суровой. Это — следствие того, что в Коми крае в условиях национальной окраины попы проявляли свою власть грубее, грабеж ими крестьян проходил более открыто.

Коми крестьяне не были в крепостном подчинении у помещиков. В роли помещика в Коми крае выступал сам царь-самодержец. Представителями его на местах были чиновники. В жизни коми крестьян в течение длительного времени большое место занимала борьба с чиновниками, которые злоупотребляли своими правами и полномочиями. Хотя сказок о чиновниках записано немного, но они хорошо раскрывают отношение крестьян к этим царским ставленникам. В сказках о чиновниках отражена в то же время и ограниченность крестьянского мировоззрения. Как видно из предания о Балине, ходе крестьян к царю, крестьяне, борясь с чиновниками, отправляются за справедливостью к «хорошему» царю. В другой сказке «О двух старостах» («головах») хороший староста, помогающий крестьянам, противопоставляется старосте — грабителю общины, села. Вывод, который следует сделать из сказки, — крестьяне считают ограбление богача делом недостойным, но из-за того, что обогащение старост, купцов и кулаков достигается путем грабежа крестьян, ради элементарной справедливости они прибегают к тем же приемам. Народ ищет пути борьбы с эксплуататорами, однако, не находит их и пользуется методом индивидуальной расправы.

В волшебных сказках, часто также и в реалистических, встречаются герои-цари. Известно, что коми история не знает собственных царей, а потому можно полагать, что все сказки, в которых встречаются герои цари и царевичи, заимствованы от русских. Однако, цари чаще встречаются в волшебных сказках, происхождение которых, как уже отмечалось, относится преимущественно к периоду разложения первобытно-общинного строя, когда царей еще не было. Детальное рассмотрение коми сказок дает основание утверждать, что прежде в них вместо царей выступал охсы. В некоторых сказочных сюжетах, в частности, в сказке о братьях, в записях XIX в., а иногда и XX века рядом с царем и царевичами герой называется охсы или охсы пьян (сыновья охсы).

В волшебных сказках много фантастического. Волшебные сказки — творчество древнего периода, они более консервативны и только поэтому в взаимоотношениях героев с царями в некоторых сказках сильны следы отношений, характерных для родового и патриархального быта.

Однако, классовая эпоха внесла значительные изменения в трактовку образа царя. Князья стали злоупотреблять своей властью: пытаются отнять силой красивых жен у героев. Герои вступают с ними в конфликт, однако, сопротивление еще пассивное — они спасаются бегством, с помощью превращений. Мотивы эти далее все более усиливаются: главной, определяющей причиной конфликта становится разница в социальном положении героя — крестьянского сына, солдата, охотника, с одной стороны, и царя, с другой. Народные герои вступают в борьбу с царями, используя традиционные волшебные предметы и помощников.

Народ, мечтая о хороших царях, вначале конфликт разрешает мирно: крестьянский сын, женившись на царевне, становится царем. Позднее цари стали наказываться суровей: их убивают саблём-самосечкой, отправляют на вечную каторгу, а цариц — заставляя исполнять тяжелую и черную работу. Народный герой, ставший царем, освобождает крестьян от налогов, освобождает заключенных из тюрем и т. д. Вся симпатия переходит на сторону крестьянина или охотника, а роль царя оказалась зловещей, враждебной.

Когда же появились антицарские мотивы в сказках? Потому что в прошлом веке и ранее коми сказки почти не записывались, трудно ответить на этот вопрос. Можно сказать определенно лишь о том, что такие мотивы наиболее часто встречаются в сказках, записанных в советское время. Известно также, что они были и в сказках, записанных до Октябрьской революции. Так, в сборнике Цембера (1913 г.) в сказке о Дане зятя царя показаны как трусливые, ленивые и лживые люди. Даня в конце сказки наказывает их довольно сурово.

После Октябрьской революции, когда для всего народа стала ясной враждебная народу деятельность царей, все чаще встречаемся с отрицательным образом царя, в них все более воплощается социально-враждебная, зловещая сила. Народный герой отказывается от невесты-царевны, а самого царя убивают.

Коми крестьяне считались государственными. Кроме церкви, чиновников и царя у них был еще враг, более страшный. Таким врагом был купец. Для социальных отношений коми характерно то, что купцы в Коми крае часто выступали в роли помещиков. Исторические документы свидетельствуют о том, что купцы в Коми крае имели крестьян в личном распоряжении, кроме того, они закабалляли значительную часть крестьянства, и власть их ничем существенно не отличалась от власти помещика над своими крепостными.

В XVI—XVIII вв. одной из форм землепользования у коми было половничество. Половниками были крестьяне, вынужденные брать для обработки захваченные купцами их же земли и отдавать купцам половину урожая. С половины XVI в. среди крестьян отмечаются «лутчие», «средние», «молодые», а также «бобыли» и «бездомные бобыли».

Сотни и тысячи крестьян Коми края оставляли свои хозяйства и уходили искать лучшую жизнь в Сибирь, в Вятско-Пермский край. Главной причиной таких переселений было то, что лучшие земли крестьян оказывались в руках купцов, в их же руки попадали участки, отобранные уездными канцеляриями у крестьян за недоимки. Все это возбуждало сильную ненависть крестьян против купцов. Эта ненависть проявлялась в убийствах отдельных купцов, в разгроме их имений, как было, например, разгромлено в 1739 году имение купцов Сухановых: все богатства их, в том числе винокуренный завод, были сожжены.

Борьбе против купцов в фольклоре уделено большое место. Понятно, что сказки, как художественные произведения, говорят не об отдельных купцах, а в целом о купечестве.

В сказках не указываются пути избавления от купцов. Во многих случаях их наказывают или разоряют, а богатства купцов попадают в руки работника или в руки тех, которых купцы преследуют. Но сказки не отразили высших форм классовой борьбы — массовых выступлений, восстаний.

Причина этого — ограниченность сказок как жанра, их специфика и традиционность. Новое содержание социальных отношений требовало новой формы, однако, в борьбе с купцами нередко используются еще традиционные волшебные предметы и персонажи. Во многих сказках, например, для борьбы с купцами используются цари, ловкие воры или разбойники.

Одной из характерных особенностей сказок о купцах является суровая расправа с ними. Много сказок кончается убийствами купцов или их полным разорением, после чего те идут по миру. Понятно, что резко отрицательный тип купца и суровая расправа с ними — творчество беднейших масс крестьянства. Но среди сказок о купцах есть и такие, в которых образ купца выступает несколько идеализированным — не грабителем-эксплуататором, а гостеприимным и добрым членом общины. Таких купцов в жизни, конечно, не было, и в сказках оговариваются, будто таким был «этот» купец. Происходит это, на наш взгляд, по следующей причине. Сказки ясно выражают мечту народа об уничтожении купцов-грабителей. Характерно, что герой сказок после победы над купцом сам становится купцом, но совсем иным. Одни из них начинают шить одежду, обувь и продавать их по дешевой цене, другие кормят всех бедных и нищих. Здесь такое же явление, что и в сказках о царях. Там герой после того, как становится царем, ведет себя не как деспот и самодур. Свою власть он использует на благо народа. Здесь видна мечта о своем, народном царе. В сказках о купцах герой иногда сам становится купцом; народ выступает не против торговли вообще, а против закабаления, эксплуатации. Уничтожая купца-грабителя, трудящиеся выражали мечту о честной и справедливой торговле, о такой торговле, которая приносила бы пользу также и для крестьян.

Во многих сказках основными являются мотивы обогащения, получения денег. Эти мотивы денег вошли в сказку, конечно, не в последнее столетие. Только в старых сказках бедные крестьяне свое обогащение связывали с удачей, с случайной находкой. С ростом сознания трудящихся крестьяне начинают понимать причину своей тяжелой жизни и в сказках начинают более реалистически показывать свои взаимоотношения с купцом, с кулаком.

Деревенские кулаки так же, как и купцы, грабили и эксплуатировали крестьян. Последние разорялись, становились нищими.

Чиновники в своих отчетах не раз указывали на такие факты. Так, например, писал Н. Волков о деятельности кулаков Удор-

ского края: «Разбросанность удорских селений на громадном пространстве, неудобство путей сообщения препятствуют к учреждению правильных рынков в известных пунктах; вследствие этого кулачество развито здесь до крайности. Едва ли не в каждом селении есть кулак, снабжающий удорца самыми необходимыми жизненными припасами: и порохом, и свинцом. Сравнительно незначительный капитал, пускаемый кулаком в оборот, кажется, еще более побуждает его к тому, чтобы получить возможно больший на него процент. А так как здесь нет продажи жизненных припасов на наличные деньги, а существует только обмен товаров, то станет понятно, что тот, кто желает сбыть свой товар на другой — первой потребности, будет всегда в убытке»¹.

В фольклоре коми есть немало произведений о борьбе бедняка с кулаком. Понятно, что количество их прежде было больше. Потому что собирание коми фольклора проводилось слабо, сказки на эту тему нам известны преимущественно по записям 30—40-х гг. XX века, когда жизнь, отраженная в этих сказках, переходила в область преданий. То, что число таких сказок было значительно, доказывает факт бытования их еще и в настоящее время, когда реальной почвы для таких сказок уже нет.

Более ярко представляют борьбу бедняка с кулаком сказки о двух братьях, о богатом и бедном. Под богатым «братом» сказка понимает кулака. В каждой из этих сказок кулаку дается крайне отрицательная характеристика: они поступают в соответствии с звериной моралью — «человек человеку волк», не считаются с элементарными правилами человеческого общежития (выгоняют в пургу людей и т. д.).

Между кулаком и купцом крупных различий не было, потому в сказках и о купцах, и о кулаках выступают братья. «Брат» в сказке понятие условное. В патриархально-крестьянской общине «братом» называли друг друга все однодеревенцы, соседи. Противопоставление братьев — художественный прием; с помощью этого приема удается ярче, полнее раскрыть отрицательные черты кулаков. Богатый брат показывается всегда жадным, скупым, жестоким, завистливым и эти черты характера оказываются сильнее родственного чувства к бедному брату. Богатому брату стыдно иметь родней бедного брата и он старается избавиться от своего родственника любыми путями. Но победителем в этой борьбе оказывается всегда бедный брат.

Эксплуатация богатых братьев доводит бедного брата до того, что он весьма нелестно говорит о боге Саваофе, когда встречается с ним. И в этих сказках есть волшебные предметы и образы (смерть, черт и т. д.), но главное в них — раскрытие образов кулака и бедняка и реалистический показ их взаимоотношений.

¹ Н. Волков. Удорский край, «Вологодский сборник», Вологда, 1879, стр. 17.

Эти сказки раскрывают в то же время круг интересов бедняка-крестьянина: выйти из нужды, купить хлеба, обувь, одежду, чтоб не бояться голодной смерти или быть раздетым, разутым. Не случайно, что эти сказки оканчиваются обогащением бедного брата.

Дореволюционное крестьянство о хорошей жизни могло только мечтать и выражало свои думы в сказках. Но важно то, что герои не отдаются примиренческому настроению. В сказках выдвигается на первый план активность, изобретательность, смелость героя. Трудовое крестьянство, эксплуатируемое купцами и кулаками, стремится избавиться от них. Оно хочет жить для себя.

При рассмотрении сказок не следует, однако, забывать о том, что кулачко-зажиточная прослойка деревни также создавала сказки, в которых выражала свое отношение к жизни и свои интересы.

Удачная торговля, рост барышей и доходов — главная тема некоторых сказок как коми, так и русских. Такие сказки, разумеется, создавались купцами, и они нередко описывали в них заморскую торговлю. Архангельский порт в течение нескольких столетий был единственным портом, через который шла торговля с границей. Купцы, торгующие с границей, были тесно связаны и с Коми краем. В 1830 году в Усть-Сысольске жило более 40 купцов на 1186 жителей¹.

Большинство таких сказок — на тему «верность и невинность». Они представляют интерес лишь в том отношении, что раскрывают способы обогащения купцов. Главные из этих способов: хитрость, обман, подкупы, шантаж и, наконец, прямое воровство. Сказки, созданные купцами, разоблачают самих же купцов.

Конфликт работника с купцом, людом в большинстве случаев разрешается в пользу работника. Но среди коми сказок есть и такие, в которых отношения между хозяином и его работником носят идиллический характер. Есть герои, подобные «Василию Горемыке», которые примирились со своей долей, научились терпеливо «мыкать горе». Такие работники, конечно, для хозяев были хорошими.

Преследуя определенные цели, купцы иногда устраивали пиры, угощения. Упоминается о них и в сказках. Правда, крестьяне-бедняки хорошо видели отношение к себе на этих пирах. Так, в сказке «Иван крестьянский сын» герой, став богачом, братьев приказчиками поставил, а сам стал хозяином. «Собрал много купцов и бедняков вроде нас. На столах богатых были разные сладкие кушанья, а на нашем — только кочан капусты».

Эти пиры устраивались, конечно, не для благотворительных целей. Купцы и кулаки старались представить себя благодете-

¹ Государственная Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина. Рукописное отделение, IV, № 757. Материалы для статистического описания Вологодской губернии.

лями патриархальной общины. Кулаки, мечтавшие стать купцами, разумеется, участвовали в создании таких сказок и поддерживали их бытование. Потому рядом со сказками, антикупеческие тенденции в которых являются главными, имеются сказки, в которых кулацкая часть стремилась отравить сознание крестьянства буржуазной идеологией с целью ослабить борьбу середняков и бедняков против кулачества. Идеалом кулаков был купец. В их интересах было поддерживать патриархальные порядки, чтобы легче было грабить крестьян. Работник в их сказках — безропотный труженик, которому они затем дают богатство или волшебный предмет. Потому имеются различия в показе образов купца и кулака. В сказках о купцах беднейшая часть крестьянства дает им отрицательную характеристику, кулаки же поддерживают образ идеального купца. Кулак в сказках — всегда тип отрицательный. Сказки о них созданы трудовым крестьянством. Особенно сильно ненавидели их бедняки. Не пользовались они уважением и среди середняков. Сказки эти бытуют и в настоящее время, когда жизнь, которая рисуется в них, перешла в область воспоминаний.

Народная память сохранила эти произведения, полные пафоса борьбы за счастье. Эти памятники кроме научной и художественной ценности имели прежде воспитательное и революционизирующее значение. Не раз указывал на это А. М. Горький. Не потеряли своего значения они и теперь, особенно для молодежи, которой надо знать прошлую жизнь народа, чтоб лучше понять настоящее, и, как говорил А. М. Горький, цель будущего.

Песни

Для выяснения специфики коми песен весьма важное значение имеют трудовые песни, наличие которых в коми фольклоре установлено в последнее десятилетие¹.

Трудовые песни коми по художественно-композиционным особенностям и их исполнению встречаются двух видов: песни-импровизации и песни с устойчивым текстом. Песни первой группы, бытующие в районах Ижмо-Печорского бассейна, связаны преимущественно с описаниями земледельческого труда: с работой на сенокосе, на уборке урожая, молотье и др. Описание производственных процессов разворачивается в них по пути детализации и конкретизации общей картины труда, по пути перечисления важнейших особенностей места и орудий труда. О самом процессе труда рассказывается в порядке последовательности выполняемых работ, в результате чего описание идет в замедленном ритме. Так, например, в песне о сенокосе говорится:

На широкие ходят, на хорошие луга с обильной травой,
На длинные ходят, на эти обширные низинные места,

¹ Впервые записал их А. С. Сидоров. См. Бытовые лирико-эпические ижемские песни. «Лингвистический сборник», вып. 2, Сыктывкар, 1952.

На зеленые ходят, на светлые луга,
На шелковые ходят, на окрестные травы и т. д.

Песни поэтизируют труд, прославляют трудолюбие, мастерство, силу северного земледельца. Большое лирическое чувство, эмоциональную приподнятость придают описаниям яркие эпитеты: *зеленые луга, шелковые травы, степенные лошади, удалые поляницы* и т. д.

По исполнению и системе художественных средств к песням о труде близки песни, приуроченные к определенным местам увеселения молодежи. Конкретная чувственная ситуация в них раскрывается через описания широких пейзажных картин с указанием особенностей природы всего Припечорья. Для раскрытия душевного состояния исполнителей используется цепь развернутых эпитетов и сравнений. Так, в песне о гулянии молодежи жизнерадостность и веселье исполнителей передается через цепь сравнений с окружающей природой:

Ломаясь (мы пойдем) подобно сухой лучине,
Сгибаясь (пойдем мы) подобно сырой лучине.
То распластаваясь пойдем мы подобно сырому венику,
То рассыпаясь пойдем мы подобно сухому венику.
То сгрудившись пойдем мы подобно кусту черемухи,
То шурша пойдем мы подобно листьям осиновым,
То вереницею пойдем мы подобно стае гусей и т. д.

Варьирование обобщенных образов и формул, эпитетов и сравнений в молодежных песнях говорит о глубокой любви молодежи к своеобразной и суровой природе холодного севера. Яркие эпитеты: *золотые, серебряные листья, славная кукушечка, чистый сосновый бор, бисерный наносный песок* и т. д. придают этим песням особую свежесть и эмоциональность.

В отличие от ижемских песен, включающих элементы импровизации, песни с устойчивым текстом, записанные в более южных районах республики (Помоздиноком и Прилузском), описывают не одну какую-либо конкретную работу, а весь цикл земледельческих работ, начиная с посева и кончая выпечкой хлеба.

В помоздинском варианте, напр., говорится так:

Гõрим ми, гõрим	Пахали мы, пахали
Сирõд пу гõрйõн,	Смолистой деревянной сохой,
Гõрим ми, гõрим	Пахали мы, пахали
Пегана вõлõн,	На пегой лошади,
Кõдзим ми, кõдзим	Сеяли мы, сеяли
Веськыд кийõн и т. д.	Правой рукой и т. д.

Действие разворачивается в них динамично, т. к. указываются лишь главные этапы земледельческого труда (пахота, посев, жатва, молотба и т. д.). Орудия труда также поэтизируются — серп называется серебряным, веник — мишурным, связка — шел-

ковой и т. д. Поэтизация труда, прославление героя труда, таким образом, одна из важнейших особенностей песен о труде. Осмеянию подвергается лентяй, ищущий разные предлоги, чтоб увильнуть от работы. Такое, например, насмешливое отношение к лентяю видно в песне «На подсеке», записанной в Сысольском районе:

Колõ пõ вõд тыла места корсьны,	Надо пойти искать место для подсеки,
Да вõрас вошан.	Да в лесу заблудишься.
Колõ пõ вõд тыла октыны кайны,	Надо пойти подсеку рубить,
Да черыс укладтõм.	Да топор не окален.
Колõ пõ вõд тыла сотны кайны,	Надо пойти подсеку жечь,
Да биваыс мõгыльтõм и т. д.	Да огниво неисправно и т. д.

В традиционном наследии одно из главных мест по насыщенности социальным содержанием и эмоциональному воздействию занимают бытовые песни. Тематика бытовых песен охватывает все важнейшие стороны жизни коми крестьян дореволюционной эпохи: земледелие, охотничий промысел и отходничество, молодость и воспоминания о ней, тяжелую женскую долю в условиях патриархального быта.

Герои этих песен: молодой охотник, которого калечит непосильный труд («Чужмõр нылõй, Чабанõй»), крестьянин, вынужденный оставить родной край из-за бедности и искать «лучшей» жизни в других краях («Коньбõрõй да Ванькабõй»), девушка, выданная насильно замуж за старика и вынужденная терпеть побои и оскорбления («Ю сайын да ва сайын»), молодая женщина, рассказывающая матери о своем бесправном положении и тяжелой жизни в семье мужа («Шондйõ-мамõ», «Рытья войõ, матушка») и т. д. Из числа бытовых песен большой популярностью пользуется песни-воспоминания. Одна из них — «Шондйõ-банõй, олõмõй» — бытует в большом количестве вариантов. Общим для всех вариантов этой песни является грусть о прошедшей молодости, «жизни солнцеликой». Большая эмоциональная значимость ее достигается противопоставлением веселой молодости грустной старости. Жизнерадостная формула, повторяющаяся в разных местах песни:

Шондйõбанõй, олõмõй,	Солнцеликая жизнь,
Том олõмõй, том гажõй,	Молодая жизнь, молодое веселье,
Йõктгтырйи тувчõмõй,	Ходьба, приплясывая,
Тувчигтырйи йõктõмõй.	Танцы на ходу.

еще более усиливает это звучание.

Композиционно бытовые песни построены на различного рода противопоставлениях: красивая жена и жестокий старик-муж («Ю сайын да ва сайын»), желание молодого парня жениться и бедность его («Чужмõр нылõй»), дряхлый старый муж красивой

молодой женщины и удачливые охотники, молодые мужья подруг («Майбыр нывъяс», «Том молодецьяс вѳравны кайисны»), веселое, беззаботное детство и безотрадное настоящее («Шондібанѳй, олѳмѳй») и др. Для достижения большей выразительности, усиления противопоставления нередко используются преувеличения, общие формулы, пословичные выражения, различного рода повторы. В песне «Шондібанѳй, олѳмѳй» вся жизнь человека выражена цепью обобщающих формул, характерных вообще для песенного коми фольклора:

Векни борті ветлѳмѳй, Паськыд борйын гожѳмѳй, Дась лѳсасті ветлѳмѳй, Да лямпа туй таялѳмѳй...	Ходьба моя по узкой меже, Проведение лета на широкой меже, По готовому путику моя ходьба, Топтание проложенной лыжни...
Валйысь валйѳ ветлѳмѳй, Да прилукын бергалѳмѳй...	С волны на волну плавание мое, Кружение мое на прилуке... (на водовороте)

Повторы, обращения, ряд последовательных вопросов и ответов на них направлены на усиление впечатления и тяжести женской доли в условиях дореволюционного патриархального быта, бесправия молодой женщины в семье мужа.

Весьма характерна в этом отношении песня «Шонді-мамѳ» («Солнышко-матушка»), в которой молодая женщина после трех лет замужества встречается со своей матерью и между ними происходит такой диалог:

- Милое дитя, где твоя светлая кровь?
- Солнце-матушка, с горя потускнела.
- Милое дитя, где красота твоя?
- Солнце-матушка, слезами смыта.
- Милое дитя, где твое белое тело?
- Солнце-матушка, плетью избито.

Далее выясняется, что вещи, которые она брала с собой, находятся в чужих руках. Кольцо, например, оказывается у сына писаря и т. д.

Источник драматизма в семейно-бытовых песнях у коми — безысходная нужда крестьян, проклинающих свою жизнь, положение женщины в замужестве, основанное на полном подчинении мужу и т. д. Еще более тяжелой была жизнь женщины в «большой семье» («ыджыд семьяын»), где она находилась на положении самого бесправного члена. Потому песни полны жалоб и сетований матери, выдавшей «ылыс земляѳ, ыджыд семьяѳ» («в далекую землю, большую семью»), в которой «семь деверей и четыре золовки, двенадцатая свекровь, тринадцатый свекор, четырнадцатый муж, а я за пятнадцатую». В такой семье жизнь женщины проходит как бесконечная цепь страданий. «Молодость моя осталась,— говорится в одной песне,— на дороге в церковь,

у въезда на сарай злого свекра, под грозой сердитого мужа, под бруском ворчливой свекрови, под взглядами золовок, под острыми словами снох».

Несмотря на ограниченное число песен, относящихся к этой группе, бытовые песни у коми имели не только наибольшее распространение, они более других видов насыщены социальным содержанием и оказывали огромное эмоциональное воздействие на людей, возбуждая в них протест против существующих условий жизни, против семейного деспотизма и бесправия женщины. Бытовые песни сохранили свое значение и в настоящее время, помогая лучше понять, особенно молодежи, светлое настоящее, добытое народом в жестокой борьбе с угнетателями.

Большая группа коми песен посвящена раскрытию чувств и переживаний рекрута и описаниям картины солдатской жизни. Рекрутские и солдатские песни так же, как и бытовые, обильно насыщены мотивами социального протеста. Сообщение рекрута о том, что он взят в солдаты, во всех случаях воспринимается как неожиданное несчастье, выпавшее на его долю и на долю его родных. Заветная мечта молодого парня и его родителей — избежать солдатчины. Рекрут сохраняет такую надежду до «приема», но надежда внезапно рушится: «кватитчи да босьтісны» («хватился — взяли»). Девушка, встречаясь с любимым, спрашивает, почему он печален, почему на его глазах слезы. На это следует такой ответ: «Ой, салдатѳ вед менѳ нуѳны, ой сэн салдатас зэв ѳд курыд овнысѳ» («Ой, в солдаты ведь меня берут, ой там в солдатах ведь очень горько (трудно) жить» («Ветлім жѳ ми устѳг базар вылѳ»). Рекрут, сообщая родным, что он взят в солдаты и, уговаривая отца дать ему лошадь на один день, говорит:

Ог ѳд мун ме ворсны-балуйтны, Ассьым йѳй песны, юрѳс пыркѳдны. Нуѳны тай, ыстѳны Чорыд грѳз улѳ, Салдатскѳй служба вылѳ.	Не иду ведь я играть-баловать, Тешить дурь свою, головой трясти. Уводят ведь, отправляют Под большую грозу, На солдатскую службу.
--	---

(«Менсьым шѳгѳс он на тѳд»).

Кроме чувства грусти и печали рекрутские песни раскрывают картины последних дней жизни рекрута в родной деревне, желание затопить горе в водке, в разгульи. Однако горе настолько велико, что рекрут не находит утешенья ни в вине, ни среди веселых девушек:

Ми думайтѳм гажъявны Лудежпѳйяс син сайын, Роч нывъяскѳд, аняскѳд Ворсыштны да сылыштны. Сѳмын рекрут сѳлѳмтѳ	Мы думали повеселиться За глазами лудежных, С красивыми русскими девушками Попеть и поиграть. Только в рекрутском сердце
---	--

Эз кыпѡд вина гажыд,	Не поднялось веселье от водки,
Эз кыскы тай ывлаѡ	Не потянуло нас на улицу
Роч акань нывъяс дінѡ.	К русским красивым девушкам.

(«Рыт пукалім, пукалім»).

Уход в солдаты во многих песнях расценивается как уход из жизни. Рекрут прощается не только с родными, но и со всей окружающей местностью («чужан местакѡд, став ас вѡр-вакѡд»), сравнивает себя с арестантом, говорит о солдатчине как о чертовом месте («чѡрт ки йылас нуѡны»).

Слезы, тоска и горе, присущие для этих песен, естественная реакция против условий солдатчины в царское время. Характерно, однако, что даже в таких песнях рядом с гневными словами, проклинающими солдатчину, слышны шутки и ирония. Так, в песне «Ме пѡ петі гуляйтны» рекрут, прощаясь с девушками, иронизирует над их участью:

«Ой нывъяс, нывъяс, нывъяс,	«Ой, девушки, девушки,
Муна кѡ, гажтѡм лѡѡ».	Если уйду — скучать будете».

Большей выразительности в раскрытии тяжелой солдатской жизни в ряде песен способствуют композиционно-художественные приемы — отрицательный параллелизм, ступенчатое сужение образа, а также сравнения и символы. В начале песни «Труба, труба, му труба» используется прием ступенчатого сужения образа. Отрицательные параллелизмы обильно используются в песне «Дас сизим арѡдз олї». В этой песне отрицания не чередуются, как обычно, а следуют так же, как и утверждения, последовательно, одно за другим. Содержание песни — печальная участь солдат — раскрывается как разоблачение обмана. При этом оказывается, что вместо сахарных голов на горе у Казани — солдатские головы, вместо больших ручьев с красным вином и малых ручьев с белым вином — солдатская кровь и солдатские слезы, вместо шелковой травы — солдатские волосы, вместо драгоценных камней — солдатские черепы. Раненые солдаты (безногие, безрукие), плывущие по Каме в тридцати кораблях, на распросы о родных отвечают: отцов и матерей нам во сне не видать, сестры-братья наши — на конце пуль и пушек, наши дети — на конце мачты.

В коми солдатских песнях сильнее, чем в рекрутских, наблюдается влияние русских солдатских песен. Так, начало последней коми песни, бытующей почти во всех районах республики, близко к русской песне «Соловей кукушку подговаривал»¹. Использование традиционных образов и символов русского фольклора — ворона, орла, воды, крови — значительно обогатило этот вид песни, придав им большую яркость и выразительность.

¹ Соболевский. Великорусские народные песни, т. I, № 226.

Об одинаковом отношении к солдатчине коми и русских говорит также и то, что некоторые из русских песен этой группы бытуют у коми в переводах. Такова, например, песня «Сѣ ветымын вѡла» («Сто пятьдесят верховых»), исполнявшаяся и на коми, и на русском языках.

Первое место по количеству записей в песенном репертуаре коми занимают песни любовно-лирические. Песни этой группы отличаются разнообразием выражаемых интимных чувств и переживаний, богатой образностью и поэтичностью.

Грустный тон большинства старых песен о любви проистекает от существовавших патриархальных семейно-бытовых отношений, от полной зависимости девушек от родительской воли, из-за чего молодые люди вынуждены скрывать от посторонних, особенно от родителей, свои чувства. Поэтому радость и счастье чистой и глубокой любви омрачается неопределенностью будущего, сообщениями о выдаче замуж за нелюбимого, заточением в монастырь и т. д.

Обычный поэтический аксессуар этих песен — кольца, платки, смоченные слезами, полотенца, подушки. Для более полного выражения глубины чувств используются сравнения с окружающей природой. Природа в этих песнях (заря, утренняя или вечерняя, реки, лодки, плывущие по ним, луга) играет активную роль, помогая более глубоко выразить переживания и чувства. Многие песни начинаются с воспевания красоты зари, собирания цветов для любимого на лугах («Асья кыа», «Веж видз вьвті муна, муна», «Кокын башмак» и др.). С цветами же сравниваются чувства молодых:

Если так менѡ радейтан,	Если ты любишь меня,
Кыдз борйын турун цветитѡ,	Как на лугу цветы цветут,
Сідз жѡ ме понда цветитны.	Так и я буду цвести.

Широко используются для сравнений земляника и малина. С земляничкой сравнивается красота девушек. Место свиданий часто называется малиновым (ѡмидз пос — малиновый мост, ѡмидз сарай — малиновый сарай). О влюбленном говорится:

ѡмидз пос помѡ воис,	Пришел к малиновому мосту,
ѡмидз пос вылѡ пуксис.	Сел на малиновый мост.

Вспоминая о своей юности, говорит отец девушки:

Ме ачым сэтшѡм вѡлі:	Я сам такой был:
ѡмидз пос вылѡ волі,	Ходил на малиновый мост,
ѡмидз сарайѡ кайлі.	Забирался на малиновый сарай.

Нередки сравнения с птицами, с деревьями, с лесными животными. Девушка называет свою грудь бобровой, обращаясь к любимому, просит прилетать к ней голубем, стройность своего стана сравнивает с сосной («конда лѡсьыд тушаѡй, конда мича тушаѡй»).

Любовные песни, рассказывающие с глубокой задушевностью о свиданиях влюбленных, о поисках цветов для подарка милому, о сплетении венков, о грусти девушек, оставленных любимым, о ревности к другой девушке и т. д., раскрывают также картины труда и быта коми крестьян; темой многих песен является ожидание отходника-милого, обещавшего привезти подарки, встречи влюбленных происходят на плоту, плывущему по реке. Место действия некоторых песен — посиделки, героини-девушки прядут красивую кудель.

В любовно-лирических песнях, более чем в бытовых, ощущается стремление молодых людей отстаивать самостоятельность своего поведения. Так, в песне «Которті да которті» («Бежал да бежал») говорится, что мать видела встречу и беседу дочери с парнем. На ругань матери девушка заявляет, что она и впредь будет делать так:

Отчюд ёд петан кадъс.	Такая пора бывает однажды.
Мамлѳн кучкѳм-вачкѳмысь	От побоев матери
Некыт лысьѳмыд оз чег.	Кости не ломаются.
Мамлѳн пиньыд-видчѳмыд	Ругань матери
Йѳз слава вылѳ оз лѳдз.	Не приведет к дурной славе.
Мыйта колѳ гуляйта,	Сколько хочу гуляю,
Мыйта колѳ гажѳдча.	Сколько хочу веселюсь.

В мечтах у девушки — жизнь с любимым, а не богатым и старым мужем-деспотом. В ряде случаев девушка оказывает предпочтение бедному, но красивому и любимому парню, отказывая богатому сыну купца («Менам мусукѳй муніс»), дворянину, имеющему 300 душ крестьян, мещанину, имеющему 150 кораблей («Ме кыи да ме печки»). В песне «Ме кѳ петі гуляйтны»¹ девушка, отказываясь выйти за старого и за слишком молодого, говорит:

Ме пѳ ог мун пѳрысьыд сайѳ:	Я не пойду за старого:
Пѳрысьыд пѳ вѳд	Старый-то ведь
Сѳ здыкайтѳ да сѳ кашляйтѳ.	Все вздыхает и все кашляет.
Ме пѳ й ог мун томьд сайѳ:	Я не выйду и за молодого:
Томьд пѳ вѳд	Молодой-то ведь
Сѳ курчасьѳ и сѳ чеплясьѳ.	Все кусается и щиплется.
Ме пѳ муна да	Я выйду
Аскоддем сайѳ:	За такого, как сама:
Аскоддемьслѳн пѳ вѳд	У такого-то ведь
Честь и грѳз выйим.	И честь, и гроза будет.

¹ Осипов. № 14.

Идеалом мужского здоровья, силы, молодости для девушек является «бурлак зон» («парень бурлак»). Бурлачество в прошлом у коми было одним из видов отхожих промыслов. Бурлачеством занимались не только в пределах родного края, но и по Каме и Волге. Идеал девичьей красоты — «роч акань кодъ нывъ» («девушка, как русская кукла»), употребляющаяся рядом с близким по значению выражением «роч аныяс-нывьясъ» («русские женщины-девушки»).

К числу любовных песен следует отнести несколько шуточных лирических песен. В них рассказывается о красавице Аксинье, которую приглашают в гости отец и мать пить пиво, но она отказывается идти, ссылаясь на холодную росу и плохую дорогу; когда приглашают к другу — роса оказывается теплой, дорога хорошей; о размолвке между мужем и женой («Гѳтырѳй менѳ оз радейт» — «Жена меня не любит»); о купаниях девушек в реке, во время которой одна из них заболевает («Уна нывъясъ» — «Много девушек»); о парне, который ходит к девушке не вовремя («Доли-шели») и некоторые другие. В отличие от рассмотренных выше песен, исполняемых грустно, а некоторых даже с надрывом, эти песни поются весело, жизнерадостно и в более быстром темпе.

В композиционном строении и в исполнении любовных песен имеется большое разнообразие. В одних из них содержание раскрывается динамично, стихи песен последовательно, без повторений рассказывают о событиях и переживаниях то от первого лица, то в форме диалога с матерью, с молодым и т. д. («Мамѳй, мамѳй, мамульѳй», «Войпукын оз пукавсьы», «Меѳй рытѳйсьыны петі», «Куим суда палата»). Они более драматичны. Содержание же других песен незначительно, главное в них — выражение чувства на фоне лирически окрашенных пейзажных картин. Они больше эмоциональны, лиричны, художественно образны. Для них характерны повторения строчек и своеобразных припевов. Припевы не свойственны народно-песенному фольклору коми, но замечательно красивая метафора: «Сьѳлѳм весът кинь уськѳдысьѳй, узанѳнысь пальѳдысьѳй» («Роняющий искру на сердце, сна лишаящий») в песне с таким же названием повторяется как обращение после каждых трех строчек. Подобие припева видим и в песне «Доли-шели» — шуточное выражение «Доли-шели, ноли-шели говоринскѳй...». В песне «Уна нывъясъ» в качестве припева используются слова «Зон, зон, мича нывъясъ, зон, зон, муса нывъясъ...»

Цепь сравнений, на которых строятся некоторые ижемские песни об увеселении молодежи, несколько отличается от подобного же вида цепи в шуточных песнях. В ижемских песнях, а также в песнях-причетах — перечисление действий. Здесь же —

сравнения признаков. Так, например, характеризуются и парни, и девушки в песне:

Роч акань кодь нывъясьй,	Русской кукле подобные девушки,
Роч ськёл кодь зонъясьй.	Русским соколам подобные парни.
Йикиа чомёр кодьбось	Остистому чомору ¹ подобные,
Да рудзёг пызя пув кодьбось,	Бруснике с ржаной мукой подобные,
Косьбось кб, кблач кодьбось,	Если сухие, то как колачи,
Да шома кб, вомпась кодьбось.	Если кислые, то как монпасье.

В любовных песнях чаще встречаемся с так называемым ступенчатым сужением образа, когда главный, воспеваемый предмет песни оказывается последним в цепи описываемых предметов. Так, в песне «Йёктём, йёктём, йёктёмой» описание начинается с упоминания палаты-горницы, затем следует стол, самовар, сахар и, наконец, молодец у стола. В песне «Мен эзысь чунькытш оз ков» бедность девушки подчеркивается указанием, что у девушки нет парня, кольца, платка и, наконец, дома. Некоторые песни строятся на цепи художественных параллелей. Такова, например, песня «Алая ленточка». Вначале в ней упоминаются потерянные девушкой ленточки разного цвета, и только в конце главное — потеряны не только ленточки, а молодость и любимый.

Менам вёлл дас квайт ар пёра,	Было мне шестнадцать лет,
Коли сийё уна во сайб.	Прошло с тех пор уж много времени.
Менам вёлл муса дай мусук,	Был у меня милый парень,
Да воши сийё война вылб.	Да пал он на войне.

Песен сатирических в коми фольклоре немного, но они полны веселого юмора, метких характеристик лептяев, легкомысленных и жадных людей. Так, например, в песне «Руч ку да коч ку» («Лисья и заячья шкура») высокомерие и чванливость хозяина (купца или кулака), презрение к работнику видно из слов, обращенных к работнику: «Напой коня, не обмочи недоуздок, он шелковый, гужи моржевые. У моря камень мелет, не тронь мой камень». Лентяйка Катерина сравнивается с домашними животными: «Спит как колода, дышит как овца, вздыхает как корова. Вся работа запущена, печь не топлена, пол не метен, стол не вымыт».

На Удоре и в Усть-Сысольском районе бытует сатирическая песенка «Матушка-лапушка», которая в некоторых вариантах принимает социальный характер: в роли соблазнителя и обманщика девушки выступает поповский сын.

Реже, чем в фольклоре других восточных финно-угров, встречаются у коми песни на сказочные сюжеты. К числу таких отно-

¹ Чомёр — каша из ячной муки на масле.

сится песня «Куим чой сэтёр вотны мунисны»¹ («Три сестры за смородиной пошли») и варианты этой песни.

Число оригинальных плясовых песен у коми невелико. Так, в Ижемском районе на праздниках часто поется хороводная песня «Круг шёрас кб ме сулала». В Прилузском районе на свадьбах и на праздниках поют «Пахомовну», в которой благодарят хозяев за угощение или за подарки. В Помоздинском районе женский хоровод пляшет под песню «Кёза оз мун тусьла». Песня близка к сказкам кумулятивного типа. Во время рождественских игр в Удорском, Усть-Куломском и Сторожевском районах раньше пели песню «Ай ладу, ладу» (перевод русской песни «А мы просо сеяли»).

При играх же, в праздники, на вечеринках кроме того пелись песни, в которых в иронической форме восхвалялись качества влюбленных парней и девушек. Строение величальных песен однообразно, в них почти всегда видим ступенчатое сужение образа. Так, в песне «Ылын, ылын тшын тшыналб» вначале упоминается дым, затем следует дуб, под которым четыре бревна, под ними четыре листа, под листьями четыре зерна. Одно зерно — Клавдия, второе — Варламовна, третье — Павел, четвертое — Андреевич. Аналогичны по содержанию песни «Сир чунь, вир чунь», «Сьёд вёр шёрын вёв гёрдлб», «Тэсь пёжёмой да Матрендой»².

В жизни дореволюционного коми крестьянства одним из важных социально-экономических актов был ритуал свадьбы. Свадебные церемонии представляли подлинную драму и непременно сопровождалась художественно яркими причитаниями, раскрывающими жизнь коми женщины до и после замужества. Обряды, песни и причеты свадебного цикла, раскрывающие этапы развития форм семьи, процесс формирования патриархального строя у коми, обладают специфическими художественными приемами, во многом общими с другими коми песнями. Характерная особенность причитаний — сочетание импровизаций с определенной устойчивой системой образов (эпитетов, сравнений, метафор, символов) и художественно-композиционных приемов построения.

По своему значению и содержанию причеты можно разделить на следующие группы: а) причеты-обращения, б) причеты-благодарности, в) причеты-описания, г) оплакивание девичьей большой воли, девичьей красоты, косы, д) причеты-хуления, е) песни-плачи (о кукушке, петухе, зеленой траве и др.).

Огромное эмоциональное воздействие причетов в важный для жизни девушки момент, драматическое их звучание достигается противопоставлением девичества замужеству. Жизнь у родителей, какой бы она ни была трудной, рисуется в светлых и ярких крас-

¹ Осипов, № 5.

² Осипов, № 28—31.

ках, как пора веселья, радости и беззаботной жизни. С выходом замуж при существовавших порядках патриархального быта жизнь рисуется полной невоспительного для женщины труда, морального унижения и обид:

Нэм чõж вõд лоõ	Всю жизнь придется
Сни сайсõ, пель сайсõ корсьны...	Прятаться от их глаз и ушей...
Кõджõ вõд йõршштасны	На плёс загонят,
Кõч пиянõс моз.	Как маленьких зайчат.
Садõкõ йõршштасны	В клетку запрут,
Руч пиянõс моз.	Как маленьких лисят,
Шулõмõ йõршштасны	В плетень загонят,
Мой пиянõс моз...	Как маленьких бобров...

В причетах-обращениях, адресованных к жениху, к будущим свекру и свекрови, просьбы девушки очень скромные: относиться к ней по-человечески, не унижать и оскорблять ее:

Понды жõ менõ	Будь же ты меня
Бура видзны да,	Хорошо держать (обращаться),
Кыдзи батюшко	Как из-под батюшкиной
Бур вевт улысь вõрзьõдн,	Хорошей крыши тронул,
Сидз жõ кут бур вевтнад	Так же под хорошей крышей
вевтгыны.	держи меня.

Насколько была тяжелой жизнь коми женщины, насколько было несправедливым ее положение в семье мужа, говорит и двойственное, противоречивое отношение к жениху в причетах-обращениях. Восхваляя трудолюбие, ловкость, мастерство жениха («самое тяжелое зерно на весах, убегающего быстро имающий, в летающего метко стреляющий, конец тропинки продолжающий, с верхушек высоких деревьев сваливающий» и т. д.), невеста в то же время указывает, что он «плечо — солнышко мое понижающий, грудь — солнышко сужающий, девичью честь роняющий, девичью хорошую надежду отнимающий, девичью солнце-надежду под каблуком сапога топчущий, в кушак свой девичью жизнь завязывающий» и т. д.

В свадебных песнях, так же как и в самом обряде, в разных районах имеются некоторые различия. Однако некоторые плачи были неизменными для всех районов. Таким, например, был причет-благословение (бурсиõм), исполнявшийся в большинстве случаев перед выходом к венцу.

Главное в обращении — просьба не столько к богу, сколько к окружающей природе дать счастье и богатство в замужестве в таком обилии, как богата сама окружающая природа:

Васянь пõ меным бурси	От воды да мне пожелай,
Дай ва черныс мында.	Сколько рыбы в реке.
Вõрсянь пõ меным бурси	От леса мне пожелай,
Дай вõр пõtкаыс мында.	Сколько птицы в лесу.

Ягсянь пõ меным бурси	От бора мне пожелай,
Яг вõтõсыс мында.	Сколько ягод в бору.
Пармасынь пõ меным бурси	От пармы мне пожелай,
Парма керчыс мында.	Сколько багульника в парме.

Плачи-благодарности адресуются ко всем родным и ближайшим родственникам. Их благодарят за то, что вырастили до зрелого возраста, берегли и ласкали девушку. К большинству родственников применяют метафорический эпитет — «солнышко»: отец — «вердан-вердысьõй дай бур ай шондиõй» («кормилец, поилец, добрый отец, солнышко»), «лун шондиõй-батюшкоõй» («дневное солнышко-отец»); мать — «шондиõй-мамõй» («солнышко-матушка»), «лун морõсаõй менам матушкаõй» («с южносторонней грудью моя матушка»), «чõскыд шондиõй дай йõла мамõй» («сладко-солнечно-молочная мать») и т. д.

Причеты-описания с помощью разнообразных приемов раскрывают главным образом девичью жизнь. В одних случаях используются обобщенные формулы. В доме родителей, говорит невеста, останутся ее: «рытъя зыркыд узян онмõй (полуночный глубокий сон), асья войсь чõскыд узян онмõй (утренний сладкий сон), намыр еджыд, небыд яйõй (тело белое, мягкое как костяника), бумажной вурыстõм кучикõй (бумажная, без швов, кожа), шыльыд, еджыд куйõй (гладкая, белая кожа)». Жизнь в родительском доме рисуется с помощью тех же кратких обобщенных формул. Она жила «тõльсы шондиа костын моз, няньтõг вомõй эз воссьыв, тõвтõг юрсиõй эз вõрзьыв» («как между луной и солнцем, без хлеба рот не открывался, без ветра волос не шевелился»). Благодаря матери, она прибегает к сравнениям: «Веж турун моз ме тэ динын четити, льõм дзоридз моз дзоридзали» («как зеленая трава я при тебе цвела, как черемуховый цвет цвела»).

Причеты характерны обилием сравнений. При этом для сравнений используется лучшее, наиболее яркое из окружающей природы и животного мира:

Таг коль кодь кокни юрõй,	Подобная хмелю легкая голова,
Оз тусь кодь югыд вирõй,	Подобная землянке светлая кровь,
Кõч гõн кодь еджыд яйõй,	Подобное заячьему пуху белое тело,
Юсь пук кодь мича лыõй-сьõмõй,	Подобное лебяжьему пуху красивое тело,
Ныв мича нимõй, юсь пõлян гõлõсõй.	Красивое девичье имя, лебединый мой голос.

Кельчи ар этшõн гыбалõмõй,	Подобно мелкой сороге игра-кипенье,
Екыш этшõн бодритчõмõй,	Подобно окуню бодрствование,
Еди этшõн пасьялõмõй,	Резвость моя как у леща,
Сирпи этшõн тувъялõмõй да гожьялõмõй...	Вертность, как у мелкой щуки...

Кроме указанных видов сравнений и обобщенных формул, обычны для причитаний цепи формул — обстоятельств с инверсией. Эта форма характерна, как указывалось, и для песен-импровизаций Ижмо-Печорских районов. Так, напр., девичья жизнь в причитании характеризуется при помощи таких формул:

Юрõн вõд ме ветлывлі гõйõдлг- тырйи,	Головой ходила вскидывая, Ухом ходила прислушиваясь,
Пельõн ветлывлі кывзысыгтырйи,	Рукой ходила ломаживая,
Сойõн ме ветлывлі шенасыгтырйи,	Пальцем ходила пощелкивая,
Чуньõн ветлывлі шлочйõдлгтырйи,	Ртом ходила подувая,
Вомõн ветлывлі пõлясыгтырйи,	Ногой ходила постукивая...
Кокõн ветлывлі грõмитгтырйи...	

Одним из важных и неперенных в цикле плачей для всех районов был плач-описание о важности момента. После описания места сидения в родительском доме (под крышей, на стуле, у стены, на самом важном месте и т. д.) следуют сравнения с природой, окружающей местностью. При этом подбираются такие сравнения, через которые ярче раскрывается психическое состояние девушки, драматизм момента, неопределенность ее будущего, предчувствие грядущего горя. Девушка сидит, как смолистый пень, трудно корчумый (сир мыр тай меõй пукси чукты-тõмапырысь), как отвердевший (огрубевший) еловый пень, как побледневший березовый пень, как пожелтевший осиновый пень, как осиновый пенек, которого еле держат корни, как почерневший пень на подсеке, как нитка, готовая оборваться. После таких сравнений следует перечисление мест, крайне опасных для жизни человека: у обваливающегося песчаного берега, у обрыва, у омута. В некоторых вариантах девушку сносит в море, где она будет плавать и не может приплыть к берегу.

Один из художественно ярких плачей свадебного цикла — прощание с персонифицированными девичьей красотой, девичьей большой волей, с «кссой с красивым именем» («кõсаõй, мича нимаõй»). Девичья жизнь иногда символически выражается через шелковый повод длиной в триста аршин. В песнях о кссе невеста посылает родных искать свою потерянную косу на поля, на луга, в леса, в город и т. д., или спрашивает, кому ее оставить: матери, сестрам, соседкам или девушкам. «Мича ныв ним» («красивое девичье имя») улетает от девушки при купании в бане, скитается по полям, лесам, лугам, болотам и нигде не находит себе места, теряется, уплыв по реке, или оказывается запертым за 12 замками. «Девичья большая воля» попадает в руки жениха, тот прячет ее в дупло дерева, завязывает узлом в пояс, в галстук, кладет в сапог вместо стельки, топит в море.

Не останавливаясь подробно на рассмотрении всех причетов (они весьма разнообразны и по стилю, и по содержанию), отметим, что причеты-хуления адресуются друзьям и свадебному поезду в день свадьбы, в некоторых местах (по Вишере, напр.)

охраняют жениха и его родных после предсвадебного угощения, свадебный поезд сравнивается с толпой черных татар. Едко высмеиваются и дружки. Такое отношение к свадебному поезду и друзьям — несомненный отголосок от пережитой коми племенами формы брака путем умыкания. Большой эмоциональностью отличаются также песни о кукушке, петухе, о зеленой траве. В песне о зеленой траве девушка уподобляет себя полевым цветам, сожалея о проходящем девичестве, хочет смешаться с цветами, спрятаться среди них.

Ч а с т у ш к и

Частушки, благодаря тому, что в них можно в бесхитростной форме правдиво, искренне и чисто выражать большие чувства, в последние десятилетия в живом бытовании стали преобладать над всеми жанрами фольклора.

Бытование частушек у коми связано с их появлением и распространением среди русских. В этнографических заметках отмечалось их исполнение еще до первой мировой войны. Вначале они пелись на русском языке, некоторые из них — в переводах на коми язык. По этим образцам затем стали появляться оригинальные коми частушки.

Разумеется, форма частушки не была совершенно новой и у коми. Подтверждение этому видим в творчестве И. А. Куратова. В 1865 году И. А. Куратов по просьбе коми девушек пишет стихи-прибаутки, очень мало отличающиеся по форме от современных частушек.

В жизни коми частушек отмечают те же особенности, которые присущи русской частушке. Частушки исполняются под аккомпанемент гармошки, баяна при пляске, при прогулках по улице, потому ритм их быстрый. Большинство частушек имеет четырехстрочную форму. Текст частушки легче, чем текст песни, меняется при исполнении ее в разных местах. При необходимости выразить в них новые чувства, новые отношения используются старые частушки, с некоторыми изменениями в тексте. Характерна в этом отношении популярная у коми частушка об облаке и милом. В большинстве случаев ее поют так:

Кымõр локтис, кымõр локтис,	Облако пришло, облако пришло,
Кымõр локтис и зэрис.	Облако пришло и дождь пошел.
Милõй локтис, милõй локтис,	Милый шел, милый шел,
Милõй локтис и пырис.	Милый шел и зашел.

В Железнодорожном районе эта частушка записана и в таком виде:

Кымõр локтõ, кымõр локтõ,	Облако идет, облако идет,
Ена и бара зэррыштас.	Сильный дождь пойдет.
Милõй локтõ, милõй локтõ,	Милый идет, милый идет,
Морõс тырыс медальяс.	Грудь полна медалей.

Частушка — один из жанров советского фольклора. В частушках рассказывается о конкретных впечатлениях и ощущениях, которыми живет колхозная деревня в тот или иной момент, они обобщают ту или другую сторону действительности.

Тематика частушек обширна, содержание их разнообразно. Преобладающей в них является любовная тематика. Частушки рассказывают о любви, ревности, размолвках с милым, обычны в них и иронические замечания в адрес парней и девушек.

Частушки по выражаемым в них чувствам и мировоззрению резко контрастируют со старыми семейно-бытовыми песнями. Тема любви в этих песнях является одной из главных, но любовь в них часто приводит к личной драме, т. к. с чувствами девушек и с их волей прежде мало считались. Даже тогда, когда девушка выходила за любимого, в семье мужа она была самым бесправным членом, а жизнь ее протекала в бесконечных страданиях.

Частушки о молодости и о любви, несмотря на наличие в некоторых из них мотивов грусти и печали, жизнерадостны, выражаемые в них интимные чувства глубоки и чисты. Частушки полны юмора и веселья, основой которого является новая жизнь, предоставляющая молодежи полную свободу в определении своей судьбы, жизни.

Любовно-лирическая тема не исчерпывает тематического многообразия частушек.

В последние 10—20 лет значительно возросло значение и количество частушек с социальным содержанием, частушек героического и сатирического характера. Колхозная жизнь, рост культуры в жизни, социалистическое соревнование и ударничество стали главными темами для воспевания в частушках. Большое место уделяется в частушках лесозаготовкам:

Ворс тэ, баян, гораджыка,
Мыйла гёлбсьд зэв нор?
Бригадаён вөрб каям,
Сувтам пятилетка дор.

Играй ты, баян, громче,
Почему твой голос грустный?
Бригадой мы в лес пойдем,
Стапем за пятилетку.

Много частушек строится на противопоставлении нового старому. Это противопоставление охватывает все области народной жизни. Колхозная жизнь связана с ростом культуры, с механизацией земледельческого труда. Предметом воспевания становится тракторист, работающий не только днем, но и ночью («Трактористён менам милёй войся смена уджалё»). Частушка приветствует появление в деревне радио, электричества. Девушки коми, которые прежде, как говорит частушка, боялись выйти из дому («гортысь петны полісны»), пряли куделю («печканён пукалісны»), работают на построенных за годы Советской власти заводах.

Рост народного мировоззрения идет в острой борьбе с пережитками старого. В числе таких пережитков — вера в бога:

Ен кё сетас, няньыд воас,
Шунс меным пёрысь дед.
Чёв, зон, дедё, он кё уджав,
Енмыд нинёмтор оз сет.

Если бог даст, хлеб будет,
Сказал мне старый дед.
Молчи, дед, если не будешь
работать,
Бог ничего не даст.

Частушки показывают, как велико в советских людях желание учиться, как высоко ценит народ право на образование. В частушках часто поется о милome, учащемся в техникуме, в институте («Менам милёй Сыктывкарын педагогё велёдчө»).

Частушка используется в целях критики, сатирического осмеяния людей хвастливых, ленивых, плохих руководителей. В частушках предвоенного десятилетия большое место занимала тема защиты социалистической отчизны. Любимым героем частушек предвоенных лет становится пограничник, который зорко стережет границу («сюся граница видзё»), призывник, которому мать или сестра наказывают защищать родину, как родную мать:

Видз странаёс, милёй, сюся,
Кыдзи асьсыд рөднөй мам.

Береги страну, милый, зорко,
Как свою родную мать.

Великая Отечественная война проверила духовные и волевые качества советского народа, любовь советских людей к своей родине и их готовность защищать ее. Война явилась испытанием дружбы между народами, которая еще более окрепла в годы Советской власти. Советские люди с честью выдержали это испытание. В поэзии военных лет главной темой становится защита родины, главным образом — народ-воин. Все частушки объединяет одна мысль — война, которую ведет советский народ, справедливая, и каждый советский человек обязан отдать все свои силы защите родины от фашистского агрессора. Труженики тыла дают наказ бойцам на фронте еще сильнее бить черных воров — фашистов.

Гитлеровцы, с которыми советским воинам приходилось вести суровую войну, показываются как хищные звери: волки, вороны, побитые собаки. Частушки рассказывают о подвигах тружеников тыла в годы войны, об их обязательствах перед воинами.

В послевоенные годы народная поэзия прославляет подвиги советских людей на фронте мирного труда. Частушки рассказывают об участии коми народа в строительстве крупнейших гидростанций на Волге и Днепре, о борьбе за мир, о трудовых подвигах народа.

Пословицы и поговорки

Пословицы и поговорки, которые по определению А. М. Горького «образцово формируют весь жизненный социально-исторический опыт трудового народа», дают богатый материал для изучения жизни трудящихся, его борьбы против светских и духовных угнетателей.

В коми пословицах и поговорках, как и в других жанрах, отчетливо выражены черты характера трудового народа — его любовь к труду, честность, презрение к лжи и хвастовству, бесстрашие в борьбе с хищными животными.

Жизнь народа под гнетом кулаков, купцов, чиновников оставила большое количество пословиц и поговорок о бедных и богатых. Так, жизнь бедняка сравнивается с жизнью под холодным дождем, его изба называется «вылын йыла да улын дінма» («островерхой и широкой внизу»); пословицы же говорят о чванливости и высокомерии богатых («Озыр мортлөн питшöгыс шоньд» — «У богатого тепло на пруди»; «Озырид — трудной морт» — «Богатый — тяжелый человек»), об их хитрости и жестокости («Небыда вольсалö да чорыд узьны» — «Мягко стелет да жестко спать»), об их динизме в отношениях с бедными и бессилии последних в борьбе с богатыми («Коді голь, сійö и мыжа, коді голь, сійö и йöй» — «Кто беден, тот и виноват, кто беден, тот и глуп»; «Озыр пыр прав, голь пыр мыжа» — «Богатый всегда прав, бедный всегда виноват»; «Озыркöд водзасьны, мый пачкöд люкасьны» — «С богатым бороться, что с печью бодаться») и т. д. Особенно много пословиц и поговорок о попах, в которых раскрывается презрение народа к этим жадным, жестоким бездельникам и туеядцам («К попу идешь — не забывай котомку», «Попу хоть сноп, хоть скирда, все мало», «Пасть ада и пасть попа одинаковы»).

По пословицам и поговоркам коми видно, что создатели их — трудолюбивые земледельцы, бесстрашные охотники. Трудолюбие и мастерство подчеркивается в ряде пословиц и поговорок: «Человек становится человеком на работе, человека на работе узнают», «От чего-нибудь да как-нибудь изгороди не сделаешь», «Сей-паши в шубе, а жни в рубашке», «Работай смолоду — состаришься — опоздаешь», «Уменье охотника видно по его котомке», «Медведя бояться — жить не стоит» и т. д.

Не раз отмечают пословицы, что в борьбе с природой коллектив достигает больших результатов, чем один человек: «Совместный труд быстрее кончается», «Вместе работать — каша будет гуще» и др.

Пословицы и поговорки подвергают осмеянию лентяев, работающих спустя рукава, болтунов: «Ленивому каждый день праздник», «Далеко стреляет да близко попадает» и др.

Пословицы и поговорки коми показывают, какое большое значение в жизни их создателей имели земледелие и животноводство. Пословицы учат: «Будешь землю любить и она тебя любить будет», «Весной проспишь, осенью горевать будешь», «В копне еще не сено, в клади — не хлеб», «Сей хоть в золу, но вовремя», «Лошадь гони не колом, а овсом», «Плохую лошадь хомут трет» и др.

Много пословиц и поговорок коми связано с охотничьим бытом и наблюдениями над повадками животных и птиц. В таких

пословицах больше оригинальности, самобытности. К числу таких относятся: «Ворон не видит своей черноты, а скобель своей кризизны», «Трусливого человека и заяц испугает», «Заяц ловок да грош цена ему», «Когда-нибудь и на медведя лист упадет», «Медведь медведицу еще никогда не съедал», «Медведь корову дерет, сам ревет» и пр.

Весьма интересны пословицы, связанные с рыбной ловлей: «У дешевой рыбы уха жидкая», «У большой рыбы голова глубоко в воде» и др.

Тонкие наблюдения видим в пословицах и поговорках об окружающей природе, о деревьях: «Береста коробится в сторону кожицы», «Его учить — что ольху согнуть», «Выпрямился (в смысле исправился), как береста у огня» и др.

Композиция пословиц несложна. Большинство из них двучленно, в некоторых случаях к двучленной форме прибавляется третий член, чем усиливается содержание, значение пословицы. Каждый член пословицы — часть простого либо сложного предложения.

Одной из художественных особенностей пословиц являются рифмы. Количество рифмующихся пословиц, однако, в сравнении с русскими, незначительно. Примеры точных рифм: «Нэмтö кö повны — нинöм и овны» («Если век бояться, то не стоит и жить»); «Кор азялан, сэк казялан» («Когда заправишь — капустой или чем другим — суп, тогда поймешь»); «Ас удж грöш, йöзлөн кызд нöш» («Своя работа грош, чужая как колун») и др. В других пословицах — приблизительные рифмы, ассонансы: «Киссьöм ватö он курышт, гырэдза помтö он йирышт» («Пролившую воду не соберешь, локоть не укусишь») и др.

Многие из пословиц и поговорок построены на повторах гласных или согласных звуков, аллитерациях: «Варыштö варыш вартис» («Ворона ворон ударил»), «Эн ошйысь, ошкö пöран» («Не хвастайся, в медведя превратишься»), «Пасибöысь пась он вур» («Из спасибо шубы не сошьешь»), «Рач рачкöд жындчö, корöсь корöськöд кильöдчö» («Котелок с котелком звенят, веник с веником шуршат») и др.

Поговорки имеют иносказательный смысл, и потому они являются аллегорическими и метафорическими выражениями. Такое выражение, как, напр., «рынышyd сotchö» («овин горит») означает, что любимую девушку отбивают, «шыдыд шоммö» («суп киснет») означает, что ждут кого-либо домой и др. В народной речи часто используются гиперболы и литоты. Мысли, высказанные в таких выражениях, как «Яй пырыс лыыс тыдалö, лы пырыс вемыс» («Сквозь тело кости видны, сквозь кости мозг»), «Если в земле есть ручка — землю перевернет, была б лестница — за небо б уцепился» и др., не понимается буквально. Примеры литоты: «Невеста пö ид тусь пöлөн пötö» («Невеста, говорят, одним ячменным зерном сыта»), «Кöпейка дон юас, а руб

дон кодалас» («На копейку выпьет, на рубль пропьянствует») и др.

В коми языке имеются те же специальные изобразительные средства, что и в других языках. Так, особую выразительность коми языку придают идиоматические обороты и фразеологические сочетания. Таковы, напр., идиоматические выражения коми языка: «шыч ни рач оз кыв», «бон бус пиньяоны» (разругались) и др.

Коми язык изобилует также сравнениями. Многие из сравнений являются общими с русскими и сравнениями других народов. Такие, напр., сравнения: «хитер как лиса, жаден как волк, силен как медведь, труслив как заяц» и др. широко известны. Однако рядом с ними есть сравнения, встречающиеся только в разговорной речи коми: «Шуршит как сухой веник» (ворчливый человек, но не злой), «Как линияющая птица» (худой), «Увертлив как горноста́й», «Как лыжи, обитые заячьей шкуркой» (лживый человек) и др.

Загадки

Загадок у коми много. Большинство из них весьма замысловато. Будучи преимущественно развернутыми метафорами, загадки коми отражают также специфические условия жизни коми крестьянина. Метафоричность загадок достигается приемом противопоставления и несоответствия: между большим и малым количеством — «Комын вок öти пöдушка вылын куйлöны» — «Тридцать братьев на одной подушке лежат» (матица); между малым предметом и его большим значением — «Ичöтик-ичöтик зонка да пыр лабич увтi котралö» — «Мал-мал мальчик да все время под лавкой бегаёт» (веник); подчеркиванием разных признаков, свойств, размеров предметов, субъектов в продолжение года или в течение суток — «Луныи скамья, войиы сийöс» — «Днем скамья, ночью хомут» (собака); «Тöвнас узьö, а гожöмын шумитö» — «Зимой спит, а летом шумит» (ручей); свойств, не подходящих внешней красоте предметов — «Мича-мича молодец да век стенлань банöн куйлö» — «Красивый-красивый молодец, но все время лицом к стене лежит» (топор); действий, противоречащих естественным явлениям природы — «Турун сёя, пиньöй ныжмас, лыа сёя — бара лэчмас» — «Сено съем — зубы притупятся, песок съем — станут острыми» (коса во время косьбы и точения); внешнего сходства природных явлений с предметами — «Ю вомöн шатин кучкöма» — «Через реку повисло удилице» (радуга).

При персонификации природных явлений и предметов в загадках чаще встречаются отец, мать, брат, невестка. В некоторых случаях персонификация достигается упоминанием человеческого имени. («В каждой избе Матрена и каждый день поет» — самовар).

Нередко используются и звукоподражания. В отдельных случаях предметы, животные называются с помощью условных слов,

близких к звукоподражаниям: «Тшетшö-петшö кык вок, жерö-мерö нёль вок, джия улын дас вок» («Тшетшö-петшö» два брата, «жерö-мерö» четыре брата, под «джи́ей» десять братьев) — вымя овцы, коровы и сосцы свиньи.

Реже употребляется диалог между предметами, явлениями. Например: — «Чукыль-мукыль, кытчö мунан?» — «Шырöм бурьсь, мый тэд могыс?» («Извилистый, куда идешь?» — «Стриженная грива, какое тебе дело?»)

Тематика загадок ограничивается теми явлениями и предметами, с которыми крестьянин ежедневно встречался в своей жизни. Общественные явления или исторические события в них не отражены. Для разгадок берут природные явления (солнце, луна, звездное небо), рыб, птиц и лесных животных, предметы домашнего обихода, обстановку крестьянской избы; берут самое приметное, главный признак предмета, по которым он сходен или отличается от других. Оригинальностью отличаются загадки, в которых отражены специфические условия быта северного крестьянина, в частности — в загадках о подсеках, в сравнениях предметов домашнего обихода с частями тела дикого животного (помело, напр., сравнивается с медвежьей лапой), в загадках об оленях (зимние рога оленя сравниваются с медным чумом, летом — шерстистым чумом) и др.

Заканчивая рассмотрение основных жанров коми фольклора, следует отметить несомненное их эстетическое, воспитательное и познавательное значение. Фольклор, отражая думы и чаяния народа, отразил также особенности национального характера, которые сложились в конкретно-исторической обстановке, — честность, искренность, трудолюбие. Сказки, песни, пословицы, поговорки и другие виды фольклора проникнуты глубокой любовью к природе севера, к пейзажу родного края. Народное творчество коми показывает патриотизм народа, готовность защищать свою родину.

Разумеется, фольклор, выросший в эпоху классово́й борьбы, не однороден по своему содержанию. Фольклорные произведения в основном выражали сильный протест против существующих социальных отношений и мечты народа об ином, справедливом строе жизни. Следует помнить, однако, что в целом мировоззрение дореволюционного крестьянства было весьма ограниченным. Космогонические легенды, рассказы о вöрса (лешем), васа (водяной), шева (истерия) и др., тшыкöдчöм (порча), вежöм (подмена, порча), чтение заговоров — все это говорит о том, что в мировоззрении крестьянства до XX века остались первобытные анимистические представления. Опорой для таких верований был старый социальный строй. Этот же строй породил осязаемое в некоторых пословицах и поговорках отношение к труду как к тяжелому бременю и надежды на бога, что тот избавит их от угнетателей.

Великая Октябрьская революция дала народу свободу, освободила народ от эксплуатации, вывела его к свету, знаниям, культуре.

Изменения в жизни, рост народного мировоззрения привели к значительным изменениям и в народном творчестве, и в его бытовании. Исчезли, прежде всего, из бытования жанры, связанные с обрядами (свадьба и свадебные причитания и др.), произведения, связанные со старыми верованиями — бывальщины, рассказы о вёрса и васа и др. Значительные изменения происходят и в других жанрах. Исчезают демонологические сказки, пословицы и поговорки об отношении к труду, как к тяжкому бременю. Из классического наследия отбираются те произведения, в которых отражена активность человека в борьбе с природой, в борьбе с внутренними и внешними врагами народа, продолжают жить лишь те песни, в которых отражены глубокие и сложные человеческие чувства, протест против существовавших условий жизни, любовь к своей родине. Фольклор, являющийся, по определению Горького, родоначальницей письменной литературы, оказывал и оказывает большое влияние на творчество писателей. В 60—70 годы 19 века И. А. Куратов, опираясь на фольклор и используя его в своей поэзии, создавал замечательные произведения, в которых отразил жизнь и быт, интересы и думы коми крестьян. Широко использовал народное творчество М. Н. Лебедев. Советские писатели — Федоров, Юхнин, Рочев, Вавилин и др. красочностью и выразительностью языка своих произведений обязаны фольклору. Произведения народной поэзии, в частности, сказки, песни, пословицы и поговорки, не только обогащают фантазию писателей, но и являются образцом, на котором учатся советские писатели, прозаики и поэты.

А. К. МИКУШЕВ,
кандидат филологических наук

В. А. САВИН И НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

В. А. Савин (Нёбдинса Виттор) является представителем тех коми поэтов, творчество которых началось вместе с рождением Советской власти, одновременно с ее первыми боевыми успехами в борьбе против внутренней и внешней контрреволюции.

Бедняк-крестьянин, с ранней юности связавший свою судьбу с уральским пролетариатом, член рабочего комитета Карнаватского рудника на Украине, коммунист с 1918 года, красногвардеец, чекист, редактор первой областной коми газеты «Югыд туй» («Светлый путь») — таковы важнейшие вехи на этом пути.

В числе первых из коми поэтов он приветствует пролетарскую революцию:

Чолём, тэныд, муса вёля!	Привет тебе, милая свобода!
Чолём, югыд шонді.	Привет, светлое солнце!

И на протяжении своего творческого пути он все силы отдавал делу революции. С чувством гражданской ответственности В. Савин писал: «Ме ачымёс лыддя коми уджалысь йёз водзын, партия да став советской общественность водзын обяжанён и водзёвылё уджавны, мыйта судзяс выной да тырмас сямой, коми литература, театр да коми музыка лёсьёдём вылын» (Я считаю себя обязанным перед коми трудовыми людьми, перед партией, перед всей советской общественностью работать над созданием коми литературы, театра и коми музыки до тех пор, пока хватят силы и мастерство).

Многосторонне дарование В. Савина. Ему принадлежит немало оригинальных пьес, несколько рассказов, литературно-критических статей. Он был руководителем и режиссером коми театрального самодеятельного коллектива в Сыктывкаре. Но полнее всего своеобразие савинского дарования выразилось в поэзии и особенно в песне. Песни В. Савина выдержали проверку временем, превратились в народные и уже почти сорок лет живут в песенном репертуаре коми народа. Такая жизненность песенно-

го наследия В. Савина объясняется его тесной связью с жизнью и борьбой народа, с коренными интересами, чаяниями и стремлениями народными. Возникшая в период бурного национального подъема, вызванного революционными октябрьскими событиями, поэзия В. Савина сумела удачно отразить национальный дух, национальное своеобразие коми. При этом она отразила его в художественных формах, близких к самому народу.

Органическая связь с устным творчеством широких народных масс — характерная черта песенного мастерства В. Савина. Народная песня, сказка, частушка, поговорка явились для него одним из благотворных творческих источников. Пожалуй, ни у кого из коми поэтов народная поэзия не занимала столь почетного места и не играла столь важную роль, как в песенной лирике В. Савина. Она вобрала в себя богатства национального фольклора и, в свою очередь, сама обогатила устную поэзию коми.

С детства полюбил В. Савин родной фольклор, народную песню. Да и как могло быть иначе? Ведь он родился и провел детство в тех краях по Верхней Вычегде, которые издавна славились песнями, сказками, преданиями, свадебной поэзией. Впечатлительный мальчик, как показывают воспоминания самого В. Савина, не прошел мимо этого богатства. Любовь к устной народной поэзии сохранилась в нем на всю жизнь. Она не исчезла в те трудные годы, когда В. Савин в поисках заработка вынужден был отправиться на отхожие промыслы — сначала на Урал, потом на Украину. В песнях В. Савина обнаруживаются не только коми, но уральские и украинские фольклорные мотивы. Осознавая значение старинной народной поэзии в становлении новой культуры, он в первые же годы Советской власти собирает и изучает коми фольклор, в поисках народных песен ездит по коми деревням и селам. Известна фольклорная экспедиция на Вишеру, предпринятая В. Савиным совместно с музыковедом-фольклористом П. Анисимовым в 1920 годах. В результате этой экспедиции было собрано немало оригинальных вариантов народных песен коми, подробно описан песенный быт на Вишере. Изучение народной песни помогло В. Савину создать песни, по своему духу и стилю близкие к народным песням.

Одной из первых савинских песен явилась песня «Талун петіс гажа шонді» («Сегодня взошло ясное солнце», 1918 г.). Конечно, она не была первой коми песней литературного происхождения. До нее уже бытовали в народе песни коми поэта-демократа И. А. Куратова, а также дореволюционные песни М. Н. Лебедева, опубликованные А. Цембером в 1914 году в сборнике коми народных песен.

Но фактически лишь В. Савин песней «Талун петіс...» начинает творческий путь профессионального поэта-песенника. Как и в народных песнях, в ней рисуется образ женщины дореволюционного прошлого, выражается чувство молодухи, насильно вы-

данной за старика¹. Ее образ конкретизируется композиционным приемом — изображением женщины в поле и в семье мужа. Тем резче обрисовывается бесправное положение «молодушки» в семье мужа, где она лишь работница. Художественное противопоставление становится композиционным средством песни. Противопоставляются две картины — радостный солнечный день и безрадостная горькая доля молодой женщины. О первой лаконично сказано: «Талун петіс гажа шонді» («Сегодня взошло ясное солнце»). И сразу происходит резкое изменение настроения, выраженного в начале песни: «Зарни шепта бур сү вунда» («Золотую колосистую рожь жну»).

Мамö сетіс верёссайö

Матушка выдала меня,

Менö, томös, пöрысь сайö —

Молодую, замуж за старика —

Тöдтöм шөрö...

В чужую сторону... —

жалуется молодуха. И старику-мужу автор противопоставляет ее прежнего милого «Муса Коля, сьёлöмшөрös» (дорогого Колю, сердечно любимого). Память о любви — это единственно светлый луч в ее жизни. Противопоставление подчеркивается даже рифмой:

Со öд кутшöм мян мырсьöм,
Некор он тöд чöскыд узьöм...

Вот ведь каково наше страдание,
Никогда не знаешь сладкого сна...

Подобное построение песенного образа путем целой системы художественных антитез типично для семейно-бытовых и свадебных коми народных песен.

Но поэт не копирует фольклорные приемы, и потому песня воспринимается как оригинальное произведение с типичной для него конкретной характеристикой героя, чередованием неточных (*мырсьöм — узьöм, эськö — косьтö*) и сложных составных рифм (*верёссайö — пöрысь сайö, тöдтöм шөрö — сьёлöмшөрöй, вундиг-тырйи — гажöй быри*). Кроме того, как это свойственно стихотворной манере В. Савина в целом, создавая женскую рифму, он меняет привычные ударения: *вугыртсьö'ма — унмовссьö'ма, сыркъялö'мön — тэрмасьö'мön, виччысьö'ны — думайтö'ны*.

Мотивы горькой доли молодухи, как характерные для целой группы старинного коми народно-песенного творчества, всегда привлекали внимание В. Савина. Но он не забывал, однако, существенного признака фольклора — какой бы ни безысходно тяжелой была жизнь труженика, народным песням всегда был чужд пессимизм. Потому-то даже песня «Талун петіс...», несмотря на реалистически жизненные картины женской доли, проникнута светлыми тонами. Потому-то другая песня «Тутуруту Семö сайö» («Тутуруту за Семена») написана совершенно в ином духе — в духе веселых свадебных песен, озорных шуточных

¹ Ср. с русской народной песней «Раз полоску Маша жала», послужившей прообразом савинской песни.

дразнилок. Прообразом савинской песни послужила коми народная песня об охотнике «коч кыйысь» (ловце зайцев) Семене — «Тутуруту Семё», бытующая в Усть-Куломском районе, где, как известно, Савин учился и работал в ранней юности. Вот один из подобных вариантов песни:

Тутуруту Семё	Тутуруту Семен
Коч кыйны кайё	Идет зайцев ловить
Мёс видзан давйё,	На лесное пастбище, где пасут коров,
Кыскасян шорё.	К ручью, по которому сплавляют лес.
Ты дорын утка,	У озера утка,
Ва дорын пётка да...	У реки лесная дичь...
Оленка сватья да,	Аленка — сватья,
Юртём гóлень Диген,	Безголовый голень Диоген,
Микит Иван гóтрасьё.	Иван Никитьевич женится.
Чой йылын мича Оксинь,	На горе красивая Аксинья,
Коктём Окуль вала лэччё,	Безногая Акулина за водой идет,
Вала туяс сюзь буксё ¹ .	По той дороге филин ухаёт.

Сравним эту устькуломскую народную песню с отрывком из песни В. Савина «Тутуруту», в частности, с описанием коми бала-свадьбы, и нам не так уж трудно будет установить весьма близкое сходство между литературной песней и ее народным вариантом:

Семё ордын пируйтёны,	У Семена пирует,
Пызан сайын пукалёны	За столом сидит
Став рёдвужыс,	Вся родня,
Став рёдвужыс.	Вся родня.
Ласей Мёсей, чукля Педёр,	Ласей Мосей, кривоногий Федор,
Порысь Ярё, ныртём Петыр.	Старый Ерофей, безносый Петр.
Варгыль Кёсьта,	Косолапый Костя,
Варгыль Кёсьта...	Косолапый Костя...
Сват да сватья, кум да кума,	Сват да сватья, кум да кума,
Ыджыд зыкён, гажа шумён	С громким спором, веселым шумом
Мунё пирыс,	Идет пир,
Мунё пирыс...	Идет пир...

Как видим и в народной, и в литературной песнях взята тема свадьбы. Отличие между ними состоит лишь в том, что В. Савин дает более развернутое описание свадебного пира, чем в устно-поэтическом прототипе. Еще больше сходства наблюдается при изображении действующих лиц. Савинские характеристики участников свадьбы как будто бы взяты из народно-песенного обихода:

¹ Песня записана автором статьи в с. В. Вочь (Усть-Куломский район) от колхозниц-сестер А. В. Лютовой и Ф. В. Тарабукиной 4 февраля 1956 г.

чукля Педёр, варгыль Кёсьта, ныртём Петыр — кривоногий Федор, косолапый Костя, безносый Петр (ср. юртём гóлень Диген, коктём Окуль — безголовый голень Диоген, безногая Акулина). Больше того, один из народных вариантов устькуломской песни, несколько видоизмененный, включается в савинскую песню в качестве юмористической концовки:

Тутуруту Семёс,	Тутуруту Семёна,
Коч кыйысь мужикёс,	Охотника за зайцами,
Гóтырыс аддзис	Жена увидела
Мёс видзан давйысь.	На лесном пастбище, где пасутся коровы.
Гóра вывсынь чеччыштёма,	С горы прыгнул,
Став лысьёмсё крёшитёма.	Все кости раскрошил.
Огрё Марпа куралис...	Аграфена-Марфа собрала...
Кирё Кузьма кокалис...	Кирилл-Кузьма склевал...
Сё морё свадьба!..	Вот так свадьба!..

И все же В. Савин не излагает, а развивает, творчески перерабатывает народно-песенный сюжет. В центре его песни — живописная картина крестьянского быта, жизнерадостная свадьба Семена, ее конкретные участники. В этом отношении савинская песня сближается не только с народными песнями, но и с замечательным стихотворением И. А. Куратова «Коми бал».

В песенном наследии В. Савина следует выделить песни 1919—1923 годов. К этому периоду относится большая часть его песен, написанных в народном стиле: «Югид кодзув» («Светлая звездочка»), «Веж видз вывті муна, муна» («По зеленому лугу я иду, иду»), «Арся мойдкыв» («Осенняя сказка», 1919 г.), «Чужи-быдми съёд вёр шóрын» («Родился-вырос я среди темного леса»), «Губернятём губернатор» («Губернатор без губернии»), «Эм кó шог, эм и мог» («Если есть горе, есть и забота», 1920 г.), «Мича нывъяс» («Красивые девушки» — отрывок из поэмы «Тиук», 1921 г.), «Варыш поз» («Гнездо соколов», 1923 г.), а также песни «Аддзысян тай» («Встретишься же»), «Сьёлём сьылём» («Песня сердца»), «Вешйы, долой!» («Убирайся, долой!»).

Как и в песне «Талун петіс...», в песнях «Югид кодзув» и «Веж видз вывті...» В. Савин следует традиции народных песен. Но на этот раз он обращается не к семейно-бытовым и свадебным, а к любовно-лирическим песням с их светлым оптимизмом и глубоким лиризмом. Песня «Югид кодзув» напоминает собой народные любовно-лирические коми песни о встречах молодца и девицы, о родителях, которые следят за девицей. Но песня не повторяет ни «Паськыд гажа улича» («Широкая веселая улица»), ни «Котóрти да котóрти» («Бежала да бежала»), ни какую-то третью народную песню, хотя близка к ним. Близость савинской песни к народной доказывается не только общностью содержания и художественного образа, но и сходством изобразительных средств:

народно-песенных обращений, олицетворений, параллелизмов, повторов, постоянных эпитетов.

Югыд кодзув, петав, петав, Эзысь кодзув, петав, Дзирдав, пёртмась вылісянь, Дзирдав рытъя кыа бёрын! Муса нылёй, петав, петав, Зарни нылёй, петав, Гажод менё, сьёлёмшёр, Петав рытъя кыа бёрын!	Ты взойди-взойди скорее, Звездочка на небо, Засверкай светлее ты После поздней зорьки летней! Выйди, выйди поскорее, Свет мой, на крылечко, Прогони мою печаль, Выйди после зорьки летней!
---	---

Немалую роль в быстром усвоении этой песни имеет чрезвычайная сжатость, простота композиции. В ней нет украшательства, но есть все необходимое для передачи лирического настроения.

Те же черты песенного мастерства видны в песне «Веж видз вывтї...». Поэтический образ молодой девушки, свивающей венок для милого, образ, воспетый в песне, широко представлен в русских уральских песнях и коми частушечном творчестве:

Веж видз вывтї муна, муна, Мича дзоридз сэні уна, Зарни дзоридз вывтї уна. Меным гажа, сыла-йёкта, Мича дзоридз водзё ёкта, Зарни дзоридз водзё ёкта, Муса зонлы юркытш кыа. Гортысь пета — рытъя кыа, Гортё локта — асья кыа. Веж видз вывтї муна, муна, Мича дзоридз сэні уна, Зарни дзоридз вывтї уна.	По зеленому лугу я иду, иду, Красивых цветочков много там, Золотых цветочков очень много. Мне весело, пою-пляшу, Красивые цветочки рву, Золотые цветочки быстро рву, Милому веноч сплету. Из дому выйду — вечерняя заря, Домой возвращусь — утренняя заря. По зелёному лугу я иду, иду, Красивых цветочков много там, Золотых цветочков очень много.
--	---

Как видим, все произведение насыщено народно-поэтической образностью. Тут и песенные символы (*веноч сплести — выйти замуж*), и постоянные эпитеты (*зелёный луг, золотой цветок, милый молодец*), и повторы (*по зелёному лугу я иду, иду, там цветов много-много*), и аллегорические противопоставления (*из дому выйду — вечерняя заря, домой возвращусь — утренняя заря*). Подобно народной песне, у произведения — простая безыскусственная композиция. От народной песни оно отличается, может быть, лишь более выразительным слогом и более чеканной формой. Возьмем хотя бы рифмы и кольцевые песенные картины. Их редко встретишь в народной поэзии. В. Савин, напротив, упорно работает над рифмой, разнообразит фольклорные глагольные рифмы, рифмуя существительные с глаголами, глаголы с числительными: *муна — уна (иду — много), йёкта —*

ёкта (пляшу — собираю), юркытш кыа — асья кыа (веноч сплесту — утренняя заря).

В основе и савинских песен, и народно-песенной лирики обычно находится эмоция лирического героя. Пейзажные картины, выписанные лаконично, привлекаются лишь в качестве фона к событию или настроению («Талун петіс...», «Веж видз...»). Но у В. Савина имеются несколько песен, построенных в ином плане. Например, в песне «Арся мойджыв» («Осенняя сказка») даются развернутые картины осеннего пейзажа, объединенные аллегорическим сюжетом. Песня представляет из себя диалог между Вычегдой и «кыз пу» (березой). Эжва и береза спорят между собой о том, кому из них судьба дала большее счастье. В конце песни в спор неожиданно включается старик, который напоминает им об ожидающей их радостной весне. И одинокой несчастной судьбе старика противопоставляется картина вечной юности природы. Несмотря на пессимистические нотки, прорывающиеся в песне, по своему смыслу, по некоторым поэтическим образам она напоминает элегические народно-песенные воспоминания о «поре, подобной ясному солнцу». Но фабулы, сходной с савинской, в коми песенном фольклоре нет. Отталкиваясь от фольклорного образа, поэт создает совершенно новое, самобытное произведение.

Привлекает внимание и такой распространенный принцип художественной переработки коми фольклорного материала. В некоторых песнях Савин как бы сплавляет в единое художественное целое элементы двух или нескольких народных песен. Известны, например, две популярные коми песни «Уна нывъяс» («Много девушек») и «Асья кыа» («Утренняя заря»). Первая из них отражает радостное настроение девушек, купающихся в Вычегде. Это чувствуется даже в самом песенном ритме:

Уна нывъяс чукёртчисны, Зон-зон мича нывъяс, Зон-зон муса нывъяс, Чукёртчисны.	Много девушек собралось, Зон-зон красивых девушек, Зон-зон прекрасных девушек, Собралось.
---	--

Эжва дорё лэчалісны, Зон-зон мича нывъяс, Зон-зон муса нывъяс, Лэчалісны...	К Вычегде они спустились, Зон-зон красные девушки, Зон-зон прекрасные девушки, Спустились...
--	---

В другой народной песне «Асья кыа» рисуется печальная картина плывущих по Вычегде молодцов и девушек, которые поют грустно-грустно, плачут жалобно-жалобно:

Асья кыа водз лэбалё да, Рытъя кыа сёр лэбалё. Лэбалё да, ва вылын пыжаяс, Ва вылын пыжаяс кывтёны.	Утренняя заря рано летает, Вечерняя заря поздно летает. Летает, да по реке гребцы в лодках, По реке гребцы в лодках плывут.
--	---

Кывтöны да, сыннсьяс-бöжалысьяс, Сыннсьяс-бöжалысьяс — том молодечьяс.	Плывут да гребцы-кормщики, Гребцы-кормщики — добрые молодцы.
Том молодечьяс да, пыж шöрын пукалысьяс,	Добрые молодцы, да сидящие посреди лодки,
Пыж шöрын пукалысьяс — мича нывьяс.	Сидящие посреди лодки — красные девицы.
Мича нывьяс да, найö сьылöны, Найö сьылöны шога-шога.	Красные девицы, да они поют, Они поют грустно-грустно.
Шога-шога да ва дорын ныв гуляйтö,	Грустно-грустно да у речки девица гуляет,
Ва дорын ныв гуляйтö да и бöрдö.	У речки девица гуляет и плачет.

Переосмысляя данную поэтическую картину, В. Савин создает оригинальную песню «Мича нывьяс», песню о радостной молодости, о поре любви и дружбы. И тут песня В. Савина сближается с народной песней «Уна нывьяс». Определенная близость, помимо сходных песенных образов и картин, сходного идейного звучания, обнаруживается уже в самом песенном зачатии савинской песни, представляющем из себя сокращенный и несколько видоизмененный зачин народной песни «Уна нывьяс»:

Мича нывьяс Эжава дорö Лэччисны.	Красивые девицы к Вычегде реке Спустились,
Бурлак-зоньяс нывьяс бöрся Вöтчисны.	Бурлаки-молодцы за девицами Погнались.
Пыжö пукисны, мöдöдчисны сынны, Горöдисны сьывны, Зэв гажа(а) сьылöны...	В лодку сели, начали грести, Подхватили песню, Очень весело поют...
Майбыр, гажа кад, мед эськö оз помась!	Счастливая, радостная пора пусть не кончается!
Гажöдчöй, кор томöсь, Мöдысь öд оз нин во!	Веселитесь, пока молодцы, В другой раз молодость не придет!

В. Савин, включая отдельные элементы народных песен в авторский текст, постоянно стремится оттенить типичную направленность коми песенного фольклора — его оптимистическое, жизнерадостное звучание. Эта черта фольклоризма В. Савина доказывается, помимо приведенных примеров, целым циклом произведений, построенных в духе коми народных песен о «поре, подобной ясному солнцу», такими, как «Сьёлöм сьёлöм» («Песня сердца»), «Коми сьыланкыв» («Коми песня»), «Аддзысян тай» («Встретишься же»).

Творчество В. Савина, его пьесы, стихи и песни обнаруживают особую любовь поэта к народным песням радости, молодости, философского раздумья. Не случайно он даже посвятил им сти-

хотворение «Шондібанöй», в котором ярко показана роль народной песни в быту и точно передан ее идейный смысл:

Мыйта шогыс кылö Тайö сьыланкывьяс, Сы кузя ме сьыла,— Кывзöй, зоньяс, нывьяс! Сё майбырöй олөмöй...	Сколько горя слышно В этой песне. Поэтому я пою,— Слушайте, парни и девушки! Сто раз счастливая жизнь...
--	--

Действительно, в этой песне много «горя слышалось», слышалось сожаление о молодости, которая незаметно пролетела в тяжелом труде и постоянных заботах. Но вместе с этим и несмотря на эти мотивы, песня звучала оптимистически, светло, как песня о самой счастливой поре в жизни человека. В ряде ее вариантов утверждалось: «Сё майбырöй олөмöй, том олөмöй, том гажöй» («Сто раз счастливая жизнь, молодая жизнь, молодое веселье»). Вот этот оптимизм народной песни В. Савин развивает и оттеняет в песнях-воспоминаниях. Замечателен образ народного певца в подобных песнях. Он сближает их с народными песнями:

Унаысь ме сьывывла, Йöзсянь «аттьö» кывлызла, Пöлянöн моз чипсасы, Йöз сьёлöмö чуксасы Коми сьыланкывйөн.	Много раз пою я, От людей «спасибо» слышу, Как будто на дудке играю, К сердцу людей обращаюсь Коми песней.
---	--

Чтобы ярче показать образ народного певца, в авторскую песню широко вводится фольклорная лексика, народно-песенный стиль, изменение ударений, фольклорные обобщенные формулы, типа «Сё майбырöй олөмöй, гажа муын дзолгöмöй», «Став олөмсö-вылөмсö» («Все жите-бытие»). Такова песня «Сьёлöм сьёлöм» («Песня сердца»). Близка к ней песня «Тувсов вой» («Весенняя ночь»). Она насыщена фольклорными средствами. При этом, как и в других своих песнях, поэт двумя-тремя штрихами очерчивает пейзажную картину, обращая все внимание на передачу человеческого чувства — грусти при воспоминании о прошедшей молодости:

Ой, ой, тувсов вой, Важ том кадöс кылөдö, Гажа югыд вой, Унмөс менсьым пальөдö.. Майбыр, сё майбыр, Долыд оландыр, Мöдысь тэ, мöдысь он во!..	Ой, ой, весенняя ночь, Прежнюю молодую пору напоминает, Веселая ночь, Сон мой разгоняет.. Счастливое, сто раз счастливое, Радостное время жизни, Другой раз, другой раз не наступишь!..
---	--

Лишь двумя эпитетами (весенняя и светлая ночь) охарактеризован пейзаж. Все остальные изобразительные средства оттеняют эмоциональное настроение женщины. Этой цели служит

фольклорная символика (образ кукушки в саду как символ грустящей девушки), постоянные эпитеты (*молодая пора, молодая жизнь, веселый сад, счастливая пора*), народно-песенные обращения к кукушке, к весенней ночи. Так создается образ девушки в песне В. Савина, так же он создается в коми народных песнях. В этом проявляется общность фольклорных и литературно-художественных принципов.

Песня примечательна и с точки зрения ритмической структуры. Несмотря на ее очевидную самостоятельность, вполне определена ее близость к ритмике народной песни. На общем фоне протяжного напевного ритма, образуемого фольклорными глагольными рифмами при дактилическом окончании (*кыпöдö — пьльöдö, вöсьтышта-кэзтышта*), во второй части песни рождается новый ритм, звукопись:

Эн көк, көкинёй,	Не пой, кукушечка моя,
Гажа садъя нёрысын!	В веселом саду на горке!
Кусі бикинёй	Потухла искра
Менам пöрьсь морöсын.	В моей старой груди.

Здесь сама звукопись помогает обрисовать средствами звуковой изобразительности кукушку, кукующую в саду. Неожиданно возникает оживленный ритм и что-то новое чудится уже в настроении пожилой женщины, вспоминающей собственную молодость:

Окма, кымёма...	Ох-ма, застыла...
Сьылі гөгөр гартчö сой,	Рука, обнимающая милого,
Сьёлём измёма,	Сердце окаменело,
Сöмын век жаль тувсов вой,	А все жаль весеннюю ночь,
Час, час гажöдчас	Пусть, пусть повеселится
Миян пыдди зiля чой.	Вместо нас шустрая сестрёнка.

Этот образуемый внутренними рифмами ритм (*окма — кымёма, сьёлём — измёма, час — гажöдчас*) является уже ритмом бесшабашной народной пляски, веселья, а не грусти, как в начале песни. Так создается динамика чувств, выраженных в песне.

Кроме мотивов и образов народно-песенной лирики, В. Савин неоднократно использовал мотивы и образы народной сатиры. Уже в песнях В. Савина 1920-х годов проявляется сатирическая струя. Он пишет песни о безрадостном детстве в прошлом, которые стоят еще на грани с разобранными выше песнями, построенными в духе народной лирики (песня «Чужи-быдми сьöd вөр шöрын»). Но помимо них появляются новые собственно сатирические песни. Одной из первых подобных песен была песня «Губернятöм губернатор» («Губернатор без губернии»), написанная в разгар гражданской войны 1920 г. Пользуясь народно-песенными противопоставлениями, гротеском, В. Савин, как и русские поэты 1920 годов, дает в ней сатирически обобщенный образ белогвардейца Латкина, этого «губернатора без губернии», кровавого

палача коми народа, карателя-вешателя, на совести которого лежали тысячи загубленных жизней. Он рисуется как самовлюбленный и жестокий кровопийца. Вместе с Латкиным выступает его охвостье — богачи, чиновники, попы, — славящее палача, кричащее ему «браво».

После окончания гражданской войны поэт не забывает сатирический песенный жанр. Он пишет сатирические песни, фельетоны, песни-пародии, в которых осмеивает остатки свергнутых эксплуататорских классов, разоблачает попытки нэпманов и кулаков вернуть старые порядки. Он осмеивает также тех людей, которые не хотели помочь Советской власти, метко и зло разоблачает религиозный дурман, мешающий становлению новой жизни.

В песенном творчестве В. Савин в большой мере опирался на национальный фольклор, но никогда не ограничивался им, не замыкался в узкую националистическую скорлупу. Напротив, в поисках новых путей для массового развития советской коми песни он обращается к песням народов СССР, в первую очередь к русским советским и старинным народным песням, к революционной поэзии русского пролетариата, к литературной русской песне. Не трудно заметить близость сюжетов песен «Талун петіс...» и «Веж видз вьвті...» к русским уральским и украинским народно-песенным сюжетам. Нетрудно заметить сходство образов и изобразительных средств в песнях В. Савина и русских народных песнях. Кроме того, В. Савин перевел на коми язык «Интернационал», «Смело, товарищи, в ногу», «По долинам и по взгорьям» и т. д. Работа над переводами русских революционных и советских массовых песен на коми язык помогла ему написать новые песни о советской действительности. Так, если одну из первых песен о гражданской войне «Эм кө шог, эм и мог» («Если есть горе, есть и забота»), а также песню «Варыш поз» («Гнездо соколов», 1923), посвященную просветительской работе коми советских писателей, В. Савин еще пишет в фольклорном плане, в народно-песенном стиле, то его последующие песни о советских людях приближаются к стилю новой массовой песни. Таковы песни «Коми море», «Мельнича» («Мельница»):

Рудзöг öзим зэв мича,	Озимая рожь красива,
Кышöдö лун гөв.	Она волнуется ветром.
Шөр ёль дорын мельнича	Около ручья мельница
Узёь шынитöв.	Спит бесшумно.
Шоньд рытын юркьялö	Теплым вечером звенит
Сиктын сьланкыв.	Песня над селом.
Ель мельнича вугралö,	Только мельница уснула.
Изки шы оз кыв.	Жерновов ее не слышно.

Но поэт не сумел полностью овладеть спецификой советской массовой песни, поэтому его песенное творчество 1930-х годов развивается значительно медленнее, чем на предыдущих этапах. Возрастает риторичность, декларативность его поэзии. Лозунго-

все воплощение темы помешало подобным песням закрепиться в песенном репертуаре народа. Но это предмет особой статьи.

Изучая песенное наследие В. А. Савина, следует признать, что лучшие его песни являются подлинно народными, высокохудожественными произведениями. Поэтому-то савинский опыт освоения народной песни, принципы отбора и переосмысления им фольклорных элементов весьма поучительны для современных коми поэтов-песенников. В. Савин никогда не затемнял, а, напротив, оттенял идейный смысл народной поэзии. Особой любовью его пользовались не отживающие фольклорные жанры (духовные стихи и заговоры), а вечно живая народная сатира и зазорные оптимистические народные песни. Развивая и углубляя идейную направленность народной поэзии, В. Савин прибегал к разнообразным художественным формам, творчески подходил к устно-поэтическим традициям. Так, иногда он совершенно обновлял сюжетную ситуацию старинной песни. Народно-песенный образ мог явиться толчком к написанию новой песни. Он часто раскрывал душевное состояние лирического героя. В некоторых случаях В. Савин не избегал вводить в песню фольклорные элементы в виде поэтических цитат, то несколько переосмысленных, то полностью переработанных. Подчас он сокращал фольклорную цитату, подчас сплавлял в единый художественный образ элементы нескольких народных песен. И всегда, насыщая песни фольклорными изобразительными средствами, поэт в каждом конкретном случае преследовал вполне определенную идейно-художественную цель.

Опыт савинского освоения народной поэзии может служить наглядным примером благотворного воздействия на поэта устного творчества народных масс. В свою очередь песенное творчество В. Савина способствовало пристальному изучению коми поэтами родного фольклора, способствовало критическому пересмотру фольклорных ценностей, дальнейшему совершенствованию народных песен, обогащению народно-песенного репертуара.

Песенное наследие В. Савина свидетельствует о вдумчивом, требовательном отборе им наиболее прогрессивного в культурном наследии прошлого, о настойчивых поисках художественных демократических форм, соответствующих народному содержанию поэзии «Нёбдинса Виттора — коми композитора», как назвал его сам народ.

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ,
член-корреспондент АН СССР

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ КОМИ ЯЗЫКА

I. Об употреблении суффикса 2-го лица ед. ч. *ыд* в значении указательной частицы

Насколько известно, притяжательный суффикс третьего лица ед. числа *ыс* в коми языке может иметь не только притяжательное, но и указательное значение, например:

Ладимерлы аслыс лои окота сетны кымынкö вопрос.

— *Шуан, шапкаыд усьö вöр вылас видзöдлöмысь! А паськыда быдмöны татшöм вöръясыс?*

— *Помтöг,— вочавидзис Степан.— Йöра кыйигöн удайтчывлис прöйдитны и Вöртью йылöдыс и Динъель кузя. Вöръяс быдлаын öткoдь бурöсь.*

— *Динъельыс нö ю жö али шор?*

— *Неыджыд ю. Отувтчö Вöртьюкöд.*

«Владимиру самому хотелось задать несколько вопросов.

— Говоришь, шапка валится, когда на лес смотришь. А далеко тянутся эти леса?

— Конца им нет,— ответил Степан.— Когда гонялся за лосем, удавалось проходить и по истокам Вöртью и по Динъелю. Везде леса одинаково хорошие.

— А Динъель река или ручей?

— Небольшая река. Соединяется с Вöртью» (В. Юхнин, Алöй лента).

В вышеприведенном примере притяжательный суффикс *ыс* в словах *вöръясыс* и *Динъельыс* не имеет притяжательного значения. Подобно определенному члену западноевропейских языков он указывает, что слово в речи употреблено второй раз. «А паськыда быдмöны татшöм вöръясыс» означает: «А далеко тянутся (букв. широко растут) такие леса, о которых ты говорил». Точно так же «Динъельыс нö ю али шор?» означает: «А вот этот Динъель, о котором ты упоминал, река или ручей?»

Использование притяжательных суффиксов в роли своеобразных артиклей — явление вообще нередкое. Употребление притя-

жательного суффикса 3-го лица ед. числа в роли указательной частицы отмечено также в удмуртском, марийском и монгольских языках.

Однако в коми-зырянском языке в этой роли может употребляться и притяжательный суффикс 2-го лица ед. числа *ыд*, например:

Лэччис Иван, служивой морт, адö. Ад вомыс самой восьса. Пырис прамö Сöтана дорö дай шуö:

— *Вай пö, Сöтана, картиён ворсам. Куимысь кö пö ворсян, весь дявöлыс пö лоö ми ки улын.*

— *Ворсам пö,— шуö Сöтанаыд.— Толькö пö куимысь кö ворсян, нэмыд кежлö йорта адö* (фольклор). «Спустился Иван, служивый человек, прямо в ад. Вход в ад как раз открыт. Вошел прямо к Сатане и говорит:

— Давай, Сатана, сыграем в карты. Если три раза проиграешь, все дьяволы будут в наших руках.

— Сыграем,— говорит Сатана.— Только, если три раза проиграешь, навеки тебя запру в ад».

Колис салдат ад сайын. Мый керны? Кая пö бөр райö.

Кайис мортыд бөр райö, сувтис рай öдзöс дорö.

«Остался солдат около ада. Что делать? Пойду-ка опять в рай.

Пошел человек опять в рай, остановился около дверей рая».

Объяснение возможности развития у притяжательных суффиксов указательного значения само по себе не представляет особых трудностей. Всякое указание на принадлежность предмета уже тем самым его конкретизирует, выделяет из общего понятия. В сочетании *сылён керкаыс* «его дом» слово «*керка*» уже выделено из общего понятия, конкретизировано и соотносено с определенным лицом. На этой основе в дальнейшем развивается уже чисто указательное значение притяжательного суффикса без связи с притяжательностью. Схематически этот процесс развития можно представить таким образом: *керкаыс* (его дом) — *керкаыс* (дом определенный, уже упомянутый). Поскольку притяжательный суффикс *ыд* в коми языке также имеет притяжательное значение, то таким же путем указательное значение могло развиться и у этого суффикса: *керкаыд* (твой дом) — *керкаыд* (дом, о котором ты упоминал раньше).

Однако все же загадочным остается один вопрос, почему в одних случаях употребляется в указательном значении *ыд*, а в другом — *ыс*.

Если допустить, что притяжательный суффикс «*ыд*» в указательном значении обозначает определенный предмет, о котором ранее упоминал собеседник, например, *керкаыд* «дом, о котором ты упоминал раньше», то такое объяснение вряд ли будет применимо к объяснению вышеприведенных нами примеров.

В самом деле, разве в предложениях: *Ворсам пö, шуö Сöтанаыд* «Сыграем, сказал Сатана» или *Кайис мортыд бөр райö* «Поднялся человек опять в рай» речь идет о Сатане и о человеке, которых вторично употребляет в рассказе собеседник? Ведь повествование ведется в данном случае в третьем лице. Значит здесь какая-то другая причина.

Разгадку этого явления в свое время пытался найти в своей кандидатской диссертации «Принадлежностно-указательные суффиксы в коми языке» ныне покойный А. С. Сидоров.

В некоторых случаях, замечает А. С. Сидоров, указательная функция может быть выражена и формой 2-го лица *ыд*. *Ыд* в значении указательном выступает в тех случаях, когда эта парадигма употреблена при названии таких предметов, которые трудно представить во владении, например: *Ой, улын öд сийö, Киевыд, муса нылöй* (Юхнин, Алöй лента, 1941, 176) «Ох далек ведь он, Киев-то, милая девочка». *Киев* здесь назван в личной форме, конечно, не столько из-за того, что он в обладании кого-то (в данном случае собеседника), а только из-за того, что он имеет определенное отношение к интересам собеседника, и *ыд* в данном случае указывает на это отношение. Наиболее отчетливо указательная функция принадлежностных личных суффиксов выступает в тех случаях, когда личная форма не согласуется с падежным выражением принадлежностного родительного падежа. Например: *Миян плугъясид öти амысь, а трактор плугыдлөн нель амысь* (Шахов, Медводдза бөрöзда) «Наши плуги-то с одним лемехом, а у тракторного плуга-то четыре лемеха». В принадлежностном плане следовало бы сказать «*миян плугъясин*». *Вот локтисны озыр вокъяслөн гöтыръясыд* (Фолькл. сб., 1938) «Вот пришли у богатых братьев жены (то)».

В фольклоре и в просторечии, замечает далее А. С. Сидоров, форма 2-го лица употребляется помимо ее определенного значения еще для придания эпической форме повествования большей убедительности, большей эффективности. При употреблении указательно-определяющего суффикса 2-го лица к участию в процессе развертывания мыслей привлекается слушатель. При помощи установления связи повествуемого с собеседником привлекается материал из личной жизни слушателей, накопленный в аналогичных случаях по отношению к вещам, подобным данным: *Лэччöдисны ю вылö, йöрданö суйны. Воисны йöрдан дорö, а йöрданыд и кынöма* (Фолькл. сб., 1938). «Понесли на реку сунуть в прорубь. Пришли к проруби, а прорубь-то и замерзла».

Указательное *ыс*, замечает далее А. С. Сидоров, конкретизирующий предмет и приурочивающий его к данной ситуации, воспринимается однако в более далеком плане, показатель же 2-го лица *ыд*, устанавливающий причастность к предмету речи собеседников, приближает этот предмет до состояния очевидности. Так этим различием локального плана объясняется упот-

ребление разных указательно-определяющих показателей в следующем примере:

Кокни шуны кер. А мый сийō керйыс? Керйыд оō абу куйōд (Пыстин, Запань) «Легко сказать бревно. А что это бревно-то? Бревно-то, подумай-ка, разве тебе не ясно (А. С.), ведь не навоз».

По мнению А. С. Сидорова, в первом случае слово «кер» («бревно») взято без всяких показателей в его общем значении. Во втором случае «керйыс» это понятие более конкретизируется, оно приводится в том его содержании, которое имелось в виду у того лица, кем было употреблено это слово. При этом из непосредственного понимания вообще понятие «бревно» переносится в данную ситуацию, но пока оно все еще остается недостаточным ясным, очевидным. И, наконец, когда понимание его переносится уже в личный опыт собеседников, когда содержание речи приближается до степени очевидности, выносится уже суждение: «керйыд оō абу куйōд».

А. С. Сидоров обнаружил также другие интересные случаи употребления притяжательного суффикса *-ыд* в указательном значении. Так, например, этот суффикс иногда употребляется при разговоре с самим собой: *Вылка мōвпалō: «Вот тай кодъяс морг выисъясид»* (Габов, Вылка) «Вылка думает: «Вот, оказывается, кто убийцы-то».

Этим суффиксом нередко оформляются различные ругательные названия, например: *Да оō и этийō сапōгыс, проклатōйыд, сэтшōм жō* (Ермолин да Дьяконов, Джуджыд запань) «Да ведь и этот сапог, проклятый-то, такой же».

Из всего сказанного можно сделать вывод, что притяжательный суффикс 2-го лица ед. ч. *-ыд* в коми языке получил двоякую функцию: с одной стороны, он приобрел некоторые артиклевые свойства, с другой стороны, он стал средством выражения особой экспрессии, когда говорящий хочет приблизить содержание речи к собеседнику. С А. С. Сидоровым можно спорить об отдельных деталях при объяснении значений этого суффикса, но в основном он правильно понял основную причину того, каким образом могло возникнуть подобное значение.

Однако, нам кажется, что это явление в коми языке не могло быть результатом действия его внутренних закономерностей.

Притяжательный суффикс 2-го лица ед. числа довольно широко употребляется, даже чаще, чем в языке коми, в ненецком языке, в чем можно легко убедиться при анализе приводимых ниже примеров:

Вынггана няхар'гня илевы. Нгоподо варнгэ нгэвы, нябидо хабэво нгэвы, няхарамдадо писяко нгэвы.

Сяны нгэбта нго' рескам нгаворман харбелавыд': Писякор манзь ханада:

— *Хибя тэмдолаван ханта ям хосая?*

Варнгэр ма:

Мань нидм хант'

Хабэвкор ма:

— *Мань нгод нидм хант'.*

«В тундре три товарища жили: ворона, куропатка и мышка. Захотели они однажды лепешек поесть. Мышка и спрашивает:

— Кто пойдет в лавку за мукой?

— Я не пойду,— говорит ворона.

— Я тоже не пойду,— говорит куропатка»¹.

Нетрудно заметить, что слова: *писяко* «мышь», *варнгэ* «ворона» и *хабэво* «куропатка» при вторичном упоминании употреблены с притяжательным суффиксом второго лица -р: *писякор*, *варнгэр*, *хабэвкор*, ср. *вэнекор* «твоя собака».

Сяны нгэбта нго, вэсако илевы...

Вэсакор пшевица янзэвм пудтада.

«Однажды жил старик...

Посеял старик на поле пшевицу»².

Сяны нгэбта нго' сармик илевы.

Ти нгоб' мэва' сармикар нгаврадамда пюрманзь хая.

«Однажды жил волк.

Вот пошел волк искать себе пищи».

Маркад мингам, тэмдортахана мядонгаманзь.

Барышникар ма' нив?

Тэмдортар ма' нив

Из города иду, у купца в гостях был.

Барышник говорит ему:

Что тебе дал купец?»

Все это говорит о том, что приобретение притяжательным суффиксом *ыд* указательного значения в коми языке имеет какие-то более глубокие причины. Или оно навеяно ненецким языком, или каким-то ныне исчезнувшим древним языком-субстратом, носители которого в древности населяли территорию современной Коми АССР и Ненецкого национального округа.

II. К истории возникновения конструкции типа коми-зырянского «аддза бательсь керка» (вижу дом отца) в пермских языках

Одной из любопытных особенностей коми-зырянского и удмуртского языков, отличающих их от других, соседящих с ними языков, является отсутствие способности суффикса родительного падежа выражать принадлежность в тех случаях, когда обладаемое играет в предложении роль прямого дополнения. Например, в коми языке вместо *аддза бательн керка* «я вижу дом отца»

¹ Неко хадакэнда вадако' (Сказки бабушки Неко). Обработала и перевела Н. М. Терещенко, Ленинград, 1949, стр. 1.

² Русской народной вадако (Русские народные сказки). Учпедгиз, 1951. Перевод З. Лаптандер и А. Косковой.

употребляется конструкция *аддза батльысь керка* где принадлежность выражается не окончанием родительного падежа, а окончанием так называемого притяжательного падежа, который в удмуртском языке называется разделительным.

Эта конструкция в пермских языках является весьма устойчивой и в соответствующих условиях закономерно употребляется. Приведем некоторые примеры из коми и удмуртского языков:

а) *Ю шөрöd кывтысь кватитіс пищальсö, пыж бöжö пидзöс вылö сувтöмön, виччысьшитіс уткаяслысь матыстчöмсö* «Плывущий по середине реки схватил ружье и, встав на колени на корме, ожидал приближения уток» (Коми писателяслөн рассказъяс). *И Марпа тьötка на ловъя, куканьясöс колхозлысь видзö* «И тетка Марфа еще жива, смотрит за телятами в колхозе» (букв. смотрит телят в колхозе) (Коми писателяслөн рассказъяс). *Кывзы, Петра! Коді көсйö Ниналысь ки кутны, мед ордйысигъясөн став первой призъяссö босьтас не сöмын мян округын, но и Изъваын* «Слышишь, Петр! Кто хочет держать руку Нины, пусть возьмет первый приз на соревновании не только в нашем округе, но и на Изъме» (Коми писателяслөн рассказъяс).

б) *Койыклэсь саклыкэс уката жутиз вылысен кылыськысь куара* «Внимание лося привлек звук, слышавшийся сверху» (Б. Полевой, Зэмос адыми сярысь верос). *Зок пужым сылэ. Солэсь йылзэ снаряд чигтэм* «Стоит толстая сосна. Вершину ее обломал снаряд» (Б. Полевой, Зэмос адыми сярысь верос). *Я возьматы, кытчы ватиз песьтаед вием муртлэсь йырзэ?— дыртыса юаз часовой* «А ну, покажи, куда спрятал голову убитого человека твоей дедушка?— торопливо спросил часовой» (М. Петров, Вуж Мултан).

Там, где обладаемое не является прямым дополнением, употребляется обычный родительный падеж. Приведем примеры из коми и удмуртского языков:

а) *Конюхов вöралысьлөн сюсь синъяснас медводз казяліс врагöс* «Конюхов пронзительными глазами охотника первый заметил врага» (Коми писателяслөн рассказъяс).

б) *Игнатлэн сингесыз ик паськыгазы* «Глаза (у) Игната расширились» (М. Петров, Вуж Мултан), *Танклэн пушкаез гулэн яр бордиз мырзиськыз по чалмиз* «Пушка танка ударила о край рва и затихла» (Асьмелэн геройёсмй).

Первоначальным источником притяжательного падежа в коми языке, характеризующегося суффиксом *-лысь*, и разделительного падежа в удмуртском языке, имеющего окончание *-лэсь* (по существу это один и тот же падеж), послужил аффикс исходного падежа *-ысь*, например: в коми — *вöр* «лес», *вöрысь* «из леса», в удмуртском — *луд* «поле», *лудысь* «с поля».

Падеж на *-лысь* в коми и на *-лэсь* в удмуртском языках обладает сходной семантикой, например: в коми *Егорлысь некод нинöм эз юась, көні сійö колльöдіс арся войяссö* «Никогда ни о чем не спрашивал у Егора, где он проводил осенние ночи»;

(Коми писателяслөн рассказъяс); в удмуртском — *Дышетйсь-лэсь книгазэ куроно* «Надо попросить у учителя книгу», *Ожон ныд кызыпулэсь лэсьтйллям* «Черенок долота сделали из березы»¹.

В истории пермских языков, вероятно, было время, когда в вышерассмотренных случаях была конструкция с обычным родительным падежом «вижу отца дом», т. е. *аддза батльон керка*. Позднее возникла в этих условиях другая конструкция с исходным падежом.

Первоначальным ядром этой конструкции явились, вероятнее всего, случаи, типа *босьта мортлысь пурт* «возьму у человека нож», которой предшествовала более древняя конструкция, типа *босьта мортлысь пурт*.

Известные точки соприкосновения между понятиями удаления от чего-нибудь и принадлежности, что легко доказывается примерами возникновения аналитических конструкций с предлогами *of, af, van, de*, выражающих идею принадлежности во многих романских и германских языках типа *the history of England* «история Англии», *le fin de la guerre* «конец войны» и т. д., были причиной того, что окончание исходного падежа в конструкции типа *босьта мортлысь пурт*, выражавшее первоначально идею удаления, было переосмыслено как средство выражения принадлежности, когда обладаемое играло роль прямого дополнения при глаголе.

Возникновению этой конструкции также способствовали единичные случаи замены родительного падежа исходным, иногда встречавшиеся в пермских языках, ср. в коми: *Шабуров — руской армиялысь салдат* «Шабуров — солдат русской армии» (Коми писателяслөн рассказъяс).

Наиболее ярким доказательством того, что падеж на *-лэсь*, *-лысь* действительно возник из исходного падежа, являются случаи замены падежа на *-лэсь* исходным падежом, встречающиеся в удмуртском языке, например: *Со аре народоволец Вера Засулич Петербургысь градоначальникез, эксейлэсь осконо жандармзэ Треповез вииз* «В этом году народоволец Вера Засулич убила верного жандарма царя — петербургского градоначальника Трепова» (М. Петров, Вуж Мултан).

В вышеприведенном примере в одном случае исходный падеж на *-ысь* употреблен вместо разделительного падежа на *-лэсь*: *Петербургысь градоначальникез... вииз* вместо *Петербурглэсь градоначальникез вииз*.

Поскольку в других случаях принадлежность уже выражалась аффиксом родительного падежа, произошла известная контаминация этих суффиксов. Аффикс *-ысь* был осложнен элементом *-л*,

¹ См. грамматический очерк П. Н. Перевощикова, приложенный к удмуртско-русскому словарю. Москва, 1948, стр. 405.

который был перенесен из окончания родительного падежа -лөн, -лэн.

Если в коми языке контаминация выражалась только в ведении элемента -л, то в удмуртском языке она зашла значительно дальше. Сравнение окончания родительного падежа -лэн, разделительного -лэсь и исходного -ысь свидетельствует о том, что первоначальное окончание разделительного падежа -лысь в удмуртском языке под влиянием гласного э в окончании родительного падежа -лэн перестроилось в -лэсь.

На основе вышеизложенных соображений можно сделать следующие выводы:

1) Падеж на -лысь и -лэсь в функции родительного падежа при существительном, играющего роль прямого дополнения при глаголе, возник в период общепермского языкового единства.

2) Основой этого падежа послужил исходный падеж на -ысь.

3) Первоначальным ядром этой конструкции послужила конструкция типа *босьта мортысь пурт* «беру нож от человека».

4) В дальнейшем исходный падеж в этой конструкции переосмысливается как падеж, выражающий принадлежность.

5) Известное сходство функций родительного падежа на -лөн, -лэн и исходного падежа на -ысь привело к контаминации их окончаний, в результате чего в окончание исходного падежа на -ысь было введено из окончания родительного падежа -л и появилось новое окончание -лысь в коми и -лэсь в удмуртском.

6) Конструкция сама по себе является самобытной и в других финно-угорских языках не встречается.

Е. С. ГУЛЯЕВ

ФУНКЦИИ ИСХОДНОГО ПАДЕЖА В КОМИ ЯЗЫКЕ¹

Исходный падеж (элатив) семантически входит в группу трех внутриместных падежей коми языка: местного (*керкаын* «в доме»), вступительного (*керкаö* «в дом») и исходного (*керкаысь* «из дома»). Его оформителем является суффикс -ысь в неопределенном склонении, -сь в определенно-притяжательном склонении: *вөр-ысь* «из лесу», *вөр-сь-ыд* «из твоего леса», *вөр-сь-ыс* «из его (того) леса» и т. д. Этот суффикс имеется во всех пермских языках²: кз. *пуысь* «из дерева», кп. *школаись* «из школы», *кörtись* «из железа», кя. Ай велі тожо *татись*, мам родинанас *Ванинась*³, «Отец был тоже *здешний*, мать родом из д. *Ваниной*», удм. *вуысь* «из воды», *вылысь* «снова, заново». Древнепермские памятники письменности также зафиксировали суффикс -ысь: *полтöсысь* «от духа», *велтыдаланінысь* «с неба», ойыс *дорысь* «от дверей»⁴.

Предметом данной статьи является рассмотрение значений и функций исходного падежа. Принимаются во внимание также удмуртские параллели; в некоторых случаях даются примеры из дальних родственных языков.

1. Местно-исходное значение

Наиболее часто исходный падеж употребляется в пространственном значении — обозначает отправной пункт движения.

¹ Статья представляет собой фрагмент из кандидатской диссертации «Сь-овые падежи в коми языке (в сравнительно-историческом освещении)». Научный руководитель — проф. В. И. Лыткин.

² В статье употребляются следующие сокращения: кз. — коми-зырянский литературный язык, кп. — коми-пермяцкий литературный язык, кя. — коми-язывинские говоры, удм. — удмуртский язык, эрзя-м. — эрзя-мордовский язык, мокша-м. — мокша-мордовский язык, фин. — финский язык, эст. — эстонский язык, ф.-уг. — финно-угорские языки.

³ В. И. Лыткин. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам, изд. АН СССР, М., 1955, стр. 56.

⁴ В. И. Лыткин. Древнепермский язык, М., 1952, стр. 104.

А. Выражение движения изнутри предмета. Имя, оформленное суффиксом исходного падежа, обозначает предмет, место, вещество, изнутри которых исходит действие: Со ті вöрысь петінныд (Куратов, 111)¹ «Вот вы вышли из лесу»; Гундырлön шашкаысь мыні кырымсьыс (Фокош, Volksdicht, 362) «Шашка дракона выпала из руки»; Найö петісны конторавысь (Дін. в., 15) «Они вышли из конторы»; Локті батвöбьясь (личн. набл.) «Я пришел из дома родителей»; Свежов петіс том йöз кытшысь (Дін. в., 46) «Свежов вышел из кружка молодёжи». В других пермских языках: кп. Котелокысь ортсö пондіс петны пизян чериваыс (Миян луннезö, 18) «Из котелка стала выходить наружу закипевшая уха»; удм. Пызь кудыысь пень кудые «Из лукошка с мукой (угодил) в лукошко с золой»; Трубавысь тыл пуркак потйз «Из трубы взметнулось пламя» (Удм.-рус. сл., 1948, 258).

Следует отметить, что исходный падеж может употребляться в именах с абстрактным значением, а также в названиях общественных явлений. В этом случае местное значение исходного падежа менее ощущается, что зависит от семантики имени. Например: Старик регыд эбöсьыс петіс (личн. набл.) «Старик скоро обессилел» (букв. вышел из силы); Нурждавысь петавтöг быдтіс челядьсö (Дін. в. 30) «Не выходя из нужды, воспитывала своих детей»; Армияысь воис офицерöн («Прöстой йöз», 20) «Из армии возвратился офицером»; Көнкö вот сщö командировкаысь воас миян главной начальникным (Дін. в., 78) «Скоро вот придет из командировки наш главный начальник»; Чöвтны Славаöс председателысь (В. к., 1955, № 1, 46) «Снять Славу из председателёй» (букв. из председателя).

С помощью исходного падежа также выражается выход из действия или состояния: Микол Иван висьöмысь вочасöн бурдіс (Кык друг, 21) «Иван Николаевич постепенно поправлялся» (букв. поправлялся из болезни); паляліс вугралöмысь (Г. Фед., Пов. и расск., 149) «очнулся от дремоты»; удм. Мон иземысь сайкай «Я проснулся» (букв. пришел в себя из сна).

Очень распространено употребление исходного падежа в отглагольных существительных, управляемых глаголом дугдыны «перестать». Эта конструкция также выражает выход из действия, например: Но Прохор Иванович век ворсіс, и нывъяс йöктöмысь эз дугдыны (Дін. в.) «Но Прохор Иванович продолжал играть, и девушки не оставили танцы» (букв. не перестали из танцев); тьбссö лöсьöдыштіс, да дугдіс виялöмысь (личн. набл.) «немного поправил тёс, и перестало течь». Эта оригинальная конструкция, обычно соответствующая инфинитивной конструкции в русском языке, наличествует в других ф.-уг. языках: удм. вераськемысь дугдыны «перестать разговаривать (т. е. оставить разговоры)»; мотор ужамысь дугдйз «мотор перестал рабо-

¹ Перечень литературных произведений, использованных в качестве источника, дается в конце статьи.

тать» (т. е. отказал); фин. (элатив) *lakaа satamasta* «дождь перестал»¹; морд. (аблатив) версь лоткась *шудемда* «кровь перестала течь»².

Частым случаем местно-исходного значения элатива является исходный генетива, который указывает на происхождение кого-либо из определенного рода, национальности и т. д.: Пöшти öткодь арлыдаöсь, но найö эз вöвны öти ай-мамысь (Дін. в., 14) «Почти одного возраста, но они не были от одних родителей»; Пöльяс сертиыс ненецьясьысь петлöм морт (Т. бияс, 5) «По линии деда являлся выходцем из ненцев»; Ми абу полысь рöдысь (В. к., 1955, № 2, 36) «Мы не из рода трусливых».

Местно-исходное значение вплотную примыкает к possessивному, когда речь идет о принадлежности лица к определенному месту или организации: Юшков, мөдöд полеводческой бригадысь бригадир, тыдалö, эз казав тайöс («Прöстой йöз», 4) «Юшков, бригадир второй полеводческой бригады, по-видимому, этого не заметил».

Особенно часто исходный падеж с possessивным оттенком употребляется в коми-пермяцком и удмуртском языках, где суффикс *-ысь* является также средством образования прилагательных: кп. шöрись ряд «средний ряд» (ср. кз. шöрса рад или шöр рад), матись друг «близкий друг» (кз. матысса друг); удм. артысь гурт «соседняя деревня» (ср. кз. орчча сикт); Быдэс дуннемысь пролетарийёс, огазеаське! «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (Удм.-рус. сл., 1948, 218).

В зависимости от семантики существительного местно-исходное значение может приобретать инструментальный оттенок: лыйсьыны нөввужйысь «стрелять из лука»; сяркнитіс пулемётысь «он дал очередь из пулемёта»; Пöжöм йöлön сюрысь вердан... (В. Савин) «Накормишь кипяченым молоком из рога...»

Б. Выражение движения с поверхности предмета. В некоторых случаях имя в исходном падеже обозначает предмет, с поверхности которого исходит действие: ...лабичысь сувтігмоз шыödчис (Дін. в. 65). «...вставая с лавки, произнёс»; вöтлыны кöдзыдсö джоджысь (Т. бияс, 60) «согнать холод с пола»; кыпöдчис муысь «поднялся с земли»; мöсьяс воисны нин лудысь «коровы уже пришли с пастбища»; пицальсö босьтіс тувйысь «снял ружье с гвоздя»; вöвъясыдлысь коксьыс разялісны гезсö (фолькл. сб. Плес., 107) «у лошадей с ног распутали верёвку»; пöрччис ксыыс кепысьсö «он снял рукавицы»; удм. йырысьтыз изызыэ басьтйз «снял с головы шапку» (Вуж Мултан, 29).

В отдельных ф.-уг. языках, как в финском, исторически выработались специальные падежи для обозначения внешнеместного движения. В коми языке, где это не произошло, очень часто движение с поверхности предмета выражается послелогом *вылысь*.

¹ Suomalais-saksalainen sanakirja (финско-немецкий словарь), под редакцией Катара, Порвоо, 1925, стр. 289.

² Из сообщения аспиранта Института языкознания А. В. Якушкина.

Однако имена без послелого и с послелогом иногда сосуществуют рядом. Так, говорят: чеччис *вольнасъысь* и *вольпасъ выльысь* «встал из постели и с постели»; ньббнс *базарысь* и *базар выльысь* «купил в базаре и на базаре»; лэччис *платъысь* и *платъ выльысь* «спустился из полатей и с полатей».

Примеры типа локтис *вӧрысь* «он пришёл из леса», кыкис *питшӧгъысь* «он достал из-за пазухи», пышйис *ошкысь* «убежал от медведя» (букв. из медведя), лэптис *джоджысь* «поднял с пола» (букв. из пола), Илья босьтис *юрсьыс* картузсӧ (Ал. л., 9) «Илья снял с головы (букв. из головы) картуз» позволяют делать предположение, что с древнейших времен суффикс исходного падежа служил средством выражения различных видов отдаления как изнутри предмета, так и от предмета и с поверхности предмета. Конкретный вид отдаления (*из, от, с* предмета) определялся, следовательно, контекстом и семантикой имени, а не морфологически, т. е. с помощью специальных падежных формантов. Примеры также говорят о том, что по сравнению с предложными конструкциями *из, с, от* в русском языке суффикс исходного падежа *-сь* содержит более общее значение отдаления и может соответствовать каждой из этих предложных конструкций.

Наряду с семантической дифференциацией (по контексту) различных видов отдаления (*из, с, от* предмета) коми язык широко использует послелого, как средство уточнения и конкретизации места в пространстве. Например, имя с послелогом в исходном падеже может выражать движение от предмета, изнутри, сверху предмета и т. д., в зависимости от лексического содержания послеложного корня: *керка пытыкысь* «изнутри дома», *керка выльысь* «с крыши дома», *керка сайысь* «из-за дома». В послеложных конструкциях значение внутри- или внешне-местного отдаления обуславливается семантикой послелого, тогда как суффикс *-ысь* в послеложных указывает на движение *из* пространства, т. е. полностью сохраняет свое общее значение.

В. Исходный падеж отчуждения и восприятия. В коми языке исходный падеж последовательно употребляется в именах, управляемых глаголами отчуждения, изъятия, восприятия, узнавания, приобретения, нахождения и т. д. Таковы глаголы *сюрны* «найти», *отыскаться», адзыны* «увидеть, заметить», *босьтны* «взять, купить», *корсьны* «найти, искать», *кутны* «поймать, схватить», *ньббны* «купить», *казявны* «заметить, увидеть», *кывны* «улышать», *кыйны* «поймать, заловить», *перйыны* «добыть, вынуть», *лыддыны* «прочитать» и т. д. Например: *борйысь* таво додь турун шеді (коми-русский словарь Д. А. Тимушева, рукопись) «на меже в этом году воз сена накосили»; бур *водзысь* унджык кольта вундан «на хорошей постати больше снопов нажнешь» (там же); кп. вӧвсӧ ме кошши *нюрысь* «ту лошадь я нашел в болоте»; удм. *базысь* вузъёс басьтыны «получить товары на базе». В других ф.-уг. языках перечисленные глаголы также управляют исходным падежом: эрзя-м. сонзэ муизь *вирьстэ* «его нашли

в лесу» (букв. из леса)¹; фин. *hakee hakeva povestansakin* «ищет ищущий даже у себя за пазухой (букв. из-за пазухи)»².

Как видно из примеров, элативные конструкции в коми и других финно-угорских языках последовательно соответствуют местным конструкциям русского языка. Без сомнения, в этих примерах имеется оригинальное финно-угорское употребление исходного падежа. Однако оно еще мало освещено в лингвистической литературе.

Употребление исходного падежа при глаголах типа **ньббны** «купить», **адзыны** «увидеть» мы связываем с семантикой этих глаголов. Известно, что глаголы могут обозначать статическое состояние (**узыны** «спать») и движение (**пырны** «войти», **петны** «выйти»). Глаголы типа **босьтны** «взять» одновременно содержат моменты статики и динамики. Когда говорят: *ньббны лавкаысь* «купить в магазине», одновременно сообщают о месте совершения действия (где?) и о месте, откуда изъята, выведена, воспринята вещь. Исторически в русском и в ряде индоевропейских языков сложилось употребление местных падежей при указанных глаголах, в отличие от конструкций с исходным падежом в ф.-уг. языках.

Г. Исходный падеж времени. Тесно связано с местно-исходным значением элатива временно-исходное значение. Различие между ними можно отметить в том, что здесь выступают имена с временной семантикой, тогда как общее значение исходного падежа (выход из чего-нибудь, в т. ч. из «отрезка времени») остается в полной силе. Например: ...*З во, З лун дай З минутысь* нин петіс пӧ тэнад гӧститӧмлы (фолькл. сб. Плес., 84) «...прошло, говорит, три года, три дня и три минуты с тех пор, как ты начал гостить»; кадыс *лунишӧрысь* петіс (личн. набл.) «время перевалило за полдень»; шӧр *арлыдысь* петӧм морт (Дін. в., 32) «человек, вышедший из возраста средних лет».

Исходный времени такого типа ограничен в употреблении. Обычно временные отношения выражаются отдалительным падежом на *-сянь*, суффикс которого возник на базе исходного падежа с суффиксом *-сь*³: *Окмыс во коли гортса порог вомӧн воськовтӧмсянь* (Г. Фед. Пов. и расск., 6) «Девять лет прошло с тех пор, как переступил порог родного дома».

Более древнее употребление исходного падежа во временном значении сохранилось в некоторых диалектах коми языка. Так,

¹ Из сообщения аспиранта В. Объедкина.

² Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, часть II, М., 1955, стр. 207.

³ Финно-угристы отмечают, что на базе исходного падежа *-сь* в коми и удмуртском языках формировались следующие падежные суффиксы: отдалительный *-сянь* (удм. *-ысен*), притяжательный *-лысь* (удм. *-лэсь*) и кп. сравнительный *-ся*, имеющийся в некоторых южных диалектах кз. языка. Эти вторичные суффиксы и их функции будут темой специальной статьи.

на Удоре иногда говорят: *Первейё Маййаись* да пятэйё маййаэдз ме олі карын «С 1-го мая (букв. из 1-го мая) по 5-е мая я жил в городе»¹. Так же употребляется исходный падеж, но с суффиксом *-исьт* в других именах: *асулісьтём* «с утра», *пониисьтём* «с малых лет», *первейисьтём* бурас оліны «с самого начала хорошо жили»². Приведенным примерам в литературном коми языке соответствуют имена в отдалительном падеже (*асывсянь* «с утра»).

Очень распространено употребление исходного падежа в повторениях имен с временной семантикой. Такое повторение придает конструкции усилительный оттенок: *лунысь лун* «изо дня в день», *вовись во* «из года в год». Иногда второй компонент в повторении оформляется суффиксом вступительного падежа: *кадысь кадё* «время от времени»; *часысь часё* пыр ёнджыка пемдiс (личн. набл.) «час от часу становилось все темнее». В парных сочетаниях, приведенных выше, можно отметить более тесное объединение слов, что сближает их с наречиями.

Исходный падеж во временном значении употребляется также в других пермских и ф.-уг. языках. Примеры: кп. *лунысь лун* мыйкё виль мяян вёрын (Миян луннезё, 31) «В наших лесах каждый день есть что-нибудь новое»; удм. *арысь аре*, *выжыкысь выжые...* (Вуж Мултан, 68) «из года в год, из рода в род»; мокша-м. и эрзя-м. 8 мартста «8-е марта (букв. из 8-го марта)»; фин. *heivos-takansan elintaso pousee vuodesta vuoteen* «жизненный уровень советского народа повышается из года в год».

II. Отделительное (аблативное) значение исходного падежа

В этом разделе рассматривается исходный падеж со значением отделения предмета от другого предмета, в том числе части от общего. В данном случае суффикс *-ысь* выступает оформителем косвенного объекта.

А. Исходный падеж при глаголах отделения. В коми языке большая группа глаголов отделения регулярно управляет именами в исходном падеже. Перечислим некоторые из них.

а) Глаголы, обозначающие физическое или духовное отделение и дифференциацию: *юксыны* «отделиться», *торъявны* «оторваться, отличиться», *янсёдны* «отделить, разлучить», *мынны* «освободиться, уйти», *мезмыны* «освободиться (также в социальном значении)», *эновтчыны* «оставить (например, занятие)», *кёдзавны* «охладеть» (к кому-нибудь, к чему-нибудь), *чуктыны* «отколотья», *весавны* «очистить» и т. д.

Примеры: Зэв нимкодъ, мый пёръясысь *Макарысь* мынісны «Радостно, что отделались от обманщика *Макара*» (букв. из Ма-

¹ В. А. Сорвачева. Некоторые фонетические и морфологические особенности верхневашского говора Удорского диалекта (диссертация), стр. 57.

² Там же, стр. 58.

кара); Ыджыд вок торйодчис *Иванысь* «Старший брат отделился от *Ивана*» (букв. из *Ивана*); ог ошйысь, ни ас *мортысь* ог суссыы (Дін. в., 96) «не хвалюсь и не утаю от своего человека».

б) Глаголы, связанные с идеей защиты чего-нибудь и стремлением отмежеваться от чего-нибудь: *видзны* «охранять, сохранять», *видчысьны* «воздерживаться, остерегаться», *кутчысьны* «воздерживаться», *дорйыны* «защищать», *сайёдны* «укрыть» и т. д.

Примеры: Чужёмсё сайёдёма *коясысь лымысь* («Зверьяс бёрся», 81) «Лицо заслонено от колючего снега» (букв. из снега); виситён сёйёмысь *виччысьны* «воздерживаться от принятия пищи во время болезни»; пыкны чипёссё *пёрёмысь* «подпереть поленницу, чтобы не развалилась».

Частным случаем является именное управление типа *воми-дзысь* заговёр «заговор от сглазу», син *висьёмысь* капля «капли от глазной болезни». Управляющее имя в таких сочетаниях обозначает средство защиты от чего-нибудь.

в) Глаголы чувствования: *повны* «бояться», *яндысьны* «стыдиться», *вежавидзны* «стесняться».

Примеры: сійё *некодысь* оз вежавидз «он никого (букв. из никого) не стесняется»; Петя неуна польштiс вёрын *узьёмысь* («Зверьяс бёрся», 29) «Петя немного побаивался ночевать (букв. из ночевки) в лесу».

В рассмотренных примерах исходный падеж является оформителем косвенного дополнения, однако неместному объектному значению предшествовала конкретная пространственная семантика, которую можно уловить во многих случаях. Более отчетливо это прослеживается в некоторых диалектах коми языка. Например, в удорских говорах указанные глаголы управляют послеложными конструкциями с пространственным значением: *ме вёччим* век пышьялё (лит. *мысь*) «всегда избегает меня»¹. Из этого В. А. Сорвачева делает интересный вывод о том, что в древности объект воспринимался как предмет, включенный в пространство: «...и было: оберегать не себя, а свое окружение, бояться не его, а передней его части, обрадоваться не ему, а на его поверхность»².

В удмуртском языке, в отличие от коми языка, глаголы отделения управляют разделительным падежом на *-лэсь*: *калыкълэсь* люкиськыны «отделиться от людей», *кынмамлэсь* утылскыны «остерегаться простуды», *кышка бичылэсь* «он боится щекотки». Употребление разделительного падежа в этих примерах нужно считать результатом позднего развития. Более древнее управление исходным падежом сохранилось в послеложных конструкциях удмуртского языка: *ужлэсь* *палэнскыны* «отстраниться от работы», но *палэнскы мон бордысь* «отойди от меня».

¹ В. А. Сорвачева, диссертация, стр. 143.

² Там же, стр. 145.

Глаголы отделения в коми-пермяцком языке управляют обычно исходным падежом (в послеложной конструкции): и зоньскӧт Проня эз кольччӧ *мукӧдыс сьӧрыс* «и Прокопий с сыном не отставали от других»; тэ ӧні ме *дынись* он пышшы «ты теперь не убежишь от меня». Однако некоторые глаголы могут управлять как исходным, так и притяжательным падежом: *кӧиннэзлӧсь* повны — вӧрӧ не ветлыны «волков бояться — в лес не ходить», но: *этаись* повны эшӧ нем «этого (букв. из этого) еще нечего бояться»¹. Эти примеры показывают, что норма управления в данном случае еще не установилась.

Б. **Отношения целого и части, выражаемые исходным падежом.** Имя в исходном падеже обозначает общее, совокупность, от которых отделяется часть, единица: ...ворсасны *Вагнерыс* и *Оффенбахыс* (Куратов, 77) «...исполняют из Вагнера и Оффенбаха»; эн гораыс, ен могысьӧн, *керкасыд* садьмӧдан (Дін. в., 59) «не громко, ради бога, разбудишь тех, кто в избе»; ӧбедайтӧсны дай вося *нажеткаыс* нинӧм эз коль (фолькл. сб. Плес., 39) «пообедали, и из годового заработка ничего не осталось».

Исходный частичный является частным случаем употребления исходного падежа при глаголах отделения.

В. **Исходный падеж в усилительных конструкциях и отделительных оборотах.** В коми языке для выражения высокой или превосходной степени качества используется повторение основ, из которых одна оформляется суффиксом исходного падежа: *гырысьыс*-гырысь козьяс «очень высокие ели» (букв. из высоких высокие); *сӧстӧмсьыс*-сӧстӧм ва «очень прозрачная вода»; Йӧзыд кӧ мортыдлы бергӧдчасны мышкӧн, дыр он ыръянит, мед кӧть сійӧ вӧлі *силачсьыс* силачӧн (Юхнин, «Тундраса бияс», 1957, стр. 6) «Если уж люди отвернутся от человека, он не будет долго сопротивляться, хотя бы был он первым силачом» (букв. силачом из силачей).

Превосходная степень подчеркивается также посредством местоимений *став*, *быдӧн* «все», оформленных в исходном падеже: *ставсьыс* бур вӧв «из всех самая лучшая лошадь», *быдӧныс* ӧн «всех сильнее».

Усилительные конструкции основаны на отделении части, единицы от общего, совокупности.

Однотипные конструкции имеются в других ф.-уг. языках: кп. *лӧньысса* лӧнь «очень тихо» (*лӧньысса* стоит в сравнительном падеже), удм. *сьӧдлэсь*, но сьӧд «очень чёрный» (*сьӧдлэсь* — в разделительном падеже), мокша-м. *сильнайда* сильнай «очень сильный» (*сильнайда* — в аблативе).

Обороты с послелогоми **кындзи, ӧтдор, ӧприч, ӧтар** «кроме» выражают исключение, отделение чего-нибудь из группы предметов и явлений.

¹ Примеры из работы: М. П. Караваева и др. Коми-пермяцкӧй кыв грамматика, Мӧдик часть, Кудымкар, 1952.

Примеры: Ставӧн пуксисны, *дежурнойыс кындзи* (В. к., 1955, № 1, 44). «Все сели, кроме дежурного»; *Наыс ӧтар*, нем ог аддзы (Куратов, 99) «Кроме них, никого не вижу».

Аналогичных отделительных оборотов нет в других пермских языках. В коми-пермяцком языке рассматриваемое значение выражается сравнительным падежом: Правленнӧын *сторожихася* некин эз вӧв «В правлении, кроме сторожихи, никого не было». В удмуртском языке отделительный оборот образуется с помощью послелога *сяна* (ср. с кп. сравнительным падежом на -ся): *Удмуртӧс сяна* кыче калык вань отын? (Вуж Мултан, 98) «Кроме удмуртов, какие народности там живут?»

Г. **Выражение объекта речи, мысли и чувства.** 1). **Объект речи и мысли.** В современном коми языке объект при глаголах говорения (*verbum dicendi*) выражается послеложной конструкцией *йылыс*: сёрнитам *сы йылыс* «говорим о нём». В других ф.-уг. языках такой конструкции соответствуют беспослеложные имена в исходном или отделительном падежах: фин. (элатив) *riihua asiasta* «говорить о деле» (букв. из дела); эрзя-м. (аблатив) *свадьбадо* кортатонк «говорим о свадьбе» (букв. от свадьбы).

В более древние периоды развития коми языка, возможно, беспослеложное имя в исходном падеже при глаголах речи не было неестественным. Это предположение мы аргументируем тем, что в пермских языках бросается в глаза обилие различных послелогов для выражения объекта речи: в кз. *йылыс* «о, об», в ижемском диалекте *помлаыс* «об, по», в памятниках конца 18 и начала 19 вв. (Флеров) *вылыс* «об», в удм. *сярыс* «об» и *пумыс* «об». Например: кз. *важ йылыс* казьтылӧмгъяс «воспоминания о прошлом», на Ижме: *Ті, шуас, по мне (обо мне) хорошо помолитесь*; в грамматике Флерова (1813): *бургжежан-вылыс* «о правописании»²; удм. *со сярыс* вань ёрос тодэ «об этом вся окрестность знает», *ог пумыс* вераськыны «говорить об одном и том же» (Удм.-рус. сл., 1948) и т. д.

Общим в этих конструкциях является то, что послелог оформлен суффиксом исходного падежа, хотя корни послелогов различные. Это говорит о том, что разнообразие послеложных конструкций возникло уже после распада пермского языкового единства. Надо предполагать, что в общепермскую эпоху объект при глаголах речи выражался как исходным падежом без послелога, так и послеложными конструкциями. Возможно, более древним нужно считать беспослеложное употребление (как в мордовском и финском языках). Известно, что беспослеложные и послеложные конструкции в коми языке могут употребляться парал-

¹ Мальцева Н. А. Материалы диалектологической экспедиции 1944 г., рукопись, фонд Коми филиала АН СССР, стр. 52.

² А. Флеров. Зырянская грамматика, СПб., 1813.

лельно: локті *Иванъясысь* и *Иванъяс ордысь* «пришел из дома Ивана»; *сыысь* ыджыд и *сы дорысь* ыджыд «больше его». Послеложные конструкции при глаголах говорения, по-видимому, являются средством различения объекта речи от других значений исходного падежа, в частности, причинного и возмездительного: *таысь* висьтала «за это скажу, расскажу», но *та йылысь* висьтала «об этом расскажу»; *сыысь* казътыла «по тому поводу, за то вспоминаю», но *сы йылысь* казътыла «вспоминаю о нем». В данных примерах послелог *йылысь* устраняет морфологическую недифференцированность ряда значений.

2) Семантически близки к глаголам речи и мысли глаголы чувства и чувственного восприятия, которые также управляют исходным падежом. К ним относятся следующие: *гажтӧмчыны* «скучать, переживать (по кому-л.)», *шогсыны* «печалиться (по кому-н. или чему-н.)», *тӧждысьны* «беспокоиться», *дӧзыны* «надоесть, наскучить», *кайтчыны* «раскаиваться», *беспокоитчыны* «беспокоиться». Например: *Водз чеччӧмысь* да *водз гӧтрасьӧмысь* оз *кайтчывлыны* (пословица) «Не раскаиваются в том, что рано встают и рано женятся» (букв. из вставания и женитьбы); *гажтӧмча тэысь* «скучаю по тебе»; *мыйысь* шогсян? (личн. набл., «по поводу чего печалишься?»)

В ряде случаев трудно определить, идет ли речь об объекте чувствования или причинно-возмездительных отношениях: *сыысь эн тӧждысь* можно перевести (по контексту): 1. по нему не беспокойся, 2. за это не беспокойся, 3. по той причине не беспокойся.

В удмуртском языке это значение выражается разделительным падежом: *кышноелэсь* мӧзмисько «скучаю по матери»¹.

3) Исходный падеж при обозначении избытка, недостатка, разницы в отношении чего-нибудь. В этом случае имя в исходном падеже обозначает объект, в отношении которого констатируется что-либо, объект, который берется в качестве темы обсуждения. Примеры: *донысь* артмӧдчам «в отношении цены сойдемся, о цене договоримся» (букв. из цены); эг ӧд меӧй лун кежлӧ *деньгавысь* орлы «ведь я всю жизнь не испытывала нужды в деньгах»; *велӧдчӧмысь* лёкыс абу (личн. набл.) «плохого в учении нет»; *ӧшинь жугалӧмысь* сійӧ абу мыжа (личн. набл.) «он не виновен в поломке оконного стекла».

4) Исходный при глаголе *ворсны* «играть». В разговорной речи коми языка (реже в литературном языке) исходным падежом систематически управляет глагол *ворсны* «играть». При этом имя с суффиксом *-ысь* обозначает название, тему игры: *ворсамӧй дзевсясьӧмысь* (личн. набл.) «поиграем в прятки» (букв. из прятки); *ворсны чур ставысь* (личн. набл.) «играть в прятки»; *вай ворсам кукысь* (личн. набл.) «давайте поиграем в палочку-стукалочку»; *челядь моз дзевсясьӧмысь* ворсӧ шонді («Зверья бӧрся», 49) «подобно детям играет в прятки солнце».

¹ Пример сообщила канд. фил. наук Т. И. Тепляшина.

Обычно глагол *ворсны* «играть» в коми литературном и удмуртском языках управляет творительным падежом: кз. дӧведӧн *ворсны* «играть в шашки»; олӧмыд абу картӧн *ворсӧм* (Дін. в., 31) «жизнь-то ведь не игра в карты»; удм. ватскемен шудыны «играть в прятки».

Итак, мы рассмотрели выражение объекта речи и мысли, объекта чувствования и объекта (темы) игры в коми языке. Общим в этих конструкциях является то, что объект, о котором говорится или сообщается, т. е. что-либо констатируется, оформляется именем в исходном падеже. Объект при глаголах говорения выражается послеложной конструкцией, в остальных случаях наблюдается беспослеложное употребление исходного падежа.

Выражение объекта речи, чувства, констатации мы включили в группу отделительных значений исходного падежа. Объект речи и чувства связан с семантикой отделения тем, что предмет, являющийся объектом чувствования, речи и мысли, обособляется от других предметов (мысленно): *гажтӧмча бать-мамысь* «скучаю по родителям» означает, что чувствование распространяется не на всех, а на определенное лицо или группу лиц, т. е. на часть предметов одного ряда.

Д. Исходный падеж как оформитель частичного (партитивного) прямого объекта. Одной из характерных черт некоторых ф.-уг. языков является деление прямого объекта на частичный (партитивный) и на полный (тотальный). Это ярче всего наблюдается в финском языке, где для выражения частичного прямого объекта выработался партитивный падеж с суффиксами *-ta*, *-a*, предком которых финно-угроведы считают финно-угорский общепартитивный падеж *-*ta*. Например: *kannamme vetta* «посим воду». В мордовском языке аблатив *-да*, *-до*, *-де* (ф.-уг. *-*ta*) также несет функции, близкие к финскому партитиву: *ярсам умарьде* «поесть ягод»¹.

В коми и удмуртском языках общепартитивный аблатив **ta* не сохранился в чистом виде. Его функции, в основном, выполняет исходный падеж. Также не выработался специальный падеж для выражения частичного объекта, вроде финского партитива. Возникает вопрос, различает ли коми язык частичный и полный прямой объект и выполняет ли исходный падеж функцию оформителя частичного (партитивного) прямого объекта.

Современный коми литературный язык не дает на этот вопрос достаточных материалов. Частичность и тотальность прямого объекта не дифференцируются и одинаково выражаются винительным падежом. Однако в некоторых диалектах частичный прямой объект может оформляться исходным падежом. Например, в ужгинском говоре (Верхняя Сысола) в некоторых случаях говорят: *мӧй чукралан гумагасьыс?* «почему мнешь (ту) бума-

¹ См. об этом П. Аристэ. Примечания. В книге Л. Хакулинен. Развитие..., т. I, стр. 299.

гу?»; мой тайо *неньсьыс* малти сэ кыза? «почему этот хлеб намазал так сильно?»; мой но курчалан *касьсьыс*? «почему кусаешь кошку?»; мой выло тэ *шальсьыс* вежлалан, век менчым пелькөталан? «зачем ты (часто) меняешь *шаль*, всегда надеваешь мою?» и т. д.¹. По-видимому, употребление исходного падежа в этих примерах объясняется частичным значением объекта, подвергающегося действию. В литературном языке такие конструкции не встречаются. Близи к ним обороты с целевым содержанием (с точки зрения русского языка). Например: Нинюм тэныд *деньгасьыс* (личн. набл.) «Не для чего тебе *деньги-то*» (букв. из денег-то); Мый меным тэнад *бумажкаыс* «На что мне твоя *бумажка-то*»; «Жебиник овмөсьяслы *машинаыс* дзик нинюм (Г. Фед. Пов. и расск., 82) «Маломощным хозяйствам совсем не для чего *машины*». Возможно, партитивный оттенок в таких безглагольных сочетаниях придается не только исходным падежом, но и отрицательным местоимением (ср. в русском: *не дал земли*, где отрицание подчеркивает частичность объекта).

Аналогичные сочетания с целево-партитивным значением имеются в финском языке: *Mita varten tarvitset rahaa?* «На что тебе *деньги*?»² (имя стоит в партитивном падеже).

Частичный объект оформляется исходным падежом также при глаголах чувствования, например: гажтөмча *тэыс* «скучаю по тебе» (букв. из тебя). Здесь объект чувствования представляется как нечто единичное, обособленное от других личностей. (Об этом также в разделе Г.)

Объект с частичным значением наличествует и в следующих примерах: *алгебраыс* отсавны «помочь по алгебре» (объект действия — алгебра, в отличие от других дисциплин); *көни арифметикаыс* тетрадьо? (В. к., 1955, № 1, 10) «где моя тетрадь по арифметике?» и т. д. Конструкции такого типа имеются в мокшамордовском языке: *алгебраста* тетрадь «тетрадь по алгебре»; *помоган математикаста* «помогаю по математике»³. В удмуртском языке это значение выражается падежом соответствия: Кытын менам *математикая* тетраде? «Где моя тетрадь по математике?»

Примеры показывают, что в коми языке или в некоторых его диалектах имелась какая-то тенденция разграничения частичного прямого объекта от тотального с помощью исходного падежа. Однако она не развилась в полную силу и оставила незначительные следы в рамках единичных говоров и в отдельных сочетаниях, ныне воспринимаемых как традиционные.

¹ Примеры и их перевод заимствованы из работы Жилиной Т. И. Отчет об экспедиции в Койгородский район (рукопись), фонд Коми филиала АН СССР.

² Сообщение научного сотрудника Института языкознания АН СССР Ю. С. Елисеева.

³ Сообщение аспиранта Института языкознания А. В. Якушкина.

III. Прочие значения исходного падежа

А. Исходный падеж в сравнительных конструкциях. В сравнительных конструкциях имя в исходном падеже обозначает предмет, с которым что-либо сравнивается: *чайыс* арон ыджыд «на год старше *сестры*» (букв. из сестры); *вартөда*, *лэзьөдча* *өдйөджык* *варышыс* (Куратов, 145) «побегу, полечу быстрее *ястреба*» (букв. из ястреба); *кадыс* водз кулис «прежде *времени*» (букв. из времени) умер; лесопункт сетис *паныс* вывти 1000 кубометр вөр «лесопункт дал сверх *плана* 1000 кубометров леса».

Сравнительное значение часто выражается элативной конструкцией с послелогом *дорыс*, который заметно освободился от своего конкретного пространственного значения (дор «край, кромка») и закрепился в системе языка как средство выражения разнообразных оттенков сравнения.

Послелог *дорыс* регулярно употребляется в случае, если: а) сравниваемые объекты выражены существительными в косвенных падежах, б) сравниваемые объекты выражены отглагольными существительными, в) сравниваются временные понятия. Например: Менам төварыд неуна бурджык *Ласей Спиридоновичыдлөн дорыс* (Ал. л.) «Мои товары немного лучше, чем у *вашего Власия Спиридоновича*»; Пөрыс сайо *петом дорыс* джуджыд йирө пыра (Лебедев, Мича ныв) «Чем *выйти* замуж за старика, брошусь в глубокий омут»; Төвся ошкыд *гожся дорсыд* кык гөса (Дін. в., 90) «Медведь зимой в два раза жирнее, чем *летом*».

Эти случаи употребления послелога *дорыс* (в исходном падеже) заметно ограничивают употребление беспослеложного исходного падежа. Вместе с тем они показывают, что послеложные и беспослеложные сравнительные конструкции в известной степени распределили свои функции в языке, главным образом в стилистическом плане.

В других ф.-уг. языках для выражения сравнительных отношений широко употребляются отделительные падежи (аблатив, элатив, партитив), что сближает их с коми языком¹. Примеры: удм. кыл *веньлэсь* но лечыт (поговорка) «язык острее *иголки*» (*вень* — в разделительном падеже); со *мынэсьтым* пересь «он старше *меня*» (*мынэсьтым* — в исходном падеже); эрзя-м. овто *вергиздэ* покш «медведь больше *волка*» (*вергиздэ* — в аблативе); фин. tuo puu on *taloo korkeampi* «то дерево выше *дома*» (*taloo* «дома» стоит в партитиве); эст. ta on *minust* suurem «он больше *меня*» (*minust* стоит в элативе).

В коми-пермяцком языке и в некоторых южных говорах коми-зырянского языка сравнительные отношения выражаются специальным, сравнительным падежом с суффиксом *-ся*: кп. чер

¹ Д. R. Fuchs. Der Komparativ und Superlativ in der finnisch-ugrischen Sprachen, «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. XXX, Hf. 1—2.

вочитжык *пуртса* «топор острее ножа»; сійō *меся* ыджыд (Средняя Сысола) «он выше меня».

Б. Исходный падеж материала. Имя в исходном падеже обозначает материал, вещество, предмет, из которого что-либо изготовляется: *Кузьысь* дженьыд артмас, *дженъыдысь* кузь оз артмы (пословица) «Из длинного короткое получится, из короткого длинное не получится»; Сьōд *изъясысь* ме вōчи бипур места (Т. бияс, 27) «Из черных камней я сложил место для костра».

Значение исходного материала проявляется более абстрактно в предложениях следующего типа: Молодеч, муса пи, *тэысь* вōралысь лоō (Зверьяс бōрся, 35) «Молодец, сынок, из тебя охотник будет»; Чайтан, ен морт *меысь* петас? (Куратов, 21) «Полагаешь, религиозный человек из меня выйдет?»

В коми-пермяцком языке материал, из которого производится предмет, также обозначается исходным падежом: Недырмыйнысь би вылын пусис ни *ёкышшезись* чōскыт черива (Миян луннэзō, 17) «Через некоторое время на огне уже варилась вкусная уха из окуней».

В других ф.-уг. языках наблюдается аналогичное явление: мокша-м. *Модамарьста* тийхть крахмал «Из картофеля делают крахмал» (*модамарьста* стоит в исходном падеже); фин. *tuoli on puusta* «стул (сделан) из дерева» (*puusta* стоит в элативе). В удмуртском языке материал выражается с помощью разделительного падежа. Например: *атласлэсь* вурем платье «платье, сшитое из атласа»; *пудвёслэсь* ящик шуктыны «сбить ящик из досок».

В. Исходный падеж в транслативных конструкциях. Транслативные (превратительные) конструкции обычно состоят из сочетания имен в исходном и вступительном падежах и отвечают на вопросы: из чего? во что? Например: *понйысь* пōри варышō «из собаки (он) превратился в ястреба». Иногда второй компонент такого сочетания оформляется в творительном или именительном падежах: дōраыс *рудысь* лон еджыдōи «положно из серого стало белым»; Регыд вир тан дэбаліс, этша вылтi нин — и *понмысь* лоис кукань, пōчō — *зонмысь* (Куратов, 110) «Скоро здесь кровь остыла, мало стало её — и из собаки вышел теленок, старуха — из парня».

В удмуртском языке превратительное значение выражается разделительным падежом: *Посёлоклэсь* город пōрмиз «Из посёлка возник город».

Исходный падеж в транслативной конструкции является частным случаем употребления элатива для выражения материала.

Г. Исходный падеж для выражения причины. Имя в исходном падеже обозначает основание, источник, мотивировку того или иного действия или состояния: Ольōшлы эз ло лōсьыд Микит чōв олōмысь (Дін. в. 61) «Алексею стало неловко из-за молчания Никиты»; Сійō вōлі явō чуймōма тані лōмторъясысь (Т. бияс, 10) «Он был явно удивлен происшедшим здесь».

Причинные отношения могут выражаться именем без после-

лога и послеложными конструкциями, оформленными суффиксом исходного падежа. Например: мудзи *ветлытōм* *вылысь* «я устал оттого, что давно уже не ходил»; *унйивсысь* горōдіс «спросонья вскрикнула»; *времясы* вовис, дай кулі, а эз жō сēян *помысь* (Висер вожса мойдъяс, 231) «пришло время, и умер, а не от пищи же».

В коми языке причинные отношения выражаются двумя падежами — исходным на *-ысь* и достигательным на *-ла*. Эта синонимика еще не изучена. Необходимо отметить, что в ряде диалектов (Вымь, Верхняя Сысола, Ижма) причинные отношения преимущественно выражаются исходным падежом, и говорящие почти не прибегают к падежу с суффиксом *-ла*. Например: *Висьōмысь* эз волю школаō (Ужга) «Из-за болезни он не приходил в школу» (в литературном языке — *висьōмла*).

В других пермских языках причинные отношения выражаются иными средствами. Коми-пермяцкий язык регулярно употребляет отдалительный падеж на *-сянь*: Но унасō тōдны эз удайтчы: *мыдзōмсянь* сiя висьтасис дыша «Но многое узнать не удалось: от усталости она говорила неохотно». В удмуртском языке исходный падеж встречается в послеложных конструкциях: *ветлымтэ* *валысь* жади «с непривычки устал». Обычно причина выражается творительным падежом: *керпотэмен* пōсектыны «сгорать со стыда», *кыммемен* кучыкъяны «икать от холода» (букв. холодом).

В прибалтийско-волжских языках причина выражается элативом и аблативом: фин. *hutistä vilusta* «дрожать от холода» (*vilusta* — в элативе), эрзя-м. пушкань *вайгельде* пилень а марить «от грохота пушки мои уши не слышат» (*вайгельде* — в аблативе).

Д. Исходный падеж компенсации и оценки. Исходный падеж употребляется в именах, обозначающих вознаграждение, возмещение за что-либо или оценку какому-нибудь действию: Книгасō ньōби *кык шайтысь* «Книгу купил за два рубля» (букв. из двух рублей); Омōль *уджысь* гōн паныд шыльōдōны (пословица) «За недоброкачественную работу против шерсти гладят»; Ыджыд аттō *таысь* и бур нога *велōдмъясысь* (Дін. в., 79) «Большое спасибо за это и за хорошие советы».

В мордовском и финском языках значение возмещения выражается элативом и аблативом: фин. *maksaa ruoasta* «платить за пищу», эрзя-м. кеж пандомс *обидадо* «гневом платить за обиду». В удмуртском языке это значение выражается творительным падежом: *книгасэ* *вить манетэн* басытыны «купить книгу за пять рублей» (букв. пятью рублями).

ВЫВОДЫ

1. Суффикс исходного падежа *-ысь* является общепермским и имеется во всех диалектах коми и удмуртского языков. Стержневыми значениями этого падежа выступают местно-исходное и отдалительное (в широком понимании).

2. Общепермской функцией исходного падежа является выражение местно-исходного движения (кз. *petis керкаысь* «вышел из дому», куті *вõрысь* «поймал в лесу»; удм. *дугдйз зоремысь* «дождь перестал», *вуысь* потэм «вышел из воды» и т. д.).

3. Отделительное значение исходного падежа отмечено, главным образом, в коми языке. Глаголы отделения в удмуртском языке управляют разделительным падежом на *-лэсь*: кз. тор-йõдчис *йõзысь* «отделился от людей», удм. *калыклясь* люкисыкыны «отделиться от людей».

4. Исходный падеж имеет функции, присущие только коми-зырянскому языку (выражение сравнительных, причинных, заместительных отношений).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Куратов* — Куратов И. А. Художественной произведения, I т. Сыктывкар, 1939.
- Фокош*, *Volksdicht.* — Fokos-Fuchs. *Volksdichtung der komi (syryänen)*, Budapest, 1951.
- Дин. в.* — В. Юхнин. *Динъельса вõрпункт* (повесть), Сыктывкар, 1938.
- Миян луннэзõ* — Рассказзэс, пьесаэз, стихез да очерккез (сборник). Кудымкар, 1954.
- Удм.-рус. сл.*, 1948 — Удмуртско-русский словарь. М., 1948.
- В. к.* — Журнал «Войвыв кодзув».
- Г. Фед.* Пов. и расск. — Г. Федоров. *Повестьяс да рассказяс*, Сыктывкар, 1955.
- Т. бияс* — В. Юхнин. *Тундраса бияс* (роман), I часть, Сыктывкар, 1948.
- В. Савин* — В. Савин. *Бõрйõм гижõдъяс*, Сыктывкар, 1956.
- Фолькл. сб. Плес.* — Коми мойджкывъяс, сыланкывъяс да пословицаяс. Лёсь-дiс Ф. Плесовский, Сыктывкар, 1956.
- Вуж Мултан* — Петров. *Вуж Мултан* (Старый Мултан), роман, Ижевск, 1954.
- Ал. л.* — В. Юхнин. *Алõй лента* (роман), Сыктывкар, 1955.
- Личн. набл.* — личные наблюдения (относятся к говору с. Деревянск Усть-Куломского района).

З. И. КУЗНЕЦОВА

ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ КОМИ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII в.¹

Памятники коми письменности XVIII века можно разделить на три группы: 1) рукописные переводы «Божественной литургии» на коми-зырянском языке; 2) памятники письменности, написанные на древнепермском (древнекоми) языке и 3) коми-зырянские словарики и разговорники.

Остановимся на каждой группе в отдельности.

I. Переводы литургии на коми-зырянском языке

В конце XIV века миссионером Стефаном Храпом, впоследствии названным Пермским, была составлена азбука древнепермского языка. Стефан, занимаясь миссионерской деятельностью, переведил книги на древнекоми язык и обучал пермян грамоте. Русский церковный писатель Епифаний Премудрый (ум. в 1420 году), написавший биографию Стефана, сообщает: ...«петие и перепеваа и перелагаа и писати научая их пермские книги; и сам спомогаа им, переводяще с русских книг на пермские книги, и сиа предасть им. И так оттоле друг друга учаху грамоте, и от книг книгу переписующе, умножаху, исполняюще»².

Трудно сказать, какие именно книги переводил Стефан, так как до наших дней из древнепермской письменности мало что сохранилось. Существуют разные мнения в отношении древнепермской письменности; например, некто Лебедев А. в статье «Святой Стефан, епископ Пермский» пишет: «Из переведенных св. Стефаном на пермяцкий язык — часослова, псалтыря, избранных чтений из Евангелия, Апостола, пиремий, октоиха, Литургии доселе сохранилась только Литургия...»³

¹ Статья представляет собой фрагмент из кандидатской диссертации, которая пишется под руководством проф. В. И. Лыткина (Институт языкознания АН СССР).

² «Памятники старой русской литературы», вып. IV, СПб., 1862, Епифаний, «Слово о житии и учении св. Стефана, бывшего в Перми епископом».

³ «Вологодские Епархиальные Ведомости», № 12, 1896.

Нам ясно, что Стефан действительно занимался переводческой деятельностью, переводил божественные книги на древнепермский язык.

В некоторых церквах Коми края, по-видимому, по стефановской традиции церковные стихи вплоть до XVIII века распевались на родном языке. Так было, например, в селе Вотче по р. Сыsole, где в 1390 году была обоснована пустынь (монастырь), которая просуществовала до 1764 года¹.

Нам неизвестно, на каком языке (на древнепермском или на коми-зырянском) пели эти церковные стихи в XVIII веке, поскольку с этого периода сохранились до нас памятники церковной службы, написанные как на древнепермском, так и на коми-зырянском языках.

Из памятников церковной литературы XVIII века, написанных на коми-зырянском языке, сохранились четыре списка «Божественной литургии» (Румянцевский, Ундольский, Савваитовский № 1, Савваитовский № 2).

Имеется возможность установить время появления этих четырех списков литургии (обедни). Во всех 4-х списках упоминается Екатерина II, великий князь Павел Петрович, Александр и Константин Павловичи, великая княгиня Мария Федоровна, епископ Пермский и Тотемский Иоанн.

Константин Павлович родился в 1779 году, а епископ Пермский и Тотемский Иоанн правил епархией в 1767—1786 годах. Таким образом, можно установить, что первоначальный список обедни был в употреблении в 1779—1786 годах².

Несколько слов надо сказать о происхождении этих 4-х списков, о времени, месте их возникновения и о переписчиках.

В списке Ундольского сказано, что рукопись была «списана в бытность въ Вологде 1798 года». Два других списка (Савваитовский № 1, Савваитовский № 2) находятся в архиве Савваитова, работавшего, как известно, долгое время преподавателем в Вологодской семинарии.

Можно предположить, что эти две рукописи также доставлены туда, где они теперь хранятся (см. ниже), из Вологды или из Вологодской губернии. Не исключена возможность, что переводчиками на коми-зырянском языке и переписчиками были семинаристы Вологодской и Великоустюжской семинарий³.

¹ Г. С. Лыткин. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык, СПб., 1889, стр. 71, примечание.

² Не исключена возможность, что «Служба» была написана раньше, а в 1767—1786 годы в тексте были изменены имена царской фамилии и епископа.

³ В 1758 году Лукой Коношевичем, епископом Великоустюжским, была открыта в Великом Устюге семинария, куда «были собраны около ста человек детей духовенства и были организованы два отделения: низшее и высшее. Их называли «славяно-российской и славяно-латинской школами» (История Российской иерархии, ч. 1, стр. 443, «Вологодские Епархиальные ведомости» № 16, 1887 г.). В 1799 г. в славяно-латинской школе было 39 учеников, а в славяно-российской — 56 учеников.

Грамотные люди XVIII века, любители древностей, возможно, из семинаристов Вологодской и Великоустюжской семинарий, переписывали «Божественную службу» на зырянском языке, и эти списки дошли до наших дней.

Дадим краткие сведения об упомянутых 4-х списках «Божественной литургии».

1) **Румянцевский список.** Список хранится в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина под шифром ф. № 39, среди собраний графа Румянцева (1754—1826), который был крупным собирателем памятников старины. Из переписки Румянцева с митрополитом Евгением видно, что Румянец интересовался и зырянскими древностями: «Есть ли действительно в императорской эрмитажной библиотеке какие-нибудь зырянские рукописи и языческие их идолы, как будто бывший Ярославский и Вологодский генерал-губернатор Мельгунов, отыскавши, туда доставил, как мне сказывали здесь в 1813 г. 23 января¹. Румянец на письмо Евгения отвечает отрицательно.

Рукопись находится среди различных бумаг, о которых Востоков в «Описании рукописей Румянцевского музея» пишет: «Выписки исторические в мелких статьях по разным предметам, из разных мест полученные расположены по старшинству времени».

Рукопись без переплета, бумага немного пожелтела, размер рукописи 12 × 23 см, объем в 10 листов. Текст расположен двумя столбиками: с левой стороны славянский текст, справа — зырянский. Для образца приведем несколько строчек.

Каким образом попал этот список в Румянцевский музей, остается неизвестным.

2) **Список Ундольского.** Список находится в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина под шифром ф. 310, № 59, среди собраний В. Ундольского (1815—1864); Ундольский был большим знатоком и крупным собирателем древних письмен.

Рукопись сохранилась в довольно хорошем виде, она представляет собой тетрадь размером 16 × 23 см, в картонном пере-

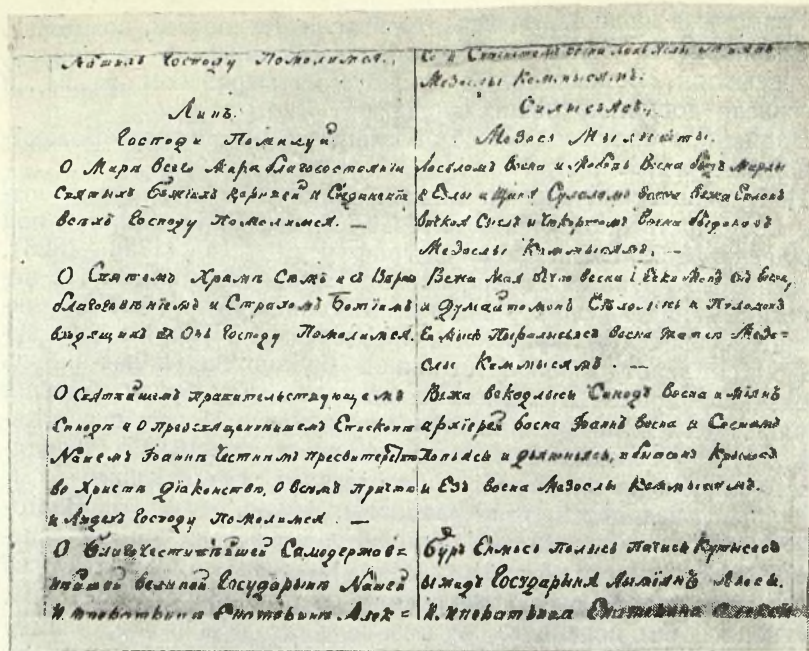
При преемнике Луки, Гаврииле, в Устюжской семинарии были классы: инфический, синтаксический, пиитический. Учащихся было 167 человек. В 1763 году в семинарии были следующие классы: 1) словенский или словено-российский, 2) аналогический, 3) инфический, 4) синтаксический, 5) грамматический, 6) пиитический, 7) риторический (В. Е. В. № 16 1887).

С упразднением Великоустюжской Епархии и соединением ее с Вологодской, семинария в Великом Устюге была ликвидирована и соединена с Вологодской семинарией.

Вологодская семинария была основана в 1729 году, она вначале называлась словено-латинской школой, а впоследствии в 1778 году «указом св. Синода велено завести семинарию» (История Российской иерархии, ч. 1, стр. 431).

В этих семинариях, несомненно, учились также дети духовенства Коми края.

¹ Переписка Евгения с Румянцевым, стр. 1.

Румянцевский список.

плете. Викторов в описании фонда Ундольского пишет: «Божественная служба, сочиненная св. Стефаном, епископом пермским, с присовокуплением краткого словаря на зырянском языке. Скорпись 1798 года на 36 л. в 4-ку».

В рукописи, кроме перевода «Божественной службы», имеется краткий зырянский словарь и отрывок заупокойной службы на древнепермском языке (см. ниже). На бумаге рукописи Ундольского имеется водяной знак 1880.

По содержанию список Ундольского совершенно сходен с Румянцевским списком. Сличая эти два списка, можно заметить, что списывали тексты все же разные люди и с разных оригиналов. Рукописи отличаются по графике, орфографии, в частности по разделению слов на слоги:

Румянцевский список

бурси
мезослы
пырчитомъ
бурсиема
сыпычкотъ
чюжтисень
гордь

Список Ундольского

бурсій
мезоль
тырчитомъ
бурсіема
сыпычкодъ
чюжтысесь
горть

И ждоды съясось
Адось
кваи тодь
темыдь
Ей мо
кыдззи
верманъ ныдь
чюждинъ

И ждодысьясось
Одось
квейтодь
пемыдь
Еймо
кыдьззи
верманъныдь
чюжтинъ

и т. д.

Остальные два списка (Савваитовский № 1, Савваитовский № 2) находятся в Ленинграде. Они хранятся в рукописном отделе Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина под шифром Q1, № 1217, Q1, № 1218. Дадим краткие сведения об этих списках.

3) **Савваитовский список № 1.** Список написан полууставом XVIII века, он представляет собой тетрадь размером 16 × 23 см, переплет картонный, покрытый тонкой кожей с зеленоватым оттенком.

В рукописи 86 страниц. Текст написан двумя столбиками: по-славянски и по-зырянски. Красные строки, начинающиеся с букв, написанных красными чернилами, украшены художественной росписью. Текст написан темно-коричневыми чернилами. Бумага немного пожелтела.

На полях имеются заметки, сделанные карандашом, по-видимому, принадлежащие Г. С. Лыткину.

В тексте много надстрочных знаков, расставлено ударение. Начиная с первого листа и далее имеется водяной знак 1782. Надо думать, что список был выполнен не ранее 1782 года.

4) **Савваитовский список № 2.** Список представляет собой тетрадь в 34 листа в картонном переплете, углы обтянуты материей красного цвета, размер 23 × 18 см. Текст написан скорописью последней четверти XVIII века двумя столбиками: по-славянски и по-зырянски.

Бумага совсем пожелтела. На каждом листе имеется водяной знак 1782. Расставлено ударение, имеются подстрочные знаки.

Обе рукописи (Савваитовская № 1, Савваитовская № 2) приобретены у Савваитова. По содержанию эти списки совершенно сходны с Румянцевским списком и списком Ундольского, но по графике и орфографии они отличаются друг от друга. Это говорит о том, что исполнителями этих списков были разные люди (см. снимки).

Имея в распоряжении четыре списка, сравнивая их, можно прийти к выводу, что все эти рукописи являются лишь воспроизведением первоначального списка, который, возможно, был оригиналом перевода с древнепермского языка на коми-зырянский.

На то, что все четыре списка восходят к одному оригиналу, указывают следующие данные: 1) содержание всех четырех списков одно и то же, без всяких отклонений; 2) графика и орфогра-

фия во всех четырех списках в основном совпадают; 3) язык перевода в общем один и тот же; 4) во всех списках допущены даже одни и те же ошибки (описки): верготся (вм. берготся), вежа веасодлысь (вм. вежа веськодлысь), ленмысь (вм. енмысь), кокъясныдпо (вм. кокъясныдтö), лусодны (вм. кусодны), и саить (вм. квайт); куклысьяс (вм. кулысьяс), зевъ сантомъ (вм. зевъ состомъ) и т. д. Если и имеются отдельные отклонения в языке, то они легко объяснимы влиянием речи переписчиков¹.

В дальнейшем при переписывании каждого из этих 4-х списков были внесены некоторые диалектизмы, допущен ряд ошибок, неправильное деление слов, пропуск целых абзацев и т. д.; вследствие этого эти списки стали несколько отличаться друг от друга.

Нижеприведенная сравнительная таблица ясно указывает на то, что эти списки литургии переписывались разными лицами: нылъ (Сав. № 2), нывъ (Рум., Ундол.); сыкать (Рум.), сыкодъ (Сав. № 2); быдкоть (Рум.), быдонкодъ (Сав. № 2); чюжомъ (Унд.), чюжома (Сав. № 1).

Ундольский список

пропуск (5)

мылышты миянось енмо

ыжидь милостьтыдъ тенадъ

куза кемысям кывзы и мылышны (16)

дыдысь (12)

пермодсе (13)

чюжетинъ (11)

куимас (11)

сыдонось (12)

визись ясысь (11)

Румянцевский

вежо (1)

пачись (1)

кутысь (1)

няль

от савъ (2)

Румянцевский

мезослы (2)

пырчитомъ ясотъ (2)

бурслемаосъ (2)

немьясо (2)

бурси (3)

орлялонъ (3)

чюжтисень (4)

Савваитовский № 2

силысьяс

мезосо мылышты

пропуск

лыдысь

вермоде

чюждинъ

коимас

быдонось

визисьясысь

Савваитовский № 1

весна

ачись

кутысь

нясь

отсавъ

Ундольский

мезосль

тырчитомъясотъ

бурсиемаосъ

немьясо

бурси

орлялонъ

чюжтисень

аснымосодъ (4)

жугодлинъ (6)

гордъ (6)

куи мао (6)

чюждинъ (7)

кыдззи югди сонъ вошломъ (7)

Румянцевский

борсома (1)

адонъ (1)

лозя ломіо (1)

вичкоя сысь (1)

аснымосодъ

жугодлиннъ

гортъ

куимао

чюжтинъ

кыдзи югди вошломъ

Савваитовский № 2

бурсима

аминъ

лозяломсо

вичкоясыслы

и т. д.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что мы имеем дело с 4-мя самостоятельными списками обедни на коми-зырянском языке.

II. Памятники XVIII века, написанные на древнепермском языке русскими буквами

К этой группе памятников относятся Лепехинские тексты, Евгеньевские тексты и отрывок обедни за упокой в Ундольской рукописи. На этих текстах подробно не будем останавливаться, так как разбор первых двух текстов дан в книге проф. Лыткина В. И. (Древнепермский язык, Москва, 1952 г., стр. 51 и далее).

Дадим краткое описание списка Ундольского.

Список находится в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, среди собраний В. Ундольского (см. выше). Текст помещен на 31, 32, 33 листах, в объеме 101 строчек, начинается заглавием «Служба за упокой». Список написан двумя столбиками: слева — славянский текст, справа — древнепермский. Содержание списка — это заупокойное Евангелие и Апостол.

На бумаге имеется водяной знак 1800.

Как установлено, Лепехинские и Евгеньевские тексты являются двумя самостоятельными списками, произведенными с единого оригинала. Этот единый оригинал в конечном счете восходит к стефановскому периоду, который первоначально был написан древнепермскими буквами. Перевод с древнепермской азбуки на славяно-русский был произведен во второй половине XVII века¹.

Данный список обедни (список Ундольского), представляющий собой отрывки литургии, является, как и Лепехинские и Евгеньевские тексты, самостоятельным списком, он не списан с Лепехинского текста и не является оригиналом последнего

¹ Подробно об этом будет изложено в следующих главах диссертации

¹ В. И. Лыткин. Древнепермский язык, М., 1952, стр. 57—66.

(акад. И. И. Лепехин напечатал текст древнепермской обедни в 1780 году)¹. Об этом ясно говорит следующее сравнение:

Лепехинский список

кулома ясь кыласнысь (55)
 овжасть (50)
 искишь (46)
 сыцы (36)
 куцысылань (76)
 инаюешь (52)
 карсалы (7)
 идогъ яслынъ (8)
 паюеллонъ (8)
 лыдянысь (9)
 медтодданыдъ (11)
 воитыръксырныслонъ (14)
 абулкежа (15)
 воандырь (23)
 огсдонымъ (24)
 ныкотъ (33)
 сыщеніанъ (17)
 лебанино (36)
 иотнеовимъ (53)
 ми оломъ (23)
 Крестось (30)
 менамъ (77)
 тенить (82)

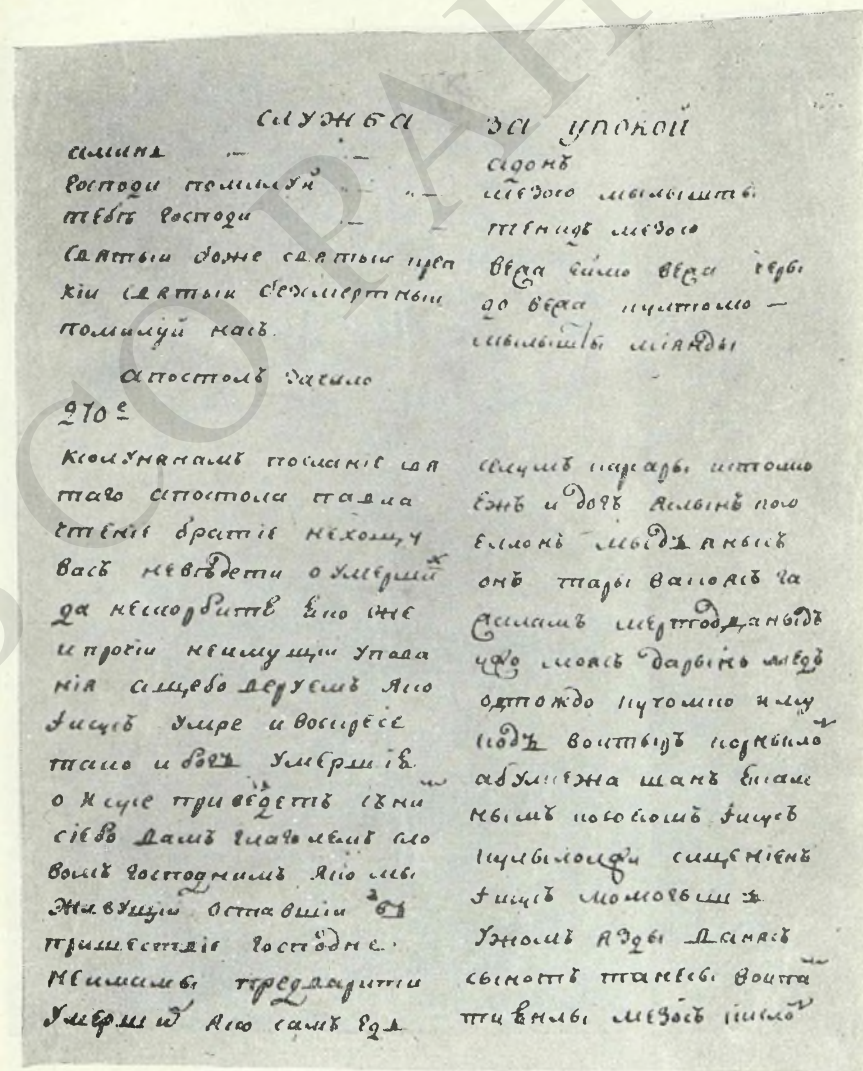
Список Ундольского

кулома яскыласнысь (55)
 овжасть (50)
 лекышь (47)
 сицы (36)
 куцыкыланъ (78)
 и наюешь (52)
 корсары (7)
 и догъ яслынъ (8)
 поюеллонъ (8)
 мыдьянысь (9)
 мертодданыдъ (11)
 воитырь корныслон (14)
 абулиежа (15)
 воаныдыд (22)
 огодономъ (24)
 никодъ (33)
 сиценіенъ (17)
 лебанидо (36)
 нотне овимъ (54)
 мы оломъ (23)
 Христось (30)
 менамъ (80)
 тенидъ (84) и т. д.

Знаменательно то, что отрывки обедни в списке Ундольского в общем соответствуют старшим Евгеньевско-Лепехинским текстам (лишь самое начало, 1—6 строчки, относятся к младшим текстам). Трудно сказать, представляет ли это случайное явление. Весьма возможно, что из того списка, с которого производилась переписка Ундольского списка, каким-то образом выпала середина, т. е. та часть, которая в Лепехинских списках находится между заупокойным Евангелием и тропарем крещения.

Таким образом, в нашем распоряжении теперь имеются следующие три списка древнепермской обедни: Лепехинский, Евгеньевский и Ундольский (последний неполный).

Здесь мы впервые публикуем список древнепермской обедни Ундольского.

Список древнепермской обедни Ундольского.

¹ Дневные записки путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 г., т. III, СПб., 1780, стр. 189—276.

въ повѣствованіи во имя свѣтлѣ
 архангеловъ и въ трудѣхъ
 южнихъ смирѣннѣ смирѣннѣ
 и мѣртвѣннѣ о христе въ
 мѣртвѣннѣхъ первѣе по-
 столихъ же и въ живыхъ
 остасшихъ ничто смѣннѣ
 возмѣннѣннѣ охремѣннѣ на
 оклащенѣхъ встрѣченѣхъ
 въ тождѣхъ на во въ душѣхъ и
 таковѣхъ вѣгда свѣ тождѣхъ
 будѣннѣхъ.

Символика — —
 и духови твои
 отъ іоанна святаго
 евангеліа хитеніа

рече господь по пришедъ
 шимъ къ немъ іудеи

ен въ свѣтѣ мѣдорѣхъ воитѣннѣхъ
 и въ ономъ явѣ мѣдѣннѣхъ
 іудѣхъ охремѣннѣхъ ухремѣннѣхъ
 мѣдѣхъ тоіхъ іудѣхъ и мѣдѣхъ.

мѣдѣхъ емномъ хитпо
 монѣхъ и штрѣмонѣхъ дордѣ
 и дордонѣхъ хоря ономъ мѣдѣннѣхъ
 іудѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 хитпоіхъ дордонѣхъ, дордонѣхъ
 мѣдѣхъ вадурѣхъ мѣдѣхъ ономъ
 явѣ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ іудѣхъ
 тоіхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ,
 мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 вога мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 копѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ

и тождѣхъ мѣдѣхъ тѣдѣхъ
 и вѣдѣхъ мѣдѣхъ
 явѣхъ.

мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 воитѣннѣхъ іудѣхъ

Аминь аминь явѣннѣхъ сѣдѣннѣхъ и немнѣхъ тѣдѣхъ
 Вамъ явѣ сѣдѣннѣхъ воитѣннѣхъ тѣдѣхъ явѣ мѣдѣхъ
 словеса моего и въ душѣхъ и въ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 тождѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 фивотѣхъ вѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 не прѣдѣхъ но прѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 отъ мѣдѣхъ вѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 слыши аминь явѣннѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 Вамъ явѣ явѣннѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 и мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 тѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 свѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 вѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 вѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 отъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 въ себѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 и вѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 въ себѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 емъ и сѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 явѣ сѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 не мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 іудѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 вѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 вѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 явѣ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 свѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ
 сотворши мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ мѣдѣхъ

Объясненіи слова
Алотаборши Мия въ
Мошуринскіи суда не
моу авъ оседъ Ивори
Нискоже Инеде
Гибшы суды иудъ
мои переведъ Еттъ
Яно нешичъ божи
мелъ ни вои пома
бшаго мѣ стца.

Съвѣдѣе востодъ
лива птеде
востодъ пошшичъ
тебѣ востодъ
В. мшанъ

Иворасешианъ сѣиъ пѣломъ
будъ чашонъ івѣ мошуринъ
иго въ олошианъ алоиъ
чашившиъ івѣ. мѣтъ
Иидъ нежѣ ошшианъ
алоиъ чашивъ івѣ
мошуринъ шѣвъ мѣтъ
манъ оѣъ юрѣ мѣше
Ужашкъ ашшианъ
кимоъ шѣвъ мѣтъ
юрѣ Ашшианъ юрѣ
мои мѣтанъ ошшианъ
юешъ юрѣ мѣтъ оѣъ
шѣвъ мѣтъ юрѣ
алоиъ мѣтъ мѣтанъ
нишанъ шѣвъ мѣтъ
нишанъ шѣвъ мѣтъ
мѣтъ мѣтанъ
шѣвъ мѣтъ
Вдонъ.

Книжка Гостодъ
тронръ

Вонорданъ Крещанскъ
тебѣ Гостодъ и протъ

Иуданчикъ вонорданъ
шѣвъ мѣтъ мѣтанъ
юрѣ мѣтанъ юрѣ
мои мѣтанъ юрѣ
шѣвъ мѣтъ мѣтанъ
шѣвъ мѣтъ мѣтанъ
шѣвъ мѣтъ мѣтанъ
шѣвъ мѣтъ мѣтанъ
шѣвъ мѣтъ мѣтанъ
шѣвъ мѣтъ мѣтанъ
шѣвъ мѣтъ мѣтанъ
шѣвъ мѣтъ мѣтанъ

III. Древнейшие словари и разговорники

Лексика коми языка XVII—XVIII веков представлена в следующих работах: «Церковный устав 1608 года»¹, Witsen N. «Noord en oost tatarye» («Северные и восточные татары»), т. II, второе издание, Амстердам, 1785; Черновые бумаги Мессершмидта (рукопись); I. Strahlenberg «Das Nord und ostlich Theil von Europa und Asia...» («Описание восточной и северной части Европы и Азии»), Стокгольм, 1730; Müller G. «Sammlung russischer Geschichte», СПб, 1758; Миллер Г. «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов», СПб, 1791; Лепехин «Дневные записки», т. III, СПб., 1780; Черновые бумаги Лепехина (рукопись); Краткий зырянский словарь (рукопись); Паллас. «Сравнительные словари всех языков и наречий», СПб, 1787—89 гг.; Adelund I. und I. gater «Mithridates, oder allgemeine Sprachkunde» 1806—1817 г.

Остановимся на характеристике каждого источника в отдельности. Ввиду того, что эти источники мало изучены, мы будем приводить из них как можно шире иллюстративный материал.

¹ Г. С. Лыткин. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык, СПб, 1889, стр. 22—23.

1. «Церковный устав» 1608 г.

По данным Г. С. Лыткина, в «Церковном уставе» 1608 г., находящемся в Румянцевском музее, представлены некоторые коми-зырянские слова, а именно названия месяцев¹: март — рака тӧлыс; апрель — косму; май — ѓда кора; июнь — ледзйа номйа; июль — су оран; август — моза; сентябрь — кача; октябрь — йирмӧг; ноябрь — йи кутан²; декабрь — тӧл, лым; январь — тӧлшӧр; февраль — вурс'ан.

2. Witsen N. «Noord en oost tatarye» т. II

Витсен, голландский юрист и географ, в 1664—67 годы был в Москве в голландском посольстве. На основе собранных материалов о России он в 1692 году издал книгу «Noord en oost tatarye». Второе издание книги вышло в 1705 году. Книга написана на голландском языке. Во втором томе этой книги II издания на стр. 811 помещен перевод «Отче наш» на коми языке. Текст молитвы из книги Витсена мы даем без всякого изменения: «Mian aje, kon dose vilin olaniin, med rezasas tead namid, canulni med voos mian orda it zytujnasmedvo, zegol vilin olani in, imu vilin. Mon cudoloi nian vaimianlo oni. Lez mianlo uzjez, tegol mi leziam mian u zjezuvotizlo, vozty porjalomos dorz mianlo kulordis».

Этот сильно искаженный текст следует воспроизвести примерно так: «миян ае, ки́н (олӧ)³ вылын оланінын, мед вежасяс теад нимыд, каналны⁴ мед воас, миян ордӧ (гажыд) мед воас (кыдзи) вылын оланінын и му вылын (ӧнія кадся) нянь вай и миянлы ӧні; лэдз миянлӧ уджйӧз, (кыдзи) ми лэдзам миян уджйӧза войтырлӧ, видзты пӧръялӧмысь, дорйы миянлӧ⁵ куль ордись».

Характеризуя коми народ, Витсен указывает на то, что еще в XIV веке коми приняли христианскую веру. Далее автор описывает охоту, рыболовство, торговлю коми с другими народами, в частности с ханты, манси.

О тексте «Отче наш» автор ничего не пишет. Откуда был взят этот текст, кто перевел его с русского на зырянский, остается неизвестным.

3. Черновые бумаги Мессершмидта

Мессершмидт (1685—1735), немец по происхождению, работал в Петербургской Академии наук. В 1720—27 годы путешествовал по России. В Ленинграде в Архивах АН СССР среди его

¹ Слова даны в воспроизведении Г. С. Лыткина.

² Название ноября месяца в «уставе» отсутствует.

³ В скобках мы помещаем воспроизведение слов, не поддающихся расшифровке.

⁴ Каналны употреблено в значении отглагольного существительного каналом «царствование».

⁵ Миянлӧ — винительный падеж.

бумаг находятся записи коми слов, сделанные немецкими буквами: ottik (ӧтик)¹ «один», кеск (кык) «два», куим (куим) «три», nial (нӧль) «четыре», witt (вит) «пять», куат (квайт) «шесть», zisim (сизим) «семь», кокиамс (кӧкъямыс) «восемь», окмас (ӧкмыс) «девять», das (дас) «десять».

Надо думать, что коми слова записаны автором во время путешествия его в Сибирь.

Кроме вышеуказанных слов, нам ничего не удалось найти. Часть коллекции Мессершмидта погибла при пожаре Академии наук в 1874 году. Возможно, среди погибших бумаг были материалы и по коми языку.

4. Strahlenberg. «Das Nord und ostlich Theil von Europa und Asia»

Страленберг, шведский офицер, в 1709 году был взят в плен, 13 лет пробыл в Сибири. В 1730 году издал книгу. В книге Страленберга помещено 26 коми слов, а именно: ottik (ӧтик) «один», кеск (кык) «два», куим (куим) «три», nial (нӧль) «четыре», witt (вит) «пять», куат (квайт) «шесть», zisim (сизим) «семь», кокиамс (кӧкъямыс) «восемь», окмас (ӧкмыс) «девять», das (дас) «десять», scho (сӧ) «сто», jahn (ен) «бог», mort (морт) «человек», nian (нянь) «хлеб», jay (яй) «мясо», kӧгг (кар) «город», ma (му) «земля», kizillas (кодзув) «звезда», schin (син) «глаз», kill (кыв) «язык», tosch (тош) «борода», ку (ки) «рука», lapa (лапа) «нога», schonde (шонди) «солнце», tolish (тӧлысь) «месяц», рӧпп (пон) «собака», ву (би) «огонь», wow (вӧв) «лошадь».

5. Müller G. «Sammlung russischer Geschichte».

Миллер. «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов»

Миллер Г. Ф., историк и археограф, в 1725—85 годы путешествовал по России. В 1733—43 годы он работал в Сибири в архивах административных центров: в Тобольске, Тюмени, Омске и др. На основе собранных материалов Миллер с 1732 года начал издавать «Sammlung russischer Geschichte». В третьем томе книги даны около 300 слов коми-зырянского языка². Записи слов сделаны немецкими буквами.

В другой его книге «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов», изданной в 1791 году, напечатаны те же слова и выражения, что в его первой книге, с той только разницей, что запись слов сделана русскими буквами и количество слов немного больше.

В предисловии автор указывает, какую территорию занимают народы коми и пермяков: «Пермяки и Пермичи, яко жители

¹ В скобках мы даем расшифровку слов в современной орфографии (точность расшифровки и перевода с немецкого языка во всех нижеприводимых примерах ввиду отсутствия первоисточников редакцией не уточнена).

² Там имеются аналогичные словарики по коми-пермяцкому, удмуртскому и др. языкам.

между Солью-Камскою и Чердынем, которые с зырянами Устюжскими, Соль-Вычегодскими и Яренскими за один народ почитаются».

Далее автор пишет: «...слова на пермском и зырянском языках собрал я сам в бытность у сих народов при возвращении моем из Сибири»¹.

Записанные автором коми-зырянские слова несомненно указывают на эловый диалект: *töl, tol* (төл) «зима», *asyl, assil* (асыл) «утро», *nyl, nül* (ныл) «дочь», *wöl* (вөл) «лошадь», *jöl* (йёл) «молоко», *sol* (сол) «соль», *schol* (чёл) «перестань», *sulal* (сулал) «стой» и др. Надо отметить, что автор коми слова записал не у одного человека, а нескольких лиц. Только этим можно объяснить запись таких слов, как *küw* (кыв) «язык», *püwschem* (пывсем) «баня», *pjow* (ньов) «стрела», ясно указывающее на вз-эловый диалект.

Объектом исследования, по-видимому, был человек, говорящий на говоре, близком к летско-лузскому диалекту, на что указывают слова *posdig* (позтыр) «яйцо», *kubord* (куборд) «летучая мышь», *tscherik* (черик) «рыба», *adsch* (адз) «пойма» и др.

В первой книге Миллера лексика коми языка в фонетическом отношении передается более точно, чем во второй книге.

Здесь мы даем лексику коми языка из книги Müller «Sammlung reussischer Geschichte» с добавлением из его же книги «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов»: *ien* (ен) «бог», *kul* (куль) «дьявол», *ien-esch* (енэж) «небо», *kümar* (кымөр) «облако», *töl tol* (төв) «ветер», *ien sere sere* (ен зэрё, зэрё) «дождь», *Ljüm* (лым) «снег», *scher* (шер) «град», *güm, eengümala* (гым, ен гымалё) «гром», *bi, malanja* (би, чард-би) «молния», *schondi* (шонди) «солнце», *tüllis, tölisch* (тöлысь) «луна», *kodschul* (кодзув) «звезда», *lün* (лун) «день», *woi* (вой) «ночь», *asyl, assil* (асыл) «утро», *lunscher lünschör* (луншөр) «полдень», *güt* (рыт) «вечер», *woi-scher, woi-schör* (войшөр) «полночь», *woskresenie* (вöскресеня) «воскресенье», *wuil-lün* (вьильлун) «понедельник», *waltortik* (волторник) «вторник», *schereda* (середа) «среда», *tschetwerk* (четвер) «четверг», *pjat-nitscha* (пятница) «пятница», *subota* (субöта) «суббота», *pedjel* (неделя) «неделя», *tölich* (тöлысь) «месяц», *wo* (во) «год», *bi* (би) «огонь», *tschün* (тшын) «дым», *schom* (шом) «уголь»,

¹ Из Сибири Миллер Г. Ф. возвращался, по-видимому, по тому же тракту, по которому двигался акад. Лепехин в 1771 г., а именно: г. Соликамск — д. Селищи (первая коми-пермяцкая деревня при Лепехине) — погост Юксево — волок 90 верст — Кайгородок (на верхней Каме) — Кирсанский завод — с. Всесвятское — с. Сирьянское — г. Слободской.

Двигаясь по этому пути, он пересек не только коми-пермяцкую территорию (от д. Селищи до волока) и территорию зюдинцев (на верхней Каме), диалект которых занимает промежуточное место между пермяками и зырянами, но и проехал поблизости от коми-зырян, проживающих в северной части бассейна рр. Летки и Кибры (см. Лыткин В. И. «Древне-пермский язык» М., 1952, стр. 51).

wa (ва) «вода», *mu* (му) «земля», *tschol* (чой) «гора», *mu* (му) «поле», *tui* (туй) «дорога», *wör* (вөр) «лес», *pu, pess* (пу, пес) «дерево, дрова», *saritsch* (саридз) «море», *tü* (ты) «озеро», *adsch* (адз) «большая река», *ju* (ю) «малая река», *schor* (шор) «источник», *lüa* (лыа) «песок», *schoi* (сёй) «глина», *is* (из) «камень», *poiim, essisch* (пöим, эзысь) «золото», *esch, sarni* (эзысь зарни) «серебро», *wesch irgan* (веж ыргөн) «медь зеленая», *ürgen, jrgen* (ыргөн) «медь красная», *osisch, ossisch* (озысь) «олово», *swinetz* (свинеч) «свинец», *kögg* (кöпт) «железо», *jepdan* (емдон) «сталь», *dienga* (деньга) «деньги», *schaur* (шайт) «рубль», *öschmass* (öшмöс) «колодец», *mort* (морт) «человек», *batja, ai* (бать, ай) «отец», *mato, mam* (мамö) «мать», *pi* (пи) «сын», *nyl, nül* (ныл) «дочь», *wog, wok* (вок) «брат», *sotsch* (соч) «сестра», *weres* (верöс) «муж», *göttür, göttir* (гöтыр) «жена», *tscheljad* (челядь) «дети», *son, kaqa* (зонка) «мальчик», *nyl, nül* (ныл) «девочка», *kosain* (кöзяин) «хозяин», *jarischoi* (страшнöй) «батрак, слуга», *baba* (баба) «служанка», *jur* (юр) «голова», *jurschi* (юрси) «волосы на голове», *gön, gjon* (гөн) «волосы вообще», *tjosch* (тош) «борода», *schin* (син) «глаз», *pel, pjel* (пель) «ухо», *nür* (ныр) «нос», *wom* (вом) «рот», *wom-dog* (вомдор) «губы», *küw* (кыв) «язык», *tschjoka* (тшöка) «щеки», *pijeron* (пельром) «плечо», *kigram, kürrüm* (кырым) «рука», *tschun* (чунь) «палец», *moross* (морöс) «грудь», *sjöliem, schöllam* (сьöлöм) «сердце», *künam, künem* (кынöм) «брюхо», *ssju, schju* (сюв) «кишки», *gök, gadi* (гöг, гадь) «пузырь», *görb* (горб) «горб», *schurdi* (сюрды) «спинна», *kök, Plur. kökjess* (кок, кокъяс) «нога», *dukass* (дукöс) «платье», *pass, pasch* (пась) «шуба», *scharpa* (шапка) «шапка», *gatsch* (гач) «штаны», *tschöres* (чöрöс) «чулки», *stupni* (ступни) «башмаки, сапоги», *kar* (кар) «город», *gress, wolost* (грезд, вöлöсьт) «деревня», *gord* (горт) «дом», *kerka* (керка) «изба», *pöwschem* (пывсян) «баня», *össin, osin* (öшинь) «окно», *püsan* (пызан) «стол», *ulas* (улöс) «стул», *labitsch* (лабич) «лавка», *öss, odsches* (öдзöс) «дверь», *wol* (вольöс) «постель», *gatsch* (гач, пöрт) «котел», *pani* (пань) «ложка», *pört* (пурт) «нож», *purtas* (пуртас) «ножны», *tschunkütsch* (чунькытш) «кольцо», *schisch* (сись) «свеча», *wudsch* (вуж) «лук», *pjow* (ньöв) «стрела», *dod* (доль) «телега», *püsch* (пыж) «корабль», *gess* (гез) «веревка», *tscher* (чер) «топор», *dom* (дом) «узда», *wöl* (вöv) «лошадь», *usch* (уж) «мерин», *tschan* (чань) «жеребенок», *ösch* (öш) «бык», *mos, möss* (мöс) «корова», *kikap* (кукань) «теленок», *üsch* (ыж) «овца», *mesch* (меж) «баран», *balapi, baljari* (баляпи) «ягненок», *kötsch* (кöч) «заяц», *köim* (кöин) «волк», *osch* (ош) «медведь», *kög* (кöр) «олень», *löss, jöra* (лöсь, йöра) «лось», *pon* (пон) «собака», *kan* (кань) «кошка», *schür* (шыр) «мышь», *wurdis, wurdüsch* (вурдысь) «водяная крыса», *antscha* (тулан) «куница», *nisch* (низь) «соболь», *tscherik, tscherri* (чери) «рыба», *pötka, potka* (пöтка) «птица», *bord, bort* (борд) «крыло», *tschipan zipan* (чипан) «курица», *dschodscheg* (дзодзöг) «гусь»,

gulu (гулю) «голубь», tup-jur (тупюр) «сова», kubort (куборд, нярборд) «летучая мышь», posdir, kolk (позтыр, кольк) «яйцо», jöl (йёв) «молоко», wui (вий) «масло», pjan (нянь) «хлеб», schu (сю) «рожь», schobi, schobdi (шобді) «пшеница», id (ид) «ячмень», ssög (зёр) «овес», puis, rüsch (пызь) «мука», oss (оз) «земляника», kuidsч, kütschpu (кызд, кызд пу) «береза», kos, koss-pu (коз, коз пу) «ель», poschom-pu (пожом пу) «сосна», kog (кор) «лист», wusch (вуж) «корень», turn (турун) «травя», bösch (бёж) «хвост», jai (яй) «мясо», sol (сов) «соль», ma (ма) «мед», sur (сур) «пиво», schoinikalla schumala (сёйны колё) «то-лодный», juna kolla (юны колё) «жаждущий», pöt (пёт) «сытый», kod (код) «пьяный», schoina, schoini (сёйны) «есть», juna, jüni (юны) «пить», gischna, gischni (гижны) «писать», schornit, schorni (сёрни) «говорить», uschna, uschni (узьны) «спать», tschol (Imp.) dugdi (чöv, дугды) «молчать», mun, muni (мун, муні), wöllan muni (вёлөн муні) «ехать верхом», podan muni (подөн муні) «идти пешком», sulal (сулал) «стоять», mupa (муна) «еду», usjä, uscha (узя) «сплю», adsjä, adscha (аддза) «вижу», og-adsi, adscha (ог аддзы) «не вижу», og-us, og-usch (ог узь) «не сплю», serala, sjerala (серала) «смеюсь», bördä (бёрда) «плачу», te sulala (те сулала) «я стою», te sulalan, sulal (тэ сулалан, сулав) «ты стоишь», sie sulallen (найё сулалёны) «они стоят», sia sulala (сійё сулалё) «он стоит», mi sullalam (ми сулалам) «мы стоим», jedschie (еджид) «белый», schöde, schjod (сёд) «черный», gördit, görd (гёрд) «красный», schio-otik (сё öтик) «сто один», kuk-scho (кыксё) «двести», schurss (сюрс) «1000», dass-schurss (дас сюрс) «10 000».

Добавление из второй книги Миллера:

Вишь, нюджи-вись (виж, нюдзвж) «зеленый», лессь лось (лёз) «синий», нюот-вишь (нюйт виж) «желтый», келлидь (?), юджидь, уджюдь (ыджид) «большой», ичеть (ичёт) «малый», вюллимь куушь (вылын кузь) «высокий», уллинь, дженнитъ (улын дженьыд) «низкий», югить, югютъ (югьд) «светлый», пемюдь (пемьд) «темный», шенюдь (шоньд) «теплый», кеджудъ (көдзыд) «стужа», ва, кета (ва, көтасьём) «сырой», коссъ, козь (кос) «сухой», ола (?) «живой», кулемь, кули (кулём) «мёртвый», воджъ (водз) «рано», шоръ (сёр) «поздно», талунъ (талун) «сегодня», аски (аски) «завтра», асколмишь, аскомысьт (модлун) «послезавтра», тюнлун, терють (тёнлун, тёрыт) «вчера», волдеръ-лунъ, волдоръ-лунъ (войдёрлун) «позавчера», этикъ (отик) «один», кюкъ (кык) «два», куимъ (куим) «три», ньоль (нёлъ) «четыре», вит (вит) «пять», кваить (квайт) «шесть», сисимъ (сизим) «семь», какъямась (көкъямыс) «восемь», экмюсь (өкмыс) «девять», дессь (дас) «десять», дась этикъ (дас отик) «одиннадцать», дес-кюкъ (дас кык) «двенадцать», кюишь (кызь) «двадцать», комынь, комунъ (комьн) «тридцать», нильяминь, нельямень (нелямын) «сорок», веттымынь, вьяттымынь (ветымын) «пятьдесят», кваттымьнь, кванттюмень, квай-

тымень (квайтымын) «шестьдесят», сисить-дась (сизимдас) «семьдесят», экмюсь-дась (өкмысдас) «девяносто», шо, шо (сё) «сто».

Из приведенного материала видно, что автор слова сгруппировал в семантические группы: явления природы, предметы природы, термины родства, название месяцев, одежда, название частей тела, продукты и т. д.

6. Словари и разговорники Лепехина

Лепехин (1740—1802) в книге «Дневные записки» после текста обедни на зырянском языке поместил словарь, содержащий около 380 слов и выражений. Кем и откуда собран этот материал, автор ничего не пишет; только замечает: «К переводу обедни на зырянском языке прибавляю и собранные слова, тем наипаче, что они целые содержат речи, из чего о свойстве их языка удобнее понимать можно нежели из простого слов собрания».

В основе словаря Лепехина¹, по-видимому, лежит нижевычегодский диалект. Такие слова, как карома (сделанный), дзоля (маленький), выим (есть), курог (курица), содь (лестница), вартны (ударить), дойд (сани), пусыр (улица), секирь (мерин) и др. определенно указывают на принадлежность собранных слов к нижевычегодскому диалекту.

Словарь интересен и в том отношении, что в нем сохранились такие слова, как баярь (боярин), боярань (боярыня), сурым (смерть); ср. нв. сырым из вартлы узис (спал как убитый), тырпясь ср. кя. торп, уд. тырп (губы), сохранившиеся в настоящее время лишь в отдельных диалектах коми языка и в родственных языках. Такие слова, как широе (свинец), ежмалисныль (грабили), кан (царь), кановны (царствовать) в настоящее время вообще неизвестны в коми языке.

В публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина среди бумаг Аделунга² имеются рукописные листы, принадлежащие акад. Лепехину. На этих листах записаны коми слова и выражения, которые Лепехин в мае 1773 года записал от Дичева. Следовательно, записи слов сделаны не во время его путешествия (1771 г.), а позднее.

Черновых листов 5. Запись слов и выражений сделана частью готическим и латинским шрифтами, часть — русским. Наверху написано: «Syrjänisch von Ditew, im mai 1773». Ниже идут числительные: ätik (отик) «один», күк (кык) «два», күжүм (куим) «три», пюл (нёлъ) «четыре», вйт (вит) «пять», квait (квайт) «шесть», susim (сизим) «семь», какъимос (көкъямыс) «восемь», äkmis (өкмыс) «девять», das (дас) «десять», dajs ätik (дас

¹ Словарь перепечатан в книге В. И. Лыткина «Древнепермский язык», М., 1952.

² Шифр. Аз № 28.

отик) «одинадцать», das küjk (дас кык) «двенадцать», das-küjim (дас кум) «тринадцать», dasnjólj (дас нель) «четыре-
надцать», daswijt (дас вит) «пятнадцать», daskwait (дас квайт)
«шестнадцать», daskjámos (дас көкъямыс) «восемнадцать», das-
áktüis (дас өкмыс) «девятнадцать», küüz, куызь (кызь) «два-
дцать», küüsütijk (кызь отик) «двадцать один», küüskük (кызь
кык) «двадцать два», kómon (комын) «тридцать», puljamön (не-
лямын) «сорок», wutümon (ветымын) «пятьдесят», kwaitümön
(квайтымын) «шестьдесят», сезимдасъ (сизимдас) «семьдесят»,
сезимдасъ átijk (сизимдас отик) «семьдесят один», сезимдасъ кük
(сизимдас кык) «семьдесят два», какjamosdas (көкъямысдас)
«восемьдесят», áktüisdas (өкмысдас) «девяносто», sio (сё) «сто»,
sjoátik (сё отик) «сто один», das sjo (дас сё) «1000».

Далее идут отдельные слова и выражения ¹:

1. jun osku (w) епъ оскувь og kuw «бог не умрет»;	2. murt mort «человек»
3. osowdür озовдырь «не живет долго»	
4. külarugut «скоро умрет»;	
5. mam okolo ajzi sjtsulet ащи щелеть сцелеть	«mutter целуетъ ihnen kinder»
6. sülyп ипы wijm juli toma- sas mamкахъ njakas	«у ей много есть молоко грудьехъ»
7. sei linbut sijn ljubitö	«она любит»
8. baba küпnаmа wüöla	«женщина была брюхата»
9. sija rusdis	«она родила»
10. kwait lün,	«шесть дней»
11. börti pi	«назад сына»
12. sija pojsta	«она еще»,
13. nü (w) südупып рикыла i bördö нывъ сыдыномъ	«дочь подле сидит и плачет»
14. nöw oznawitlu нывъ os на ветлы	«дочь еще не ходит»
15. voi кыкъ толлисъ чужн töllis	
16. зон быдънъ джениджа bjüden dsjönnidsjâ djennidjo	? «маль все здоровы»
17. átijk püsj пыши	— бежит?
18. modi tsjutsjulu	

¹ По полиграфическим причинам отдельные буквы в нижеприводимых словах не идеетичны с оригиналом (отсутствие соответствующих надстрочных знаков).

мөдъ четшала	«второй скачет»
19. kojmad singe коймодъ сіла	«третий поет»
20. njollud (w) suralu ніоледъ (в) серала	«4-й lachen»
21. útija mort sin töm синтөмъ	«dieser человек гласъ безъ» «жена у него ухо безъ»
22. gottur süllan puljtöm	
23. os küw нинамъ мой ми сөр- нитамъ	«не слышит ничего, что мы го- воримъ»
24. Wog tjäd njuskjalu вөкъ тьд ныскха	«брат твой чихает»
25. tsjöй ть use tjn	«сестра твоя спит» «не — спит»
26. au тьд osvзъ	
27. eча сее еча юа soju jön	«мало есть мало пьеть»
28. nür nürwom sjörum нур нурвомъ	«нос лицо въ середине» «у нас 2 күк»
29. менамъ кыкъ кокъ	
30. büdd küggmunn wijt быдъ кырременъ вить чьюнь	«каждой руке 5 пальцы»
31. jur jursi ü юръ юрси быбма	«голова волосы растутъ»
32. womän küw i pinj вөман кывъ i пинь	«рот языкъ и зубы»
33. векедъ кырремъ вынаджакъ шуйгъйсъ күггем	«права рука сильнее левой»
34. jursi kujsi юрси куйзь и восни	«волосы долокъ и тонки»,
35. wir gorde виръ гордъ	кровь — ?
36. лы чорредъ	«кость крепокъ»
37. изъ кадъ	«камень какъ»
38. чери лонъ синъ втемъ	«-глаз есть»,
39. пело або аво	«ушей нетъ»
40. ніжченъ лебано njösjun	«тихо летаетъ»
41. пухсе муа	«садитъ на землю»
42. сыланъ бордисъ сзедъ	«у ней перье черный»
43. нур іомъ jois	«нос вострый»
44. бежъ дженадъ besje	«хвост кородкий»
45. сыланъ poshin jüujidsj колькесъ ерьиджъ	«белое яйцо»
46. пуснъ вежъ коръ гог	«дерево зелен листы»

47. кызь овьесь	«толстый сучье»
48. би озье	«огонь гореть»
49. ми аджемъ чымъ	«мы видимъ дымъ»
50. би и шомъ	«пламя и уголье»
51. юенъ ва визывда ogze wisüjda	«въ реке вода течеть скоро»
52. tjöllisj üdsjit kodjilisse тöльисъ ыджитъ коджилисъ джеле шонды dsjölâ шонды	«месяц больше звезда» «меньше солнца»
53. торрыдъ велли зеръ рыть wölli	«вчера было дождь въ вечеру»
54. таунъ ассыводжъ аджи- леме бжкеможке	«сегодня по утру видел я...»
55. воинъ пемыдъ а луно югода remüdd jugodd	«ночь темно день светло»
56. челедь os нькавъ	«ребенок не хочет сосать»

В черновых лепехинских листах записаны 34 числительных и несколько десятков отдельных выражений. На последней странице рукописи записи слов повторяются, т. е. идут те же слова и выражения, что на первых листах рукописи.

Записанный Лепехиным материал принадлежит к нижневычегодскому диалекту; на это указывают слова дзоля (маленький), оз някав (не сосет), выйим (есть), ношта (еще), с я (она), мой (что), т яд (твой), таун, талунё (сегодня) и т. д.

7. Словарь и разговорник Ундольского

В государственной библиотеке им В. И. Ленина среди собраний Ундольского¹ имеется рукопись, содержащая перевод божественной литургии на коми-зырянский язык, отрывок списка обедни на древнепермском языке и коми-зырянский словарик вместе с разговорником.

Интересно то, что словарик с разговорником, помещенный в рукописи Ундольского, почти тождествен с вышеупомянутым лепехинским словариком.

Можно подумать, что автор Ундольского списка словаря-разговорника списал этот словарик с «Дневных записок» Лепехина, изданных в 1780 году (рукопись Ундольского датируется 1798 годом).

Однако, сличая эти два списка, мы убеждаемся в том, что они не являются копией один с другого. Об этом говорят многочисленные случаи расхождения в написании одних и тех же слов, например:

¹ Рукописный отдел, шифр. ф. 310, № 59.

У Ундольского

1. движение лун «воздвижение честнаго креста день»	здвижение лун
2. бояръ «боярин»	баяръ
3. боярань «боярыня»	баярань
4. не уда визедъ откинас «немного смотри одним»	не уна визедъ отинасъ
5. юръясъ (головы)	яръясъ
6. тенадъ оинъ абу «али нету (у тебя нет глаза)»	тенад синъ абу
7. мырвомъ «лице»	ныр вомъ
8. пельпомъясъ «плеча»	пельпонъясъ
9. он кудъ «не умеешь»	онкудъ
10. сапогъясъ кичилсисъ «что у тебя худы сапоги»	сапогъясъ кычилсисъ
11. мужидъ «высоко»	жужидъ
12. чюнкысъ «перстень»	чюнькысъ
13. кырымъ «рука»	курымъ
14. онъ тотъ кузи песомалоанъ «не знаешь как быть будешь»	онъ тодъ кузи песомалаонъ
15. виставъ силы «скажи ему»	вистав сылы
16. лудоить «сани»	лудоидъ
17. мешъ яй «баранье мясо»	межъ яй
18. гормошь «перец»	гормосъ
19. ижить мортъ «великъ человек»	ижидъ мортъ
20. соланъ той «солоница»	солалъ той.

У Лепехина

Кроме того, в словаре Ундольского отсутствует ряд слов, имеющих в словаре Лепехина: вочало лунъ «сретение день», Крестосъ еймо «Христе боже», уна «много», зеля порсъясъ «мало свиней», гожемъ «лето», товъ «зима», тулысь «весна» и др.

Все эти обстоятельства приводят к мысли о том, что в XVIII веке имели хождение отдельные рукописные словарики и разговорники. Именно один такой словарь был найден Лепехиным, и с аналогичного же словаря списаны слова и выражения, помещенные в списке Ундольского.

Такое предположение может быть подтверждено и тем, что собственные записи Лепехина (см. выше) не вошли в его «Дневные записки»; по-видимому, акад. Лепехин хотел издать словарь в том виде, в каком он его нашел.

Словари Лепехина и Ундольского имеют большое значение в изучении истории коми языка, в изучении диалектов современного коми-зырянского языка.

8. Паллас. «Сравнительные словари всех языков и наречий»

В 1787—1789 годы вышли два тома словаря Палласа (1741—1811). В словаре Палласа около 300 слов на коми-зырянском языке. На основе каких материалов составил автор свой словарь, остается неизвестным. В предисловии словаря сделано замечание: «О финских наречиях присланы из разных стран словари, из коих иные под названием языков Воряжского и Чудского; я из всех их выбрал все отличия, какие токмо мне встретились. Равным образом на карельском, черемисском и вотяцком языках. Присланные из разных стран словари хотя несколько между собой рознятся, однако еще недовольно, чтобы из них вывести особое наречие».

Состав зырянского словаря Палласа в основном такой же, что в словаре Миллера, с тем только отличием, что в словаре Палласа лексика коми-зырянского языка представлена немного шире. По-видимому, Паллас не пользовался словарем Миллера, а если и пользовался, то только в той мере, чтобы пополнить имеющийся уже словарь. Во-первых, орфография словаря Палласа отличается от орфографии словаря Миллера:

Словарь Палласа:	Словарь Миллера:
Рыть «вечер»	Рють
юръ «голова»	jug, jürъ
кынамъ «брюхо»	künam, кюнамъ
ышь «бык»	ösch, эшь
зырьъ «овес»	ssör, ссеръ
бужь «хвост»	Bösch, бетъ

Во-вторых, словарь Палласа составлен на основе вэ-элового диалекта, на что указывает такая запись слов: кывъ «язык», тывныр (тöвныр) «вихрь», тывъ (тöв) «ветер», кодживъ (кодзув) «звезда», азывъ (асыв) «утро», кузьзевъ (кузьзэв) «долина», совъ (сов) «соль», увъ (ув) «сук», вьывъ (вöв) «лошадь», тувъ (тув) «гвоздь», новлыны «носить», кыскавны «возить», вундавы «резать», сулавъ «стой», сывны (сывны) «петь», йовъ (йöв) «молоко»; но рядом написаны слова: йоль, ныль, тэль, ясно указывающие на эловый диалект. По-видимому, автор при составлении своего словаря пользовался разными источниками.

Слова расположены семантическими группами:

1. термины родства: батъ, батя «отец», пи «сын», ныл «дочь», вересь «муж», сочь «сестра», готыр «жена»; части тела: ки, кирримъ (ки, кырым), «рука», гырджа (гырджа) «локоть», тошь

«борода», вомъ «рот», юрси «волосы», пель «ухо», чюжамъ «лицо», синлысь «ресница», сьылы (сьылі) «шея», пиджесь (пиджös) «колени»;

2. природные явления и предметы природы: шонды (шонді) «солнце», тылысь, толихъ (тöлысь) «месяц», тывъ, тэль (тöв) «ветер», зырь, зеръ (зэр) «дождь», шеръ (шер) «град», тывныр (тöвныр) «вихрь», лымъ (лым) «снег», чардъби (чардби) «молния», му «земля», йо, шор (ю, шор) «река», лыа «песок», бусъ (бус) «пыль», чой «гора», мыльк (мыльк) «холм», сынадъ (сынöд) «воздух», би «огонь», гуран «ров», розъ «дыра», из «камень», вырь (вöр) «лес», маегъ (майöг) «кол», мырь (мыр) «пень», кырсь «кора», увъ «сук»;

3. отвлеченные существительные: зыкъ (зык) «шум», вырданъ (бöрдöм?) «воплъ», сёрни «слово», онъ (ун) «сон», висемъ «боль», удж «работа», винъ (вын) «сила», эбось (эбös) «мочь», оломъ (олöм) «жизнь», колемъ (кулöм) «смерть», коджит (кöдзид) «стужа», дышь «лень», лыседсемъ (лöсьöдсьöм) «лад», косясемъ (косясьöм) «драка», мездор «игло»;

4. металлы: зарни «золото», эзысь «серебро»;

5. домашние животные и звери: порсь «свинья», ышь (öш) «бык», чипанъ «курица», зезегъ (дзодзöг) «гусь», гулю «голубь», пэтка, пытка (пöтка) «птица», ширъ (шыр) «мышь», мось (мös) «корова»;

6. орудия труда: гырь (гöр) «соха», пиня (пиня) «борода», чер «топор», додь «воз»;

7. прилагательные: томъ «молод», пырясь (пöрысь) «стар», выльнь (вылын) «высокий», ыджид «великий», чедъ (сьöд) «черно», гоырдь, гэрдит (гöрд) «красный», вежась (веж) «зеленый», кокнит (кокныд) «легкий», кызъ (кыз) «толстый», еджит «белый», уль, ва «сырой», ловья «живой», йусъ (ёсь) «острый»;

8. глаголы: суйны, шойне (сёйны) «есть», сывны (сывны) «петь», нойны (нöйтны) «бить», узны (узыны) «спать», водны «лечь», востыны (босытны) «взять», новлыны «носить», гырыны (гöрны) «пахать», кыджды (кöдзны) «сеять», киштыны (кисытны) «лечь», пуны «варить», вай «дай», локъ «иди», эмъ «есть»;

9. наречие: шанъ «хорошо», люкъ (лёк) «зло», омой «худо», регышь (регыд) «скоро», нюшень (ньюжөн) «тихо», ыны (öні) «теперь», воджинъ (водзын) «прежде», кень (көн) «где», борты (бöрті) «послед», татаны (татöні) «здесь», сэтсьянь «там»;

10. местоимение: ме «я», тэ «ты», сыя (сйö) «она», ми «мы», ты (ті) «вы», ная (найö) «они», наялы (найöлы) «им», мыы (мый) «что», мыень (мыйöн) «чем», кодкедъ (кодкөд) «с кем»;

11. послелог: улын «под», вылын «над», выла «в».

Надо отметить, что в словаре Палласа много искажений: кинькымъ вм. синкым (брови), южемъ вм. гожем (лето), тынодь вм. сынöдь (воздух), регышь вм. регыд (скоро) и т. д.

В книге Adelung und Vater «Mithridates oder allgemeine Sprachkunde» дан перевод «Отче наш» примерно на 500 языках, в том числе и на коми-зырянском языке. Аделунг взял «Отче наш» из книги Витсена «Noord en oost totarye» (см. выше), ошибочно считая его пермяцким переводом (текст же молитвы написан на коми-зырянском языке, на что указывают следующие данные: тэад, нимыд, войтыр). Другой текст перевода «Отче наш» на древнепермском языке взят из книги Лепехина «Дневные записки».

ВЫВОДЫ

1. Начиная с времен Стефана Пермского (XIV в.), существовала литература на коми языке. В начале это была церковная литература (церковные стихи, песни). Переводы Стефана Пермского не раз переписывались, переделывались. Еще в XVIII веке известны переводы божественной литургии. Надо полагать, что они в своей основе восходят к стефановским переводам.

2. На коми языке с раннего периода существовала не только церковная литература, но и бытовая. В XVII веке известны пасы-календари (названия месяцев) на коми языке; в XVIII веке имели хождение отдельные рукописные словарики и разговорники; в XVIII веке уже появляются печатные словарики коми языка (словари Миллера, Лепехина, Палласа и др.).

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ КОМИ

Приводимые ниже документы мной были переписаны в 1927 году из рукописной книги устьвымской Благовещенской церкви под названием «Старинная летопись устьвымской архангельской и благовещенской церкви и царские грамоты».

Рукописная книга $\frac{1}{4}$ формата состояла из 87 страниц текста, написанного довольно убористым почерком начала XIX века. Она была переплетена в толстую обложку холщевым покровом. До полсотни страниц в ней ничем не заполнено. Судя по пометкам и припискам, копии с оригиналов были сняты еще в 1813 году семинаристом вологодской семинарии А. Шергиным при окладской церкви, где, по-видимому, и хранились первоначально оригиналы этих документов. После снятия копий последние должны были быть отправлены по требованию епископа Евгения в вологодский архиерейский дом. Рукописная книга, куда занесены переписчиком четыре царские грамоты и летопись устьвымской Архангельской церкви, как видно, впоследствии из окладской церкви попала в частные руки, и только в 1914 году была куплена от устьвымского крестьянина С. Дьяконова священником устьвымской церкви Кирилловым и положена на хранение в Благовещенскую церковь. Опрошенный мной Степан Дьяконов пояснил, что рукопись им была взята у местного крестьянина Ивана Туркина, по прозвищу Лудник.

При Благовещенской же церкви имелась другая рукописная книга под названием: «Летопись устьвымской благовещенской церкви, начатая в 1838 году по указу вологодского епархиального начальства» (I часть), в которой события регистрировались с 1839 года и летопись доведена до начала 1917 года. Это была весьма толстая рукопись объемом около семисот страниц. Как видно, существовала и вторая часть этой летописи, но ее мне не показывали.

В 1929—30 годах Степановская и Благовещенская церкви были закрыты и переданы под складские помещения и под столо-

вую управлению лагерей. О дальнейшей судьбе этих рукописей мне ничего неизвестно.

Несколько слов нужно сказать по содержанию самих документов. Жалованная грамота Ивана III жителям Перми Вычегодской от 1485 года, как видно, была вызвана в результате острого конфликта, возникшего между государственными крестьянами и пермскими епископами из-за общинных земель. Пермские епископы, владея огромными земельными участками в бассейне Вычегды, продолжали систематически захватывать общинные земли, рыболовные и охотничьи угодья, принадлежавшие крестьянам. По этой причине пермские сотники подали челобитную в Москву, в результате чего и последовала великокняжеская жалованная грамота от 1485 года. В этой грамоте подробно перечислены все реки и озера, принадлежащие отдельным территориальным общинам по писцовой книге Ивана Гаврилова, производившего перепись Вычегодско-Вымских земель в 1482 году.

Жалованная грамота Ивана III пермскому епископу Филофею от 1490 года вызвана той же самой причиной, что и выше рассмотренная жалованная грамота. В сущности она не является жалованной грамотой, а, вернее всего, предупредительной грамотой, по которой ничего нового не «жалуется» епископу Филофею, а отбирается все то, что им было захвачено у крестьян. Погосты, деревни, реки, озера и курьи, принадлежащие пермским епископам, здесь просто перечислены формально, так как они были пожалованы им еще при прежних московских князьях.

Жалованная грамота Ивана III пермскому епископу Филофею от 1483 года, предоставляющая право самостоятельного суда пермским епископам над своими вотчинными крестьянами, является лишь подтверждением прежних тарханских грамот, выданных пермским епископам предшественниками Ивана III.

Таможенная уставная грамота, выданная для Вымского уезда в 1608 году, составлена была на основе Сольвычегодской таможенной грамоты от 1603 года. Эта грамота весьма наглядно отражает те притеснения и ограничения, какими была опутана внутренняя торговля в XVII веке. Она оставалась в силе до 1653 года, когда все многочисленные мелкие торговые пошлины были объединены в единый таможенный сбор «по 10 денег с объявленного и с продажного рубля».

Прилагаемая устьвымская летопись, судя по припискам, приложенным к летописи, была начата между 1586—1588 годами черным (монастырским) попом Мисаилом, в период епископства Антония Вологодского. Первоначально летопись велась при устьвымской Архангельской церкви. После смерти Мисаила, летопись продолжал священник Благовещенской церкви Евтихий. События в летописи доведены только до 1619 года, так как в дальнейшем последовал запрет вести летописи церковнослужителям низшего звания.

Язык летописи по стилю представляет весьма пеструю картину, так как летописцы пользовались самыми разными источниками, включая сюда как местные летописи, предания, жития святых, так и официальные бумаги, присылаемые из приказа Новгородской четверти. Многие события без авторской переработки летописца механически переписаны из каких-то других источников. Только этим можно объяснить пестроту языка летописцев.

Документы мы приводим в том самом порядке, в каком они записаны были переписчиком. Заголовки документам даны условно, так как они в документах не обозначены. Расшифровка дат происшедших событий по летописи произведена нами же.

П. Доронин.

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
ИВАНА III ВАСИЛЬЕВИЧА ЖИТЕЛЯМ ПЕРМИ ВЫЧЕГОДСКОЙ
НА ВЛАДЕНИЕ РЕКАМИ, ОЗЕРАМИ И УГОДИЯМИ,
КОТОРЫМИ ВЛАДЕЛИ ИХ ДЕДЫ И ОТЦЫ

1485 год

Били мне челом, князю великому Ивану, волостные люди пермяки Перми Вычегодские земли и места вычегжаны, удорены, сысолены сотники Алексей Козак, Кироска Устинов, Сидорка Онкудинов да Сенка Микитин обиды деи великие чинятся волостным людям пермяком от владыки пермскова и владычьи слуги и от межволостных людей, поймают у них ссильно их дедины и отчины печища реки и озера и курьи участи.

Обыскав наперед сего Гаврилово писмо, что Ивашка Гаврилов писал Пермские земли за волостные люди и за владыку пермскова и за монастыри и за игумены и за попы, се аз, князь великий Иван, пожаловал есми свои волостные люди пермяки вычегжаны и вымичи и удорены и сысолены и крещеные сиряне Ужговские землями и угодейными на Вычегде и падуны всея Пермские места реками и озерами и курьями и прочии угодии, которые были их дедины и отчины по всем по тому, по письму Гаврилову. А в письме Ивашки Гаврилова писано:

Вычегодские земли волостные реки, и озера и участки от рубежа от Соли и от Вилегоцкова речка Лупоя, да речка Белая, да речка Прилипица, да речка Кривая, да речка Змееватица, да речка Другая Лупия, да озеро Двойное, озеро Юста, да озеро Щучья, да озеро Святоя, да речка Полоимыши, да речка Ошюга, да озеро Пасма, да речка Шнигега, да озеро Елты, да озеро Илты, да речка Большая Чолия, да озеро Кырса, да озеро Шешимское; да по другие стороны реки Вычегда: речка Чакулка, да речка Союга, да речка Иоль, да речка Кижсег, да озеро Туглимское, да озеро Ленская, да речка Ленка, да речка Язиель, да речка Непшор, да озеро Иртынское, да речка Яренга, да речка

Кижмыла, да речка Кишор, да речка Ниорыма, да речка Гамоль, да речка Шежом, да озеро Тыдора.

Се земли, которые писаны за Вычегоцкие земли за волостные люди реки и озера и места угодейные, аз князь великий Иван пожаловал вычегожаном по тому по всем, oprичь владычных вод Филофея, которые владели за перед ним владыки пермские, а владычны воды писаны у владыки в государеве жаловальной грамоте своею участию.

А ловити волостным людем вычегожаном в тех реках и озерах и угодиях всем за один. А государевы дани с вычегожаны за собли и за белку и за бобровые гоны, и за рыбную ловлю и за кречати садбица с четырех сотен с трицети осьми луков десять сороков и полсорока и осмнадцать соболей, с лука по соболю. А не будет соболь, ино за соболь четыре гривна.

В ы м с к и е з е м л и людем пермские волостные реки и озера и угодеи: река Вымь с верховины с падуны по правые стороны — река Сарюга, речка Чюгор, речка Вежаяга, речка Кусюга, речка Немзюга, речка Яюга, речка Вырыхва, речка Пылла, речка Челва, речка Поморос, речка Чисва, да речка Сонюга, да речка Омын, да речка Тасма, да речка Пейсыма, да речка Вожюга, да речка Едла, да речка Ветюга, да речка Пожюга, да речка Чудя, да речка Касюга; а по левые стороны с верховины книз — речка Вездюга, да речка Ухва, да речка Нючаль, да речка Комышиа, да речка Кома, да речка Вежюга, да река Весленоя, да озеро Синдорское, да речка Кылтыл, да речка Другое Кылтыл.

А ловити вымичаном в тех реках и озерах и угодиях за один. А государевы дани с вымичаны за соболи, и за белку, и за бобровые гоны, и за кречати садбица и зверинные ловли с три сотни со штидесяти семи луков девять сороков семь соболей, с лука по соболю. А не буде соболь, ино за соболь осударю четыре гривна.

А что Вишера, то Вымское-ж земли место. А волостные реки висерцов: река Вишера да речка Нишера с падуны — речка Колва, да речка Покдым, да речка Визю, да речка Еню, да речка Лемя, да речка Тыбю, да речка Одю, да речка Лопю, да речка Сью, да речка Лымва, да речка Оча. А государевы дани с висерцов за соболи и за белку и за бобровые гоны и за кречати садбица и за зверинные ловли с четырех десяти шести луков сорок и шесть соболей, а не будет соболь, ино за соболь четыре гривна.

Се земли, которые писаны за вымичи и за висерцы волостные люди аз князь великий Иван пожаловал пермичем по тому по всем, по писму Гаврилову, oprочь владычных вод.

У д о р с к и е з е м л и волостные реки и озера и угодеи река Удора с верховины по правые сторона с падуны — речка Чебужга, да речка Киюга, да речка Нюша, да речка Лоптюга, да речка Венюга, да речка Елла, да речка Вежаяга, да речка Қоса, да речка Другая Елла, да речка Гамшиор, да речка Чиняшиор, да

речка Содзюма, да речка Чебюга, да озеро Домашнее, да речка Кува, да речка Иортим, да речка Другая Чебюга, да речка Кузюга, да речка Юкоба, да речка Оча, да речка Локюга, да речка Прочюга, да речка Циленга; да по левые стороны падуны — речка Лынюга, да речка Пурвежа, да речка Тонюга, да речка Чюрма, да речка Выя, да речка Опсинга, да речка Онга, да речка Кенляшур, да речка Ертома, да речка Силиель, да речка Ибва, да речка Нячяшур, да речка Ия, да речка Субоса, да речка Другоя Ия, да речка Манмоса, да речка Карюга, да озеро Кудынское, да речка Кенюшор, да речка Пучкома, да речка Чебюги Менишоя, да озеро Илинское, да речка Панишор, да озеро Печерка, да речка Печорка, да речка Курмыша, да речка Ежюга, да речка Выкомшиа, да речка Каршиор, да речка Олема; да по реке по Мезени от верховины правые сторона — речка Пузла, да речка Пурзем, да речка Шиморья, да речка Другоя Пузла, да речка Кривая, да речка Кужма, да речка Кошма, да речка Вежаяга, да речка Уппа, да речка Гурмыша, да речка Пижма, да речки Омза, да речка Сюла, да речка Коптюга, да речка Кома, да речка Чебуга, да речка Ирас; а по левые стороны Мезени с верховины — речка Асюга, речка Увюга, речка Песюга, речка Елва, да речка Еждюга, да речка Селка, да речка Другая Селка, да речка Ира, да речка Ель, да речка Упа, да речка Карюга, да речка Муча, да речка Лезя, да речка Пыса, да речка Лантюга, да речка Низя, да речка Другая Лезя, да речка Неба, да речка Коча.

Да на Удоре-ж на Вендюге монастырское Троицы Вознесения. А угоди к тому манастырю по реке по Удоре вверх по версте да вниз по версте-ж, да от реки по правые и по левые стороны лесу дикова по две версты; да к манастырю-ж, игумну Прохору или кто по нем будет рыбные ловли речка Пурвежа да озеро Вежависка. А волостным людем удореном монастырских людеи в мирские розметы не тлнуги ни во что, на то наша жаловальная грамота.

А ловити удореном в тое пермских местах и в реках, и озерах всем за один. А государевы дани за соболи и за белку и за бобровые гоны и за кречати садбица и за рыбные и зверинные ловли с двусотни с дву десяти осьми луков пять сороков двацетъ восемь соболей. Не будет соболь, ино за соболь по четыре гривна.

А что перебеки на Пенеге в станех Перемский и Сура Поганая, то удореном до них дела нет, по тому они присуду Двинские земли, Кегрольские.

С ы с о л ь с к и е з е м л и волостные реки и озера и угоди: Чесовая курья, да курья Чемкурья, да курья Парчеговская, да озеро Поноиты, да озеро Тоба, да речка Чолва с куриями, да озеро Енто, да озеро Озов, да озеро Кортювское, да озеро Адзя, да курья Моршеюмед, да выше Большого Хулую река Лух; да к Сысоле вверх озеро Каиты, да озеро Пасты; а на Вычегде река Лух от Большого Холую до Вычегды, да озеро Ларкырк, да озеро Куст, да озеро Кыркоты, да речка Кылты, да озеро Кораты, да озеро

Олты, да речка Нюлчим, да озеро Курья, да озеро Ирмасты, да озеро Кораты, да озеро Лопты, да речка Лопья, да курья Шебян, да озеро Тыркоты, да озеро Воняты, да озеро Пычкас, да озеро Черпуга, да озеро Вежато, да озеро Шораты, да озеро Лопситы, да озеро Вилкиром, да озеро Лечежниты, да озеро Иджитти, да озеро Дженитты вверх по Сыsole реке до Чемяча по обе стороны; да речка Поин, да речка Визега, да озеро Шегты, да озеро Палты, за куря Болиая, да озеро Ишты, да речка Весленоя, да речка Другая Визюга, да речка Виюза, да речка Лопия; да по-выше Немы, а пониже Мыля речка Нема, да озеро Межаты, да озеро Понгорт, да курия Оленая.

Да на Сыsole-ж на Воче монастырь Афонасия Великие. А угодии к тому монастырю по реке по Сыsole две версты верх да на низ две версты-ж, да речка Ожен, да речка Поин, да озеро Ыджытто, да озеро Вежато.

Да на Сыsole-ж на Пылде монастырь Николы чудотворца. А угодии к тому монастырю река Сыsола против на версту вверх да на версту-ж вниз, да озеро Чматы, да половина озера Пыраты, да половина озера Пыляты, княжины дарение Петра да Федора княжи Василеова детей на поминовение родителя. А волостным людем сыsolеном игумнов монастырских с братиею в волостные разметы не тянути ни во что, не то моя осударева жалованная грамота.

Ловити сыsolеном в тех пермских реках и озерах и в иных угодиех всем за один. А осударевы дани за соболи, и за белку, и за бобровые гоны, и за кречатьи садбица, и за рыбные ловли с пяти сотен с трицети шести луков тринацеть сороков и шестинацеть соболей, с лука по собою. А не будет соболю, ино за соболю по четыре гривна.

У ж г о в с к и е волостные реки и озера и угодии: река Сыsола от рубежа земли Сыsolские верховина с падуны — речка Тыбтя, да речка Чююм, да речка Вонтым, да речка Комула, да речка Ледзига, да речка Нылбыла, да речка Каряга, да речка Лопыла, да речка Кажюм, да верховины Камы-реки с падуны — речка Нырмыла, да речка Волосенса, да речка Рытала, да речка Кузюла, да речка Чюсула, да речка Комыша, да речка Зюзюла. А межа Сыsolские и Ужговские волостные с Великие Перми Чердыню речка Порыша, да речка Рубика. А што угодии на реке Кобры и на Летской и на реке Маломы до реки Карсноя и до Чемиолины, то наше жалованье людем Лусские Пермцы на бедность, и сыsolеном и ужговцом в тое реки не входити ни во что.

А ловити ужговцом в тех реках и озерах и угодиех всем за один. А осударевы дани за соболи, и за белку, и за бобровые гоны, и за рыбные ловли с девять десят и двух луков два сорока дванадцеть соболей. А не будет соболю, ино за соболю по четыре гривна. А что пермяки Лусские Пермцы и Вилегоцские, до них сыsolеном и ужговцом дела нет, но тому тое пермяки присуду устюжский.

Намесником моим князем вымским и волостным людем большим волостных деревен, и рек, и озер, и иных угодий некоторых владыке и владычны слуге, и десятильником, и игумном, и попом не давати ни в закуп, ни по душе.

Владыке Филофею, владычны слуге и ево десятильником в волостные дела не входити ни во что. Владычны и церковные дани с волостных людеи имают поповские старосты мирские и дают десятильнику сами. За требы, и за рождение, и за сороковусты ни угодия, ни пожлые волостные не брати, а емлют их владыко по пошлине. А князины наше жалование озера и курьи князю Петру да Федору в межах волостных против повоста Шеномскова по Вычегде два озера, да под Еренским городком озеро да курейка, да по Вычегде-ж повыше владычново городка в Юруме четьре курьи, да по Сыsole реке в повосте Пылде два озера, а в иных реках и озерах и угодиях волостных князицам не быти и княжих ловцов и делавцов не засылати в некоторые.

А кормы княжи и тивунови и доводчиковы поборы берут в станех сотники волостные да дают им, а самим по тому не входити и засылати.

Сотников волостных князи вымские не переменяют сами, а тивунов и доводчиков до году не переменяют.

Дана грамота лета девять десят третево.

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА ИВАНА III ВАСИЛЬЕВИЧА
ПЕРМСКОМУ ЕПИСКОПУ ФИЛОФЕЮ НА ПРАВО СУДА
НАД СВОИМИ ВОТЧИННЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ

1483 год

Се аз князь великий Иван Васильевич всея Руси пожаловал есми владыку Пермскова Филофея или кто по нем буде иной владыка повостами и деревнями по реке по Вычегде, которые были на перед сего за владыками пермскими.

Устьвымский городок владычен на усти реки Выми на Турею, да деревни владычны на Выми на Ибу, да ниже владычня горотка повост Акват, да деревни на Коквицкой горе Коковиса, да на Вычегде-ж в Еренском горотке на усти реки Еренги деревня Базлуга да деревня Яма, да пониже Еренскова горотка на речке Воджем повост Вожемской да городок Вожемской гора владыки-ж.

А которые люди имет жити на тех землях владычных, и тем крестьяном не надобе моя дань, ни тамга, ни мыт, ни письменная белка, ни осминици, ни костки, ни явка, ни ям, ни подводы, ни новожоная куница, ни иная некоторая пошлина. Тако-ж ни сотнику, ни десятинику с волостными людами не тянути в мирские разметы ни в иные некоторые пошлины.

А наместники пермские княжи Петр да Федор Васильевы дети вымскова или кто по ним будет иные наместники, на тех людех владычных кормов своих не емлют и довотчиков ни приставов не посылают к ним ни по что. А ведает владыка Филофей сам свои люди во всем, опроче душегубства. А лучится тем крестьяном суд с моими крестьяны волостными, наместники мои пермские и их тивуны тех людей судят, а владыко с ним судит, или кому прикажет свое место. А прав ли будет виноват владычный, он прав и виноват владыке. Ведает владыко в правде и в вине своего человека сам, а наместники мои и их тивуны в монастырскова и владычново крестьянина не вступаются ни в правово, ни виноватова. А прав ли виновен волостной человек буде, и он в правде и в вине наместником моим, а владыке и владычне слуге в волостново человека не вступатися.

А что епископли наше жалование на Виляде: на Илинском и на Покровском, и на Николском, и на усть Виляди, то по сему они не писаны, а писаны по жаловальной по устюжской. А хто через сю грамату что на них на владычных возмет или чем изобидит, быти тому от мене от князя великова в казни, так было при отце моем Василье Васильевиче, при деде моем князе великом Василье Дмитриевиче и при князи великом Дмитрие.

Грамата писана лета девять десят первое.

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
ИВАНА III ВАСИЛЬЕВИЧА ПЕРМСКОМУ ЕПИСКОПУ ФИЛОФЕЮ
НА ВЫМСКИЕ И ВЫЧЕГОДСКИЕ ЗЕМЛИ С ДЕРЕВНЯМИ,
ПУСТОШАМИ, ОЗЕРАМИ И ПРОЧИМИ УГОДИЯМИ, С УКАЗОМ
ВЕРНУТЬ ОБРАТНО ЗЕМЛИ, ЗАХВАЧЕННЫЕ
У ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН

1490 год

Пожаловал князь великий Иван Васильевич и всея Руси владыку Филофея Пермскова, или кто по нем будет инои владыка в Перми, землями по Вычегде и во всей Вычегодской земле деревнями и пустошами и дворы и пожнями и озера и реками и участки в озерах и реках и угоды, которые земли были за передними владыками за пермскими:

В Усть вымском городке внутри города двор владычен бошой, да что двор Устиновской владычня брата Ионы, а живет в нем дякон владычен благовеценской Гаврило, и то место владычне, а хоромы тово и с тово места Устим свезет или за хоромы владыка даст деньги; да двор Ибовских крестьян осадной Помосов с товарищи, да двор Оквадских крестьян Петрушки да Гаврило... с товарищи, двор Сенкин Лынов осадной с Коквицкими крестьяны, д. Федкин Зажганов, д. Попов Костянтинов благовеценской, д. Помасов Толмачов да брата ево Чиря-

ков, осадной дворнице пусто Захарково да Филипково Пахомовых детей. А за городком дворы владычны с пашнями и с пожнями: д. Сенка Лен..., дв. Андрейко Ляпунов, д. Перша, д. Гришка Шербинин, д. Фомка Бахтеяров, д. Захарка Горошкина, д. Ивашко Шошкин, д. Ярофейко Ярыгин, да зять ево Васка, д. Игнатка Задняя нога, д. Федка да Сенка Григорьевы дети, д. Ивашко Конев, д. Самко.

А се дворы без пашни, а пожни к ним есть: д. Игнат сапожник, д. Куземка Лихачев, д. Демитка Максимов. А се дворы без пашни, без пожен: д. Ивашка Чехарев, д. Юреи пономарь благовеценской.

А се деревни владычни на Выми на Ибу: вд. Помас Старой, д. Власов да Ортемко Бурнавин, вд. Петруш Сухой, вд. Попов благовеценской Ивашко Попов сын Костянтинов, а пашет на попа, вд. Ивашко да Ефимко Гридины дети, вд. Гришка Тихонов сын, вд. Ларко Леонов, вд. Левка Попов сын Филиппов.

Погост Аквад церковь в нем Введения святыя Богородицы. В том же погосте деревни: вд. Петруша да Якуш Володины дети, вд. Ивашка Чажох, вд. Володинской да в Егорьевской Гаврилко да Ондрейко Володины дети, вд. Вывиовской Гляпова сын ево Ананко, вд. в Демяновском Максимко Ивашков сын Ляпова, вд. Помас Толмач да дети ево Сидорко да Остапко да брат Помасов Чирак да сын Чираков Пахомко да Гритки Кедр, пашут к той же деревни пустошь Максимовские Жобова, вд. Васко Кокзекоев сын, вд. Филипко Ивашков сын, вд. Сидоровском Левко Сидоров, вд. Пахомовском Захарка Пахомов, вд. Дмитрок Прошин сын, вд. Васка Сидоров, вд. Сенка Алева да Михаил Гаврилков сын, вд. Агафонка Тороп Лукин сын, вд. Гришка Якушев сын, вд. Агафонка Чирак да сын ево Тришка, вд. Старостивской Симан Вапалка да Матвейко Симановы, вд. Митинской Мышева Турка малой да Митка Степанов Чирак... сыны дети.

А на Вычегде, в городке Еренском, двор владычен один, да поп Федор Еренской косит пожню Васильево. А се деревни на Вычегде владычни: вд. Степановская Ивашко Детник, вд. на Базлуке Ивашка Доманок Чемово дети, да остров усть реки Яренги, да у городка Еренска пустош Яма. Да в том же пустоше Яма поотнимал было владыко Филофей пожни волостные от Носко в Шуе Иртина сына Долева, да пожню Марковскую Долева, да пожню Сенки Терехова, да пожни Сенки Черного. И князь великий теми пожнями владыку пожаловал, дал ему те пожни против тое пожни.

На Вожемском погосте двор владычен же, живал Васка Пенезанин, да на Воджеме владычня деревня Нестеровская пуста, вд. Палталская Медведева пуста, да пожня Спасская в Пасте косит сено поп Федор с Еренги, д. Поповская, пашут ее попы Троицкие, вд. Конановской Степанко Конанов сын да Мелянка Демитко сын Городец, вд. Евскинской Евскина дети Лучка да Демка, да к той же деревни пожня за Манковым озером, да

другая пожня к той же, д. на Усть-Паста, д. Сосновица, вд. Захаровской Данило Овелвы, владычен слуга. К той же деревни пустошь Максимовское, да за рекою за Вычегдою в курье Омском на волоце во дворе во Власовском да в Еренском Исачка Васильев, вд. Гритинском Жобова Агафонка, Дьяков, да пустошь Алексеевское в тое же наволоце.

А се озера и реки владычни и участки в озерах и в реках по Вычегде от Устьвымскова городка: половина Юрома озера, да Кориоля озеро да речка, да речка Иляя, да Вежаты озеро, да Лыаты озеро, да Ижолты озеро, да река Потжег от устья, где впала в Вычегду; вверх Пожегом к Сысоле до Кылыя реки, да половина озера Чудопицкова, да половина Куваты озера, да половина верховины Белова озера. По реке по Вычегде от Якушева истоку до речки до Дырноса, а от Дырноса до речки Сюрюеля, да от Сюрюеля вверх Вычегдою рекою до речки Нидзеса, промеж теми, которые леса и озера и реки и курьи, опроче Чудопицкова озера и Понеговых лесов, и владыце в тех реках и озерах и курьях девятая часть; да половина Котломы реки, а верховина конец владычен, да Подты озеро, да курья Млад, да река Кафедраил на левые сторона Вычегды. На правой стороне Волва река — межа с черными реки и с лесы со владычными, в которых владыки участок верх по Вычегде земли и лесы одне черные, а владыке в них нет ничево, по тому, как в сем списке писано. Да половина с Шожомы реки промеж Тыдора и Вездина, а верховина тое реки направо владычни, а налево Вездинских крестьян, да от Иолты озера девятой участок.

И в те деревни по сему списку в деревни и пустоши, и дворы, и в пожни, и в озера, и в реки, и в участки во озерах и в реках и в угодиях волостным людем владыке не вступатися ни во что¹.

В се же земли, деревни и пустоши, и дворы и пожни и озера и реки и угодья что было поимали передние владыки Пермские и владыка Филофей великого князя волостные, и князь великий владыке Филофею, или кто по нем будет иные владыки, в те земли и воды и в угодия вступатися не велел, а придал же земли воды и угодия в тягло Вычегодской земле тем людем, у ково владыки те земли, и воды, и угодья поимали. А будет тех людей те земли и воды и угодья волости, а владыкам в те земли и воды и в угодья не вступатися.

На Устьвыми против городка на Ванвиздине вд. Устин владычен брат Ионин, да пожня Волдуселузе против ево деревни, на другой стороне реки Выма, да две пожни Тыдорские против погоста Тыдорскова что косили владыкины крестьяне с Аквада, да пожня Тыдорская же Пахомки Сугова, что де заложил ее Пахомка в отчину владычню крестьянину в сорока белках, и будет то пожня заложена у Ананки, и те белки Ананке взять у Пахомка;

¹ На этом устьвымский текст обрывается. В дальнейшем текст дается по оригиналу из коллекции собрания П. Саввантова.

а не похочет дати белок Пахомка, и те белки взять у Тыдорян, а пожня (пропущено слово. П. Д.) к Тыдору, да остров на Вычегде от Аквада и Тыдора. Да в городке Еренском Сенкин д. Улыбашев да Ивашков, д. Полотнов, да двор Попов Федоров... (По сгибу грамота обветшала, три строки поэтому прочесть невозможно. П. Д.). Выше Еренскова городка, что была Далту пустошь Пылняк владыце Ионе за сорокоусты, и ту двадцать бел владыце Филофею взять у Пылнякова сына у Дмитрока, а пустошь Митроку, а не похочет дати Дмитрок белок и владыце белки дадут Вычегжаня с волости, а пустошь к волости.

А за Вожемским городком на горе вд. Нестер Вегов с детьми, вд. в Миденском да в Тимофинском Быковых детей Харитонка Трушев, вд. Ондрейко да Мосейко Ескины дети, вд. в Левковской, вд. Ермолинской Фадейко да Ермак Федковы дети, вд. Осенко Прозоров с детьми, вд. Якушко Дементьев сын, д. Баландинска пуста да пустошь Кудринская, вд. в Цылебовском Остапко да Гритка Назаровы дети. А те деревни и с пожни ни что; из тех деревень те крестьяне косили со всех угодья, которые угодья к тем деревням тянули, да к тем же деревням остров на устье Вожемские, Просди. А тот остров в Гаврилове письме не писан. А косили его наперед тово из тех же деревень. А что в том же острове пожня владычня, что косили на владыку, и ту пожню придал князь великий Нестерове деревне Вегова. А владыку пожаловал: дал ему противу тое пожни к его пожням на Еренге, на пустоши на Яме. Волостные пожни, что было владыка Филофей поотнимал у волостных людей, да к тем же деревням к горским пустошь Прошутинская да Данженская и пожнями против Просди на Вожеме, вд. Ондрекоском Резанова зятя на усть Паста Степана Окунев сын Резанова, вд. Захарко Ленской, да в Шономе церкви Ильи святой на Черной Зорле. Да на Удоре три пустоши земли, что отнял владычен слуга сее у Митки Гридина сына да дал попу Ивану Никольскому на Удоре, и та земля взята Митке назад. Что было владыка Филофей отнял у Герасима Кононова две пустоши Костянова да Филкина и с пожнями, и князь великий, обыскав наперед Гавриловы отписки, за тем пустоши пожаловал Кононова, и владыце в те пустоши не вступатися. А се озера и реки волостные, что было владыка поимал у волостных людей на Сысоле река Чуя, да половина Юрома озера вверх по Вычегде реке, да три курьи — Орлово да Белоручьи да Травня, что было ту половину Юрома озера и те три курьи отнял владыка у Петра да Федора у княжых Васильевых детей Вымскова, да половина озера Куваты, да половина верховины Белова озера, да половина Эжвеса реки, да половина Эжвеса озера, что было отнял владыка Никитина сына у Сенки. А тово озера в Гаврилове письме нет, а то все озеро Микитиных детей. Да Черва река, да Кусоб озера, да Пожег река, да вниз по Вычегде другая река Черва, да Елты озера против Вездына, владыце в том озере девятой участок. Да что пожни и луга волостные крестьяне

подавали игумену воскресенскому Прохору за сорокоусты, и те пожни в тяглы к волости же: пожни Онанки Кононова, луг Онанки Витязева, да две пожни Онашки Прокышева жены, что тот же игумен Прохор косит пожни за рост на белки пожню Феддосейкову во штидесять белках, да пожню Генясевскую Першукову в трех сороках белках, и то белки иное заплатят вотчичи, а пожни свое возьмут, а не будет вотчича, те белки заплатят волостные люди с волости, а пойдет к волости. А что поп Конан Богородской косит за сорокоуст пожню Ондрейка у Пунева в Княжеском погосте, и та пожня к волости же вотчичам.

В те земли по сему списку, которые написаны-ж к волости в Вычегодской земле в деревни, и в пустоши, и в дворы, и в пожни, и в озера, и в реки, и в угодья у волостных людей владыкам не вступатися. А учнут у них владыки в те земли и в воды, и в угодья вступатися и в иные волостные земли и в воды и в угодья, опроч тех земель, которые в сем списку владыце написаны, и их владыкам и их людям не давати вступатися.

А впред князем Вымским и волостным людям — вымичем, вычегжаном и сысоленом и удореном и всем людям Вычегодские земли земель волостных, деревень и пустошей, дворов и пожен и озер и рек и иных всяких угодей владыкам и их людям, и игуменом и попом не продавати ни в закуп, ни по душе не давати.

А написал сей список великого князя диака Федор Курицын лета девять десят девятого ноября 19 день.

ТАМОЖЕННАЯ УСТАВНАЯ ГРАМОТА ВЫМСКОГО УЕЗДА, ВЫДАННАЯ
НА ОСНОВЕ СОЛЬВЫЧЕГОДСКОЙ ТАМОЖЕННОЙ ГРАМОТЫ
1608 года апреля 4 дня

Список с государевы цареви и великова князя Василия Ивановича всея Руси грамоты слово в слово.

От царя и великова князя Василья Ивановича всея Руси на Вымь таможенной голове Никите Сидорову с товарищи или которые впред иные таможенные головы и целовалники на Выми будут.

Били нам челом с Выми Еренскова городка вычегодской земской целовалник Ивашка Максимов и во всех крестьян место, а сказал:

А прежде де сего блаженные памяти при государе царе и великом князе Иване Василевиче всея Руси и при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всея Руси у них на Выми таможенные головы и целовалники не бывали и таможенных пошлин не збирывали для их бедности и украинного места и сибирских отпусков. А в прошлом де 114 году учали и у них на Выми таможенные головы и целовалники збирати таможенные пошлины вновь.

Они де вымичи били нам челом, чтобы на них велети таможенные пошлины имати по тому-ж, по чему збираеца на нас у Соли Вычегодской. И по тому де у них челобитью послана наша грамота к Соли Вычегодской к Шарану Якушкину, а велено ему списать с таможенные с Усольские уставные грамоты список, по которому збирают у Соли Вычегодской таможенные пошлины.

Велено вам збирати на Выми по тому-ж, по чему збираете у Соли Вычегодской. И Шаран де к вам с Усольские с таможенные грамоты список прислал, и вы де тому списку не верите, потому что де тот список не за ево Шарановою рукою. А збираете де с них, с вымичь, наши таможенные пошлины перед усольским с лишком. Да они же де вымичи и вычегжана и сысоличи ходят для зверя промышляти на лес по заполям; и что де они зверя промышлят, а вы де у них с тово их промышленнова зверя емлете на нас десятину, а по иным де городом: в Перми и на Вятке и у Соли Вычегодской и на Двине, и на Пинеге и на Мезени на нас десятова с тутошново промыслу зверя не збирают, толко емлют с тое рухляди, оценя рублевую пошлину, с рубля по денге с незамытных, а с замытных с рубля по пяти денег. Да у них же де у торговых людей, которые купят и продают у себя, в отъезде емлют по две денги. А на Устюге да и у Соли и в Перми и на Вятке с незамытных емлют с рубля по денге. Да с их же с торговых людей, которые товары покупают на Москве и в Ерославле и на Вологде и на Устюге и на Соли и, приехав де к Вычегде, тех своих товаров не продают, а отвозят те свои товары в сибирские города, и таможенные де головы с тово непродажново их товару емлют с рубля по две денги на сколько оценят. А на Устюге де Великом и на Вятке и в Перми с непродажнова товару рублевые пошлины не емлют, а емлют де с них с саней или с судна приезде и отъезде по алтыну. А как де их торговые люди пойдут из Сибири с мяккою рухлядю в себе на Вымь и на Вычегду, а тое мяккие свои рухлди у себя на Выми не продают, отвозят к Москве, и Еренского де городка таможенные головы с тое их непродажные мяккие рухляди, оценя чево стоит, емлют с рубля по две денги-ж. А на Устюге де и на Вятке и в Перми Великои с непродажново товару не емлют ничево, а емлют с продажнови товару с незамытных с рубля по денге. И для де тое лишние новоустановные тамги к ним на Вымь ни отколе с хлебом не поехали, и от тово де у них хлеб стал дорог.

И нам бы их вычегжан пожаловать: с леших с промышленных людей десятины и с непродажных товаров наши таможенные пошлины имати не велети. А велети-б наша таможенная пошлина имати с продажных товаров, а с леших промышленных людей, чем издобудется, оценя, велети имати с рубля по денге против иных городов. А в пермских таможенных книгах написано: с Перми которые ходят зверовати в своих угодиях по заполе, десятинные пошлины не написано, и у выписки пермичи Давыдко Иванов с товарищи сказали: которые у них промышленники

промышляют зверем по заполюе, и с них таможенные десятины не емлют, а как они учнут товар свои продавати, и с тово де их товару емлют таможенных пошлин с рубля по денге, а десятину де и податочные соболи емлют у них с вогулич.

А в списке с таможенных уставные грамоты Соли Вычегоцкой, каков прислан от Соли в Новгородскую четъ во 111 году за рукою таможенного целовальника Исачка Ондреева, написано:

Имати тамга по таможенной грамоте, которые посацкие люди поедут торговати лета в каюках к Вологде и к Москве и в Пермь Великую и по иным городам, и на них имати приезда и отъезда с хозяина по алтыну, а пошлина имати всякова товару с привозного с рубля по денге. А с околородных крестьян с торговых, которые ездят торговати по городам, и на них имати приезд и пошлина по тому-ж, как с посацких людей емлют пошлину приезд. А которой посацкий же человек поедет к Вычегде торговати дощаником и к Колмогорам поплывет, и на нем имати с дощаника и с нево обоево гривна. А которой посацкой же человек и околородные крестьяне пригонят коровы или хто мяса привезет, и им имати с коровы и с туши говезжи по денге, а с саней по денге-ж. А который посацкой же человек и околородной крестьянин выдаст замуж дочь в одной волости, и на нем имати за выводную куницу по алтыну. А хто выдаст дочь в ыную волость, и на нем имати за выводную куницу по два алтына. А которые посацкие люди и околородные крестьяне плыват плоты продажные к Соли Вычегодской и лес продажной хоромной, и на них имати с плота по денге, а с лесу продажново хоромново с рубля по денге. А приплыват посацкие люди и околородные крестьяне дуб и корье на продажу, и на них имати пошлины с рубля по денге. А который самокруты учнут продавати на посаде соль из варниц или из анбару, и им на них имати померу с десяти пудов по денге. А который посацкие люди и околородные крестьяне поедут от Соли торговати по городом зимным путем, и им имати с хозяина по четыре денги. А которые суды большие насады или дощаники и лоды поедут от Соли от Вычегоцкие к Вычегде с солью, и им имати с меха соли весу по денге да отвозу с тово-ж меха по денге. А сколько будет на судне делавцов и носовья, с человека имати по четыре денги, а с судна по четыре гривны, а с хозяина по две гривны. А хто поедет мимо Усолия иногородцев и из волостей на Печору в каюках, и им имати с каюка с печорского по два алтына, а с шеста по четыре денги, а с хозяина по алтыну. А хто поедет мимо Усолия иногородец в верх к Вычегде водяным путем с товаром или хто поплывет мимо Усоля на низ из Перми или вымичи и вычегжана с мяккою рухлядио или колмогорцы и иных городов поплывут мимо Усолия на низ с товаром с каким-нибудь на плотах или в стругах, и таможенником имати на них с каюка по гривне, а с струга товарнова по гривне-ж, а с плота по две гривны, а с хозяина по два алтына, а делавцов по четыре денги. А станет хто иногородец у Соли товар свои

перекладывати из судна в судно или весити контар, и таможником имати со вьюка по денге, а весчево с конца по денге-ж. А хто иногородец мимо Усолие поедет в верх дощаником, и таможником имати с дощаника по две гривны, а с хозяина по гривне, а с шеста по четыре денги. А которой дощаник по смете в тысячу пуд и болши, и с тово дощаника таможником имати по полтине, а с хозяина имати по полуполтине, а с шеста по четыре денги. А хто поедет иногородец же мимо Усолие в верх с рожю, и таможником имати с каюка по гривне, на котором осначи два или три, а с хозяина по осьми денег, а с делавцов по четыре денги. А хто в каюке поедет мимо Усолие иногородец, а оснач один, и с тово каюка имати по два алтына, а с хозяина по алтыну, а с делавцов по четыре денги. А хто Соли иногородец или волостные крестьяне привезут хлеб всякое жито в каюках и в лодках, и таможником имати с каюка по две денги, а с хозяина по пяти денег, а с делавцов по четыре денги, а с лодки денга. А хто привезет к Соли иногородец всякой товар и станет у Соли торговати, и таможником имати пошлины со всякова товару с рубля по пяти денег, а гостиново с хозяина по пяти-ж денег. А станут продать мед или воск или икру и всякой весчей товар, и таможником имати на продавце сверх тамги по две денги с рубля. А хто поедет иногородец мимо Усолие зимным путем, и таможником имати с саней по алтыну, с пешево, хто придет к Соли, и мимо Усоле проедет, и на нем имати явки по две денги с человека. А имати помер со ржи и со пшеницы и с ечмени и с конопли и с гречухи и с заспы с толокна с хмелю, с продавца с четырех чети московских денга. А с купца померново не имати, а полозново и замытново имати с саней по денге. А хто приплывет к Соли с дровы замытной человек, и таможником имати на них с плота по пяти денег, а с хозяина по две денги. А хто продает или с продавца замытново с тех денег пошлины по пяти денег с рубля. А хто продает или хто менил лошадь, а не явя таможником, и на том взяти заповеди два рубля. А хто продаст всяково жита и хмель и соли или хто купит не в их пятеную меру, ино с них взяти заповеди два-ж рубля. А не явясь таможником усолцом, иногородцом и волостным людем изо всех волостей приезжим людем товаров своих не закладывать с возов, со вьюков и из судна. А хто не явя таможником, сложит товар свои и с возы и со вьюка и из судна скльки буди, и он протаможился, а товар ево ему назад, а с нево взяти протаможие два рубля. А хто протаможит своево товару на рубль, ино товар ему назад, а с нево протаможие две гривны. А хто протаможится своево товару болши рубля, а менши дву рублей или менши рубля, ино товар ево ему назад, а с нево протаможие имати по тому-ж разчоту, как емлют протаможие по полну с рубля.

И вымским таможенным головам и целовальником, которые выбраны к нынешнему 116 году, и которые впред будут на Выми и на Сысоле и на Вычегде по рекам, на посацких и на волост-

ных на торговых людех, которые поедут в отезд с товары лета в больших и малых судах, а зиме на санех к Соли Вычегодской и к Вологде и на Двину и в Пустозерской острог и в Пермь Великую и в Сибирские города или которые и с тех городов с товары поедут, а торговати не учнут, имати проезжая пошлина как и в иных городах приезд и отезд. А которые учнут товары свои продавати, и с тех товаров имати наша таможенная пошлина и протаможие, которые протаможатца против усолские грамоты, опроч иногородцов. А с иногородцов всех городов на торговых людех имати бы естя наши всякие таможенные пошлины по прежней вымской по уставной грамоте все сполна, чтобы в том нашей таможенной пошлине недобору не было. А в таможенные бы книги вымич и вычегжан и сысолчи с иногородцы их писали порознь: иногородцов себе статью. А которые вымичи и вычегжане и сысолчи ходят на звером промысле промышляти в своих лесах, и вы-б у них с тутошного их лесового промыслу десятово на нас не имали, а имали с тое рухляди рублевую пошлину. А тово бы естя берегли накрепко, чтобы те промышленные люди у югорских и у мангазейских выходцов и которые выйдут из Сибирских городов на встречу, мяхкие никакие бы рухляди у них не принимали и не ухоранивали и тутошное своево ловчево не называли. А хто будет промышленных людей на встрече взять мяхкую рухлядь у ково нибуди, у тех, хто выйдет из Югры и из Мангазеи и из Сибирских городов и назовут тутошное своево ловчею, и вы бы у тех людей и товары и животы их имали на нас, а их: металы в тюрму до нашево указу да о том к нам отписывали. И мы о том велим указ свой учинити. Да и у тех людей, которые выйдут на Вымь с мяхкою рухлядию из Югры-ж и Сибирских городов из Мангазеи, а отписок и отписей воевоцких на мяхкую рухлядь, которая с ними будет, перед вами не положат, что у них с тое их мяхкие рухляди десятина взята, и вы-б тое их со всее мяхкие рухляди десятину имали на нас от девяти десятой самолутчей зверь по нашему указу. А которые будут вымичи торговые люди купят товары на Москве и в Ерославле и на Вологде и на Устюге и у Соли, и приедут с теми своими товары к Вычегде и на Вычегде тех своих товаров продавати не учнут, а повезут те свои товары в Сибирские города, и тово их непродажново товару с рубля по денге не имати, а имати с них против иных городов с саней или с судна приезду и отезду по тому-ж, как и в иных городах. А как те вымичи торговые люди с своими товары учнут приезжати из сибирских городов на Вымь, а скажут, что де с тех своих товаров десятину и пошлину платили в сибирских городех, и вы-б у тех торговых людей досматривали выписи, сколько с кем каково товару пошло, и с тех они своих товаров десятину и пошлину платили ли, и буде платили, а на Вымь приехав теми своими товары, торговати не учнут, и вы-б с тех их товаров наши пошлины и десятины не имали. А будет: учнут торговые люди теми привозными своими товары на Выми торговати, и с тех их товаров има-

ли бы естя рублевую пошлину, как и с иных торговых людей с рубля по денге. А товаров их, которые привезут из сибирских городов, пересматривати, да будет у ково обявятца лисицы черные, и те лисицы у них, оцеля, имали-б на нас да о том писали и те лисицы присылали-б к нам к Москве, а велели отдавати в Ноугороцкой чети диаком нашим Григорию Елизарову да Ондрию Иванову. А буде, у которых торговых людей обявятца какие товары сверх их выписей, каковы даваны им в городех, и с тех их товаров имали-б естя десятое по прежнему нашему указу от всево лутчево, а товары отдавали-б тем торговым людям, у ково те товары возмите. Писано на Москве лета 7116-го апреля в 4 день.

У государевой грамоты орел двухглавой, а на грамоте пишет царь и великий князь Василей Иванович всея Руси, а по ставам пишет диак Ондрей Иванов.

ВЫЧЕГОДСКО-ВЫМСКАЯ (МИСАИЛО-ЕВТИХИЕВСКАЯ) ЛЕТОПИСЬ

Благословением владыко Антония вологоцкова и великопермсково се аз Мисаил грешный счини о деяниях на Перме происшедшие от времен созвижения града Устюга Великова да от времен пришествия с Руси святого Стефана от поганства идолопоклонныи ко святей вере пермские люди приведоша. А счинил сее бес хитрости и лукавства, что было что есть по царевым государевым князей великих грамотам, которые в ларцех Уствымские Архангелские пустыни, да житием святых отцов наших Стефана, Герасима, Питирима, Ионы, святителии Пермские земли, а иные грамоты искони времен на Вологде на приказе владыки вологоцкова и великопермсково роспытал.

1178 г. Лета 6636 князь великий Всеволод заложи на усти Юга реки град Гледени.

1212 г. князь ростовский Костентин Всеволодыч заложил град Устюг Великий за четыре стади от Гледены и детинец и церкви устроив в нем. А тот град от Костентина примыслил брат ево Юрии и своею властию отимал земли по Двине и по Вычегде и по Суконе и по Юге и пермские дани к себе-ж взял. Из града тово Устюга Великия святыи Стефан пермский людие просветил святым крещением.

1333 г. Лета 6841 князь великий Иван Данилович взверже гнев свой на устюжцов и на ноугородцов, по что устюжци и ноугородцы от Вычегды и от Печеры не дают черный выход Ордынскому царю, и дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печеру и с тех времен князь московский почал взимати дани с пермские люди.

1364 г. Лета 6872 князь великий Дмитрий Иванович взверже гнев на князе на ростовсково Костентина и взял от тово Ростов и Устюг и пермские места устюгские.

1367 г. Лета 6875 князь великий Дмитрий Иванович заратися

на Ноугород, а ноугородцы смирились. Взял князь Дмитрией по тому розмирю к себе Печеру, Мезень и Кегролские. Люди пермские за князя за Дмитрия крест целовали, а новугородцом не норовили.

1379 г. Лета 7887 иеромонах Стефан по прозванию Храп благословением епискупа Герасима иде в землю Пермскую на Вычегду на проповедь слова божия среди нечестивые племени пермян. Того лета начал Стефан у пермян на Пыросе и на Виляде и крести их святей вере.

1880 г. Лета 7888 приде Стефан на место, глаголемое Устьвьмы и тамо водворися, зане бысть то место ему во всем по обычаю паче иных мест тогда бысть лесно и нача жити при деревес и келью и дом молитвенный устрои себе и людем не бысть бо тогда близ того места за полноприща. Бысть же близ того места их, пермян, нечестивая кумирница. К ней же пермяны часто приходяху места деюще, еже что хочет и почитающе его яко бога. Стефан видя их приходящих к той кумирнице и благословляюще словом божим и учаще их и обращающе от прелести идольской ко святей вере христианской. Они же никако повинующе ко святей вере христианской и крепляхуся. Не бысть бо в том месте много людей. Во един убо от дней прилучися от тех людей, неких бысть дуброве на работе далече для земляного поделия лес и пребывающе тамо яко и до десяти дней живущим. По малу времени един пермин поиде помраченые веры отступившиа и приде благоразумие и крестящися, яко по ним десять мужей. Из дубравы пермины придоша и познаша, что сия от них обратишася во святую веру, начаша о том тужити и гневаться на Стефана, сетоваху, како бы Степана от места того изгнати. И весть даша неверным людем по реке Вычегда, на место именуемом Вишера, и по реке Выме, тамо живяху старей Пан-сотник. Пан-сотник же, созвав многие люди, яко до тысящех и боле, собравшися в лады, приплывше на Устьвьмы и начаша о том зело сетовати, како бы Стефана отиду изгнати, дабы и вера в безбожная кумирница не разорена будет.

И поиде Пан-сотник оным многими людьми пермстии, хотяху келью разбити и Стефана отогнати или смерти предати, несяху собою всяк дреколие и лук и стрелы. Стефан, видя их ярящихся, силой всевышнего запрети им, и вси бо един час ослепиша, кто и где бысть и не возмогиша Стефану делати зла. И начаша они, Пан-сотник и с ним пермяне-идолопоклонници молити Стефана, дабы господу богу помолился о прозрении, и дары обещающе и посулы и поделия на них полагаша, глаголяху: не гоним тебя отсюду. Стефан по их прошению даде им поделие, еже близу того места от келии под горой на лузе сеци лес и место тово чисто делати, бысть на том месте луг, а лес яко и двум человекам едва обяти. Идолопоклонници сие с радостию обещахуся сделати и в предел такому поделию вземше. Стефан помолився богу, и вси во едином часе прозреша и в радости начаша на том лузе лес сеци

и по три дня толиким трудом, множество пришедшим пермяне, яко тысящи и боле мужей, секуще и чистиша. Они пермяне путягтися в той час на берег, раскаяшася, яко много Стефану без мзды зделаша, сами же утруждашися и начаша о найме сетовать, зело бо встужима и поденное и нятие, у Пама-сотника просяще и крамоляще на Пам-сотника, яко ты поработил ешь новопришедшу старцу. Пам-сотник же с ними многии идолопоклонници пермстии со берега поидоша к Стефану, несяху собою луки и стрелы и драколия, и на келью возлезоша, хотяще его разломати, а инии в стену ударяше, а инии луки направляюще, хотяще Стефана изгонити и с ним новопросветившиися всем купно смертно претяху и глаголяху: не можете ни един из вас живы избежати. Стефан ни мало убоися и не стужи с такового нашествия идолопоклонников и всякого преценья, паки помолился богу, и вси идолопоклонници во един час ослепоша, кто где бысть. Пермяне паки приступиша и начаша Стефана молити и прощения просяще и о призрении, обещающе поделия на них полагающе или что угоден. Но Стефан, ни что не требуя еже взяти, точию работу даде им: еже гору ону, на ней же келья его и окопати, и осыпати, и назорных мест рвы делати, и строити его, яко же угодно Стефану. Они же пермяне с радостию вси обещавшиися по Стефана заповеди делати, и вси в един час прозревши, начаше гору того устроить, осыпати делающе и три рвы ископаша и устроиша гору того вельмы красну, якоже угодно Стефану. И крестил Стефан той час ко святей вере восемьсот идолопоклонници пермстии: Пан-сотник с остатком возвращеся и претяху новопросветившиися Стефана слушатися, а его Пана слушати, но зла Стефану не могуще делати, понеже их малоллюдно и вшедши восвоися.

1383 г. Лета 6891 приде Стефан до митрополита до Москвы для новокрещеннии пермяки епискупа просити. Пимен митрополит с князем великим с Дмитрием сразсудив, поставиль его Стефана епискупом Пермскую землю. Князю великому наипаче зело за честь поставление его, ибо знамо зело Стефана и любяще издавна.

1384 г. Лета 6892 приде Стефан от Москвы благословением митрополита и жалованием князя великого Дмитрия Ивановича и бояр его почал строити святыя церкви и монастыри. Создана бысть обитель его болияя, потом епискупия на Устьвьмы на владычном горотке. Владыко Стефан на Устьвьме создвиг болюшой соборный храм Благовещения пересвятыя Богородицы и другой меньшой храм монастырской архистратига Михаила, да монастырские-ж и на Вотче и на Еренском горотке, поставил игумены, и попы и дяконы в оных. Да владыко-ж Стефан пермския азбука счинил, грамоту и книги с русийских на пермский язык переложил. Разъярился владыко Стефан на кумирници пермстии поганые, истуканные, изваянные, издолбленные боги их в конец сокрушил, раскопал, огнем пожегл, топором посекал, сокрушал обухом, испепелил без остатку и по лесом, и по погостом, и на

межах, и на перепутьех. Паки zelo разгневан бысть старый Пан-сотник, и лукавством, и козни, и угрозы начаша претит ему Стефану, но сам посрамлен бысть и изнан из Пермские земли из роду из племени. А непохотел кто к святей вере быти, отиде теи на Удору и на Пенегу с жоны и детьми свои.

1385 г. Лета 6893 владыко новгородский разгневан бысть zelo, како посмел Пимен митрополит дати епархия в Перме, в вотчине святей Софии и прислал дружинники воевати пермскую епархию. Позвал владыко Стефан устюжан, им бы беречи Пермскую землю от разорения. Устюжане побили новгородцов под Черной рекой под Солдором.

1386 г. Лета 6894 новгородцы со двиняны воевали на Волге, а идучи оттуды великого князя волости и вычегодские, и устюжские воевали-ж, и князь великий Дмитрией ослушенников побил, волости вернул себе и с новгородцев и двинцов окуп взял. Того же лета поиде епискуп Стефан в Новгород, потому с Новгородом размирье. Стефан поклонился владыке и боярам новгородским, дабы дружинником новгородским не разорити впредь Пермскую земли и епархия Вычегоцкие земли беречи. Отпущен владыко Стефан от Новгорода с милостию и дарами.

1389 г. Лета 6897 пришедшу с Удору и с Пенеги пермяни идопоклонницы на Еренский городок, монастырское Пречистые Богородицы пожгли, пограбили, людей монастырских посекали.

1392 г. Лета 6900 пришедшу на владычный город на Устьвьем погаными вогуличи, а с ним Пан-сотник окаянной. Стояли вогуличи станом на Юруме на месте зовемый Асыкояг неделю, к горотку не приступали, а погосты около тех мест разорили. Узнав те вогуличи из слухов устюжский полк идет на вогуличов, сели в лады и утекли вверх Вычегодою-рекою.

1896 г. Лета 6904 преставился епискуп пермский Стефан на Москве. Како весть дошла до Пермские земли апостола, учителя, вожа, наставника не стало, разрыдася людие пермские, предася скорби вся Пермская сторона.

1398 г. Лета 6906 епискупы Пермские епархия поставлен бысть Исакий.

1418 г. Лета 6926 поставлен бысть в епискупы Пермские епархии владыко Герасим. Того же лета ходили ратью устюжаны, вычегожаны, вятчаны Двинскую землю за князя великого воевати и пожгли у двинян Бороку, Емцу, Холмогорцы. Вышли супротив устюжан, вычегожсан, вятчан двинские бояры с новгородцы и сугнали до Устюгу, а город пограбили.

1425 г. Лета 6933 воевали устюжаны и вычегожаны Двинскую землю, а новгородцы шли на них ратью на Устюг и взяли на откуп 6 сороков соболей да 8000 белок.

1432 г. Лета 6940 начался распря великая на земле русскои меж детьми великих князей Василия Дмитриевича и Юрия Дмитриевича, меж Васильем Васильевичем, и Васильем Юрьевичем.

Много крови христианской пролилося безвинно покеда распря была.

1438 г. Лета 6946 пришедши вятчаны с ратью, волости по Лузе и по Нижние Вычегоды пожгли и приступиша к городу Устюгу. Город пожгли, а люди сокрылись по лесом.

1443 г. Лета 6951 убиен бысть епискуп пермский Герасим за неколико стадий от владычного горотка, месте зовемый Мыс земскими подъяки за нечто, а то нечто суть земляные поделия на владычном горотке на строение храма ружново, да роспря угодейная.

1444 г. Лета 6952 поставлен бысть в епискупы Пермские епархия архимандрит Питирим Чудова монастыря. Владыко Питерим привел к святей вере пермяков удоренов на Вашке реке, игуменов и попов им дал, святей храмы тамо создвиж.

1447 г. Лета 6955 владыко Питерим с другими владыки российский писал грамоту на Дмитрия Шемяку с проклятием от церкви святей.

1450 г. Лета 6958 повелел князь Дмитрией Юрьевич Шемяка вятчанам идти к себе, а сам поиде от Новгорода в лады земли Устюжские разоряти. Призвали устюжана от Шемякины пособляти вычегожаны и вымичи, а сами щита супротив Шемяки не держали. Казнил князь Шемяка пермских сотников Емельку Лузькова да Ефимия Эжвина да десятников их. Того же лета звал Шемяка вогуличей и вятчан волости великого князя Василья Васильевича грабити. Вогуличи не шли, а наущением того Шемяки пришедшу вятчане на Сысолу, на Вычегеду, на Вымь, погосты пожогли, храмы святей грабили, церковное все поимали. Приступали вятчане к владычню горотку Устьвьемь, а взять не взяли, постояв на месте Копанец, зовемый Вятской луг, повернули вспять на Вятку.

1451 г. Лета 6959 прислал князь великий Василей Васильевич на Пермскую землю наместника от роду вереиских князей Ермолая да за ним Ермолаем да за сыном ево Васицием правити пермской землей Вычегоцкою, а старшево сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великая Пермь на Чердыню. А ведати им волости вычегоцкие по грамоте наказной по уставной.

1452 г. Лета 6960 поимал окаянный Шемяка владыко Питерима, шедшу на Москву, приведе на Устюг, темницу метнув, и мучал ево тамо, а владыка не убоялся тово Шемяки, проклятое слово не взял.

1453 г. Лета 6961 шел ратью князь великий Василей Васильевич супротив Шемяки на Кокшенгу и на Устюг, Кокшенгу взял, кокиаров посекал и пошел казнить Устюг, по што усюжана Шемяке норовили. Заслыша то Шемяка, утекл на Двину и к Ноугороду, и там бысть отравлен зелием.

1455 г. Лета 6963 приездил владыко Питерим в Великую Пермь на Чердыню крестити ко святей вере чердынцов. Того лета шли на Пермь безвернии вогуличи, Великую Пермь воевали,

Питерима идущие с Перми поймали и убили в месте зовемый Кафедрал на реке на Помосе.

1465 г. Лета 6973 повелел князь великий Иван Скрябе воеводе с устюжаны и вычегжаны Югорскую землю воевати, а шедшую с устюжаны хотящие люди да с ними же ходил князь Василей Вымской с вымичи и с вычегжаны. Землю Югорскую вэвали, полону много вывели, за князя великого Югорскую привели, а князи их и Калба и Течика на Москву привели. Князь великий пожаловал того Калба да Течика со всем Югорским и отпусти домой и дань на них соболиную возложи.

1462 г. Лета 6970 поставлен бысть в епискупы Пермские земли владыко Иона. Того же лета владыко Иона добавне крести Великую Пермь, постави им церкви и попы и княжат Михайловых крести.

1467 г. Лета 6975 поиде вятчаны на вогулечи да с ними пермяне из Чердыни, вогулич воевали и князя их Асыку в полон взяли да от Вятки упустили.

1471 г. Лета 6979 возверже гнев князь великий Иван Васильевич на Новугород и присла рать на новугородские и двинские. Новугородци вышли 70 тысяч супротив князя Ивана. Воевода князь Холмский побил новугородцов, Новугород взял на щит и волости новугородские поимал за князя великого. Того же лета повеле князь великий Иван брату своему Юрию с устюжаны, галичаны, белозерцы, вычегжаны, пермяки с ратью коною и судовою поити на казанцов. Стоял Юрий под Казаню 5 дней, к городу не приступал, сожидаячи белозерцев и чердынцов, а чердынцы, убоясь, не пошли, за казанцов задалися.

1472 г. Лета 6980 преставися владыко пермский Иона, а на епискупию по нем поставлен бысть владыка Филофей. Того же лета князь великий Иван повеле воеводе устюжскому Федору Пестрому с устюжаны, белозерцы, вологжаны, вычегжаны воевати Пермь Великие по тому перекеки за казанцов норовили, гостем казанским почести воздавали, людем торговым князя великова грубили. Князь Федор горотки пермский Искор и Похчу и Чердыню и Уром взял, грубников поимал, князя Михаила Ермолича и сотеников ево Мичкина и Бурмота и Исура и Коча и Зырна к князю великому на Москву прислал. Князь великий отпустил Михаила на Пермь-ж княжити.

1480 г. Лета 6988 почал князь Василей Вымской город на Выме на Турею строити, а вымичем не любо тое городок строити: пошто нам этот городок и на кого, и посеки вымичи Василья князя на смерть.

1481 г. Лета 6989 пришедшу Асыка князь с пельнскими вогуличи на Пермь Великую и приступиша на Чердыню, Чердынь не взял, а Покчу пожег и князя Михаила Ермолича и княжат его посекал и повосты розорив. Узнав про то Андрей Мишнев со свои устюжаны поиде на Пермь, сугнав вогуличов под Чердыню побил и приплывишу по Каме реке туменских татар посекал. Того же лета

прислал князь великий Ивашку Гаврилова Вычегодские знамени и луки писати. Писал тое пиесец луки вычегодские, и вымские, и сысоленские, и удоренские, и владыки Филофея вотчину, а на Чердыню не писал луки, потому вогульское розорение.

1483 г. Лета 6991 князь великий Иван посла рать на Асыку на вогульсково да на Югру на Обь Великую с воеводы с Федором Курбским да с Иваном Салтык-Трава, с ними вологжаны, устюжаны, белозерцы, вычегжаны, вымичи, сысолечи и чердынцы. И бысть им бой с вогуличи на устьи реки на Пельны, князь вогульский Юшман утекл со своим со всем. Воеводы князя великова оттуль поиде вниз по Тавде реке в Сибирскую землю воевали идучи, а от Сибири по Иртышу вниз идучи на Обь реку Великую землю Югорску воевали, князя их Молдана большово в полон вели, добра и полону взяли многие.

1484 г. Лета 6992 пришедшу к князю великому бити челом вогулетин князь Пыткей с поминки великии от князи кодских от Ляба да от Чангиля и били челом о большом князи Молдане с товарищи. Князь великий отпусти их в землю Югорскую печалованием владыко Филофея да князя Володимера Ковра. Того же лета поиде к князю великому от вогульского Юшмана о опасе вогулетин Югра да сотник его вогулетин Анфим, а печаловался по ним владыко Филофей и князь великий опас дал да послал владыка с великого князя опасом слугу своего Леваша.

1485 г. Лета 6993 приде к владыке Филофею на Устьвымь по опасу князь вогулетин Юшман, а сними вогулечи тесть его Калба да Ломотко и поиде с ним Филофей к князю великому на Москву бити челом на Семена летопроводца. Того же лета князи Кодские Молдан с детьми да Пыткей да Сонта да Пынзей имали мир под владычным городом под Устьвымь за свои земли с князьями вымскими Петром да Федором с Васильевыми детьми да с владычным слугой Левашом да с сотники Вычегодские земли пермские с Сидорко Онкудинов да Алексей Козак да Кировска Устинов да Сенка Микитин на том: им лиха не мыслити ни силы не чинити над пермскими людем, а князю великому правити во всем да крепость их со злота воду пили и идущие в землю свою.

1486 г. Лета 6994 пришедшу вятчане ратью на Устюг и стояли под Осиновым, городок не взяли, три волости пограбиша, а устюжане идоша по ним, не сугнав пошли прочь. Вятчане пришедшу на Устюг другаяжды на судех подступиша, а осиновци и устюжана отбилися. Пермские люди в то лето сидели великим страхованием от вятчан. Прислал князь великий Иван воевод своих князя Ивана Лыко Оболенского да Юрья Шостака с двиняны, важаны, каргопольцы от вятчан устюжские и вычегодские места беречи, а они стояв до осени пошли прочь.

1489 г. Лета 6997 повеле князь великий Иван Васильевич воеводе своему Данилу Шеня да Григорью Морозову Вятскую землю за князя великово воевати, с ними москвичи, тотары, вологжане, устюжаны, белозерцы, вычегжаны, вымичи, сысолечи. Москвичи

и тотары шли на конех, други на судех. Городки вятские взяли все и приступиша к Хлынову всякими хитростью и раторством. Вятчане убоющаяся, яко конечная гибель, того ради град свои отвориша, вси поклонившись, а изменников воеводам отдаша. Воеводы князя великого тое изменников поймав на Москву приведоша, а мирян к роте на крестном целованыи.

1491 г. Лета 6999 послав князь Иван немца Имнуила Иллариева да с ним детей боярских Болтина да Коробкина да Петрова с фразы серебра делати и меди и железа добывати на Цильмереке, а делавцов с ними, кому руду делати, устюжцов 60, двинцов 100, пенежан 80, а с вычегжан и вымич и сысолеч и чердынцев 100, а тем проводити на судех до места, руду не делати, а ужена давати. А на ужена князь великий пожаловал пермичов тони на устье Печоры-реки от Болванские до Пустозерские.

1499 г. Лета 7007 повелев князь великий Иван воеводом своим князю Петру Ушатому да князю Семену Курбскому да Василью Бражнику на Югорскую землю да на Куду да на Вогуличи, а с ними ярославци, вятчаны, устюжаны, двиняне, важане, пенежане да князи Петр да Феодор дети Васильевы Вымского с вычегжаны, вымичи, сысолечи 700 человек. Шедшу князь Петр Ушатой с вологжаны, двиняны, важаны Пенегою, Колою, Мезенью, Пезою, Чильмою на Печору-реку, на Пусту, идучи самоядцов за князя великого привели. А князь Семена да Василья Бражника со вятчаны, устюжаны, вычегжаны сождався здесь, городок заруби для людей князя великого. Осеневав, отсель воеводы развелися. Князи Петр да Семен шедшу Щелью да Ляпини на Югру да на Куду, а Василей на князеи вагульских на Пельны. Они же шедшу пеши зиму всю, города поимаши и земли их воеваша, а князей послушников в Москву приведоша, да земских людям к целованью по их вере за князя великого. Зимы тое убиен бысть князь Петр Вымской.

1501 г. Лета 7009 отиде на покой владыко Филофей с Пермских земли в Кириллов монастырь и тое же летом опочил пастырь добрый и смиренный, по нем поставлен бысть на Пермские епархии владыко Никон.

1502 г. Лета 7010 повеле князь великий Иван вымскому Феодору правити на Пусте-озере волостью Печорною, а на Выме не быти ему, потому место Вымское не порубежное.

1505 г. Лета 7013 князь великий Василей Иванович разгневан бысть и свел с Великие Перми вотчича своево князя Матфея и родню и братию ево, а в Перме велел быти наместнику Василью Ондревичу Ковер.

1506 г. Лета 7014 пришедши из Тюмени на Великую Пермь ратью сибирский царь Кулуг Салтан и без вести приступиша. Чердыню не взял, а землю нижнюю воевал всю, в Усолье на Камском варенцы пожегл, цырны разорив, а пермяков и русаков вывел и посекал. Князь Василей Ковер на поле води погоню, а иных на судех послав, и они догнашу их в Сылве, заднюю побили.

1514 г. Лета 7022 отиде на покой в Глушецкой монастырь пермский владыко Никон, а по нем поставлен бысть на епархия владыко Протасей.

1517 г. Лета 7025 повеле князь великий Василей Оникею сыну Федорову Строганова с братьею Вычегодским Усольем владети по жаловальной и на князя великого соли варити.

1520 г. Лета 7028 поставлен бысть на Пермские епархия владыко Пимен.

1526 г. Лета 7033 поставлен на Пермские епархия владыко Алексей.

1530 г. Лета 7038 присла князь великий Василей Ивашку Боброва с товарищи вычеготские луки писати, и писали те писцы луки вычеготские, и вымские, и удорские, и сысолечские, и владычьи вотчины, и на Великие Перми.

1531 г. Лета 7039 пришедшу на Великую Пермь пельнский князь с возулечи, погосты разорив, а Чердыню не взял.

1535 г. Лета 7043 на Каряжме-реке на Вычегде преподобный Симон и Логим создали монастырское строение и дворы монастырские и церкви святых.

1539 г. Лета 7047 на Плесовские на реке на Соиге преподобный Симеон создал друга монастырь.

1540 г. Лета 7048 пришедшу на Великую Пермь с ратью тотары казанские, князя великого вотчину пограбили, пожгли, а людей пермских посекали многие.

1544 г. Лета 7052 пожаловал князь великий Иван новгородца Ластку да Власку Печорскими тонями и речками да слободкою на устье на Цильме, а копити тое слободку на князя великого безпенно и безошленно, а оброку рублевую за тони и бечевники привозити на Москву вместе с вычегжаны и вымичи.

1545 г. Лета 7053 присла князь великий Иван на Пермь грамоту гневным словом, пошто у канинские и тиминские самояди зверинные угодеи и рыбные ловли пермеки, пинежане, важане поимали их дедины и отчины.

1547 г. Лета 7055 на Пермские епархия поставлен бысть владыко Киприан. Того же лета пришедшу ногайские люди на Чердыню, повосты пожгли, а заставу чердынскую русаков и пермяков побили.

1550 г. Лета 7058 присла князь великий Иван жаловальная грамота вычегжаном, вымичем, и удорены и сысолены и всей Пермские земли людям прежние пермские суды и грамоты не посуживати, а судити пермские люди по новой уставной грамоте по царевои.

1555 г. Лета 7063 повеле князь великий Иван Васильевич на Перми Вычеготские волостем не быти, а волостелины доходы пооброчить деньгами. А в волостех учинити судеек, целовальников, сотеников, пятидесяцких и десятских по излюбю и им управа чинити и волостные доходы взимати. Волостелиным тицном и до-

водчиком и приставом не быти-ж, по тому их судят свои судейки излюбленные по уставной грамоте по царевой.

1558 г. Лета 7066 пожаловал князь великий Григорья да Максима детей Аникиевых Строганова вотчиною на отхожие земли Великие Пермь на сто верст по обе стороны Камы-реки и велел им горотки строити, варницы ставити, соль варити, слободы копити на государя.

1560 г. Лета 7068 преставися владыко пермский Киприан, а по нем поставлен бысть на Пермские епархия Иоасаф.

1564 г. Лета 7072 присла князь великий Иван писцов Якимку Романова да Микитку Пятунина с товарищи земли Вычегоцкие писати, и тое писцы луки и знамени не писали, а пашни и перелог мерели да пашни и людии в сошки развели, государевы дани в сошки-ж положили. Они же писцы волостку Пустозеро в оброки верстали и самайские луки писали. Того же лета переведен бысть с Устьвыми на Вологду владыко Иоасаф Пермский. Оттоле епискупия начав быти на Вологде, на Устьвыме после тово епискупия не была.

1565 г. Лета 7073 преставися владыко Иоасаф, по нем епискупом поставлен владыко Макарий. При том владыке при Макарие дано Пермской епархия, опроч вологоцких, церкви двинские и колмогорские.

1567 г. Лета 7075 князь Афонасей Вяземской повелением князя великого отписал повосты удорские на усть-Ваишке и Карачельское, и Олему, и Пенежку и Кебское присуду Мезенскому на опричину.

1573 г. Лета 7081 пришедшу ратью на Пермь Великую Маметкул сын Сибирского царя, города и повости пограбил и пожегл.

1575 г. Лета 7083 писцы князя великого Василий Агалин, Степан Федоров писали Пустозерскую волостку и отписали от Вымского присуду слободки Устьцилемскую и Ижемскую, а велено быти тем слободам за присуду за Пустозерские.

1577 г. Лета 7085 преставился владыко пермский Макарий, а по нем епискупом поставлен Варлаам.

1579 г. Лета 7087 повеле князь великий Иван Васильевич ангичаном из немцов руду на Вычегде-реке искати и копати, а те ангичаны нашли руду на Вычегде и на Сыsole и мачтовый лес вельми многого, государь на них разгневался и руду делати не велел и быти туто не велел.

1580 г. Лета 7088 за службы великие государевы пожаловал князь великий Иван Васильевич пермичем промышленным и торговым людям торговати в Югре и в Мангазее и в сибирских городах безоцилинно 10 лет, и таможенные им не платит николико.

1581 г. Лета 7089 пришедшу сибирский царь с вогуличи и югорцы на Пермь Великую на городки на Сылвенские и Чусовские, вотчины Строгановы пограбил. Того же лета пельнский князь Кикек пришедшу с тотары, башкирцы, югорцы, вогулечи,

пожегл и пограбил городки пермские Соликамск и Сылвенский и Яйвенский и вымские повосты Койгород и Волосенцу пожегл, а Чердыню приступал, но взяти не взял. Того же лета снарядиша Максим да Григорей Строгановы казацких ватаманов а с ними охотчие люди Сибирскую землю воевати, и шедшу тое казаки за единоелет всю Сибирскую повоевали, за князя великого привели.

1585 г. Лета 7093 повелел князь великий Феодор Иванович Ивашке Огареву да Филке Юреву с товарищи вымские и вычегоцкие пашни и перелог писати и допытати, где какие реки текут, колико протоку в них, где какие повосты и колико верст меж ними и чертежи о том делати.

1586 г. Лета 7094 повеле князь великий повосты вымские Кайгород и Зюзено отписати к Пермь Великие, а сысоленом и ужговцом в тое повосты не ходити, не ведати ничем. Того же лета преставися владыко пермский Варлаам, а по нем поставлен бысть владыко Антоний.

1587 г. Лета 7095 князь великий Феодор повелел взяти в новый городок Тоболск из вычегоцкие и вымские пермяки в служилые казаки пятьдесят и с жоны и с детми, а подможные им от земских по 20 рублев ежелет.

1588 г. Лета 7096 князь великий Феодор Иванович повеле возити на Лозву городок хлебных запасы от поморских городов на жалование сибирским ратным людям. А с Вымского уезду муки и крупы и толокна четыреста четверти да 6 судоделавцов. Преставися владыко Антоний, а по нем бысть владыка Иона.

1590 г. Лета 7098 отписал князь великий Феодор Иванович Вычегоцкие Соли от земли Устюжские и повеле ведатися тому Усолю присуды порознь, а Луские Пермцы и Вилегоцкое Пермцы к Усолю-ж отписал. Того же лета повеле князь великий Феодор усольцом и вилежаном и лузаном и сысольцом и ужговцом и вычегжаном и вымичем и удореном и владычны сошки крестьяном отпущать по большой сибирской дороге подводы под государевы казну, под бояры и под всякие служилые люди. А отпущать подводы и ямские денги по загоным книгам межволостно, считаясь по вытню и посошно.

1593 г. Лета 7101 повеле князь великий Феодор послати пермяки вычегжаны и вымичи на Пельнь и на Березов городки строити. Того же лета велено отпустить от Вымского уезду в Сибирь 60 ратных в казаки и дать им от земских людей подможных по 20 рублей на человека.

1594 г. Лета 7102 повеле князь великий Феодор взяти от вымичей и вычегжаны 10 человек лутчих людей с жоны и с детьми в Сибирь на Березов город и тамо жити, а подможные им от земских людей по 60 рублев на человека ежелет.

1597 г. Лета 7105 повеле князь великий Феодор поставити заставы крепкие Обдорском и Киртаском и на Пустозеро и на Чердыне и на Турее, брать на государя от всякой мяхкой рухледи

таможных от девяти десятое лутчее. А штоб не было государевой казне порухи, поставить на заставах верных голов, и торговли людем те заставы не обжежати ни почем.

1601 г. Лета 7109 пославишу государь Борис Феодорович князя Мирона Шеховского с русаками, устюжаны, вымичи на Мангазейю остроги строити и города крепити, а самоядь мангазейская заратися на Мирона и посекли Мирона и ево люди вси.

1602 г. Лета 7110 много людей государевых померло потому в Руси голод великий был два лета. Пермьки многие в голод тот разбрелись вятским и сибирским городом, а инши померли с неядения.

1604 г. Лета 7112 преставися владыко Иона вологоцкий и пермский, а по нем поставлен владыко Иоасаф.

1605 г. Лета 7113 преставися государь Борис Феодорович и на царство московские венчан вор самозванный Гришка Отрепьев, именем Дмитрий Иванович. Дите царя Бориса Феодоровича с матерью убиен бысть от того вора. Боляре провозгласи того вора Гришку царем, крест ему целовали служити и радети, а тот вор приведе на Русь царицу из Литва и литовских людей и веры святей Христовы поруганы бысть и папские унции предана бысть. Не похотели люди посрамления церкви святей, возненавидев того мнимого царя.

1606 г. Лета 7114 убиен бысть мнимый царь Дмитрий самозванный, на царство московские венчан Василей Иванович Шуйский. Не люб бысть тот Василей посадским и волостным людем, и потому пошла распря на Руси. Того же лета повеле государь князь великий Василей Иванович в уезду Еренскова городка быти воеводе, дотоль на Еренском воеводы не были, а нанове воевода заступил Василей Якович Унковский. Того же лета по государеву велению учали на Выме Еренском таможенные головы и целовальники сбирати таможенные пошлины вновь. А те пошлины блаженные памяти при Феодоре Ивановиче да при Борисе Феодоровиче с вымичаны, вычегжаны, сысолечи не собирали, опрочь сибирских застав городовых. Того же лета государь Василей Иванович повеле собрати с уезду Еренсково и с Перми Великие ратные люди по сорока осьми с обоих и итти им к Москве. Вычегжаны, и вымичаны, и сысолены, и удорены ратные пошли, а Великие Перми ратные люди, позабыв крестное целованье на Василье, задалися за вора, ратного голову побили и вспять на Чердыню.

1607 г. Лета 7115 объявился другая вор самозванный Дмитрий, а боляре изменники да литовские люди норовили тому вору, крест целовати, служити ему. Того же лета преставися владыко вологоцкой и пермской Иоасаф, а по нем поставлен в епискупы владыко Сильвестр.

1608 г. Лета 7116 повеле государь Василей собрати с уезду Еренсково и с Великие Перми людей ратных семидесяти и итти им к Москве, а опосля повеле им в сибирские места на югорцев

и вогуличей, по тому Анна Игичея с детьми измену норовила супротив русаков и пермяков. Того же лета на Вымь Еренскую прислан воеводою Василей Якович Ларионов. Того же лета посланы ратные люди с вычегжан, вымич и сысолочь 60 на Соли Галичские на русских воров и литовских людей. Того же лета дозорили уезду Еренскова сошки Василей Ларионов да подъячей Ондрей Горохов, а Ленскую поместную сошку от Анны Игичея отписали на черные земли.

1609 г. Лета 7117 повелением государя Василея Ивановича с уезду Еренсково посланы люди ратные в Костромской уезд 66 человек, а с ними ратной голова Ивашко Григорьев вымитин. Того же лета шли люди ратные каргопольцы, устюжаны, вычегжаны, вымичи, сысолочи по Еранск и другие города Вятские от русских воров и литовских людей обороняти, а Великие Перми воевода своим нерадением и лукавством не присылывал своих ратных вятские города обороняти.

1610 г. Лета 7118 с уезду Еренсково велено взяти 60 ратных людей к Вологде в полки князя Скопина-Шуйсково. Того же лета бояре свели с государева престола князя великово Василея, а на место того Василья в государи Владислав литовские земли царевич поставлен бысть. Многия посады и уезды земли русские тому Владиславу креста не целовали и пошла с тово смута великая.

1611 г. Лета 7119 повелением князя Дмитрея Пожарского да Прокопья Ляпунова присланы с вычеггоцкие пермские мест на Ярославль ратные люди 50 человек, а с Великие Перми пятьдесят-ж.

1612 г. Лета 7120 вогуличи пельнские и лозвинские и вишерские помышляли измену супротив русские земли, пермские места пограбити. И шедшу на Пельнь люди ратные вычегжаны, чердынцы с воеводою верхотурским, вогульских зачинных смутьянов перемали и перевешали. Того же лета пришла весть от Москвы от князи Дмитрия Пожарсково да Дмитрия Трубецкова: литовских людей пана Коткевича побили под Москвой, посекли без щисла, а Коткевич тот с великим посрамлением и страхованием к Литве утекл.

1613 г. Лета 7121 венчан бысть на царство всея земли русские Михайло Федорович из роду бояр Романовых. Того же лета зиму сидели в осаде страхованием великим от слухов, а слухи те русские вору и литовские люди зло имут на города поморские. На крещеньееде неделе приступил к Вычегодские Соли с воровскими людьми литовский ватаман Якуп Яцкий с три тыщи человек. Посацкие с Усоля с жоны и с детьми сокрылись в лесу и посад обороняти остался чорный поп Левонтей да с ними 198 посацких. Левонтей с товарищи ратоборствовал отчаянно, многие супостаты порубил. Вору литовецкие посад весь пожгли, храмы святей пограбили и людей посекли до единова. Строганов со своими люди седел в острожке своем, а посацким супротив воров помощи не дал. Воевода Еренсково городка прислал усольцов

пособляти шестьдесят ратных, а те дошедшу до речки Белоя за двадцать верст до Вычегодские Соли, узрев от посада дым до небес, вшедшу спать. Того же лета на епискупню вологоцкую и пермскую заступил владыко Протасей.

1614 г. Лета 7122 на Вымь на Еренский городок воеводою поставлен Сиверга Иванович Палицын. Того же лета государь князь великий Михайло Федорович всея Руси повеле от московской окраины осадным ратным людям с городов и уездов и с государевых и дворцовых сел и черных волостей и со владычных и церковных со всех без выбора брати хлебные запасы. А тое стрелецким людям хлебной оклад по сто четей с сохи, а денгами по 250 рублей с сохи-ж. Вычегжаны, и вымичи, и сысолечи, и удорены тот оклад не взяли, задалися сильны, и воеводу Сивергу не послушались, рвали приказным бороду, приставов и сборщиков побили, обляяли: пошто де с нашево уезду Вымскова с малые сошки по сто четей, а иныи уезды разметываются с большие сохи по сто-ж. По тому в тое лето стрелецкие кормы не сбирали ничево, а на лето на другою стрелецкие верстали с большие сохи московские. А мировые воеводе Сиверге несли за бороду трицеть рублей, а подъячему двадцать. Того же лета от Миколы вешнево до Миколы зимнево сидели страхованием и бережением от литовских людей и русских воров. Ватамана Лисовского люди в тое лето пограбиша Колмогоры, и Вельск, и к Устюгу приступиша, но устюжана отбилися.

1615 г. Лета 7123 повеле государь князь великий Михайло Федорович всея Руси с Еренскова посаду и со всево уезду пермские места збирати на ратных людей помощи кто может от живота своево и с гостей и с торговых и с черных со всяких людей промыслу: на 100 рублей взять пятую денгу, а с 10 рублей по рублю, а с дворцовых и черных волостей и со владычных и с монастырских с сохи по 120 рублей. А те пятинные и десятинные запросные денги собирать почали ежелет. Того лета на воеводство на Вымь Еренскую заступил Микифор Засецкий, а замену ему прислан Алексей Федорович Поленов.

1616 г. Лета 7124 в воеводстве на Выми Еренском седел Петр Андреевич Хилков.

1617 г. Лета 7125 на вологоцкую и пермскую епархия поставлен владыко Макарий.

1618 г. Лета 7126 заратися на землю русскую царевич Владислав с литовскими людми и русские воры, а воевода царевича Лисовский шол поморские посады и уезды грабити, к Вологде приступал, и Каргополь и Колмогоры пограбил. Вычегжаны и вымичи и сысолены уездные люди того лета бысть бережением от воровских людей, божиею милостию Вычегоцкие места уберглись от супостатов.

1619 г. Лета 7127 на воеводство Выми Еренские прислан Яков Офонасиевич Демянов. Того же лета государь великий князь всея Руси Михайло Федорович прислал вычегжаном, вымичем, сысо-

lichem и удореном грамоту: на Обь Великую и на Мангазею морем не ходити и не посылати, а ходити торговым людям по дорогам и заставам заповедным.

Счинил сее летоповествование устьвымские архангельские пустыни строитель чорный поп Мисаил, а помре Мисаил по нем писал устьвымский, благовещенский поп Евтихей до лета сто двадцать седмова, и владыко Макарий вологоцкий великопермский писати не велел малым попам и причтовым людям ни по что. Аминь¹.

¹ В конце рукописной книги, после летописи, сделана приписка переписчика А. Шергина, снявшего копии с вышеозначенных документов: «По просьбе старосты Оквадской введенской церкви Андроника Тусова с подлинных снял копии вологодский семинарист А. Шергин. По указу преосвященного Евгения Вологодского подлинныя велено отослать в архиерейский дом на Вологду. Июня 13 дня 1813 года». Ниже приписка А. Шергина вставлена вторая приписка, сделанная благочинным устьвымской церкви, следующего содержания: «Сия старинная рукописная книга приобретена за 5 рублей от местного крестьянина Степана Дьяконова для хранения в Благовещенской церкви. 1 марта 1915 года. Благочинный Кириллов». Рукой того же Кириллова поставлен на титульном листе общий заголовок для рукописи: «Старинная летопись устьвымской Архангельской и Благовещенской церкви и царские грамоты». Кроме того на второй странице обложки книги сделаны еще две надписи: «Оквадского погоста экономический крестьянин Семен Баженов» и «Устьвымского погоста Ибской волости экономический крестьянин Михайло Попов, прозванием Пузин».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Л. И. Сурина. Механизация сельского хозяйства Коми АССР в годы второй и третьей пятилеток (1933—1940 гг.)	3
В. Н. Давыдов. Классовая борьба в Коми крае в годы первой русской буржуазно-демократической революции (1905—1907 гг.)	27
Д. Д. Балueva. Из истории земельных отношений в Коми крае в XVIII веке	53
Л. Н. Жеребцов. Борьба крестьянства Удорской волости против усиления феодальной эксплуатации в XVII веке	75
Л. Н. Жеребцов и Л. П. Лашук. Старая Вишера	83
Ф. В. Плесовский. О взаимоотношениях между коми и русскими по историческим и фольклорным памятникам	129
Ф. В. Плесовский. Устно-поэтическое творчество коми народа	145
А. К. Микушев. В. А. Савин и народная песня	177
Б. А. Серебренников. Заметки по истории коми языка	189
Е. С. Гуляев. Функции исходного падежа в коми языке	197
З. И. Кузнецова. Обзор памятников коми письменности XVIII века	213
Приложение. Документы по истории коми	241

Академия наук СССР

Коми филиал

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

вып. 4

на русском языке

Редактор *Л. Н. Жеребцов.*

Техн. редактор *И. И. Оплеснин.*

Сдано в набор 30/XI-1957 г. Подп. к печати 6/VI-58 г. Формат 60×92¹/₁₆=8,5 бум. лист. 17 печ. лист. (Уч.-изд. л. 17,4). Ц00977. Тираж 1000 экз. Заказ № 3164. Коми книжное издательство. Дом печати. Цена 8 руб.

г. Сыктывкар, Республиканская типография Полиграфиздата Министерства культуры Коми АССР